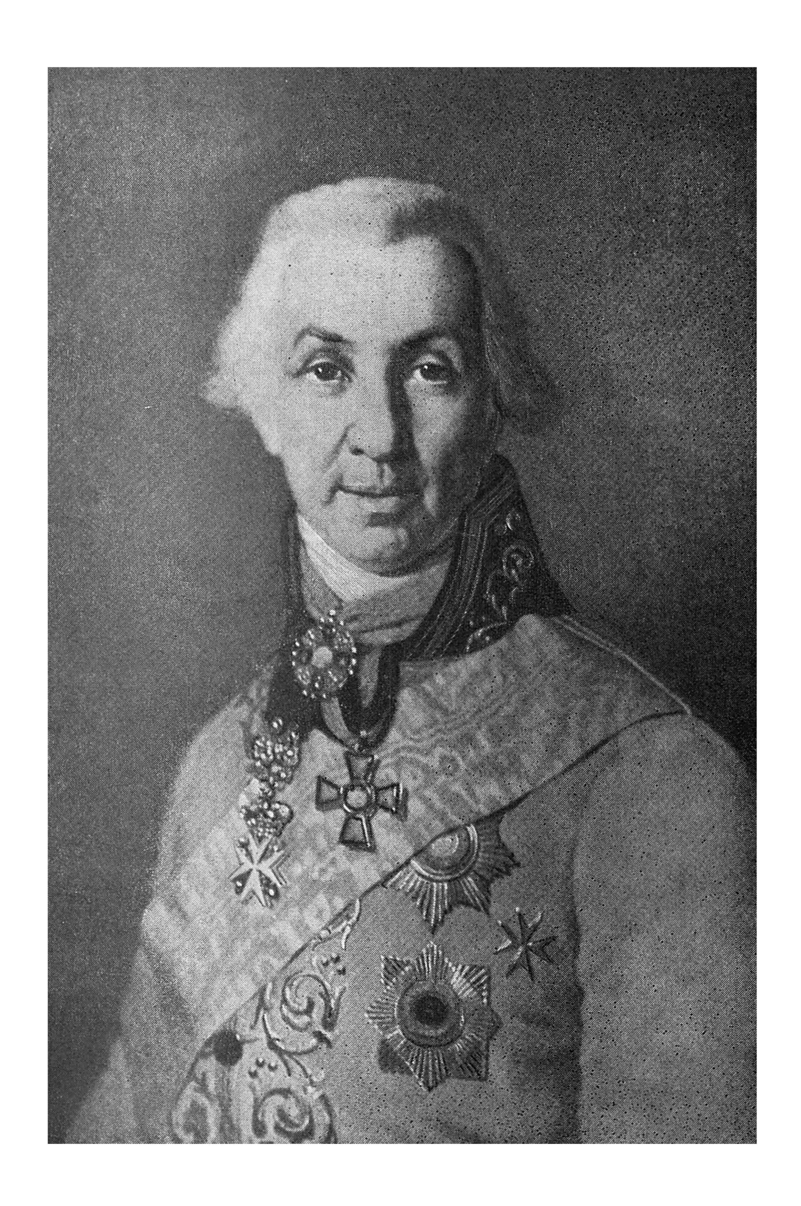

Г. Р.
ДЕРЖАВИН
Избранная
проза

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Избранная проза

Москва
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1984

Р1
Д36

Составление, вступительная статья
и примечания П. Г. Паламарчука

Художник И. С. Клейнард

Д $\frac{4702010100-353}{М-105(03)84}$ 84—84

СЛОВО И ДЕЛО ДЕРЖАВИНА

Прозаические произведения, подводящие итоги жизненного и творческого опыта, создавались Державиным в решающий для XIX века 1812 год (или вокруг него),— поэтому вдвойне знаменательно, что первое массовое их издание выходит в свет в преддверии 175-летнего юбилея Отечественной войны, который будет отмечаться всенародно. Они представляют собой чрезвычайно разностороннее и выразительное изображение эпохи, когда закладывались основы победы России, запечатленное одним из выдающихся ее деятелей.

Перед нами лучшие образцы державинской торжественной речи, воспоминаний, примечаний к собственным стихотворениям, обобщения теории поэзии и «любомудрия», хотя «прозы» в узком смысле — романов, повестей, рассказов — он не писал вовсе.

Однажды, в предвидении вопросов потомков, он занес в письмо гр. Д. И. Хвостову четверостишие, разумея в нем в третьем лице себя:

Кто вел его на Геликон
И управлял его шаги?
Не школ витийственных содом,—
Природа, нужда и враги!

И тут же добавил: «Объяснение четырех сих строк составит историю моего стихотворства, причины онаго и необходимость». Действительно, в этих кратких стихах и в прозаическом к ним примечании отразились, будто в зеркале,— одном из его излюбленных образов-символов — и творчество, и сама судьба поэта.

Россия была его державой самым непосредственным образом (недаром в одной из поздних трагедий выводятся родоначальники Держави-

ных боярин-пустынник Багрим и сын его «отрок Держава», укрывающие у себя великого князя московского Василия Темного). В единении с ней, с ее природной словесностью он и есть на самом деле «един Державин».

Державин и в старости настойчиво изучал русские древности, верным поэтическим чутьем слыша в них родственный себе дух. Эту подлинную укорененность его почувствовал Гоголь. Недаром именно в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь задается в первую очередь загадкой Державина: «Недоумевает ум решить, откуда взялся в нем этот гиперболический размах его речи»,— и дает сначала краткое предположение ответа: «Остаток ли это нашего сказочного русского богатырства, которое... носится до сих пор над нашею землею, прообразуя что-то высшее, нас ожидающее...» Затем он развивает его полнее: «...постоянным предметом его мыслей, более всего его занимавшим, было — начертить образ какого-то крепкого мужа, закаленного в деле жизни, готового на битву не с одним каким-нибудь временем, но со всеми веками; изобразить его таким, каким он должен был изникнуть, по его мнению, из крепких начал нашей русской породы, воспитавшись на непотрясаемом камне...» Наконец, перед завершением статьи Гоголь вновь возвращается к выведенному им образу государственного мужа и высказывает чрезвычайно важную мысль о его происхождении: «Это стремление Державина начертать образ непреклонного, твердого мужа в каком-то библейско-исполинском величии не было стремленьем произвольным: начало ему он услышал в нашем народе. Широкие черты человека величавого носятся и слышатся по всей русской земле так сильно, что даже чужеземцы, заглянувшие вовнутрь России, ими поражаются еще прежде, чем успевают узнать нравы и обычаи земли нашей» (тут Гоголь имеет в виду в первую голову только что появившуюся «растворенную ненавистью к нам» книгу маркиза Астольфа де Кюстина).

С легкой руки Гоголя вошла в обиход и история о том, как на державинские строки: «За слова — меня пусть гложет,/За дела — сатирик чтит»,— Пушкин заметил: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела». Высказывание это породило доныне не затихшие споры; но даже меньшинство, вступившееся за Державина, подобно П. А. Вяземскому, безнадежно путалось в самой постановке вопроса. Всех спорщиков XIX века сбивало с толку мнимое противопоставление слов и дел: это была пора образования многочисленного сословия литераторов-профессионалов, посвятивших себя исключительно словесному творчеству, которым казалось, что высказывание старого поэта принижает достоинство членов их цеха. Между тем сам Державин навряд ли озадачен был этим выбором.

Вопрос этот в последнее время стал предметом особого исследования И. Ю. Фоменко, пришедшей в итоге изучения его к следующему выводу:

«Своеобразие позиции Державина состояло, видимо, в том, что он не принижал творчество до службы, но рассматривал оба этих рода деятельности как сферу высокого творческого вдохновения»[1].

Прозу Державина нельзя рассматривать попросту как прозаические опыты стихотворца. Вовсе не жанровые деления или взаимоотношения внутри целого наиболее драгоценны для нас в творческом наследии «певца Фелицы»,— но само это целое, «един Державин» во всем многообразии проявлений его природного гения.

Четверть века положивший на собирание, издание и комментирование с исчерпывающей полнотой творений Гавриила Романовича академик Я. К. Грот пришел в итоге изучения их к такому заключению: «Немного было русских людей, которые бы в такой мере, как он, умели соединить литературную деятельность с общественной и служебной. Чтобы убедиться в том, стоит хоть слегка пробежать семь томов его сочинений, из которых последний, содержащий его труды в прозе, мог бы разрастись в несколько таких же объемистых книг, если б мы не ограничились в нем строгим выбором из всего им написанного речью. Ту же разборчивость соблюдали мы, впрочем, и при печатании его переписки и неизданных, особенно драматических, сочинений и переводов. И все это писалось посреди столь же кипучей практической деятельности, среди исполнения должностных обязанностей и поручений службы на разных поприщах. И между тем рукописи его, исчерченные поправками, показывают, что он не легко удовлетворялся тем, что выливалось из-под пера его, что он не только в стихах, но и в прозе часто возвращался к первым наброскам своим, изменял, а иногда и совершенно переделывал по нескольку раз то, что писал. Вместе с тем он много читал: из самих сочинений и собственных его объяснений к ним можно видеть, сколько произведений древней и новой литературы, отчасти весьма обширных, было ему известно, и как хорошо он помнил прочитанное». Окончательное суждение Грота еще точнее определяет связь различных областей деятельности Державина: «В ряду русских людей всех веков он всегда останется знаменитым историческим лицом. По силе и самобытности таланта он был, конечно, первым русским поэтом XVIII столетия и одним из самых крупных представителей поэзии во все времена и у всех народов. Кроме того, он играл заметную роль в администрации и общественной жизни; имя его тесно связано со многими памятными событиями второй половины прошлого и начала нынешнего века».

Не следует забывать, что именно Державин первым представил успехи российской словесности другим народам: мировое значение его засвидетельствовано многочисленными переводами. Так, великолепная

---

[1] Фоменко И. Ю. Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя.— XVIII век. Сборник 14. Русская литература XVIII — нач. XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983, с. 152.

ода «Бог» перелагалась еще при жизни автора не только практически на все европейские, но даже и на древние — как древнегреческий[1], а также на восточные языки, и нередко по нескольку раз. Долго бытовавшее предание, что написанный золотыми буквами по-китайски текст ее висит в покоях у богдыхана, представляет образец того, какой сказочно огромной казалась слава Державина. Уже Н. А. Полевой, а вслед за ним и Белинский, стремясь подходить к литературным репутациям более трезво, называли эту красочную легенду «нелепой сказкой», однако действительность оказала предпочтение именно преданию, а не логике. И, Кокорев[2], а потом и другие исследователи все-таки обнаружили его источник в «Записках» адмирала В. М. Головнина[3], где на самом деле повествуется о том, что пленный Головнин читал вначале хозяину — только не китайцу, а японцу — наизусть эту оду, затем по его просьбе она была переведена, написана «кистью на длинном куске белого атласа» и отправлена к японскому императору, чтобы быть «выставленной на стене в его чертогах на подобие картины»...

На закате дней своих, но в зените славы поэт умер через пять дней после отмеченного в кругу семьи на Званке 73-летия; всего лишь четырьмя годами ранее оканчиваются публикуемые здесь «Записки» его о собственной жизни, освобождая нас от необходимости подробно излагать биографию. Вместо нее возникает возможность выйти несколько за пределы переиздаваемых текстов с тем, чтобы попытаться обосновать высказанное уже выше положение о том, что в «прозе» Державина наиболее замечательным представляется сейчас не собственно историческое или филологическое ее содержание, а целокупность авторского самовыражения, неповторимый, запечатлевшийся в ней исконно «державинский» дар.

Единственны в своем роде в первую очередь слог и дух Державина. «Сочинения его и со стороны языка заслуживают изучения, представляя замечательный момент в истории нашей литературной речи,— подчеркивал Грот.— Державин обращается с языком самовластно: он не боится ошибок против грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею в яркий и резкий образ, и действительно, таким способом он часто достигает своей цели вернее, чем если бы гонялся за безукоризненною чистотою речи, охлаждая тем полет своей пылкой фантазии. Его язык, при всей видимости своего своенравия, есть язык выразительный, сильный и пластический. Его слог мужествен и полон энергии». (Следует отметить, что это говорит весьма педантичный ученый, установивший как раз нормы русского правописания на многие десятилетия вперед.)

---

[1] См.: Мопагиос Д. С. «Бог», ода Державина. Краткий разбор и перевод на древнегреческий язык. Спб., 1879.

[2] См.: Кокорев И. О переводе оды «Бог» на японский язык.— Москвитянин, 1846, № 11–12, с 231 233

[3] См.: Записки о приключениях в плену у Японцев капитана Головнина, ч. III. Спб., 1816. с. 18.

Вот поэт шутливым слогом на славянский лад пишет некоему подопечному своему, сообщая вполне прозаическое предложение принять должность купеческого маклера в Моршанске: «Дондеже по неизглаголанной радости и сладости неизреченной время приидет, дондеже душа твоя яко елень на исходища водныя преселится и водворится со ангелами, не возжелаеши ли, муже благочестивый, переселиться к нам в страну пресветлаго полудня, идеже мразов, ни северных ветров, ни глада, ни хлада никогда не имамы... Архимагир страны сей благосклонен ти есть, готовит ти место, место злачно, место покойно, отнюдуже отбеже всякая болезнь и воздыхание, а именно в Тамбовской губернии при реце Цне находится некий новосозидаемый град Моршанск идеже с неких лет, а паче прошлый год стекалося из всего царства всероссийскаго великое множество купечества, купли ради хлебныя.— Богатство яко река лиется и обращается злата в торговле ежегодно около полутора миллионов рублей, велие сокровище! В сем граде нужен муж с твоими талантами, иже бы был сведущ в письмоводстве, в законах искусен и трудолюбив, в звание мытаря, а иначе сказуется, в должность купеческаго маклера... Обаче да не вознегодуешь, яко приглашаю тя быти маклером. Суета сует и всяческа суета в свете сем; но ты веси, яко мытарь и разбойник благую часть прияша, а фарисей и един из двоюнадесять апостол отщетишася».

В другом письме, к супругам Капнистам, «Гаврил, тамбовский губернатор» использует канву раёшного стиха — чета Державиных «здравия вам желают, и нарочного курьера в Кременчуг наведаться о здравье вашем отправляют, и о себе объявляют, что они очень весело и покойно поживают и всю петрозаводскую скуку позабывают, и вас к себе в гости приглашают, и бал для вас и пир сделать обещают... и разные промыслы иметь замышляют, и, окончав, тебя с твоею женою, с чады и домочадцы лобызают... и тебе усердными вечно пребывают и аминем письмо сие заключают».

В рапорте от того же 1786 года генерал-губернатору Гудовичу выразительность языка служит для защиты несчастных колодников: «При обозрении моем губернских тюрем в ужас меня привело гибельное состояние сих несчастных... Более 150 человек, а бывает, как сказывают, нередко и до 200, повержены и заперты без различия вин, пола и состояния в смердящия и опустившияся в землю, без света, без печей, избы, или, лучше сказать, скверные хлевы. Нары, подмощенныя от потолка не более 3/4 разстоянием, помещают сие число узников, следовательно согревает их одна только теснота, а освещает между собою одно осязание». Державин тотчас предпринимает меры к улучшению — под его руководством строится новое помещение для острожников, а сам он второй раз за сутки пишет Гудовичу, сообщая о любопытном примененном им способе воспитания нерадивых судейских: «Признаюсь я вашему высокопревосходительству, что господам уголовным судьям, между разговорами, приятель-

ски советовал я взять способ к скорейшему решению их распри и разноголосицы тот, чтоб они, хотя когда из любопытства, один раз заглянули в тюрьму и увидели, как страждут там люди». Поэт-губернатор уже тогда имел не только стихотворческую, но и служебную славу, которую выразил строкой про самого себя — «горяч и в правде чорт»; подопечные чиновники сообразили, что он может устроить им посещение острога не из одного любопытства,— так что письмо заканчивается удовлетворенным заключением: «После того шли дела сей палаты поспешнее».

А вот выразительнейший пример литературной не то что критики, а попросту головомойки тому же Капнисту: «Скажу откровенно мои мысли о твоих стихах: ежели они у вас в Малороссии хороши, то у нас в России весьма плоховаты... Нет ни правильного языка, ни просодии, следовательно и чистоты. Читая их, должно бормотать по-тарабарски и разногласица в музыке дерет уши. Мысли низки... Изображения смешны и отвратительны, как то, что на туловище одной богине голову приставляешь другой, и с поясом лезешь под подол к той героине, которую сам хвалишь... Шутки не забавны, а язвительны; ибо кто помазан лишь Музами по усам, тот не имеет дарования; а равно чьи важныя сто-тридцать повелений и тенями приняты со смехом, тот дурак». Небезынтересно, что эта отповедь отправлена не в запальчивости: письмо переписано писцом и затем еще дополнено автором.

Мало известно, но весьма любопытно, что для многих стихотворений Державин вначале составлял подробнейшую прозаическую программу, от которой, впрочем, впоследствии при воплощении ее мог отступить довольно далеко. Чрезвычайно показателен в этом отношении зачин подтекстовки «Видения Мурзы»: «Льстецами я почитаю тех, которые, например, в снах, хотя похвалить какую-нибудь выдуманную Царь-девицу, какую-либо царевну Прекрасу и не имея ничего сказать славнаго к похвале их, машут своими волшебными ширинками (здесь в смысле: платками.— *П. П.*) и стаскивают, наместо добродетелей, человеколюбия и ума, в их палаты солнце, луну и звезды, и когда уже все приберут к ним масть к масти, что только можно, и видят недостаток в истинах, которыя трогают сердце, то говорят, что у них сквозь сорочки тело видно и как из косточки в косточку мозжечек переливается» (в самой оде данное вступление в конце концов не было использовано).

Два небольших отрывка из включенных в настоящую книгу «Записок» Державина о его жизни, наиболее наглядно представляющих изобразительные приемы их автора. Вот он, рассказывая о себе, как обычно, в третьем лице и вовсе не обольщаясь насчет собственного прошлого, вспоминает, как прибыл в Москву на коронацию Екатерины II в неуклюжей, введенной еще Петром III иноземной форме: «...будучи в мундире Преображенском, на голстинский манер кургузом, с золотыми петлицами,

с желтым камзолом и таковыми же штанами сделанном, с прусскою претолстою косою, дугою выгнутою, и пуклями как грибы подле ушей торчащими, из густой сальной помады слепленными, щеголял пред московскими жителями, которым такой необыкновенный или, лучше, странный наряд казался весьма чудесным, так что обращал на себя глаза глупых».

Стоя в последующие годы непосредственно подле трона трех императоров, Державин неизменно сохранял свой пламенный нрав. Вскоре по воцарении Павла, когда «во дворце прияло все другой вид, загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом»,— назначенный из благосклонности «правителем» в Совет сенатор-поэт отнесся к новой должности с обычным «доточным» тщанием и сначала попросил, а потом и попросту потребовал от самодержца деловых указаний. В конце концов в ответ па такой натиск «...вспыхнул Император; глаза его как молньи засверкали, и он, отворя двери, во весь голос закричал стоящим пред кабинетом... *Слушайте: он почитает быть в Совете себя лишним,* а оборотясь к нему: *Поди назад в Сенат и сиди у меня там смирно, а не то я тебя проучу».* Державин как громом был поражен таковым царским гневом и в безпамятьи довольно громко сказал в зале стоящим: «Ждите, будет от этого царя толк»... Скоро после того услышал, что в Сенат прислан именной указ, в коем сказано, что он отсылается назад в сие правительство за дерзость, оказанную Государю; а кавалергардам дано повеление, чтоб его не впускать во время собрания в кавалерскую залу.

Таковое посрамление узнав, родственники собрались к нему и, с женою вместе осыпав его со всех сторон журьбою, что он бранится с царями и не может ни с кем ужиться, принудили его искать средств преклонить на милость монарха». Прежние связи не помогли, и выручило опять стихотворство; Державина простили, послав в ответственную командировку в Белоруссию, но при этом Павел велел генерал-прокурору Обольянинову передать ему свой отзыв: «Он горяч, да и я, то мы опять поссоримся; а пусть чрез тебя доклады его ко мне идут».

В значительном по объему драматургическом наследии Державина подавляющее большинство произведений посвящено русской истории и современности. Наряду с трагедиями весьма показательны в отношении языка и знания подробностей народного быта комические оперы — «Дурочка умнее умных» и «Рудокопы»; в первой из них гвардии сержант Богдан Любимыч Фуфыркин напоминает самого автора в молодости, а действия пролазов воеводы Хапкина и подьячего Проныркина (с отчеством «Вор-фоломеевич») повторяют проделку с тем же разбойником Черняем, которая подробно изложена в «Записках» и на самом деле имела место, но только не под Казанью, а в Москве. Речь в «Дурочке» и «Рудокопах» пересыпана простонародными присловьями, поговорками, загадками, а также словами из местных говоров, над объяснениями

которых Гроту пришлось немало потрудиться, используя не только различные словари, но и собственный опыт языковедения.

Конечно, не везде слог державинской прозы прост, иногда приходится при чтении понуждать свое внимание перестроиться на иной лад, а порою и вглядеться, вслушаться в слово, чтобы отыскать в нем корень и особый, утратившийся ныне смысл. Однако подобная работа благодарна, и не следует считать, что необходимость в ней вызвана во всех случаях «устарелым» слогом автора. Как это ни удивительно, подобные трудности возникали уже у современников и даже предшественников Державина при изучении произведений русской литературы предшествующих столетий, и всегда наилучшим подходом оказывалось стремление найти свою с ними связь, увидеть в старинных речениях кровных предков новой речи. Два века назад это замечательно выразил Сумароков:

Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем,
Которы мы с тобой не Русскими зовем;
Он тот же, а когда б он был иной, как мыслишь,
Лишь только от того, что ты его не смыслишь;
Так что ж осталось бы при Русском языке?
От правды мысль твоя гораздо вдалеке.

Глубинную народность Державина особо выделял Грот: «Мы не можем не видеть в нем в высшей степени замечательного коренного русского по воспитанию, быту, уму и праву. Несмотря на раннее, случайное знакомство его с немецким языком (Грот сам был по происхождению немец.— *П. П.*), ни его молодость, ни дальнейшая жизнь не могли привить к нему ничего иностранного».

К столетию со дня смерти поэта вышла интересная работа Н. К. Вальденберг (Петровой) «Державин. 1816—1916. Опыт характеристики его миросозерцания», в которой впервые была сделана попытка дать общую картину державинской мысли. Остановившись на взаимоотношениях Державина с современниками, его борьбе с нуждой, врагами, народными бедствиями и даже самой своей эпохой — там, где он считал дух ее противоречащим совести,— Н. К. Петрова переходит к положительным идеалам, которые кратко определяет следующим образом: «Две мысли лежат в основе всего миросозерцания Державина: мысль о привлекательности светлых сторон жизни и сознание суетности земных благ. Но для полноты характеристики взглядов Державина к этим двум мыслям необходимо присоединить еще твердую уверенность в существовании... вечной правды».

Суждение исследовательницы можно, наверное, оспорить в какой-то части, но несомненно одно — не только стихи, но и сама личность Державина продолжают возбуждать любопытство и споры, доказывающие в первую очередь то, что ей на деле удалось подняться над временем. Доводы противников несутся в прошлое и будущее, пробивая навылет историчес-

кие перегородки. «Не все ли равно,— задиристо спрашивает критик из своего XIX предыдущее столетие,— голубоперая щука или щука с голубым пером?» (имеется в виду замечательное сравнение в «Жизни Званской») — «Конечно, второе, крикнули бы мы,— отвечает писатель XX в.,— так оно выделяется лучше, в профиль!»[1]

В свою пору Державин умел сам беседовать с зоилами с поистине державной уверенностью. Одного подписавшегося «Невеждой» недоброхота, который напустился на оду «Фелица», он на сомнение в том, можно ли «нежить чувства» (по поводу строки «Младой девицы чувства нежа»), не обинуясь, дарит следующим советом: «Ежели нет у господина Невежды прекрасной женщины, которая бы приятными своими объятиями нежила его осязание; то не благоволит ли он приказать себя кому хорошенько ожечь или высечь. Когда сие ему сделает хотя небольшую боль, то вероятнее всех ученых доказательств, из собственного своего опыта познает он, что оскорблять чувства, следовательно и нежить можно». А в возмездие за выраженное «Невеждою» в конце его попреков притворное сожаление о том, что он-де прервал удовольствие и разбудил автора, «покоющегося сладким сном, приклоня главу свою на венки, сплетенныя ему похвалою»,— поэт запросто дает лицемеру выразительную «нахлобучку»: «Впрочем не коротко зная сочинителя, напрасно господин Невежда сожалеет и заботится о том, что якобы сделал ему какую-то скуку возбуждением его от сна похвал поднесенною своею свечею: ибо свеча ево, как кажется, худо просвещает, а сочинитель человек сырой, спит всегда крепко и мало слушает похвал; то и не огорчается, если кто и вздумает пресекать оныя. Ежели ж кто ево и разбудит недельно; то он без всякаго однако сердца открывается: поди братец вон с своими пустяками от меня прочь и не мешай мне спать».

После смерти автора, однако, произведениям его пришлось не раз выдержать превратности перемен в литературных вкусах; следует признать, что самое трудное это испытание — проверку временем — они выдержали с достоинством, хотя их нередко чересчур прямолинейно связывали с отдельными, вынутыми из связного контекста эпизодами державинской биографии.

В примечаниях к своей «Истории пугачевского бунта», в которой неоднократно упомянут Державин, Пушкин высказал особое сожаление о том, что «Записки» Гавриила Романовича еще не изданы. Несколько ранее, в 1825 году, он пишет А. А. Бестужеву, опубликовавшему статью «Взгляд на русскую словесность», послание. На бестужевское вопрошание: «Отчего у нас нет гениев и мало талантов?» — он отвечает: «Во-первых, у нас есть Державин... Так! мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними

[1] Об истории этого эпитета см.: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. Спб., 1866, с. 56.

отличается, что не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищенье
Пророча, я тебя хвалил:
Смотри, я рек, триумф минуту,
А добродетель век живет».

В те же годы, переиздавая во втором томе своего «Собрания сочинений и переводов» известную работу «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка», младший современник и сотрудник Державина адмирал А. С. Шишков сделал к ней новое примечание, с которым и сегодня во многом можно согласиться. Укоряя торопливых критиков, напустившихся на Сумарокова, он писал: «Стихотворец сей, столько в свое время прославляемый, сколько ныне презираемый, показывает, что достоинство писателей часто оценивается не умом, но молвою. Ежели тогда превозносим он был несправедливо, то ныне еще несправедливее осуждается. Тогда, обращая внимание на многое хорошее в нем, извиняли его погрешности, молчали об них; а ныне совсем не читая его и не зная ни красот, ни худостей, твердят, по наслышке один от другого, что он никуда не годится. То ж, благодаря вводимому журналистами новейшему вкусу, начинает распространяться и на других: Феофаны, Кантемиры давно уже не читаются; Херасковы, Петровы и сам Ломоносов ветшают, никто в них не заглядывает; за ними чрез несколько времени последуют Державины и другие: таким образом и вкус наш будет вертящееся колесо, в котором одна восходящая наверх спица давит и свергает на низ другую (здесь Шишков удачно воспользовался излюбленным державинским образом: ср. в стихотворении «Облако»: «Подобен мир сей колесу./Се спица вниз и вверх вратится...»; в «Жизни Званской»: «Не зря на колесо веселых, мрачных дней,/ На возвышение, на пониженье счастья...» — *П. П.)*. Не знаю, может ли такой вкус быть основателен, тверд, прочен, согласен с здравым рассудком и полезен для языка».

Когда же в 1859 году «Записки» поэта впервые увидели свет, а затем на протяжении всего дюжины лет были трижды переизданы с основательнейшими примечаниями, это вызвало в тогдашней критике целую бурю, поднятую нашедшими в них удобный повод для споров и выражения собственного мировоззрения направлениями общественной мысли[1]. Но подвести ее итог спустя столетие лучше всего можно, пожалуй, вновь воспользовавшись строками самого Державина:

Заслуги в гробе созревают,
Герои в вечности сияют...

---

[1] Подробнее об этом см.: Западов В. А. Текстология и идеология.— Проблемы изучения русской литературы XVIII в., вып. 4. Л., 1980, с. 117.

«Записки», по общему мнению современных исследователей, представляют собой один из выдающихся литературных памятников эпохи, и ни один ученый, изучающий ее, не может ныне пройти мимо них — в защите они не нуждаются, напротив, цитаты из державинских воспоминаний передко служат в качестве самых достоверных свидетельств.

Когда-то П. А. Вяземский, пробуя метафорически определить необычайное своеобразие Державина, создал такой символ. Большинство писателей, сказал он, «более или менее сбиваются друг на друга. Они соединены общественными и международными сношениями и условиями, породнились взаимными, порубежными переселениями». В отличие от них Державин представлялся ему не «жителем общего всем поэтам поэтического материка», а царственным главой «какого-то неприступного острова, отделенного от остального мира океаном собственной, ему одному принадлежащей поэзии». Та же присущая Державину черта единства и единственности определяла и его взгляды на искусство. Было время, когда его художественные воззрения, лучше всего выраженные во включенном в настоящий том «Рассуждении о лирической поэзии...», недооценивались; но ныне и эта невзгода миновала. Советская исследовательница эстетики XVIII века Л. И. Кулакова подчеркивает: «Надо признать: традиционные представления разрушались Державиным в области теории почти с той же силой, как и в его удивительной поэзии... Не только в лирике, но и в теоретических исканиях Державин приближался к той трактовке народности, которая была сформулирована лишь Пушкиным в 1826 г., после «Бориса Годунова». Эти искания, по мнению Л. И. Кулаковой, «объединены мыслью о необходимости верного отражения в искусстве национального характера определенной эпохи»[1].

Специалисты до сих пор не сошлись во взглядах, классицистом или преромантиком был в своей художественной теории и практике Державин. Для нас, однако, представляется важным подчеркнуть сейчас другое. Известно, что при создании «Рассуждения» поэт пользовался многими руководствами и источниками; в особенности ему пришлось по душе эстетическое учение основателя французской философии искусства аббата Шарля Баттё. Заимствование, переложение и свободное дополнение своих мыслей чужими не осуждалось еще в ту пору, когда общение внутри культуры предпочиталось резкой отгороженности одного «автора» от другого. Современники даже упрекали Державина за то, что он слишком часто отходил от принятого за основу руководства и давал свои, совершенно новые положения. Наиболее яркое из таких полностью державинских «отклонений» нам и представляется уместным привести в заключение. Это замечательное определение, даже, скорее, прямое

[1] Кулакова Л. И. О спорных вопросах в эстетике Державина.— XVIII век. Сборник 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — нач. XIX в. Л., 1969, с. 25—41; см. также: Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в. Л., 1968, с. 158—180.

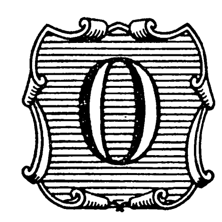
описание того, что собою представляет вдохновение,— полученное из первых рук, от одного из самых возвышенных и мощных русских поэтов. Вот оно: «Вдохновение не что иное есть, как живое ощущение, дар Неба, луч Божества. Поэт, в полном упоении чувств своих разгораяся свышним оным пламенем или, простее сказать, воображением, приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце. Не разгорячась и не чувствуя себя восхищенным, и приниматься он за лиру не должен. Вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта, как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободрением, поддерживается окружными видами, согласными с страстью, которая его трогает, и обнаруживается впечатлением, или излиянием мыслей о той страсти, или ея предметах, которые воспеваются. В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного разсуждения; оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений. От того-то в превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и приятность в себе имеющее... Поистине, вдохновение есть один источник всех... лирических принадлежностей, душа всех... красот и достоинств: все, все и самое сладкогласие от него происходит,— даже вкус, хотя дает ему дружеские свои советы, и он от него принимает их, но не прежде, как тогда уже, когда успокоится; а во время пылкаго его парения едва только издали смеет приближаться к нему и надзирать за ним. Если поэт за первым без всякаго разсуждения быстро последует, а за вторым не торопясь, с благоразумием, и за справою уже сего последняго, а не прежде, выдает в свет свои сочинения: то без всякаго сомнения рано или поздно получает плески; чувствуй, и будут чувствовать; проливай слезы, и будут плакать. От восклицания токмо сердца раздаются громы. Вдохновение, вдохновение, повторю, а не что иное наполняет душу лирика огнем небесным...»

Петр Паламарчук

Разсуждение о достоинстве государственнаго человека

ПОСЛЕДНЯЯ РЕДАКЦИЯ

добренное благосклонным вниманием почтенных посетителей разсуждение, читанное в 5 беседе нашей, о любви к отечеству, вдохнуло и в меня дерзновенную мысль покуситься на опыт такого же сочинения о достоинстве государственнаго человека, для того что он более других сограждан должен быть одушевлен, движим и руководствован сею благородною страстию. Он должен любовью к отечеству жить, вливать ее в своих подчиненных и быть примером в ней всему государству.

Но при первой черте сего моего покушения чувствую или предузнаю уже недостаток в моих способностях, а также и препону в свободном изъяснении моих мыслей. Не стыжусь в сем признаться, для того что поручаю себе внушать[1] единственно истине и чистосердечию. Недостаток мой исповедую в том, что я был воспитан в то время и в тех пределах Империи, когда и куды не проникало еще в полной мере просвещение наук не токмо на умы народа, но и на то состояние, к которому принадлежу. Нас научали тогда вере — без катихизиса; языкам — без грамматики; числам и измерению — без доказательств; музыке — без нот, и тому подобное. Книг, кроме духовных, почти никаких не читал, откуда бы можно было почерпнуть глубокия и обширныя сведения царственнаго правления; а потому и не льщуся я удовлетворить блистательной теории нынешних политиков, ниже пленить слушателей убедительным

слова моего красноречием. В препятствие же себе предполагаю то, что быв сам правителем многих и немаловажных частей государственнаго строительства и находясь теперь простым гражданином, опасаюсь, чтоб не отнесено было чего похвального к моему, а наставительнаго или паче укоризненнаго к другим лицам. Я весьма сего не желаю. И по сим причинам, или лучше, по знанию враждебнаго света и шаткости сердца человеческаго надлежало бы мне тотчас остановить перо мое и не касаться нежных струн самолюбия; но поелику побуждает меня любовь к отечеству, чтоб сообщить ему нечто полезное; поелику живу я в такое благополучное и редкое время, когда дозволяется мыслить и что́ мыслим, говорить свободно, то и заменяю я недостаток моей теории опытами слишком сорокалетней службы, в которой, без всякой подпоры и покровительства, начав с звания рядоваго солдата и отправляя чрез двенадцать лет самыя нижния должности, дошел сам собою до самых высочайших; в разсуждении чего и думаю, что сказанное мною заслужит некоторое уважение. Касательно же неудобства откровенно говорить, всякий благоразумный разсудит, что закатившийся отблеск планеты не затемняет сияющих светил, и тень скончавшихся не пугает бодрственно живущих, как и никакая мечта не должна огорчать благоразумия. Но ежели бы и принял кто из сказаннаго мною нечто с некаким намерением, то поелику истины, разсеянныя в моих сочинениях, давно всем уже известны и с благоугодностию приняты моими соотечественниками, и потому не позволяю я себе мыслить, чтоб они и ныне в каком превратном смысле истолкованы были. Я здесь не скажу ничего новаго, но только то, что в продолжение сказанных лет в разных моих должностных занятиях, в частых, скорых и неожиданных переменах фортуны, по ревности моей к благу общему, заметить мог и на досуге, между отправлением дел и разсеянной жизнью, пламенными чертами поэзии успел бросить на бумагу; но теперь в спокойном положении, елико в силах, с пристойною обдумчивостию собрал все те искры в одну совокупность, и при старости моей по опытам составлю идеал или мысленный образ государственнаго человека. Не думаю, чтоб на меня кто за сие вознегодовал. Впрочем, ежели я дерзал говорить Екатерине, что она за всякую слезу и каплю крови народа ея пролитыя Всевышнему ответствовать должна; Павлу,— что правда лишь над вселенной царь; Александру,— чтоб был на троне человек, то не опа-

саюсь я никакой себе и ни от кого за истину неприятности. Я беседую с прямыми сынами отечества, и сердце всякаго из вас вступится за меня. Так, ежели величие души познается из небоязненных изречений правды, то коль несравненно суть те более, которые, внимая ее, не огорчаются. Сие великодушие, сия безсмертная слава в особенности принадлежит тем монархам, пред престолом которых имел я счастье предстоять.

Приступим к делу. Я хочу изобразить, для созерцания юношества, достойнаго государственнаго человека: Не того любимца монарха, который близок к его сердцу, обладает его склонностями, имеет редкий и завидный случай разливать его благодеяния, приобретая себе друзей, ежели их тем приобрести можно. Не того расторопнаго царедворца, который по званию своему лично обязан угождать государю, изыскивать для облегчения его тяжкаго сана приятное препровождение времени, увеселения, забавы, поддерживая порядок и великолепие двора его. Не того царского письмоводца, трудящагося таинственно во внутренних его чертогах, изливающаго в красивом слоге мысли его на бумагу. Нет; но того открытаго, обнародованного деловца, который удостоен заседать с ним в советах, иметь право непосредственно предлагать ему свои умозрения, того облеченнаго великою силою действовать его именем и отличеннаго блистательным, но вкупе и опасным преимуществом свидетельствовать, скреплять или утверждать его высочайшие указы своею подписью, отвечая за пользу их честью и жизнию. Словом, я хочу описать посредника между троном и народом, изъяснить достоинство государственнаго человека, министра или правителя, того, который бы был вседействующею душою царя Федора Иоанновича, или надежным орудием Петра Великаго. Вот его качества: он благочестив, издетства напоен страхом Божиим, яко началом всякой премудрости...

ДРУГАЯ РЕДАКЦИЯ

Если разсуждение о любви к отечеству, читанное в 5-ой беседе нашей, приобрело благосклонное внимание почтенных посетителей, то о достоинстве государственнаго человека иногда заслужит также уважение, когда дарования моего к объяснению онаго будет достаточно, ибо благородное чувство сие более прочих сограждан должно

одушевлять правителей царств. Так, любовь к отечеству, яко главное свойство великих душ, должна воспитывать боляр от самаго их рождения, руководствовать ими от самой юности во все течение их жизни, показываться им единственным предметом во всех их разсуждениях, во всех их действиях, дабы современем не чрез что другое, как чрез заслуги токмо явиться им образцами всему государству и быть наставниками, отцами их подчиненных. Но при самой сей верховной и необходимой добродетели разсмотрим, какия еще качества составлять могут государственнаго человека во всех его отношениях.

Быв воспитан в такое время и в таких отдаленных странах империи, когда и куда не проникало еще равное нынешнему просвещение, не токмо на низшия состояния, но и на то, к которому я принадлежал, не могу обещать какой-либо тонкой умозрительности новейших политиков. Ежели ж что скажу, то почерпнутое только из точной деятельности, и не стыжусь при первом шаге признаться в том, что учился я языкам без грамматики; исчислению и измерению без доказательств; разсуждению без логики; музыке без нот, рисованию и стихотворству без правил, и тому подобное. Книг народоправительных, да и никаких светских, кроме церковных, не читал, для того что их почти у нас и не было. Но в замену того, начав с самаго рядоваго солдата, более нежели через 40 лет преходил службу, исполняя на самом деле все возлагаемыя на меня даже простонародныя должности; дошел до самых вышних государственных чинов без происков, без подпор, без родства и покровительства, иногда вопреки сильных людей, а особливо сначала, по небогатому моему состоянию почти и без способов к содержанию. По твердости ли нрава, по правоте ли сердца, или по чему другому шел всегда к единой и той же цели, чтоб служить отечеству и государю. Свидетельствуюсь в сей истине сим почтенным собранием, пред очами котораго большую часть протек моего поприща. В сей-то академии нужд и терпения научился я и образовал себя. Видел, слышал, испытал многое, и при встрече разных обстоятельств и при разсмотрении разных дел, проник, сколько можно человеку, человека; осязал изгибы сердца и познал такия истины, каких без самовидения и в природе существующими быть бы сомневался. Все же сие, что почувствовал, что понял, возвышаясь и понижаясь в шумном отправлении пременных должностей, замечал я и соображал с прошедшим и настоящим, дабы исправить

мои погрешности и учинить себя елико можно способнейшим. Словом, я желал быть хотя тению того государственнаго человека, котораго я составлял себе идеал и в котораго достоинство облекало меня произволение трех монархов, или, справедливее сказать, божественное Провидение, которое держит в руке своей сердца царей и управляет вселенною. Но суетен человек в помышлениях своих, редко себя в настоящем времени, или совсем не знает.

Но как бы то ни было, приобученный таким образом, или устремленный в течение целой жизни к единой мете пылкий разум, хотя бы наконец и освободился от своих занятий, но и в спокойном своем пребывании трудно ему совершенно устранить себя от тех связей или помыслов, которые долговременно приводили его в движение и коими он в службе занимался. Сию-то самую цель понятий хочу я теперь сообщить моим соотечественникам, которую приобрел из опытов и утвердил в себе моим соображением, дабы чрез то кому угодно, елико можно, быть полезным или по крайности сколько-нибудь уверить надменных молодых людей в той истине, что самый превосходнейший дворянин подобен новому остеклованному крину[2], котораго с поверхностей только касалось благоухание и при дуновении ветра в минуту исчезло; а долговременный практик — тому старому брошенному горшку, который сквозь, внутрь и вне оным проникнут и в могиле коего черепья приятный издают запах.

Бывают такия положения, в которых человеку, как будто вышедшему из живущаго мира, позволяется говорить о себе самом. Разлуку с знатными местами можно уподобить тому могильному мраку, в коем прошедшая жизнь кажется сном, а преходящее остальное течение тому погасающему отблеску, который не отражая от себя ярких лучей, не вредит очам зависти...

ОТРЫВОК ИЗ ТРЕТЬЕЙ РЕДАКЦИИ

...По простоте сердца или по горячей вере, что всякая власть происходит от Бога и что Он все учреждает к лучшему, в прежния времена люди были равнодушны к мерам, которыя правительство принимало. Ныне всяк толкует об оных, и потому особы, к правлению определяемыя, сдела-

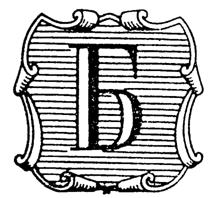
лись такими же позорищными лицедеями, которых всякий зритель есть судья. По сим причинам ныне править делами вдвое труднее или легче против прежняго. Труднее, думаю я, потому что более систем и умствования: надобно все знать, сообразить, согласить и пустить без ошибки в ход; легче потому, что по расширившемуся просвещению более способных людей, которые не только понимать, но даже отгадывать могут. Прикажи и исполнят. Итак надобно знать прежде ту неоспоримую истину...

Записки из известных всем произшествиев и подлинных дел, заключающия в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина

ОТДЕЛЕНИЕ I

С рождения его и воспитания по вступление в службу

ывший статс-секретарь при Императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при Императоре Павле член верховнаго совета и государственный казначей, а при Императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер, Гавриил Романович Державин родился в Казани от благородных родителей, в 1743 году июля 3 числа[1]. Отец его служил в армии и, получив от конскаго удару чахотку, переведен в оренбургские полки премиер-маиором; потом отставлен в 1754 году полковником. Мать его была из роду Козловых. Отец его имел за собою, по разделу с пятерыми братьями, крестьян только 10 душ, а мать 50. При всем сем недостатке были благонравные и добродетельные люди. Помянутый сын их был первым от их брака; в младенчестве был весьма мал, слаб и сух, так что, по тогдашнему в том краю непросвещению и обычаю народному, должно было его запекать в хлеб, дабы получил он сколько-нибудь живности. В том же году отец его по коммиссии командирован был к следствию купцов Корякиных в город Яранск.— Примечания достойно, что когда в 44 году явилась большая, весьма известная ученому свету комета, то при первом на нее воззрении младенец, указывая на нее перстом, первое слово выговорил: Бог![2] Родители с взаимною нежностию старались его воспитывать; однако же, когда в последующем году родился у него брат, то мать любила более

меньшаго, а отец старшаго, который на четвертом году уже умел читать. За неимением в тогдашнее время в том краю учителей, научен от церковников читать и писать. Мать, однако, имея более времени быть дома, когда отец отлучался по должностям своим на службу, старалась пристрастить к чтению книг духовных, поощряя к тому награждением игрушек и конфектов[3]. Старший был острее и расторопнее, а меньшой глубокомысленнее и медлительнее. В младенческие годы прожили они под непрестанным присмотром родителей несколько в сказанном городе Яранске, потом в Ставрополе, что близ Волги, а наконец в Оренбурге, где старший, при вступлении в отроческия лета, то есть по седьмому году, по тогдашним законам, явлен был на первый смотр губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву и отдан для научения немецкаго языка, за неимением там других учителей, сосланному за какую-то вину в каторжную работу, некоторому Иосифу Розе, у котораго дети лучших благородных людей, в Оренбурге при должностях находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставник, кроме того, что нравов развращенных, жесток, наказывал своих учеников самыми мучительными штрафами, о коих разсказывать здесь было бы отвратительно, был сам невежда, не знал даже грамматических правил, а для того и упражнял только детей твержением наизусть вокабол и разговоров, и списыванием оных, его Розы рукою прекрасно однако писанных. Чрез несколько лет, посредством таковаго учения, разумел уже здесь упомянутый питомец по-немецки читать, писать и говорить, и как имел чрезвычайную к наукам склонность, занимаясь между уроков денно и нощно рисованию, но как не имел не токмо учителей, но и хороших рисунков, то довольствовался изображением богатырей, каковые деревянной печати в Москве на Спасском мосту продаются, раскрашивая их чернилами, простою и жженою вохрою, так что все стены его комнаты были оными убиты и уклеены. В течении сего времени отец имел коммиссии быть при межевании некоторых владельческих земель, то от геодезиста, при нем находящагося, сын получил охоту к инженерству. Наконец, когда отец его в 754 году получил отставку, для которой ездил в Москву, в бытность в оной Государыни Императрицы Елисавет Петровны, то и сей любимый сын его был с ним, с намерением, чтоб записать его в кадетский корпус или в артиллерию; но как для того надобно было ехать в Петербург, а дела отца его,

которыя он должен был кончить в Москве, паче же недостаток, что издержался деньгами, ехать ему в сию новую столицу не дозволили, то возвратился он в деревню с намерением в будущем году непременно записать сына в помянутые места. Хотя ему и вызывались некоторыя особы в Москве принять его в гвардию; но он по недостатку своему на то не мог согласиться; однакоже, по приезде в деревню, в том же году в ноябре месяце скончался, и тем самым пресеклись желания отца и сына, чтоб быть последнему в таких командах, где бы чему-нибудь ему научиться можно было. И таким образом мать осталась с двумя сыновьями и с дочерью одного году в крайнем сиротстве и бедности; ибо, по бытности в службе, самомалейшия деревни, и те в разных губерниях по клочкам разбросанныя, будучи неустроенными, никакого доходу не приносили, что даже 15 р. долгу, после отца оставшаго, заплатить нечем было; притом соседи иные прикосновенныя к ним земли отняли, а другие, построив мельницы, остальные луга потопили. Должно было с ними входить в тяжбу; но как не было у сирот ни достатку, ни защитника, то обыкновенно в приказах всегда сильная рука перемогала; а для того мать, чтоб какое где-нибудь отыскать правосудие, должна была с малыми своими сыновьями ходить по судьям, стоять у них в передних у дверей по нескольку часов, дожидаясь их выходу; но когда выходили, то не хотели никто выслушать ее порядочно; но все с жестокосердием ее проходили мимо, и она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами, в крайней горести и печали, и как не могла нигде найти защиты, то и принуждена была лучшия угодья отдать записью купцу Дрябову за 100 рублей в вечную кортому[4], на которых и построил он для суконной своей фабрики, в Казани находящейся, суконоваляльную мельницу, которая и теперь в деревне Комаровке существует, и которую после, при межевании, старший сын, будучи уже один наследник, не хотя нарушить слова матери, за ним утвердил. Таковое страдание матери от неправосудия вечно осталось запечатленным на его сердце и он, будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот. При таковых однако напастях мать никогда не забывала о воспитании детей своих, но прилагала всевозможное попечение, какое только возможно было им доставить; а для того отдала их в научение, за неимением лучших учителей арифметики и геометрии, сперва гарнизонному школь-

нику Лебедеву, а потом артиллерии штык-юнкеру Полетаеву; но как они и сами в сих науках были малосведущи, ибо как Роза немецкому языку учил без грамматики, так и они арифметике и геометрии без доказательств и правил, то и довольствовались в арифметике одними первыми пятью частями, а в геометрии черчением фигур, не имея понятия, что и для чего надлежит. Когда же большому сыну настал 12-й год, то мать, дабы исполнить закон и явить герольдии в положенный срок детей своих, в 757 году ездила в Москву[5], желая также, по явке в оной и по получении доказательств на дворянство, записать их в помянутыя места, куда отец хотел; но как, против всякаго чаяния, в герольдии не могла она объяснить хорошенько роду Державиных, по которым городам и в которых годах предки их служили, то и произошло затруднение; а для того, чтоб отвратить оное, должно было обратиться к некоему подполковнику Дятлову, живущему в Можайском уезде, происшедшему от сестры мужа ея, который, приехав в Москву, доказал истинное дворянское происхождение явленных недорослей от рода Багримы мурзы, выехавшего из Золотой Орды при царе Иване Васильевиче Темном, что явствует в Бархатной книге вообще с родами: Нарбековыми, Акинфиевыми, Кеглевыми и прочими[6]; но как на таковое изыскание древности употреблено много времени, то зимнею порою и не можно уже было доехать до Петербурга, а как летний путь по недостатку не был под силу, то и возвратились в Казань с тем, чтобы в будущем году совершить свое предположение.

Поелику же в 1758 году открылась в Казани гимназия, состоящая под главным ведомством Московскаго университета, то и отложена поездка, а записаны дети в сие училище, в котором преподавалось учение языкам: латынскому, французскому, немецкому, арифметике, геометрии, танцованию, музыке, рисованию и фехтованию, под дирекциею бывшаго тогда ассессором Михайла Ивановича Веревкина; однакоже, по недостатку хороших учителей, едва ли с лучшими правилами как и прежде. Более же всего старались, чтоб научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике, и быть обходительным, заставляя сказывать на кафедрах сочиненныя учителем и выученныя наизусть речи; также представлять на театре бывшия тогда в славе Сумарокова трагедии, танцовать и фехтовать в торжественных собраниях при случае экзаменов; что сделало питомцев хотя в науках неискус-

ными, однакоже доставило людскость и некоторую розвязь в обращении. Старший из Державиных оказал более способности к наукам до воображения касающимся, а меньшой к математическим; однакоже, во всех классах старший своею расторопностию блистал поверхностью и брал пред меньшим преимущество, который казался туп и застенчив. Вследствие чего старший отличался в рисовании, а потому, когда директор в 759 году сбирался главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову дать отчет в успехах вверенаго ему училища, то и приказал отличившимся ученикам начертить и скопировать карты Казанской губернии, украсив оныя разными фигурами и ландшафтами, дабы тем дать блеск своему старанию о научении ввереннаго ему благороднаго юношества. В числе сих отличных был и старший Державин. Когда же директор в 1760 году из Петербурга возвратился, то в вознаграждение учеников, трудившихся над геометриею, объявил каждаго по желанию записанными в службу в полки лейб-гвардии солдатами, а Державина в инженерный корпус кондуктором; вследствие чего и надели все принадлежащие званию каждаго мундиры. Почему Державин, при бывших торжествах в гимназии, и отправлял должность артиллериста, быв при артиллерии и при представлении фейерверков.

А когда нужно было, по указу Сената в том же 1760 году, снять с города Чебоксар план с различением домов, против повеления того правительства не по плану построенных, и отправлен для того сказанный директор Веревкин (ибо он в то же время был и член губернской канцелярии), то за неимением тогда в гимназии геодезии учителя, ибо бывший в той должности капитан Морозов умер, то и взял он старшаго Державина вместо инженера с собою, подчиня ему несколько из учеников для помощи. Поелику же они все, как выше сказано, учились геометрии без правил и доказательств, и притом никогда на практике не бывали, то приехав в город, когда должно было снимать оный на план, и стали в пень, тем паче, что с ними и астрелябии не было. В таком затруднительном случае требовали наставления от главнаго командира; но как и он не весьма далек был в математических науках, то и дал наставление весьма странное, или паче весьма смешное, приказав сделать рамы шириною в восемь сажен (что была мера по сенатскому указу широты улицы), а длиною в шестнадцать, и оковать оныя связьми железными и цепями, носить множеством народа вдоль улицы, и когда сквозь

которую улицу рама не проходя, задевала за какой-либо дом, из коих некоторые были каменные, то записывать в журнал, которым дом сколько не в меру построен против сенатского положения, а на воротах мелом надписывать: *ломать*. Сие, может быть, не по неискусству его, но из хитрости приказано было для того, чтоб народу и хозяевам более сделать тревоги; ибо когда с идущих мимо города по Волге судов сганиваемы были бурлаки для ношения помянутых рам, то суда остановлялись, а знатные граждане устрашены надписью, что их домы ломать будут, то и уважали более давшаго такое странное повеление. Следовательно и искали чрез всякие средства у него милости граждане, чтоб не ломали их домов, а судовые хозяева, чтоб не воспрещали далее их плавания. Притом к сугубому жителей устрашению, а особливо богатаго купечества, у которых внутри города построены были кожевенные заводы, вымыслил он, господин Веревкин, средство, доказать им, что они не токмо делают нечистоту и зловоние в городе, но и вред здравию; то приказал он, при собрании чиновников воеводской канцелярии, магистрата и народа, выпуть у самых заводов несколько со дна реки грунту, который ни что иное оказался, как кожаныя стружки, ольховая и дубовая кора, и положить оныя в горшки, а воду налить в бутылки и то же самое сделать выше по реке, где никаких заводов не было, и тот вынутый дрязг запечатать печатьми его, Веревкина, магистрата и воеводской канцелярии, написав на привязанных к ним ярлыках, где и при ком именно горшки наполнены и бутыли налиты. Сделав сие, приказал горшки и бутыли выставить в открытых местах на солнце; а как они простояли таким образом три дни в летние жаркие дни, то при собрании тех же чиновников и народа, приказал распечатать. Натурально, что оказались в них черви и весьма скверный запах; по поводу чего и дал он воеводской канцелярии и магистрату предложение, чтоб действие заводов было до указу от Сената остановлено, и кож бы на них ни под каким образом не делали и в реке не полоскали. Вследствие *(чего)* и поставлены были при заводах крепкие караулы. Но как от того хозяевам заводов произошел крайний убыток, что в чанах кожи гнили, мастера и работные люди получать должны были работныя деньги понапрасну, то и старались хозяева производить свое изделие тайным образом, заставя угрозами или подкупом молчать краульщиков, в чем и трудности не было, ибо они были

не военные люди, а их же сограждане, находившиеся при воеводской канцелярии и магистрате разсыльщиками. Поелику же со стороны г. Веревкина были приставлены тайные лазутчики, то в один день рано на заре и захвачено было великое множество кож, вывезенных из чанов для полоскания на реку. Тут воевода и бургомистр должны были прибегнуть к снисхождению г. ассессора, котораго как-то умилостивили, а тем и кончилась сначала толь страшная коммиссия. Державину приказано было план города, нарочно огромной величины сделанный (который ни в какой обыкновенной комнате умещаться не мог, а черчен на подволоке одних купеческих палат), не докончив, свернув и уклав его под гнетом на телегу, отвезти в Казань, что им и исполнено.

В 1761 году получил г. Веревкин от главнаго куратора Ивана Ивановича Шувалова повеление, чтоб описать развалины древняго татарскаго, или Золотой Орды города, называемого Болгары, лежащего между рек Камы и Волги, от последней в 5-ти, а от первой в 50-ти или 60-ти верстах, и сыскать там каких только можно древностей, то есть, монет, посуды и прочих вещей. Не имея способнейших к тому людей, выбрал он из учеников гимназии паки Державина и, присовокупя к нему несколько из его товарищей, отправился с ними в июне или июле месяце в путь. Пробыв там несколько дней, наскучил, оставил Державина и, подчинив ему прочих, приказал доставить к себе в Казань план, с описанием города и буде что найдется из древностей. Державин пробыл там до глубокой осени, и что мог, не имея самонужнейших способов, исполнил. Описание, план и виды развалин некоторых строений, то есть ханскаго дворца, бани и каланчи, с подземельными ходами, укрепленной железными обручами по повелению Петра Великаго, когда он шествовал в Персию, и списки с надписей гробниц, также монету медную, несколько серебряной и золотой, кольца ушныя и наручныя, вымытыя из земли дождями, урны глиняныя или кувшины, вырытыя из земли с углями, собрал и по возвращении в Казань отдал г. Веревкину[7]. Он монеты и вещи принял, а описание, план, виды и надписи приказал переписать и перерисовать начисто и принести к нему тогда, как он в начале наступающаго года по обыкновению будет собираться в Петербург для отдания отчетов главному куратору об успехах в науках в гимназии; но как в начале 1762 года получено горестное известие о кончине Государыни Императрицы Елисаветы

Петровны, то он наскоро отправился в столицу, приказав Державину сделанное им доставить к нему после.

Скоро потом Державин получил из канцелярии лейб-гвардии Преображенскаго полка паспорт 1760 года за подписанием лейб-гвардии маиора князя Менщикова, в котором значилось, что он отпущен для окончания наук до 1762 года. А как сей срок прошел, ибо тогда был того года уже февраль месяц, то и должен он был немедленно отправиться к полку, тем паче, что не имел уже никакой себе подпоры в Веревкине, на котораго место в директоры Казанской гимназии прислан был некто профессор Савич.

ОТДЕЛЕНИЕ II

Воинская Державина служба до открывшагося в Империи возмущения

В помянутом 1762 году в марте месяце прибыл он в Петербург. Представил свой паспорт маиору Текутьеву, бывшему тогда при полку дежурным. Сей чиновник был человек добрый, но великий крикун, строгий и взыскательный по службе. Он лишь взглянул на паспорт и увидел, что просрочен, захохотал и закричал: «о, брат! просрочил», и приказал отвести вестовому на полковой двор. Привели в полковую канцелярию и сделали формальный допрос. Державин, хотя был тогда не более как 18-и лет, однако нашелся и отвечал, что он не знает, почему присвоил его к себе Преображенский полк; ибо никогда желания его не было служить, по недостатку его, в гвардии, а было объявлено от него желание, чрез г. Веревкина, вступить в артиллерийский или инженерный корпус, из которых о принятии в последний кондуктором и был от него, Веревкина, удостоверен и носил инженерный мундир. По справке в канцелярии известно стало, что по списку с прочими, присланному при сообщении от Ивана Ивановича Шувалова, записан он в Преображенский полк за прилежность и способность к наукам, и отпущен для окончания оных на два года. Но паспорт лежал в канцелярии до вступления на престол императора Петра Третьего, по повелению котораго велено всем отпускным явиться к их полкам. И как посему он, Державин, в просрочке оказался невинным, то и приказано его причислить в третью роту в рядовые, куды причислен;

и как не было у него во всем городе ни одного человека знакомых, то поставлен в казарму с даточными солдатами вместе с тремя женатыми и двумя холостыми, и приказано было флигельману учить ружейным приемам и фрунтовой службе; и как он платил флигельману за ученье некоторую сумму денег, то стараниям его и собственною своею расторопностию и силою до того в экзерции успел, что, на случай требования пред Императора, изготовлен был с прочими на показ; ибо сей Государь великий был охотник до екзерции, и сам по часту роты осматривал, как *(и)* 3-ю, в которой князь Трубецкой, фельдмаршал, генерал-прокурор и подполковник гвардии, числился капитаном.

В таком положении быв несколько времени, Державин вздумал, что у него есть вышеописанныя болгарския бумаги, которыя было приказано ему представить по команде; то он, отыскав г. Веревкина, принес к нему оныя, а сей представил его и с ними к главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову. Сей, приняв его весьма благосклонно, отослал в Академию художеств к какому-то чиновнику оной, Евграфу Петровичу Чемезову, который, как известно всем, был первый того времени славнейший гравирный в Империи художник[8]. Сие было в великий пост. Чемезов принял Державина весьма ласково, хвалил его рисунки, которые в самом деле были сущая дрянь; но, может быть, для ободрения только молодаго человека к искусствам были похваляемы, и приказал ему ходить к себе чаще, обещав ему чрез Ивана Ивановича найти средство и путь упражняться в науках. Но как были при Петре Третьем безпрестанно ротные и баталионные строи, и никому никуды из роты отлучаться не позволяли, то и не имел времени Державин являться ни к Шувалову, ни к Чемезову; а покровителя, чтоб его кто у ротнаго командира выпрашивал, никого не имел. В разсуждении чего и должен был, хотя и не хотел, выкинуть из головы науки. Однако, как сильную имел к ним склонность, то не могши упражняться по тесноте комнаты в рисовании, ни в музыке, чтоб другим своим компанионам не наскучить, по ночам, когда все улягутся, читал книги, какия где достать случалось, немецкия и русския, и марал стихи без всяких правил, которые никому не показывал, что однако, сколько ни скрывал, но не мог утаить от компанионов, а паче от их жен; почему и начали оне его просить о написании писем к их родственникам в деревни. Державин, писав просто

на крестьянский вкус, чрезвычайно им тем угодил, и как имел притом небольшия деньги, получив от матери в подарок при отъезде своем сто рублей, то и ссужал при их нуждах по рублю и по два; а через то пришел во всей роте в такую любовь, что когда Петр Третий объявил гвардии поход в Данию, то и выбрали они его себе артельщиком, препоручив ему все свои артельные деньги и заказку нужных вещей и припасов для похода. Таким образом проводил он свою жизнь между грубых своих сотоварищей, ходя безпрестанно не токмо в строй для обучения экзерции, но и во все случающияся в роте работы, как-то, для чищения каналов, для привозки из магазейна провианту, на вести к офицерам и на караулы в полковой двор и во дворцы. 9-го мая стоял на караул в погребах, в старом Зимнем дворце (что был деревянный, на Мойке, где ныне музыкальный клуб) и сменен для смотра роты Императором, а скоро после того и всего полка, на Царицыном лугу.

Около сего времени, то есть в июне или в начале июля месяца, увидев его в таком уничижительном состоянии пастор Гельтергоф, который за какой-то неважный проступок при Императрице Елисавете Петровне был сослан в Казань и находился в гимназии учителем, а тогда возвращен и Императору был знаем; то он, сожалея о его Державина участи, что он находится без всякаго призрения и обижен, что многие младшие его солдаты, по рекомендациям своих сродников и милостивцев, произведены в капралы, а он оставался всегда обойденным, не смотря на то, что его ум, хорошее поведение и расторопность все начальники одобряли, то он Гельтергоф и обещал его Державина выпросить чрез своих патронов у Императора, как знающаго немецкий язык, в голштинские офицеры, которых полки или баталионы квартировали в Оранбауме. Но благодаря Провидение, сего Гельтергоф не успел сделать по наступившей скоро, то есть 28-го июня известной революции.

Накануне сего дня один пьяный из его сотоварищей солдат, вышед на галлерею, зачал говорить, что когда выдет полк в Ямскую (разумеется, в вышесказанный поход в Данию), то мы спросим, зачем и куда нас ведут, оставя нашу матушку Государыню, которой мы ради служить. Таковых речей, в пьянстве и сбивчиво выговоренных, Державин, не знав ни о каком заговоре, не мог выразуметь; тем паче, что в то самое время бывшия у него денжонки в подголовке, когда он был в строю, слугою солдата Лыкова,

который к нему недавно в казарму поставлен был, украдены, то сей неприятный случай сделал его совсем невнимательным к вещам посторонним. Солдаты всей роты, любя Державина, бросились по всем дорогам и скоро поймали вора, который на покупку кибитки и лошадей успел несколько истратить денег. Между тем в полночь разнесся слух, что гранодерской роты капитана Пассека арестовали и посадили на полковом дворе под краул; то и собралась было рота во всем вооружении сама собою, без всякаго начальничья приказания, на ротный плац; но, постояв несколько во фрунте, разошлась. А поутру, часу по полуночи в 8-м, увидели скачущаго из конной гвардии рейтара, который кричал, чтоб шли к Матушке в Зимний каменный дворец, который тогда вновь был построен (в первый день Святой недели Император в него переехал). Рота тотчас выбежала на плац. В Измайловском полку был слышен барабанной бой, тревога, и в городе все суматошилось. Едва успели офицеры запыхаючись прибежать к роте, из которых однако были некоторые равнодушные, будто знали о причине тревоги. Однако все молчали; то рота вся, без всякаго от них приказания, с великим устремлением, заряжая ружья, помчалась к полковому двору. На дороге, в переулке, идущем близ полковаго двора, встретился штабс-капитан Нилов, останавливал, но его не послушались и вошли на полковой двор. Тут нашли маиора Текутьева, в великой задумчивости ходящаго взад и вперед, не говорящаго ни слова. Его спрашивали, куда прикажет идти, но он ничего не отвечал, и рота на несколько минут приостановилась. Но, усмотря, что по Литейной идущая гранодерская, не взирая на воспрещение маиора Воейкова, который, будучи верхом и вынув шпагу, бранил и рубил гранодер по ружьям и по шапкам, вдруг рыкнув бросилась на него с устремленными штыками, то и нашелся он принужденным скакать от них во всю мочь; а боясь, чтоб не захватили его на Семионовском мосту, повернул направо и въехал в Фонтанку по груди лошади. Тут гранодеры от него отстали. Таким образом третья рота, как и прочия Преображенскаго полка, по другим мостам бежали, одна за одной, к Зимнему дворцу. Там нашли Семеновский и Измайловский уже пришедшими, которые окружили дворец и выходы все заставили своими караулами. Преображенский полк, по подозрению ли, что его любил более других Государь, часто обучал сам военной екзерции, а особливо гранодерския роты, которых было две,

жалуя их нередко по чарке вина, или по старшинству его учреждения, пред прочею гвардией, поставлен был внутри дворца. Все сие Державина, как молодаго человека, весьма удивляло, и он потихоньку шел по следам полка, а пришед во дворец, сыскал свою роту и стал по ранжиру в назначенное ему место. Тут тотчас увидел митрополита новогородскаго и первенствующаго члена св. Синода (*Гаврила*) с святым крестом в руках, который он всякому рядовому подносил для целования, и сие была присяга в верности службы Императрице, которая уже во дворец приехала, будучи препровождена Измайловским полком; ибо из Петергофа привезена в оный была на одноколке графом Алексеем Григорьевичем Орловым, как опосле ему о том сказывали. День был самый ясный, и побыв в сем дворце часу до третьяго или четвертаго по полудни, приведены пред вышесказанный деревянный дворец и поставлены от моста вдоль по Мойке. В сие время приходили пред сей дворец многие и армейские полки, примыкали по приведении полковников к присяге, по порядку, к полкам гвардии, занимая места по улицам Морским и прочим, даже до Коломны. А простояв тут часу до восьмаго, девятаго или десятаго, тронулись в поход, обыкновенным церемониальным маршем, повзводно, при барабанном бое, по петергофской дороге, в Петергоф. Императрица сама предводительствовала, в гвардейском Преображенском мундире, на белом коне, держа в правой руке обнаженную шпагу. Княгиня Дашкова также была в гвардейском мундире. Таким образом маршировали всю ночь. На некотором урочище, не доходя до Стрельной, в полнощь имели отдых. Потом двинулись паки в поход. Поутру очень рано стали подходить к Петергофу, где чрез весь зверинец, по косогору, увидели по разным местам разставленныя заряженныя пушки с зажженными фитилями, как сказывали после, прикрыты были некоторыми армейскими полками и голстинскими баталионами; то все отдались Государыне в плен, не сделав нигде ни единаго выстрела. В Петергофе расположены были полки по саду, даны быки и хлеб, где, сварив кашу, и обедали. После обеда часу в 5-м увидели большую четырехместную карету, запряженную больше нежели в шесть лошадей, с завешенными гардинами, у которой на запятках, на козлах и по подножкам были гранодеры же во всем вооружении; а за ними несколько коннаго конвоя, которые, как после всем известно стало, отвезли отрекшагося Императора от правления в Ропшу, местеч-

ко, лежащее от Петербурга в 30 верстах, к Выборгской стороне[9]. Часу по полудни в седьмом полки из Петергофа тронулись в обратный путь в Петербург; шли всю ночь и часу по полуночи в 12-м прибыли благополучно вслед Императрицы в Летний деревянный дворец, который был на самом том месте, где ныне Михайловский. Простояв тут часа с два, приведены в полк и распущены по квартирам.

День был самый красный, жаркий; то с непривычки молодой мушкатер еле жив дотащил ноги. Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки, в неистовом восторге и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякия другия дорогия вина и лили все вместе без всякаго разбору в кадки и бочонки, что у кого случилось.— В полночь на другой день с пьянства Измайловский полк, обуяв от гордости и мечтательнаго своего превозношения, что Императрица в него приехала и прежде других им препровождаема была в Зимний дворец, собравшись без сведения командующих, приступил к Летнему дворцу, требовал, чтоб Императрица к нему вышла и уверила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошел до них слух, что она увезена хитростями прусским королем, котораго имя (по бывшей при Императрице Елисавете с ним войне, не смотря на учиненный с ним Петром Третьим мир и что он ему был друг) всему российскому народу ненавистно. Их уверяли дежурные придворные, Иван Иванович Шувалов и подполковник их граф Разумовский, также и господа Орловы, что Государыня почивает и, слава Богу, в вожделенном здравии; но они не верили и непременно желали, чтоб она им показалась. Государыня принуждена встать, одеться в гвардейский мундир и проводить их до их полка. Поутру издан был манифест, в котором хотя с одной стороны похвалено было их усердие, но с другой напоминалася воинская дисциплина и чтоб не верили они разсеваемым злонамеренных людей мятежничьим слухам, которыми хотят возмутить их и общее спокойствие; в противном случае впредь за непослушание они своим начальникам и всякую подобную дерзость наказаны будут по законам. За всем тем с того самаго дня приумножены пикеты, которые в многом числе с заряженными пушками и с зажженными фитилями по всем мостам, площадям и перекресткам разставлены были. В таковом военном положении нахо-

дился Петербург, а особливо вокруг дворца, в котором Государыня пребывание свое имела дней с 8-мь, то есть по самую кончину Императора.

По водворении таким образом совершенной тишины объявлен поход гвардии в Москву для коронации Ея Величества, и в августе месяце Державин по паспорту отпущен был с тем, чтоб явиться к полку в первых числах сентября, когда Императрица к Москве приближаться будет. Снабдясь кибитченкой и купя одну лошадь, потащился потихоньку.

В то время спознакомился он или, лучше сказать, сдружился своего же полка из дворян с солдатом Петром Алексеевичем Шишкиным, который у него последния деньги заимообразно почти все перебрал (которыя едва ли заплатил). Однако с остальными приехал в Москву и, будучи в мундире Преображенском, на голстинский манер кургузом, с золотыми петлицами, с желтым камзолом и таковыми же штанами сделанном, с прусскою претолстою косою, дугою выгнутою, и пуклями как грибы подле ушей торчащими, из густой сальной помады слепленными, щеголял пред московскими жителями, которым такой необыкновенный или, лучше, странный паряд казался весьма чудесным, так что обращал на себя глаза глупых; но к прибытию Императрицы построены стараго покрою Преображенские мундиры.— Подъезжая к Москве, в селе Петровском графа Разумовскаго несколько дней отдыхала, где мушкатер Державин, в числе прочих солдат, наряженных на краул, стоял в саду на ночном пикете и спознакомился с подпоручиком Протасовым, который после был ему приятелем и дядькою у великаго князя Александра Павловича. Из села Петровскаго (ибо тогда еще подъезжачаго подмосковнаго Петровскаго дворца построено не было[10]) ездила Государыня несколько раз инкогнито в кремль. Потом всенародно имела свой торжественный въезд, сквозь построенные парадом полки гвардейские и армейские, под пушечными с кремля выстрелами и восклицаниями народа. 22 числа сентября в Успенском соборе, по обрядам благочестивых предков своих, царей и императоров Российских, короновалась. Тогда отправлен был обыкновенный народный пир. Выставлены были на Ивановской Красной площади жареные с начинкою и с живностью быки и пущены из ренскаго вина фонтаны. Ввечеру город был иллюминован. Государыня тогда часто присутствовала в Сенате, который был помещен в крем-

левском дворце; проходя в оный, всегда жаловала чиновных к руке, котораго счастия, будучи рядовым, и Державин иногда удостоивался, ни мало не помышляя, что будет со временем ея штатс-секретарь и сенатор. На зиму Государыня изволила переехать в Головинский дворец, что был в Немецкой слободе. Тут однажды, стоя в будке позади дворца в поле на часах, ночью, в случившуюся жестокую стужу и мятель, чуть было не замерз; но пришедшая смена от того избавила. На масленице той зимы был тот славный народный маскерад, в котором на устроенном подвижном театре, ездящем по всем улицам, представляемы были разныя того времени страсти, или осмехалися в стихах и песнях пьяницы, карточные игроки, подьячие и судьи-взяточники и тому подобные порочные люди,— сочинение знаменитаго по уму своему актора Федора Григорьевича Волкова и прочих забавных стихотворцев, как-то гг. Сумарокова и Майкова[11].

Стоял он Державин тогда также сперва с даточными солдатами на квартире во флигеле, в доме гг. Киселевых, который был, помнится, на Никитской или Тверской улице. Таковая неприятная жизнь ему наскучила, тем более, что не мог он удовлетворить склонности своей к наукам; а как слышно было тогда, что Иван Иванович Шувалов, бывший главный Московскаго университета и Казанской гимназии куратор, которому он известен был по поднесенным, как выше явствует, болгарским бумагам, то и решился идти к нему и просить, чтоб он его взял с собою в чужие краи, дабы чему-нибудь там научиться. Вследствие чего, написав к нему письмо, действительно пошел и подал ему оное лично в прихожей комнате, где многие его бедные люди и челобитчики ожидали, когда он проходил их, дабы ехать во дворец. Он остановился, письмо прочел и сказал, чтоб он побывал к нему в другое время. Но как дошло сие до тетки его по матери двоюродной, Феклы Савишны Блудовой, жившей тогда в Москве, в своем доме, бывшем на Арбатской улице, женщины по природе умной и благочестивой, но по тогдашнему веку непросвещенной, считающей появившихся тогда в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют и тому подобныя бредни, а Шувалова признавали за их главнаго начальника; то она ему как племяннику своему, порученному от матери, и дала страшную нагонку,

запретя накрепко ходить к Шувалову, под угрозою написать к матери, буде ея не послушает. А как воспитан он был в страхе Божием и родительском, то и было сие для него жестоким поражением, и он уж более не являлся к своему покровителю[12]; но отправлял, как выше явствует, на ряду с прочими солдатами, все возложенныя низкия должности, а между прочим разносил нередко по офицерам отданные в полк с вечера приказы. А как они стояли почти по всей Москве, с одного края на другом, то есть на Никитской, где рота стояла, на Тверской, на Арбате, на Пресне, на Ордынке за Москвой-рекой, то и должно было идти почти с полуночи, дабы поспеть раздать приказы каждому по рукам до обедни. И как в Москве по пустырям, зимнею порою, во время больших вьюг, бывают великие снежные наносы или сугробы, то в одну ночь, проходя на Пресню, потонул-было в снегу, где напали собаки и едва не растерзали, от которых, вынув тесак, насилу оборонился. В одном из таковых путешествий случился примечательный и в нынешнем времени довольно смешной анекдот. Князь Козловский, живший тогда на Тверской улице, прапорщик третьей роты, известный того времени приятный стихотворец, у посещавшего его, или нарочно приехавшаго славнаго стихотворца Василья Ивановича Майкова[13], читал сочиненную им какую-то трагедию, и как приходом вестоваго Державина чтение прервалось, который, отдав приказ, несколько у дверей остановился, желая послушать, то Козловский, приметя, что он не идет вон, сказал ему: «Поди, братец служивый, с Богом; что тебе попусту зевать? ведь ты ничего не смыслишь» — и он принужден был выдти.

Наступила весна и лето, и хотя, как выше явствует, младшие произведены были, не токмо в капралы, но и в унтер-офицеры по протекциям, а Державин без протектора всегда оставался рядовым; но как стало приближаться восшествие Императрицы на престол, 1763 году июня 28-го дня, а в такие торжественные праздники обыкновенно производство по полку нижних чинов бывало, то и решился он прибегнуть под покровительство маиора своего, графа Алексея Григорьевича Орлова. Вследствие чего, сочинив к нему письмо, с прописанием наук и службы своей, наименовав при том и обошедших его сверстников, пошел к нему и подал ему письмо, которое прочетши он сказал: «хорошо, я разсмотрю». В самом деле и пожалован он в наступивший праздник в капралы.

Тогда отпросился в годовой отпуск к матери в Казань, дабы показаться ей в новом чине. На дороге случилось приключение, ничего впрочем не значащее, но однако могущее в крайнее ввергнуть его злополучие. Прекрасная, молодая благородная девица, имевшая любовную связь с бывшим его гимназии директором, господином Веревкиным, который тогда возвращен был паки на прежнее свое место, быв за чем-то в Москве, отправлялась в Казань к своему семейству, сговорилась с ним и еще с одним гвардии же Преображенскаго полка капралом Аристовым вместе для компании ехать. В дороге, будучи непрестанно вместе и обходясь попросту, имел удачу живостью своею и разговорами ей понравиться так, что товарищ, сколь ни завидовал и из ревности сколь ни делал на всяком шагу и во всяком удобном случае возможныя препятствия, но не мог воспретить соединению их пламени. Натурально, в таковых случаях более оказывается в любовниках храбрости и рвения угодить своей любезной. В селе Бунькове, что на Клязьме, владении г. Всеволжскаго, перевощики подали пором; извощики взвезли повозки и выпрягли лошадей; но первые не захотели перевозить без ряды; а как они запросили неумеренную цену, которая почти и не под силу капральскому кошельку была, то и не хотел он им требуемаго количества денег дать, а они разбежались и скрылись в кусты. Прошло добрых полчаса, и никто из перевощиков не являлся. Натурально, красавице скучилось; она стала роптать и плакать. Кого же слезы любимаго предмета не тронут? Страстный капрал, обнажа тесак, бросился в кусты искать перевощиков и, нашед их, то угрозами, то обещанием заплатить все, что они потребуют, вызвал их кое-как на пором. Но как пришли на оный, то и требовали наперед денег в превосходном числе, чем прежде просили. Тут молодой герой, будучи пылкаго нрава, не вытерпел обману, вышел из себя и, схватя палку, ударил несколько раз кормщика. Он схватил свой багор и закричал прочим своим товарищам: «Ребята, не выдавай»; с словом с сим все перевощики, сколько их ни было, кто с веслами, кто с шестами, напали на рыцарствующаго капрала, который, как ни отмахивался тесаком, но принужден был, бросившись в повозку, схватить свое заряженное ружье, приложился и хотел выстрелить; но к счастию, что ружье новое, пред выездом из Москвы купленное и неодержанное, курок крепок, то и не мог скоро спуститься. Мужики, увидя его ярость и убоявшись смерти, вмиг

разбежались. Тогда он, отвязав маленький при береге стоявший челнок, сел в него и переправился чрез Клязьму в помянутое село Буньково. Там, ходя по улице и по дворам, никого не находил; наконец вышел из приказной избы мужик довольно взрачный, осанистый, с большою бородою и, подпираясь посохом, с видом удивления, спросил: «Что ты, барин, так воюешь, разве к басурманам ты заехал? чего тебе надобно?» Проезжий пересказал ему случившееся, жалуясь на притеснение перевощиков. «Ну что же за беда? разве не можно было другим манером сыскать на них управы? Стыдно-ста, молодой господин, озорничать, бегать с голым палашом по улице и пухать мир крещеный. Меня не испужаешь, велю схватить, да связать и отвезу в город, так и будешь утирать кулаком слезы, но не поворотишь. Барин наш нас не выдаст» (который был тогда обер-прокурором в Сенате и в случае при дворе). Таковым справедливым укором устыдил храбреца мужик. Это был бурмистр того селения. Насилу, кое-как будучи убежден, приказал перевозить за сходную цену все повозки.

Приехав в Казань, желал с красавицей своей чаще видеться; но, будучи небольшаго чина и не богат, не мог иметь свободнаго хода к ней в покой; ибо она жила в одном доме с г. директором, с супругою его вместе. А притом, как должен был по приказанию матери ехать в Шацк, для выводу оттуда некотораго небольшаго числа крестьян, доставшихся ей на седьмую часть после перваго ея мужа, г. Горина, то сии кратковременныя любовныя шашни тем и кончились: ибо более никогда уже не видал сего своего предмета.

Приехав из Шацка в оренбургскую деревню, куда приехала и мать его, прожил с нею там оставшееся летнее время; а в исходе сентября отправила она его в Оренбург, по некоторым случившимся деревенским делам. На дороге, не доезжая Сорочинской крепости верст за 30, случилось с ним приключение, которое едва не лишило его жизни. Спускаясь с небольшаго пригорка, переломилась под коляскою передняя ось. В разсуждении обширнаго проезда степных мест берут дорожные всегда с собою оси запасныя. Он приказал подделывать оную; надев патронташ и взяв ружье, пошел по речке, тут протекающей, смотреть дичины. Увидел пару уток; но оне его не допустили: перелетев по той же самой речке, сели в луке. Он пошел за ними и, перешед маленький кустарник, увидел вдруг стадо диких свиней или кабанов с молодыми поросятами.

Боров матерой, черношерстый, усмотря его, тотчас от табуна отделился. Глаза его как горящие угли заблистали, щетина на гриве дыбом поднялась, и из пасти белая пена потекла струею. Охотник, приметя опасность, хотел перескакнуть на другую сторону речки, ибо она была самая крошечная; но не успел он к ней подойти, как увидел кабана, к себе бегущаго, и в тот же миг почувствовал себя брошенным на несколько шагов; а вскоча в безпамятстве на ноги, усмотрел мелькнувшую кровь на пене во рту у зверя, выпалил из ружья, имеющагося у него в руках, со взведенным курком, на поясовом прикладе. Вепрь пал, стремившийся к нему в другой раз, и как был уже очень близко, то заряд, хотя из мелкой утиной дроби, но угодя ему прямо в сердце, поверг его бездыханна на землю. Победитель хотел подойти к врагу своему и осмотреть его рану; тогда же сам, почувствовав слабость, упал и, взглянув на левую ногу, увидел икру почти совсем от берца оторванную и кровь ручьем текущую. Не могши далее идти к своей коляске, остался на месте, пока казаки, называемые в том краю гулёбщиками или охотники, ездящие по степям за кабанами, сайгаками и прочими зверьми, на него наехали и, узнав от него приключение, нашли людей с коляской, которые, подделав ось, давно дожидались и не знали где найти. Нельзя в сем случае не признать чудеснаго покровительства Божия. Первое в том, что свирепый зверь не пересек страшными своими клыками берца у ноги и жил сухих близ лодыжки, а отделил только почти с самаго подколена одну от кости икру или мягкое мясо. Второе, что ружье, чрез которое был переброшен, упершись дулом в землю, не сделалось неспособным к выстрелу, ибо ложе хотя от ствола отломилось, но удержался приклад с замком по самые замочные винты на казенном шурупе; с затравки порох не ссыпался и произвел свое надлежащее действие. Третье, что без всякаго прицеленья заряд попал в сердце зверя, иначе бы легкою раною он мог более разсвирепеть и довершить пагубу. Четвертое, что он не растерзал живота, а поразил только ногу. Но как бы то ни было, благодарение Промыслу, спасся от смерти, и хотя был в Оренбурге недель с шесть болен, но пособиями губернатора князя Путятина вылечился; однако рана совершенно не затворялась целый год.

По наступлении срока отправился в Петербург к полку. Таким же образом вел свою жизнь как прежде, упражняяся тихонько от товарищей в чтении книг и кропании сти-

хов, стараясь научиться стихотворству из книги о поэзии, сочиненной г. Тредьяковским и из прочих авторов, как-то: гг. Ломоносова и Сумарокова. Но более ему других нравился, по легкости слога, помянутый г. Козловский, из котораго и научился цезуре или разделению александрийскаго ямбическаго стиха на две половины. В сие время написал стансы, или песенку похвальную Наташе, одной прекрасной солдатской дочери, в соседстве в казармах жившей, и отважился показать служившему унтер-офицером Сергею Васильевичу Неклюдову, котораго через то и брата его Петра Васильевича Неклюдова, бывшаго бомбандирским сержантом, приобрел приязнь, а прочих своих собратий похвалу. Тогда же шуточные, непристойные, сочиненные им стихи на счет одного капрала, котораго жену любил полковой секретарь, бывший тогда в великой силе у подполковника графа Бутурлина, наделали ему хлопот и были причиною ненависти того секретаря, хотя он прежде его любил за нарисование весьма искусно пером печати с его гербом. Ибо один из офицеров, имея в кармане те стихи, подал их вместо приказа гранодерскому капитану поручику Афремову, а тот разсказал другим офицерам, то и вышел из того по всему полку смех: за что г. полковой секретарь молодаго стихотворца гнал и вычеркивал всегда из ротнаго списка, поданнаго к производству в чины, а по сей причине и служил он в капралах четыре года, ведя вышеописанную скромную жизнь. Он стоял уже с своими братьями дворянами, упражняющимися в карточной игре и прочих шалостях, молодым людям свойственных; то и начал уже по-малу в нравах своих развращаться.

В сем промежутке времени едва не случилась с ним незапная страшная смерть. Ходил он по обыкновению в своем звании во все краулы, то в одном из оных в Зимнем каменном дворце, когда он еще внутри не весь был выстроен, и в той половине, где после был придворный театр, а ныне апартаменты вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, наверху в одном из самых вышних ярусов, были двои двери: одни в покой, в котором был пол, а другия в другой, в котором был пролом до самых нижних погребов, наполненных каменными обломками; и как по леностн не токмо офицеров, но и унтер-офицеров, приказано было ему ночью обойти все притины[14] дозором, то он пошел, взяв фонарщика или солдата, который нес фонарь, казанскаго дворянина знакомаго себе, по фамилии Потапова. Бегая по многим лестницам, не дожидаясь освещения

проходов, пришел наконец к вышеописанному месту, и хотел стремление свое продолжать далее, но вдруг услышал голос Потапова, далеко на низу лестницы от него отставшего, который кричал: «Постойте, куды вы так бежите?» Он остановился и лишь только осветил фонарь, то и увидел себя на пороге, или на краю самой той пропасти, о которой выше сказано. Один миг — и едва одни кости его остались бы на сем свете. Он перекрестился, воздал благодарение Богу за спасение жизни и пошел куда было должно.

В сих годах, то есть в 1765-м и в 1766-м году, были два славныя в Петербурге позорища, учрежденныя Императрицею, сколько для увеселения, столько и для славы народа. Первое, великолепный карусель, разделенный на четыре кадрили: на Ассирийскую, Турецкую, Славянскую и Римскую, где дамы на колесницах, а кавалеры на прекрасных конях, в блистательных уборах, показывали свое проворство метанием дротиков и стрельбою в цель из пистолетов. Подвигоположником был украшенный сединами фельдмаршал Миних, возвращенный тогда из ссылки. Другое, преузорочный под Красным Селом лагерь, в котором, как сказывали, около 50 тысяч конных и пеших собрано было войск для маневров пред Государынею. Тогда в придворный театр впускаемы были без всякой платы одни классные обоего пола чины и гвардии унтерофицеры; а низкие люди имели свой народный театр на Коммиссариатской площади, а потом из карусельнаго здания, на месте, где ныне Большой театр, на котором играли всякие фарсы и переведенныя из Мольера комедии.

В один из сих годов, но помнится только, что осенью случилася поносная смертная казнь на Петербургской стороне известному Мировичу. Ему отрублена на эшафоте голова[15]. Народ, стоявший на высотах домов и на мосту, необыкший видеть смертной казни и ждавший почему-то милосердия Государыни, когда увидел голову в руках палача, единогласно ахнул и так содрогся, что от сильнаго движения мост поколебался и перила обвалились. В то время, не знаю по какой надобности, Государыня путешествовала по Остзейским городам в Лифляндии, как-то: в Ригу, в Ревель и в прочих. Зимою объявлен поход Ея Величества в Москву. Державин, по рекомендации вышепомянутаго Петра Васильевича Неклюдова (который пожалован около того времени в полковые секретари), пожалован

в фурьеры и командирован, под начальством подпоручика Алексея Ивановича Лутовинова, на ямскую подставу для надзирания за исправностию наряженных с ямов лошадей, изготовленных для шествия Императрицы и всего Ея двора. Сей Лутовинов и старший его брат капитан-поручик, Петр Иванович, хотя были умные и весьма расторопные в своей должности люди, но старший весьма развращенных нравов, которому последуя и младший нередко упражнялся в зазорных поступках и в неблагопристойной жизни, то есть в пьянстве, карточной игре и в обхождении с непотребными ямскими девками, в известном по распутству селе, что ныне город, Валдаях; ибо младшего брата станция была в Яжелобицах, а старшего в Зимогорье, в соседстве с Валдаями. Там проводили иногда целыя ночи на кабаке, никого однако посторонних кроме девок не впущая[16]. При всем том, хотя целую зиму, с ноября по последния числа марта, в таком распутстве провели, однако Державина со всеми принуждениями довести до того не могли, чтоб он когда-либо напился пьяным; да и вовсе не токмо вина, но и пива и меду не пил; в карты же однако по малу играть начал, не оставляя упражняться, если только время дозволяло, и в стихотворстве. Тут первые написал правильные ямбические экзаметры на проезд Государыни чрез реку того селения Мохость, в которой иногда находят прекрасный жемчуг. По проезде всего двора проехал кабинет-министр Адам Васильевич Олсуфьев и велел, сняв станции, следовать всем гвардейским командам к их полкам в Москву. Ему были принесены жалобы, а особливо на старшаго Лутовинова в разных безчинствах, а особливо в неотдаче ямщикам прогонных денег, которыя получаемы были из Кабинета и от проезжающих. Они были промотаны; но у меньшаго Лутовинова как возложено было получать и платить ямщикам те прогоны на унтер-офицера Державина, то он их ни мало не удерживая, всегда отдавал по рукам, кому следовало, и тем их сберег от постыдной растраты, а офицера своего от суда, которому старший брат подвергнут: разжалован был, наипаче за то, что когда спущены были со станциев команды, то поскакали опрометью в Москву, а особливо двое Лутовиновых. Приехав в село Подсолнечное, где стоял капитан Николай Алексеевич Булгаков, котораго почитали не за весьма разумнаго человека, требовали от него, будучи в шумстве, наскоро лошадей, но как лошади были в разгоне, то они, ему не веря, приказали их сыскивать по дворам; а как и там оных не на-

ходили, то многие буяны из солдат, желая угодить командирам, перебили в избах окошки и разломали ворота, то и вышла от сего озорничества жалоба и шум. Булгаков вступился за свою команду. Он и Лутовиновы, наговоря друг другу обидных и бранных слов, называя Булгакова дураком, разгорячились или, лучше сказать, вышли хмельные из разсудка, закричали своим командам: к ружью! Булгаков также своей. У каждого было по 25 человек, которые построились во фрунт; им приказано было заряжать ружья; но Державин, бегая между ими, будто для исполнения офицерских приказаний, запрещал тихонько, чтоб они только вид показывали, а в самом деле ружей не заряжали; и как было тогда ночное время, то офицеры того и не приметили, а между тем подоспели лошади и наехали другия команды, именно из Крестец капитан Голохвастов, то и успокоилось сие вздорное междуусобие.

В сие время досталось Державину при производстве в полку чрез чин подпрапорщика в каптенармусы, а генваря перваго числа 1767 года — в сержанты, ибо, при покровительстве полковаго секретаря Неклюдова, его уже не обходили. С открытием весны Государыня на судах по Волге шествовала в Казань. На сем пути, в сообществе своих приближенных господ, трудилась над переводом Мармонтелева Велизария. Гвардия возвратилась в Петербург, а Державин на некоторое время отпросился, для свидания с матерью и меньшим его братом, учившимся в гимназии при директорстве г. Каница, в Казань, где и потом в оренбургской деревне оставшую часть лета и осень в семействе своем прожил. Возвращаясь из отпуска, взял с собою и меньшаго его брата из гимназии, которая была тогда под ведомством директора г. Каница.

Но, приехав в Москву и имев от матери поручение купить у господ Таптыковых на Вятке небольшую деревнишку душ 30, остановился и как за чем-то совершение крепости остановилось, то отправил в Петербург меньшаго брата, просил записать его в службу помянутаго своего благодетеля, полковаго секретаря Неклюдова, и себе на два месяца отсрочку, которую и получил, а брат записан в тот же Преображенский полк, но только по склонности его к математике, в бомбардирскую роту. И как стоял он тогда у двоюроднаго своего брата, господина Блудова, который и его двоюродный брат господин подпоручик Максимов, живши в одном с ним доме, завели его сперва в маленькую, а потом и в большую карточную игру, так

что он проиграл данныя ему от матери на покупку деревни деньги. Тогда забыл о сроке, хотел проигранныя деньги возвратить; но как не мог, то, заняв у него Блудова, купил деревню на свое имя и ему оную, с присовокуплением материнскаго имения, хотя не имел на то и права, заложил. Попав в такую беду, ездил, так сказать с отчаяния, день и ночь по трактирам искать игры. Спознакомился с игроками или, лучше, с прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у них научился заговорам, как новичков заводить в игру, подборам карт, подделкам и всяким игрецким мошенничествам. Но благодарение Богу, что совесть или, лучше сказать, молитвы матери никогда его до того не допускали, чтоб предался он в наглое воровство или в коварное предательство кого-либо из своих приятелей, как другие делывали. Но когда и случалось быть в сообществе с обманщиками, и самому обыгривать на хитрости, как и его подобным образом обыгривали, но никогда таковой, да и никакой выигрыш не служил ему в прок; следственно он и не мог сердечно прилепиться к игре, а играл по нужде. Когда же не имел денег, то никогда в долг не играл, не занимал оных и не старался какими-либо переворотами отыгриваться или обманами, лжами и пустыми о заплате уверениями доставать деньги; но всегда содержал слово свое свято, соблюдал при всяком случае верность, справедливость и приязнь. Если же и случалось, что не на что, не токмо играть, но и жить, то запершись дома, ел хлеб с водою и марал стихи при слабом иногда свете полушечной сальной свечки, или при сиянии солнечном сквозь щелки затворенных ставней. Так тогда, да и всегда проводил он несчастливые дни[17]. А как он уже в такой распутной жизни просрочил более полугода, то помянутый его благодетель Неклюдов (отправляя еще секретарскую должность, хотя был уже и капитаном-поручиком), видя, что он за сроком столь долго проживает в Москве, и слыша, что замотался, то, опасаясь, чтоб не погиб, ибо разжалован бы был по суду в армейские солдаты, сжалился над ним и без всякой его просьбы в ордер между прочими полковыми делами к капитану-поручику Московской команды Шишкову приписал, что когда сержант Державин явится, то причислить его к московской команде, который ордер (с сведения или без сведения об сей отсрочке, то неизвестно) маиор Маслов подписал, и был спасителем погибающего мотарыги. Он, став сим средством обезпечным от несчастия, пробыл несколько

еще месяцев в Москве, вел жизнь не лучше как и прежде; а поелику жил он в помянутом доме Блудова с сказанным же его родственником Максимовым, то и случилось с ним несколько замечательных происшествий.

Первое. Хаживала к ним в дом в соседстве живущаго приходскаго дьякона дочь, и в один вечер, когда она вышла из своего дома, отец или матерь, подозревая ее быть в гостях у соседей, упросили будошников, чтоб ее подстерегли, когда от них выдет. Люди их и Блудова увидели, что бутошники позаугольно кого-то дожидаются, спросили их; они отвечали грубо, то вышла брань, а потом драка; а как с двора сбежалось людей более нежели подзорщиков было, то первые последних и поколотили. С досады за таковую неудачу и чтоб отмстить, залегли они в крапиве на ограде церковной, чрез которую должна была проходить несчастная грация. Ее подхватили отец и мать, мучили плетью и, по научению полицейских, велели ей сказать, что была у сержанта Державина. Довольно сего было для крючков, чтобы прицепиться. На другой день, когда он часу по полудни в первом ехал из вотчинной коллегии, где был по своим делам, в карете четвернею, и лишь приближился к своим воротам, то вдруг ударили в трещетки, окружили карету бутошники, схватив лошадей под уздцы и, не объявя ничего, повезли чрез всю Москву в полицию. Там посадили с прочими арестантами под краул. В таком положении провел он сутки. На другой день поутру ввели в судейскую. Судьи зачали спрашивать и домогаться, чтоб он признался в зазорном с девкою обхождении и на ней женился; но как никаких доказательств, ни письменных, ни свидетельских, не могли представить на взводимое на него преступление, то, проволочив однако с неделю, должны были с стыдом выпустить, сообща однако за известие в полковую канцелярию, где таковому безумству и наглости алгвазилов[18] дивились и смеялись. Вот каковы в то время были полиция и судьи!

Второе. Познакомился с ним в трактирах по игре некто, хотя по роду благородный, знатной фамилии, но по поступкам самый подлый человек, который содержался в юстиции за подделку векселей и закладных на весьма большую сумму и подставление по себе в поручительство подложной матери, который имел за собою в замужестве прекрасную иностранку, которая торговала своими прелестями. В нее влюбился некто приезжий пензинский молодой дворянин, слабый по уму, но довольно достаточный по

имуществу. Она, с ведома, как после открылось, мужа, с ним коротко обращалась и его без милости обирала, так что он заложил свое и материнское имение и лишился самых необходимых ему нужных вещей. А как сей дворянин был с Державиным хороший приятель, то и сжалился он на его несчастие. Вследствие чего, будучи в один день в компании с мужем, слегка́ дал ему почувствовать поведение жены. Муж старался прикрыть ее и оправдать себя своим неведением; и хотя тогда прекратил разговор шутками, но запечатлел на сердце своем на него злобу за такое чистосердечное остережение. Он, спустя некоторое время, позвал его в гости к себе на квартиру жены и подвечер намерен был поколотить, а может-быть и убить; ибо когда Державин вошел в покои, то увидел за ширмами двух сидящих незнакомых, а третьяго лежащаго на постели офицера, котораго раз видел в трактире игравшаго несчастно на бильярде: ибо его на поддельные шары обыгривали, что он шуткой и заметил офицеру. Хозяин, приняв гостя сначала ласково, зачал его по-малу в разговорах горячить противоречиями, и потом привязываться к словам, напоминая прежде слышанныя им, относя их к обиде его и жены; но как гость опровергал сильными возражениями свое невинное чистосердечие; то умышленник и начал кивать головой сидящим за ширмами и лежащему на постели, давая им знать, чтоб они начинали свое дело. Против всякаго чаяния, лежащий сказал: «Нет, брат, он прав, а ты виноват, и ежели кто из вас тронет его волосом, то я вступлюсь за него и переломаю вам руки и ноги»; ибо был он молодец, приземистый борец, всех проворнее и сильнее и имел подле себя орясину, то хозяин и все прочие соумышленники удивились и опешили. Это был господин землемер, недавно приехавший из Саратова, поручик Петр Алексеевич Гасвицкой, который с того времени сделался Державину другом.

Третье. Помянутый сродственник господина Блудова, Максимов, живший с ним в одном доме, имел в Москве великое знакомство, а особливо с сенатскими чиновниками; ибо имел по сему правительству дела. Он имел свои деревни в тогдашней Пензинской губернии, близ села Малыковки, что ныне город Волск. К нему хаживал той волости экономический крестьянин Иван Серебряков, содержавшийся в сыскном приказе по поводу подаваннаго им проекта Императору Петру Третьему о населении выходящими из Польши раскольниками на местах пусто-

порожних, лежащих по реке Иргизу, впадающей в реку Волгу. Поелику же он Серебряков и к нему приставленные начальники тот проект и сделанную по оному им от правительства доверенность употребляли во зло, принимая всякаго рода и господских людей вместо польских выходцев, давали им для поселения по Иргизу билеты; то и было о том следствие, а он до окончания онаго и решительнаго о нем приговора содержался в том приказе. Известно же было из манифеста о турецкой войне, что Запорожские казаки, под предводительством атаманов их, Железняка и Черняя, разграбили польскую Украйну и разорили за Днепром турецкую слободу Балту, от чего война началась; то и велено было выступившим в поход войскам тех Запорожцев переловить и послать в Сибирь, что и исполнил граф Петр Александрович Румянцов. По приводе в Москву некоторых из тех разбойников и главных их предводителей, Железняка и Черняя, последний занемог, или притворился больным, то до выздоровления и посажен в тот же сыскной приказ, где содержался Серебряков; и как они сидели в одном покое, то между разговорами разсказал Черняй Серебрякову о награбленном с его артелью богатстве, а можетбыть и с прикрасою, что ямы наполнены ими, покрытыя землею, серебряной посудой, и пушки жемчугом и червонцами. У Серебрякова на сие сокровище разгорелись зубы. Сообщил он сие сведение вышесказанному Блудова родственнику, живущему в одном с Державиным доме, и прельстил его своими росказнями. Сей или оба они вознамерились воспользоваться сим богатством. Для чего Серебряков, выпрашиваясь из-под краула, нередко хаживал к нему, и Державин его у него несколько раз видал; но никак не участвовал в их умысле, тем паче, что они, желая одни набогатиться, никогда и не приглашали его к тому. А как им нельзя было без сообщников сильнейших и произвести в действие сего своего предприятия, то и пригласил сказанный родственник к сему промыслу довольно значущих чиновных людей из господ сенатских и прочих благородных людей, своих приятелей, чрез коих бы высвободить Черняя и Серебрякова из тюрьмы. Они это сделали таким образом: составили подложный вексель на Черняя, по которому произвели взыскание, и как находился такой закон, по коему должно было изо всех правительств по требованиям посылать в магистрат для уплаты их долгов их заимодавцам, а из магистрата дозволялось отпускать их в баню, в церковь

и к родственникам под присмотром; — сего довольно ключкотворцам. Черняй отпущен в баню под надзиранием одного гарнизонного солдата: на Царицыной площади отбит незнаемыми людьми; а Серебрякова выпросил под свое поручительство помянутый господина Блудова родственник. Сия побочная история введена здесь для того, что после откроется у оной связь с коммиссиею, по возмущению Пугачева бывшей, в которой употреблен был Державин.

Наконец, кратко сказать, он, проживая в Москве в знакомстве с таковаго разбора людьми, чрезвычайно наскучил или, лучше сказать, возгнушавшись сам собою, взял у приятеля матери своей 50 руб., который прошен был от нея ссудить в крайней его нужде, бросился опрометью в сани и поскакал без оглядок в Петербург. Сие было в марте месяце 1770 года, когда уже начало открываться в Москве моровое поветрие. В Твери удержал-было его некто из прежних его приятелей, человек распутной жизни, но кое-как от него отделался, издержав все свои денжонки. На дороге занял у едущаго из Астрахани садоваго ученика с виноградными к двору лозами 50 руб. и те в новгородском трактире проиграл. Остался у него только рубль один, крестовик, полученный им от матери, который он во все течение своей жизни сберег. Подъезжая к Петербургу в 1770 году, как уже тогда моровое поветрие распространялось, нашел на Ижоре или Тосне заставу карантинную, на которой должно было прожить две недели. Это показалось долго, да и жить за неимением денег было нечем; то старался упросить карантиннаго начальника о скорейшем пропуске, доказывая, что он человек небогатый, платья у него никакого нет, которое бы окуривать и проветривать должно было; но как был у него один сундук с бумагами, то и находили его препятствием; он, чтобы избавиться от онаго, сжег при краульных со всем тем, что в нем ни было, и, преобратя бумаги в пепел, принес на жертву Плутону все, что он во всю молодость свою чрез 20 почти лет намарал, как-то: переводы с немецкаго языка и свои собственныя сочинения в прозе и в стихах. Хороши ли они, или дурны были, того теперь сказать не можно; но из близких его приятелей кто читал, а особливо *Христианина в уединении*, Захария, весьма хвалили.

Приехав, как выше сказано, в Петербург с одним рублем, благословлением матери, занял на прожиток 80 руб-

лей у Григорья Никифоровича Киселева, давнишняго своего приятеля, казанскаго помещика, с которым учились вместе в гимназии, служили в полку и гуляли на подставах. Тут брата своего застал уже бомбардиром или мушкетерским капралом, но больным в чахотке, что, быв на ученье, от усильнаго поворачивания пушки надорвался, вспотел и пошед домой простудился, от чего пришла сперва лихорадка, от которой лечился известным славным шарлатаном Ерофеичем, вылечившим графа Алексея Григорьевича Орлова от весьма опасной болезни, от котораго все лучшие доктора отказались[19]. Выпив несколько приемов настояннаго с какими-то кореньями питья, стал кашлять кровью и получил вышеобъявленную неизлечимую болезнь. Видя его в весьма короткое время изсохнувшим, отпросил в отпуск к матери в Казань, где он под ея призором осенью, более 20 лет от рождения своего, кончил жизнь и погребен на Проломной улице, у церкви Вознесения Господня.

Оставшись после брата, на занятыя у Киселева деньги выиграл сотни две рублей у помянутаго выше господина Протасова, заплатил долг и пробавлялся кое-как, имея наиболее обхождение с ним, с Петром Васильевичем Неклюдовым и с капитаном Александром Васильевичем Толстым, у котораго тогда и в 10-й роте находился. Сии трое честные и почтенные люди его крайне полюбили за некоторыя его способности, что он изрядно рисовал или, лучше сказать, копировал пером с гравированных славнейших мастеров эстампов, так искусно, что с печатными не можно было узнать рисованных им картин. Более же всего нравился он им за некоторое искусство в составлении всякаго рода писем. Писанныя им к Императрице для всякаго рода людей притесненных, обиженных и бедных всегда имели желаемый успех и извлекали у нея щедроты. Случалось, обработывал он приказныя и полковыя дела, и доклады иногда к престолу, и любовныя письма для Неклюдова, когда он влюблен был в девицу Ивашеву, на которой после и женился, хотя отец сперва тому и противился.

В 1771 году переведен в 16-ю роту, в которой отправлял фельдфебельскую должность в самой ея точности и исправности; так что, когда назначен был в том лете лагерь под Красным Кабачком, то капитан Василий Васильевич Корсаков, никогда не служивший в армии и ни мало не сведущий военных движений, возложил все свое упование

на фельдфебеля, ибо и офицеры были столько же сведущи в том, как и он, или по крайней мере люди изнеженные или ленивые, что не хотели заниматься своею должностию: такова была тогда служба. Но как и он ничего не знал и не знали, как в лагерь вступить, то и принужден был у солдат, недавно написанных в гвардию из армейских полков, учиться, а чтоб не стыдно было, то, вставая на заре, собирал роту и, разставя колья, назначал им лагерныя улицы и входы и вводил в них повзводно или пошеренжно людей. А как лагерь благополучно отстояли, и на полковом смотре никакого безпорядку не случилось, то и более заслужил уважения от всех офицеров и унтер-офицеров, которые избрали его в хозяина и препоручили сложенную ими компанионскую сумму. По выходе из лагеря, в сентябре, как надобно было к приближающемуся новому году атестовать из унтер-офицеров в офицеры, что тогда происходило чрез собрание ротных командиров и прочих офицеров, то нельзя было не отдать справедливости, по службе, по поведению и по честности, фельдфебелю. Однакоже полковой адъютант Желтухин, имея меньшаго брата сержантом, младшим Державина, за которым ему не могло достаться в офицеры, и желая как можно натянуть, придирался всячески к фельдфебелю, и в один раз, что минуту после его приезду на полковой двор пришел за приказом, поставил его под ружье, желая тем представить его неисправным в должности и обнесть тем у маиора Маслова, котораго он был любимец и делал из него, что хотел, который уже был направлен, чтоб Державина за бедностию в гвардии офицеры не производить, а выпустить в армейские офицеры. Однакоже, как офицеры знали его способности, а особливо помянутые Неклюдов, Протасов и Толстой, которые были уже капитанами из лучших и маиором уважаемы, наотрез в собрании сказали, что ежели Державин не атестуется, то они никого других атестовать не могут. Итак он в начале 1772 года, генваря 1-го дня, произведен гвардии прапорщиком в ту же 16-ю роту, в которой служил фельдфебелем. В самом деле, бедность его великим была препятствием носить звание гвардии офицера с пристойностию: а особливо тогда более даже, нежели ныне, предпочитались блеск и богатства и знатность, нежели скромныя достоинства и ревность к службе. Но как бы то ни было, ссудою из полку сукна, позументу и прочих вещей на счет жалованья (ибо тогда из полковой экономической суммы всегда коммиссаром запасалось оных довольное количество)

обмундировался он; продав сержантский мундир, купил аглинские сапоги и, небольшую заняв сумму, и ветхую каретишку в долг у господ Окуневых, исправился всем нужным. Жил он тогда в маленьких деревянных покойчиках, на Литейной, в доме господина Удолова, однакоже порядочно, устраняясь от всякаго развратнаго сообщества; ибо имел любовную связь с одною хороших нравов и благороднаго поведения дамою, и как был очень к ней привязан, а она не отпускала его от себя уклоняться в дурное знакомство, то и исправил он по-малу свое поведение, обращаяся между тем, где случай дозволял, с честными людьми и в игре, по необходимости для прожитку, но благопристойно. Из офицеров приязнь его тогда была наиболее с поручиком Алексеем Николаевичем Масловым, который также имел интригу с одною довольно чиновною дамою. Сей Маслов был человек довольно умный, честный и с нарочитыми в словесности, а особливо на французском языке, сведениями; но при всем том ветреный и мот, который ввел Державина в большия хлопоты, как о том ниже увидим.

В сем году около осени случилось замечательное происшествие. В один год, помнится в июле месяце, отдан приказ, чтоб выводить роты на большое парадное место в три часа поутру. Прапорщик Державин приехал на ротный плац в назначенное время. К удивлению, не нашел там не токмо капитана, но никого из офицеров, кроме рядовых и унтер-офицеров; фельдфебель отрепортовал ему, что все больны. Итак, когда пришла пора, он должен вести один людей на полковое парадное место. Там нашел маиора Маслова, и прочия роты начали собираться. Когда построились, сказано было: «к ноге положи», и ученья никакого не было. Таким образом прождали с 3-х часов до 9-го часа в великом безмолвии, недоумевая, что бы это значило. Наконец от стороны слобод, что на Песках, услышали звук цепей. Потом показался взвод солдат в синих мундирах. Это была сенатская рота. Приказано было полку сделать каре, в которой, к ужасу всех, введен в изнуренном виде и бледный унтер-офицер Оловянишников, и с ним 12 человек лучших гранодер. Прочтен указ Императрицы и приговор преступников. Они умышляли на Ея жизнь. Им учинена торговая казнь; одели в рогожное рубище и тут же, посажав в подвезенныя кибитки, отвезли в ссылку в Сибирь. Жалко было и ужасно видеть терзание их катом, но ужаснее того мысль, как мог благородный чело-

век навесть на себя такое бедствие. Однакоже таковых умышлений на Императрицу было не одно сие (окроме возмущения злодея Пугачева, которое будет ниже несколько обстоятельнее описано, потому что в усмирении онаго участвовал и Державин), и именно гласныя, не говоря о невышедших наружу: скоро по коронации в Москве Хрущевский и Жилинский; по возвращении в Петербург Озеровский и Жилинский: первые ошельмованы на эшафоте переломлением шпаг и разосланы на житье по их деревням, вторые в каторжную работу в Сибирь, а Пугачевский успокоен с большим кровопролитием в междоусобной брани.

ОТДЕЛЕНИЕ III

С помянутаго возмущения по вступление Державина в статскую службу

Причины сего возмущения, крывшияся в Яицком или нынешнем Уральском городке, здесь не описываются, потому что известны они будут по историческим известиям. Начну тем, что во время брачнаго торжества великаго князя Павла Петровича с великою княжною Натальею Алексеевною, в 1773 году, в сентябре, стали разноситься по народу слухи о появившемся в Оренбургской губернии разбойнике, для поимки коего посланы гарнизонныя и прочия команды; а как несколько молва замолкла, то и думали, что неспокойство утушено. Но вдруг во дворце, на бале, в Андреев день, то есть 30 ноября, Государыня, подошед к генерал-аншефу, Измайловскаго полку маиору, Александру Ильичу Бибикову (которому пред тем наскоро было велено отправиться в главную армию под начальство графа Петра Александровича Румянцова, с которым тогда был он не весьма в приязни), объявила о возмущении, приказав ему ехать для возстановления спокойствия в помянутой губернии[20]. Бибиков был смел, остр и забавен, пропел ей русскую песнь: «Наш сарафан везде пригожается». Это значило то, что он туда и сюда был безпрестанно в важныя дела употребляем без отличных каких-либо выгод; а напротив того, от Румянцова и графа Чернышева, управляющаго военною коллегиею, иногда был и притесняем. Вследствие чего на другой день были к нему наряжены в ассистенты или помощники многие гвардии офицеры по его выбору, ему знакомые, а именно: из Преображенскаго полку Кологривов, из Семеновскаго Маврин и Горчаков, из Измайловскаго Лунин и Собакин, и дан в воен-

ную коллегию *(указ) об* отряде в его команду войск.

Державин узнал сие, и как имел всегда желание употреблен быть в войне или в каком-либо отличном поручении, даже повергался иногда в меланхолию, что не имел к тому средства и удобства, ибо во время посылки на флоте команд в Архипелаг не находился в Петербурге, а в армию ехать волонтером не имел достатку, ибо гвардию тогда обыкновенным порядком на войну, как прочие армейские полки, не употребляли, кроме вышеозначенной экспедиции на флоте; итак вздумал открывшимся случаем воспользоваться. Вследствие чего, хотя ему генерал Бибиков ни мало не был знаком, но он решился ехать к нему и без рекомендации, слыша, что он человек разумный и могущий скоро проникать людей. Приехав, открыл ему свое желание, сказав, что слышал по народному слуху о поездке его в какую-то секретную коммиссию в Казань; а как он в сем городе родился и ту сторону довольно знает, то не может ли он быть с пользою в сем деле употребленным? Бибиков ответствовал, что он уже взял гвардии офицеров, ему людей известных, и для того сожалеет он, что не может исполнить его просьбы. Но как Державин остался у него еще на несколько *(времени)* и не поехал скоро, то он, вступя с ним в разговор, был им доволен, однакоже никакого не сделал обещания. Простясь, с огорчением от него поехал; но в приказе полковом ввечеру с удивлением увидел, что по высочайшему повелению велено ему явиться к генералу Бибикову. Он сие исполнил и получил приказание чрез три дни быть к отъезду готовым. <...>

Несколько дней спустя, возвратился отряд его и привез с собою заводскаго служителя Мельникова, бывшаго в толпе злодейской полковником, находившагося при Пугачеве. Сей в допросе показал, что убежал от него, когда его сообщник Творогов и прочие на ночлег при речках Узенях схватили и увезли в Яицкий город к находящемуся там в Секретной Коммиссии гвардии офицеру Маврину; что посланные крестьяне днем только одним не поспели к тому ночлегу, так что разведенный на нем огонь еще совсем не погас и несколько головней курилось. Державин в тот же час отправил его под крепким краулом к Голицыну, яко близ его находящемуся военному генералу, и донес также о поимке самозванца в Казань генералу Потемкину; сам же на несколько дней остался на месте, пока не получил от разных от него повсюду разосланных лазутчиков подтвердительных о том же известий. Князь

Голицын, разспрося присланнаго от Державина бродягу Мельникова, послал тогда же с сим радостным известием о поимке самозванца подполковника Пушкина в Пензу к находившемуся там, принявшему тогда полную команду над всеми войсками, посланными на истребление бунта, к генерал-аншефу графу Петру Ивановичу Панину. Сей Пушкин, по повелению князя, просил Державина сказать ему чистосердечно, не дал ли он о сей поимке злодея известия ему главнокомандующему прежде его, или кому другому из генералов. Державин сказал, что он репортовал только тех, кого должно по команде; а именно: — его Голицына, а по секретной — генерала Потемкина, предоставляя к главному начальству дать сведение им самим: чем и был он доволен, полагая, что посланный к Потемкину курьер в Казань, сделав крюк несколько верст направо, не мог достигнуть прежде в Петербург, чем прямою дорогою чрез Пензу от графа Панина, но как Державин, послав своего курьера в Казань чрез Сызрань, написал в его подорожной, для ободрения селений, пребывавших от возмущения в ужасе по дороге лежащих, то сызранский воевода, увидя толь благоприятное известие, уведомил о том наскоро графа Петра Ивановича, и как сие уведомление дошло до графа прежде привезеннаго подполковником Пушкиным, то и встала на Державина буря.

Таковое спутанное обстоятельство раздражило чрезмерно честолюбиваго военачальника. Граф Панин подумал, что в угождение Потемкину, которому сродственник был князь Потемкин, тогдашний любимец Императрицы, с умыслу умедлено донесение, и тем главное начальство его презрено и доставлена честь перваго известия о поимке злодея им Потемкину, а не ему, как по порядку службы следовало. Хотя посланный из Казани от генерала Потемкина курьером маиор Бушуев, приехал в Петербург после отправленнаго от Панина из Пензы князя Лобанова-Ростовского, но доколе сего впоследствии не объяснилось, то граф Панин пребывал в чрезвычайном на Державина бешенстве, и в пылу своего гнева, придравшись к безпорядкам саратовским, почитая виновника им Державина, требовал от него, чрез генерала Мансурова, от 27-го сентября ответа: каким образом не случился он быть, при нападении на Саратов, как на посте его, где с командою пребывание его требовалось? когда, за сколько времени от того нападения, и куды отлучался? Хотя вместо наград за ревностную службу, таковое повеление было крайне

обидно; но отвечать было на оное не трудно, потому что у него Державина не было никаких военных людей под командою, и отлучился он из Саратова пред нападением злодеев не по собственному своему желанию и не по трусости, но по обстоятельствам вышеописанным и не туды, куды прочие военные начальники, Бошняк, Семанж и прочие, по способности плыть вниз Волгою рекою в Царицын на судах, убежали под защиту того города коменданта Цыплетева; но в мятущияся внутренния селения, дабы распустить собранных там им крестьян, могущих усилить толпы злодея и оборонить, если можно будет, колонии, что им, как выше видно, удачно и исполнено. А как таковой рапорт или ответ, от 5-го числа октября 1774 года посланный, по пылкому свойству Державина был довольно смел и неуступчив, так что он, надеяся на правоту свою, требовал суда: то и получил от него графа Панина от 12-го числа того же месяца пространный и весьма велеречивый ордер, которым он хотя показывал свое неудовольствие и насмехался, что не им Державиным Пугачев пойман; однако наконец заключил точно сими словами: «Впрочем будьте уверены, что все сие из меня извлекло усердие к людям, имеющим природныя дарования, какими вас Творец вселенной наградил, по истинному желанию обращать их в прямую пользу служения владеющей нашей великой Государыне и отечеству и по той искренности, с которою я пребыть желаю, как и теперь с почтением есмь вашего благородия верный слуга граф Петр Панин». Сей ордер, частию грозный и частию снисходительный, внушил желание молодому, чувствительному к чести офицеру ехать к графу самому и, лично с ним объяснившись, разсеять и малейшее в нем невыгодное о себе заключение; а как он имел уже повеление от непосредственнаго своего по Секретной Коммиссии начальника, генерала Потемкина, ехать в Казань, то и употребил сей случай к исполнению своего намерения, хотя мог и миновать Синбирск, в котором тогда граф Панин находился.

Подъезжая к сему городу рано поутру, при выезде из подгородных слобод, встретил сего пышнаго генерала, с великим поездом едущаго на охоту... Поелику же он, по осеннему холодному времени, сверх мундира был в простом тулупе, то и не хотел в сем безпорядке ему показаться: уклонился с дороги и, по миновании свиты, приехал в Синбирск. Там нашел князя Голицына, который

чрезвычайно удивился, увидя, что маленький офицер приехал сам собою, так сказать, на вольную страсть, к раздраженному, гордому и полномочному начальнику. «Как», спросил он: «вы здесь, зачем?» Державин отвечал, что едет в Казань по предписанию Потемкина, но разсудил главнокомандующему засвидетельствовать свое почтение. «Да знаете ли вы», возразил князь, «что он недели с две публично за столом более не говорит ничего, как дожидает от Государыни повеления повесить вас вместе с Пугачевым?» Державин отвечал: ежели он виноват, то от гнева царскаго нигде уйти не может. «Хорошо», сказал князь: «но я, вас любя, не советую к нему являться, а поезжайте в Казань к Потемкину и ищите его покровительства».— «Нет, я хочу видеть графа», ответствовал Державин.— В продолжение таковых и прочих разговоров наступил вечер, и скоро сказали, что граф с охоты приехал. Пошли в главную квартиру. Державин, вошедши в комнату, подошел к графу и объявил, кто он таков и что, проезжая мимо по предписанию генерала Потемкина, заехал к его сиятельству засвидетельствовать его почтение. Граф, ничего другаго не говоря, спросил гордо: видел ли он Пугачева? Державин с почтением: «Видел на коне под Петровским». Граф, отворотясь к Михельсону: «Прикажи привесть Емельку». Чрез несколько минут представлен самозванец в тяжких оковах по рукам и по ногам, в замасленном, поношенном, скверном широком тулупе. Лишь пришел, то и встал пред графом на колени. Лицом он был кругловат, волосы и оборода окомелком, черные, склоченные; росту средняго, глаза большие, черные на соловом глазуре, как на бельмах. Отроду 35 или 40 лет[21]. Граф спросил: «Здоров ли Емелька?» — «Ночей не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сиятельство».— «Надейся на милосердие Государыни», и с сим словом приказал его отвести обратно туды, где содержался[22]. Сие было сделано для того, сколько по обстоятельствам догадаться можно было, что граф весьма превозносился тем, что самозванец у него в руках, и, велев его представить, хотел как бы тем укорить Державина, что он со всеми своими усилиями и ревностию не поймал сего злодея. Но как бы то ни было, тотчас после сей сцены граф и все за ним пошли ужинать. Державин разсудил, что он гвардии офицер и имел счастие бывать за столом с Императрицею: то без особаго приглашения с прочими штаб- и обер-офицерами осмелился

сесть. В начале почти ужина граф, окинув взором сидящих, увидел и Державина: нахмурился и, заморгав по привычке своей глазами, вышел из стола, сказав, что он позабыл-было отправить курьера к Государыне. На другой день до разсвету Державин, пришед в квартиру главнокомандующаго, просил камердинера доложить о приходе своем его сиятельству, сказав, что он имеет нужду. Ответствовано, чтоб подождал. Наконец, по прошествии нескольких часов, около обеден, граф вышел из кабинета в приемную галлерею, где уже было несколько штаб- и обер-офицеров. Он был в сероватом атласном, широком шлафроке, в французском большом колпаке, перевязанном розовыми лентами. Прошед несколько раз вдоль галлереи, не говоря ни с кем ни слова, не удостоил и взгляда дожидающагося его гвардии офицера. Сей, когда полководец проходил мимо, подошед к нему с почтением, взял его за руку и остановя сказал: «Я имел несчастие получить вашего сиятельства неудовольственный ордер; беру смелость объясниться». Таковая смелая поступь графа удивила. Он остановился и велел *(идти)* за собою. Проходя чрез несколько комнат в кабинет и вошедши в оный, гневно делал ему выговоры, и между прочим, что он в Саратове с комендантом Бошняком, пред нашествием на сей город злодеев, обходился неуважительно и даже в один раз выгнал его от себя, сказав, чтоб он, во исполнение общественнаго и собственнаго его приговора, не препятствовал делать гражданам предположеннаго укрепления, и шел бы туда, где ему долг и честь быть повелевают. Офицер, выслушав с подобострастием окрик генерала, сказал, что «это все правда, ваше сиятельство: я виноват пылким моим характером, но не ревностною службою. Кто бы стал вас обвинять, что вы, быв в отставке, на покое и из особливой любви к отечеству и приверженности к высочайшей службе всемилостивейшей Государыни, приняли на себя в толь опасное время предводить войсками против злейших врагов, не щадя своей жизни? Так и я, когда все погибало, забыв себя, внушал в коменданта и во всех долг присяги к обороне города». Сие или сему подобное, когда с чувствительностию выговорено было, то у сего надменнаго и вместе великодушнаго генерала вдруг покатились ручьем из глаз слезы. Он сказал: «Садись, мой друг; я твой покровитель». С словом сим вошед камердинер доложил, что генералы пришли и желают его видеть. Тотчас отворились двери. Вошли

князь Голицын, Огарев, Чорба, Михельсон и прочие, из коих первый, как принимал участие в Державине, то при самом входе и бросил на него глаза, желая знать, что с ним произошло. Разговор начался об охоте; граф хвалился, что была успешна. Державин, дабы удостоверить слышателей о своей невинности и благоприятном к нему расположении начальника, несмотря на произнесенные им недавно на него при многолюдстве грозы, вступя в разговор об охоте, сказал с усмешкою графу, что он смеет честь оной приписать себе! «Как?» с любопытством спросил граф.— «По русской пословице, ваше сиятельство», ответствовал поручик: «какова встреча, такова и охота. Я при самом выезде из города вас встретил и добрым сердцем пожелал вам удачливой охоты». Граф, засмеявшись, поблагодарил, и когда оделся, по выходе из кабинета, пригласил к обеду. За столом, показав ему место против себя, говорил почти с ним одним, разсказывая, каким образом московское дворянство в собрании своем для приятия мер к защите от мятежников сей столицы, когда назначался в предводители войск граф Петр Борисович Шереметев, то мало или почти никого не вооружали людей своих по примеру казанскаго дворянства; а когда его графа наименовали в вожди, тогда ничего не жалели. Словом, Державин приметил сильное любочестие и непомерное тщеславие сего впрочем честнаго и любезнаго начальника; но сею слабостию его, как будет ниже видно, не умел или не хотел воспользоваться. По окончании обеда граф пошел отдыхать. В шесть часов после полудня, как бывало обыкновенно при дворе Екатерины, генералитет и штаб-офицеры к нему собрались. Граф опять вступил в пространный разговор с Державиным и занимал его оным более получаса, разсказывая про прусскую семилетнюю войну, в которую он служил еще полковником, и наконец про турецкую и более всего о взятии Бендер под его предводительством в 1770 году, чем он весьма превозносился, твердя непрестанно, что молодым людям весьма нужна во всех делах практика, как и вышеупомянутый его ордер от 12 октября сим выражением был наполнен. Потом сел за карточный стол с Голицыным, Михельсоном и еще с кем-то, составя вист, игру тогда бывшую уже в моде. Тут Державин сделал великую глупость. Ему не разсудилось в угодность главнокомандующаго, стоя попусту зевать, для чего, подошедши к нему, сказал, что он едет в Казань к генералу Потемкину, то не

угодно ли будет чего приказать? Сие так тронуло графа, что виден был гнев на лице его, и он, отворотясь, холодно сказал: «Нет». Но если б несколько при квартире его побыл и поласкал его самолюбие, как прочие, то бы, судя по снисходительному его с ним обращению, уважительным разговорам, мог надеяться всего от него добраго; но незнание света сделало ему сего сильнаго человека из покровителя страшным врагом, что впоследствии усмотрится.

Приехав в Казань, нашел также и генерала Потемкина себе неблагоприятным за то, для чего он на выписанные вопросы отвечал рапортом графу и заезжал к нему представляться в Синбирск: судя, что Державин у него был в непосредственной команде, то и должен был чрез него послать ему и Голицыну репорт и сам собою лично им не представляться. Державину сего в голову не приходило, и доднесь он не понимает, справедливо ли сие обвинение. Но как бы то ни было, генерал Потемкин очень сухо с ним обошелся и не принял на счет свой тех пяти сот рублей, которыя даны были малыковским крестьянам, посыланным на Узени за Пугачевым и привезшим первую ведомость о его поимке. Державин сказал, что для него все равно, он или князь Голицын примет на счет экстраординарных своих сумм сии деньги, и в то же время показал ему сего князя ордер, велевшаго из дворцовых малыковских доходов на счет его экстраординарной суммы употребить те 500 рублей. Сей ордер выпросил Державин у князя Голицына не по какой надобности, ибо он, по открытому отношению с прописом имяннаго указа покойным генералом Бибиковым ко всем управителям, воеводам и губернаторам, мог брать везде деньги, сколько бы ему ни понадобилось; но единственно из хитрой осторожности для того что ежели бы помянутые малыковские крестьяне 500 человек не с тем намерением к Пугачеву присоединились, чтоб находящагося его в безсилии с малым числом его сообщников на Узенях поймать, но в самом бы деле изменили и умножили собою толпу его, то чтобы ему не быть в ответе как за издержание, так и за произведение в действо сей стратажемы[23]. Но как генерал князь Голицын об оной знал и позволил взять деньги, то и упадала бы неудача в несчастном случае более на генерала, нежели на офицера. Таким образом, хотя вывернулся Державин из сей прицепки с честию, но случившееся небольшое любовное соперничество, в котором, казалось, одною прекрасною дамою офицер предпочитаем был генералу,

то и умножилась между ими остуда, для чего и командирован был первый последним паки на Иргиз, якобы для сыску в тамошних скитах помянутаго раскольничьяго старца Филарета, который, по показанию некоторых сообщников Пугачева, благословил якобы его на принятие имени императорскаго. А как сие было уже в ноябре, то сбирающийся офицер в новую коммиссию, ездя в суетах по городу, по неосторожности простудился и получил сильную горячку, от которой едва не умер.

В продолжение оной генерал Потемкин отозван в Москву для доследования в Тайной канцелярии привезенных туда злодеев, и имел ту неприятность, что, не предполагая какой-либо злобы, а более от неискусства в производстве сего рода дел или из неосторожности, оклеветанный им Императрице митрополит Вениамин оправдался, который уже был у него яко изобличенный свидетелями изменник, что будто во время нападения злодейскаго на Казань присылал к нему *(т. е. Пугачеву)* с келейником своим на умилостивление или для спасения жизни своей подарки; содержан под крепким краулом, к которому *(не)*[24] приказано было никого не пускать и ни с кем не переписываться. Но сей хитрый пастырь умел отправить чрез отверзтие нужнаго места тайным образом приверженнаго к себе служителя с письмом в Петербург, и по оному сей первосвященник явился невинным, так что за его претерпение напасти сей Императрица благоволила наградить его брилиантовым крестом на клобук, и он торжественно, при собрании множества народа, имел удовольствие в соборной церкви слышать всемилостивейший рескрипт Государыни, объявляющий его невинность, и служить благодарный за здравие Ея Величества молебен.

Но при всей невзгоде генерала Потемкина, Державин, по выздоровлении своем, не отпущен был им в Москву, как прочие его сотоварищи гвардии офицеры, бывшие в Секретной Коммиссии, но велено ему было, как выше сказано, для поиску Филарета ехать в Саратов и в прочия близ Иргиза лежащия области. Таким образом он пробыл всю весну и небольшую часть лета 1775 года в колониях праздно, потому что для поиску Филарета отправлены были уже гласно от графа Панина военныя команды; следовательно тайный его поиск в той стране едва ли был и нужен. В июне получил он от того генерала Потемкина, яко начальника Секретной Коммиссии, ордер, повелевающий ему явиться к полку, который находился, как

и весь двор, давно уже в Москве. Но прежде прибытия Государыни в сию столицу совершена была уже публичная казнь самозванцу с некоторыми его главными сообщниками, Перфильевым и прочими. Державин должен был приехать в Москву непременно к торжеству Турецкаго мира[25]. Итак, не медля более на своем пепелище — ибо дом его в Казани и деревни были до основания разорены — простясь с престарелою и сокрушенною печальми матерью, которая при нападении на сей город, яко жертва уже на смерть приготовленная, претерпела мучительный плен, пустился в свой путь, получа несколько денег за проданный из оренбургской деревни малыковским крестьянам хлеб. Проезжая мимо Свияжска, воевода онаго города, Афанасий Иванович Чириков, показал ему от бывшаго в Сенате герольдмейстером князя Михайла Михайловича Щербатова[26] письмо, в котором он к нему пишет: «Когда будет проезжать мимо вас гвардии офицер Державин, находящийся теперь в вашем краю, то скажите ему от меня, чтоб увиделся со мною в доме моем, когда придет в Москву». Таковое чудное приглашение удивило. Не можно было из него ничего основательнаго заключить, ибо князь Щербатов совсем Державину знаком не был и никакой с ним связи и переписки не имел. Что бы ни было, он решился с ним видеться. Но по приезде в Москву нашел полковыя обстоятельства для себя сколько новыя, столько же и неприятныя, ибо прежние начальники все переменились: командовали полком князь Потемкин и маиор Толстой, которые не были знакомы. И первый из них, может, по холодным отзывам генерала Потемкина, а второй по наветам любимца его, офицера Цурикова, который прежде еще командировки Державина в сию экспедицию был с ним в ссоре, то и принят он был маиором Толстым без всякаго внимания, и велено его было числить при полку просто, как бы явившагося из отпуска или из какой ничего незначущей посылки. Сие крайне раздражило служившаго с ревностию в опасных подвигах молодаго офицера и заслужившаго от многих генералов и от самаго Потемкина в многих ордерах и письмах чрезвычайную похвалу, так что многие из них обещались его представить прямо к высочайшему престолу; но как пришло к исполнению обещаний, то и спрятались они с своими протекциями, или не хотели, или не могли ничего в пользу его сделать, в том числе и князь Голицын. Напротив того, на другой день был наряжен во дворец

на караул. И как в небытность его, командою любимца Императрицы графа, что после был князем, Григория Александровича Потемкина, строевой порядок в полку переменился, то он ничего не зная о том, и сделал ошибку, а именно: как должно было по новому введению командовать взводу просто: «вправо заходи»,— он по-прежнему сказал: «левый стой, правый заходи»; то и встала беда, которая тем более сочтена непростительною, что рота, наряженная на караул, была на щегольство князем Потемкиным по его вкусу в новый мундир одета, и пред фельдмаршалом графом Румянцовым-Задунайским, приехавшим тогда в Москву для торжества мира, смотревшим из дворцовых окон, должна была заходить повзводно. За сию невинную ошибку, когда выступил полк в лагерь на Ходынке, без очереди проступившийся офицер наряжен на палочный караул. Сие наипаче поразило честолюбивую его душу, когда представлял он себе, что давно ли вверено ему было толь важное поручение, в котором мог он двигать чрез свои сообщения корпусами генералов, брать деньги в городах, сколько хотел, посылать лазутчиков, казнить смертию, воспрепятствовал злодеям весною пробраться по Иргизу во внутренния, не огражденныя никем провинции, и защитил, так сказать, своим одним лицом от расхищения Киргизцев все иностранныя колонии, на луговой стороне Волги лежащия, чем совокупно спас паки и Империю и славу Государыни Императрицы, которая, выписав их из чужих земель, приняла под свое покровительство и обещала устроить их блаженство прочнее, нежели в их отечестве. Но за все сие вместо награды получил уничижение пред своими собратиями, гвардии офицерами, которые награждены были деревнями, а он не только оставлен без всякаго уважения, но как негодяй, наряжен был на палочной караул.

Таковыми чувствами возмятенный, вспомнил он о письме князя Щербатова, показанном ему Чириковым в Свияжске: полетел к нему узнать причину его непонятнаго приглашения. Приехав, сказал кто таков и что он ожидает его сиятельства приказания. Князь сказал, что ничего не имеет и не может ему приказать; но только, получив от Государыни его реляции для сохранения в Архиве с прочими происшествиями прошедшаго века, желал его лично узнать; дополня, что он ему сделает честь своим знакомством, предлагая к услугам несколько покоев в его доме и что ему только нужно. «Но при всем

том», продолжал князь, «вы несчастливы. Граф Петр Иванович Панин — страшный ваш гонитель. При мне у Императрицы за столом описывал он вас весьма черными красками, называя вас дерзким, коварным и тому подобное». Как гром поразило сие Державина. Он сказал князю: «Когда ваше сиятельство столько ко мне милостивы, что откровенно наименовали мне моего недоброхота, толь сильнаго человека, то покажите мне способы оправдать меня против онаго в мыслях моей всемилостивейшей Государыни».— «Нет, сударь, я не в силах подать вам какой-либо помощи; граф Панин ныне при дворе в великой силе, и я ему противоборствовать никак не могу».— Что ж мне делать? спросил огорченный.— «Что вам угодно. Я только вам искренный доброжелатель».— С сим они разстались. Приехав на квартиру и размысля неприязнь к себе сильных людей и не имея ни единой подпоры, пролил горькия слезы и не знал что делать. А паче по стесненным своим домашним обстоятельствам, что не токмо не имел чем жить, но при пожаловании его в офицеры, когда хороший его приятель, поручик Алексей Николаевич Маслов одолжил его некоторыми нужными вещами, и он, по дружеской своей с ним связи, обязан был по возможности своей ему служить, то он уговорил его поручиться за него в дворянском банке в нарочито знатной сумме, уверив верною в срок заплатою; а как по существующим тогдашним законам можно было знаменитым людям ручаться за кого-либо и без залогов недвижимаго имения, ибо материнское даточное его Алексея имение заложено было беззаконно в коммерческий банк отцом его полковником Николаем Ивановичем Масловым, то в дворянский банк его не принимали. Державин, поехав для усмирения бунта, в продолжение слишком двух лет не видав Маслова, думал, что он, заплатя свой долг, освободил его из-под поручительства, но тут, к умножению его горести, узнал, что приятель его поручик Маслов так замотался, что не токмо не платил процентов в банк за занятую сумму, но, быв отставленным подполковником, в уклонение от платежа других долгов, бежал в Сибирь в безвестности, так что не будучи сыскан, обратил банковое взыскание на поручителя по себе Державина. А как у него собственнаго имения, кроме самомалейшаго, не было, а которое и было, то без раздела с матерью закладывать было его не можно, то и обвинен он был в подложном ручательстве, а между тем для сохранения казеннаго

интереса велено было какое где только нашлось, взять и материнское имение в присмотр правительства. Словом, кроме сокрушения сердечнаго, которое он причинил сим поступком матери, со всех сторон разверста была пред ним бездна погибели.

Но при всем том, он не потерял духа, а возвергнув печаль свою на Бога, решился действовать отважнее. Вследствие чего просил маиора Толстаго представить его подполковнику своему, тогдашнему графу, что был после князем Григорию Александровичу Потемкину; но как он от сего отговорился, то и написал он от 11-го июля к подполковнику письмо такого содержания: что во весь продолжавшийся мятеж был он в опасных подвигах, не имея у себя помощников, что воспретил злодеям пробраться во внутренния провинции, что спас колонии от Киргиз-кайсаков, что остался один не награжденным против своих сверстников, несравненно менее его трудившихся, и тому подобное, а для того и просил, ежели он в чем виновен, то не терпеть его в службе с собой в одном полку, а ежели он служил как должно ревностному офицеру, то не оставить его без награждения, тем более, что он лишился в сем мятеже и собственности своей в Казанской и Оренбургской губерниях. Письмо сие взяв с собою, поехал он на Черную Грязь или в подмосковную деревню князя Кантемира, которую недавно Государыня купила и изволила там жить в маленьком домике, не более как из 6 комнат состоящем, в коем помещался и Потемкин[27]. По обыкновению, при дверях сего вельможи нашел он камер-лакея стоящаго, который воспрещал вход в уборную, где ему волосы чесали. Камер-лакей не хотел пустить, но он смело вошел, сказав: где офицер идет к своему подполковнику, там он препятствовать не может. Сказав свое имя и где был в откомандировке, подал письмо. Князь прочетши сказал, что доложит Государыне. Чрез несколько дней, когда он у себя его между прочими увидел, то сказал, что Ея Величеству докладывал, и всемилостивейшая Государыня приказала его наградить, что и последует 6-го августа, т. е. в день Преображенья Господня, когда изволит в столице удостоить обеденным столом штаб- и обер-офицеров полку Преображенскаго. Наконец пришел день Преображения; угащиваны столом на Черной Грязи, а не в Москве, и награждения никакаго не вышло. Чрез несколько дней еще попытался напомянуть любимцу; но он, уже от него с негодованием отскочив, ушел

к Императрице. Между тем в течение сего время просил он князя Голицына, чтоб заплатили ему из провиантских сумм по счету деньги за продовольствие войск провиантом и фуражем, следовавших зимою к осажденному Оренбургу, которыя под предводительством подполковника Мильховича в числе 40,000 подвод, везших провиант, фураж и прочие припасы, жили у него в оренбургской деревне, яко в съездном месте, недели с две, съели весь хлеб молоченый и немолоченый, солому и сено, скот и птиц, и даже обожгли дворы и разорили крестьян до основания, побрав у них одежду и все имущество. Следовало заплатить ему. Надлежало бы, по крайней мере, тысяч до 25; но он с великим трудом исходатайствовал у того князя квитанцию только на 7000, и то из особливаго к нему благорасположения сего военачальника. А как получено тогда из Петербурга от приятеля известие, что по поручительству в дворянском банке за Маслова, когда имение сего нашлось заложенным отцом его в коммерческом банке, определяется описать в казну все, где найдется, имение его Державина и самого его требовать лично к ответу; то оставя все искание наград, отпросился в отпуск и поскакал, в исходе сентября, в Петербург, дабы банковых судей, которых Маслов, занимая деньги, умел задобрить и сделать к себе снисходительными, упросить быть и к нему Державину нестрогими, помедля вышесказанным определением, дабы он имел время где-либо просить о свободе из несправедливаго залога отца жены его Маслова имения и об отдаче онаго за сына под залог дворянскаго банка, чрез что бы ему от поручительства избавиться.

Приехав в Петербург, от 5-го числа письменно еще напомнил князю Потемкину о исходатайствовании ему обещанной за службу награды; но как на то и другое потребно было время и сильное покровительство, дабы утруждать Государыню Императрицу; то, до прибытия двора из Москвы, нечего было другаго делать, как просьбами судей удерживать в недействии банковое дело. Надобно было между тем, по приличию гвардии офицера, снабдить себя всем нужным, как-то: бельем, платьем, экипажем и прочим, то и нашелся в необходимости издерживать те 7 тысяч рублей, которыя по квитанции князя Голицына из провиантской канцелярии получил. Тем паче на сие решился, что далеко бы недостало всей сей суммы на уплату долга Маслова, и что льстился надеждою о свободе

его собственнаго имения. В получении оных денег помог ему Александр Васильевич Храповицкий[28], бывший тогда еще секретарем при генерал-прокуроре князе Вяземском. От покупки сказанных вещей и от заплаты собственнаго в банке долгу, более 2000, осталось из 7 тысяч только 50 рублей. Куды их потянуть? Решился поискать счастия в игре, которою в то время славился лейб-гвардии Семеновскаго полку капитан Никифор Михайлович Жедринской. Поехал к нему, и так случилось, что в первый вечер выиграл у него на те остальные 50 руб. до 8000, потом еще более у графа Матвея Федоровича Апраксина и у прочих в короткое время до 40,000 рублей. Сие было в октябре 1775 году. Но такое счастие продолжалось не более как месяц, а именно, до возвращения только двора из Москвы; когда же приехал и можно бы было выиграть несравненно превосходнее суммы, тогда фортуна переменилась.

В 1776 году скончалась великая княгиня Наталья Алексеевна, и Державин в Невском монастыре был при погребении тела ея на крауле, будучи уже поручиком с 1774-го июня 28 дня. Имел несчастие первую обиду снести (а впоследствии и многия) от графа Завадовскаго, который тогда еще был не более как полковником, но статс-секретарем и любимцем Императрицы, при случае том, когда хотел Державин подать чрез него прошение Государыне о упомянутом Масловском банковом деле, чтоб освободить имение Алексея Маслова, по коему он Державин был *(поручителем)* из несправедливаго залога отца его; то господин Завадовский не токмо не вошел в существо просьбы, не помог ему; но при самой подаче письма, наговорив множество грубостей, выслал его от себя. Что сему причиною было, неизвестно; кажется, ничто другое, как неожиданное и непомерное возвышение его фортуны. А как около сего же времени, то есть в половине 1776 года, случилось, что князь Потемкин, бывший любимец, впал при дворе в немилость и должен был несколько месяцев проживать в Новегороде, от чего фаворит его маиор Федор Матвеевич Толстой, быв в крайнем огорчении, спесь свою умерил; то Державин, при случае наряда роты по обыкновению в Петергоф для краула к Петрову дню, выпросился у него в сию командировку; ибо считалась оная за милость. При баталионе гвардии, наряженном для сего краула, был командирован Измайловскаго полку маиор Федор Яковлевич Олсуфьев, самый человек добрый и честный, любил, сколько и где возможно оказывать благотворения. Дер-

жавин, потеряв всю надежду на Потемкина, выпросил у сего Олсуфьева дозволение подать к Императрице прошение о своей награде. Он ему позволил. Письмо было слово от слова следующаго содержания:

«Всемилостивейшая Государыня! Ежели и самая жертва жизни ничто иное есть, как только долг Государю и Отечеству, то никогда и не помышлял я, чтоб малейшие мои труды в прошедшее мятежное безпокойство заслуживали какое-либо себе уважение. Но когда, Всемилостивейшая Государыня, великой прозорливости Вашего Императорскаго Величества праведно показалось воззреть на трудившихся в то время, и по особливой матерней щедроте и получили товарищи мои, бывшие со мною в одной коммиссии: Лунин, Маврин, Собакин и Горчаков, по желанию их, награждения. Остался я один не награжденным. Чувствуя всю тягость несчастия быть лишенным милости славящейся Государыни щедротами в свете и сравнив себя, может быть по легкомыслию, с ними, нахожу, что я странствовал год целый в гнезде бунтовщиков, был в опасностях, проезжал средь их, имея в прикрытие свое одну свою голову, не так как они города и войски, и во все сие время не имел у себя ниже в письме помощника, а исполнял то же что они; сверх того, когда еще войски не пошли и к Оренбургу, я был от покойнаго генерала Бибикова послан с секретным наставлением о наблюдении за самыми войсками, идущими для очищения Самарской линии; был в сражениях и возвратясь заслужил похвалу. Потом, находясь при нем с месяц, имел важную поверенность сочинять журнал всем к нему присланным повелениям, репортам и от него данным диспозициям. А когда войски пошли к Оренбургу, то я же опять должен был, запечатав начатой мною журнал, ехать в новую посылку на реку Иргиз. Там будучи, сделал чрез посланных от меня лазутчиков диверсию пробраться от Уральскаго городка по Иргизу на заволжския провинции, где в защиту их никаких войск не было. Свидетельствую сие злодейским письмом, присланным ко мне уже после, в осторожность, от генерала Голицына. После того воспрепятствовал вытребованными командами бежавшими от Самарской линии Ставропольским Калмыкам разорять иргизския селения и скрыться за пределы государства, что свидетельствую ордерами генерала князя Щербатова. Напоследок, удержать от несогласия начальников погибающий Саратов, сколько моего усердия показал, то самое

событие оправдало, когда по упадку духа и по разврату робких сердец не следовали первым зрелым положениям, которыя я предлагал и подтверждал, и что при сем несчастном случае, не выступая из своей должности, не брал на себя ничего лишняго, на то имею одобрение генералов: Потемкина, князей Щербатова и Голицына; и что я не должен причитаться, от падения Саратова, к тем разсеянным, которые, оставя посты свои, довольными войсками подкрепленные, явились в Царицыне; но и в самых крутизнах несчастия, подвергаясь явным опасностям, быв почти два раза в руках Пугачева, для точнаго известия о его оборотах пробыл несколько дней еще в тех местах, где самое жесточайшее зло существовало и, донеся о всем, о чем только нужно было, близ-находящимся генералам; напоследок во время всеместнаго злоключения, когда по нагорной стороне Волги жительства бунтовали, а по луговой разсыпавшиеся Киргиз-кайсаки расхищали иностранныя колонии и был Саратов вторично в опасности, то я, собрав крестьян, вооружил их и оградил те колонии кордоном, а остальными моими людьми преследовав хищников Кайсаков в степи, разбил, несколько взял живых и избавил из плена одних колонистов около 1000 человек, чему имею свидетельство — благодарный ордер князя Голицына. В самой же поимке самозванца ежели я не имел чрез посланных моих людей счастия, то и никто не может тем похвалиться; но первое известие, что он пойман, я первый всюду дал знать, за что многие получили чины. Имев кредитивы от покойнаго генерала Бибикова, не употребил их во зло и не более издержал денег в продолжение всей моей коммиссии 600 рублей; доставил нужных людей Секретной Коммиссии, и уповаю, во всей тамошней области никаких не сыщется на меня жалоб. Между тем во все то время, отдавая спасенныя мною имения их владельцам, как и немалое количество казенных, дворцовых и экономических денег и скота, принадлежащаго колониям, на что имею квитанции, лишился я всего собственнаго моего имущества в Оренбургском уезде и в Казани, даже мать моя претерпела злодейский плен. Поправить же себя щедротою Вашего Императорскаго Величества, чтоб взять из учрежденных в губерниях банков денег, не мог, ибо имение мое заложено в с.-петербургском банке.

Все сии происшествия сравнив с деяниями товарищей моих, вижу, Всемилостивейшая Государыня, что я

несчастлив. Прошлаго года в Москве принимал я смелость просить его светлость князя Григория Александровича Потемкина, яко главнаго моего начальника, заступить меня ходатайством своим пред Вашим Императорским Величеством и получил отзыв, что Вы, Всемилостивейшая Государыня, не оставите воззреть на мое посильное усердие, изъявив монаршее благоволение наградить меня, почему и приказал мне его светлость ожидать онаго. Теперь наступает тому другой год; надежда моя исчезла, и я забыт. Представляется мне, что не нахожусь ли за что под гневом человеколюбивой и справедливой монархини. Мысль сия меня умерщвляет, Государыня! Ежели я преступник, да не попустит вины моей или заслуги более долготерпение Твое без воздаяния».

Письмо сие подано в июле месяце в Петергофе в присутствии тамо Императрицы ея статс-секретарю и полковнику, что был после графом и князем, Александру Андреевичу Безбородке, с приложением всех документов, на которые в нем была ссылка. По возвращении двора в Петербург, господин Безбородко объявил просителю, что воспоследовало на оное Ея Величества благоволение, и сказал бы он, какого награждения желает. Сей отвечал, что не может назначить и определить меры щедрот всемилостивейшей Государыни; но когда удостоена ея благоволения служба, то после того уже ничего не желает и будет всем доволен, что ни будет ему пожаловано; ибо по жребию, чрез игру вышесказанной фортуны, не имел уже он такой нужды как прежде, заплатя долг в банк за Маслова до 20,000 рублей и исправясь с избытком не только всем нужным, но и прихоть его удовлетворяющими вещами, так что между своими собратьями и одет был лучше других, и жизнь вел приятную, не уступая самым богачам. В сие время коротко спознакомился с Алексеем Петровичем Мелькуновым, Степаном Васильевичем Перфильевым, с князем Александром Ивановичем Мещерским, с Сергеем Васильевичем Беклемишевым и прочими довольно знатными господами, ведущими жизнь веселую и даже роскошную. Сие продолжалось до ноября месяца того 1776 года; а как возвратился тогда из Новагорода посредством письма своего к Императрице, поданнаго князем Вяземским, князь Потемкин, то в один день, в декабре уже месяце, когда наряжен был он Державин во дворец на краул и с ротою стоял во фронте по Миллионной улице, то чрез ординарца позван был к князю.

Допущен будучи в кабинет, нашел его сидящаго в креслах и кусающаго по привычке ногти. Коль скоро князь его увидел, то по некотором молчании спросил: «Чего вы хотите?» Державин, не могши скоро догадаться, доложил, что он не понимает, о чем его светлость спрашивает. «Государыня приказала спросить», сказал он, «чего вы по прошению вашему за службу свою желаете?» — «Я уже имел счастие чрез господина Безбородку отозваться, что я ничего не желаю, коль скоро служба моя благоугодна Ея Величеству показалась».— «Вы должны непременно сказать», возразил вельможа. «Когда так», с глубоким благоговением отозвался проситель: «за производство дел по Секретной Коммиссии желаю быть награжденным деревнями равно с сверстниками моими, гвардии офицерами; а за спасение колоний по собственному моему подвигу, как за военное действие, чином полковника».— «Хорошо», князь отозвался, «вы получите». С сим словом лишь только вышел из дверей, встретил его неблагоприятствующий ему маиор Толстой, и с удивлением спросил: «Что вы здесь делаете?» — «Был позван князем».—«Зачем?» — «Объявить мое желание по повелению Государыни», и словом, пересказал ему все без утайки. Он, выслушав, тотчас пошел к князю. Вышедши чрез четверть часа от него, сказал: «Вдруг быть полковником всем покажется много. Подождите до новаго года: вам по старшинству достанется в капитаны-поручики; тогда и можете уже быть выпущены полковником». Нечего было другаго делать, как ждать. Вот наступил и новый 1777 год и конфирмован поднесенный от полку доклад, в котором пожалован я в бомбардирские поручики, что тоже как и капитан-поручик[29] Потом и генварь прошел, а об обещанной награде и слуху не было. Принужден был еще толкаться у князя в передней. Накопец в феврале, проходя толпу просителей в его приемной зале, едучи прогуливаться и увидев Державина, сказал правителю его канцелярии, бывшему тогда подполковнику Ковалинскому[29*], сквозь зубов: «Напиши о нем докладную записку». Ковалинский, не знав содержания дела, не знал что писать, просил самого просителя, чтоб он написал. Сей изготовил по самой справедливости, ознаменовав при том желание произвесть полковником в армию. Чрез несколько дней увидев, сказал, что князь не апробовал записки, потому только, что «маиор Толстой внушил ему, что вы к военной службе не способны, то и велел заготовить другую

о выпуске вас в статскую службу». Державин представлял ему, что он за военные подвиги представляется к награждению и не хочет быть статским чиновником, просил еще доложить князю и объяснить желание его в военную службу; но как некому было подкрепить сего его искания, ибо никого не имел себе близких к сему полномочному военному начальнику приятелей, то князь и по второму докладу, как Ковалинский сказывал, на выпуск его в армию не согласился; а для того и припужден он был, хотя с огорчением, вступить на совсем для него новое поприще.

ОТДЕЛЕНИЕ IV

С окончания военной прехождение статской службы в средних чинах по отставку

15 числа сего февраля *(1777)* даны Правительствующему Сенату два указа, из коих одним пожалован он в коллежские советники[30] и велено дать ему место по его способности, другим пожаловано ему 300 душ в Белорусской губернии, на которыя приказано заготовить грамоту и поднесть к высочайшему подписанию. Очутясь в статской службе, должно было искать знакомства между знатными людьми, могущими доставить место в оной. Скоро чрез семейство господ Окуневых, из коих старший брат тогда выдал дочь свою за князя Урусова, двоюроднаго брата генерал-прокурорши княгини Елены Никитичны Вяземской, познакомился в доме сего сильнаго вельможи, могущаго раздавать статския места, будучи позван к нему на свадебный бал[31]. С сих пор часто у него бывал и проводил с ним дни, забывая время в карточной, тогда бывшей в моде, игре в вист, хотя никогда в нее ни счастливо, ни несчастно играть не умел, но платил всегда проигранныя деньги и исправно и с веселым духом; потому наиболее, что князь вел игру с малочиновными и небогатыми людьми весьма умеренную. Таковым поступком, всегда благородным и смелым, понравился ему, приобрел его благоволение; при всем том с февраля по август не мог быть никуды помещенным. А как очистилось тогда Сената в первом департаменте экзекуторское место, которое пред тем занимал отец новобрачной, господин Окунев, получа выгоднейшее с чином статскаго советника при строении церкви Невскаго монастыря, Державин, приехав в один

день поутру рано на дачу генерал-прокурора, лежащую на взморье близ Екатерингофа, нашел его чешущим волосы и бедную старуху стоящую у дверей. Подшедши просил его о помещении на порозжую ваканцию. Он, не отвечав ни слова, приказал ему принять от той престарелой женщины бумагу, ею держимую, и прочетши про себя, сказать ему ея содержание. Он прочел, пересказал, и князь, взяв у него, ее собственным обозрением поверил, положил пред собой на столик и, на него взглянув, сказал: «Вы получите желаемое вами место», и тот же день, поехав в Сенат, дал о том предложение. Должность сия, по отступлении от инструкции Петра Великаго, хотя была тогда уже не весьма важная, однако довольно видная. Отправляя ее, скоро приобрел он знакомство всех господ сенаторов и значущих людей в сем карьере, а особливо бывая всякий день в доме генерал-прокурора. Княгиня собственною своею персоною была благосклонна, и мысли ея были выдать за него в замужество сестру свою двоюродную, княжну Катерину Сергеевну Урусову, славную стихотворицу того времени, так что об этом ему некоторые ближние к ней люди и говорили; но он, имея прежния связи, отшутился от сего предложения, сказав, что она пишет стихи, да и я мараю, то мы все забудем, что и щей сварить некому будет[32]. Словом, он был некотораго рода любимцем сего всеми тогда уважаемаго дома. С князем по вечерам для забавы иногда играл в карты; а иногда читал ему книги, большею частию романы, за которыми нередко и чтец и слушатель дремали. Для княгини писал стихи похвальные в честь ея супруга, хотя насчет ея страсти и привязанности к нему не весьма справедливые, ибо они знали модное искусство давать друг другу свободу.

В сем году, около масленицы, случилось с ним несколько сначала забавное приключение, но после важное, которое переменило его жизнь. Меньшой из братьев Окуневых поссорился, быв на конском бегу, с вышеупомянутым Александром Васильевичем Храповицким, бывшим тогда при генерал-прокуроре сенатским обер-прокурором в великой силе. Они ударили друг друга хлыстиками и, наговорив множество грубых слов, решились ссору свою удовлетворить поединком. Окунев, прискакав к Державину, просил его быть с его стороны секундантом, говоря, что от Храповицкаго будет служивший тогда в Сенате секретарем, что ныне директор дворянскаго

банка, действительный статский советник Александр Семенович Хвостов. Что делать? С одной стороны короткая приязнь препятствовала от сего посредничества отказаться, с другой соперничество против любимца главнаго своего начальника, к которому едва только стал входить в милость, ввергало его в сильное недоумение. Дал слово Окуневу с тем, что ежели обер-прокурор перваго департамента Резанов, у котораго он в непосредственной состоял команде, который также был любимец генерал-прокурора и с ним, как Державин, по некоторым связям в короткой приязни, не попротивуречит сему посредничеству; а ежели сей того не одобрит, то он уговорит друга своего, вышеупомянутого Гасвицкаго, который был тогда уже маиором. С таковым предприятием поехал он тотчас к господину Резанову, его не нашел дома: сказали, что он обедает у господина Тредияковскаго, бывшаго тогда старшаго члена при-герольдии, который по сей части был весьма значущий человек. Хотя сей жил на Васильевском острову, но он и туда поехал. Уже был вечер. При самом входе в покой встречается с ним бывшая кормилица великаго князя Павла Петровича, который был после императором, г-жа Бастидонова с дочерью своею, девицею лет 17-ти, поразительной для него красоты; а как он ее видел в первый раз в доме господина Козодавлева, служившаго тогда во втором Сената департаменте экзекутором же, смотревшаго с ним вместе на Литейной шествие духовной процессии в Невский монастырь, бываемой ежегодно августа 30-го дня в день Александра Невскаго, и тогда она уже ему понравилась, но только примечал некоторую бледность в лице, а потом в другой раз в театре неожиданно она его изумила; то тут в третий раз, когда она остановилась в передней с матерью, ожидая когда подадут карету, не вытерпел уже он и сказал разговаривавшему с ним Резанову о том, за чем приехал, что он на сей девушке, когда она пойдет за него, женится. Сей засмеялся, сочтя таковую скорую решительность за шутку. Разговор кончился; мать с дочерью уехали, но последняя осталась неисходною в сердце, хотя дуэль, по несысканию Гасвицкаго, остался на его ответе. Должно было выехать в Екатерингоф на другой день в назначенном часу. Когда шли в лес с секундантами соперники, то последние, не будучи отважными забияками, скоро примирены были первыми без кровопролития; и когда враги между собою целовались, то Хвостов сказал, что должно было хотя немножко

поцарапаться, дабы не было стыдно. Державин отвечал, что никакого в том *(нет)* стыда, когда без бою помирились. Хвостов спорил, и слово за слово дошло-было до драки: обнажили шпаги и стали в позитуру, будучи по пояс в снегу, но тут приехал опрометью вышедший только из бани разгневший, как пламень, Гасвицкий с разнаго рода орудиями, с палашами, саблями, тесаками и проч., и бросившись между рыцарей, отважно пресек битву, едва ли быть могущую тоже смертоносною. Тут зашли в трактир, выпили по чашке чаю, а охотники — пуншу, кончили страшную войну с обоюдным триумфом. И как среди бурнаго сего произшествия не вышла красавица из памяти у Державина, то поехав с Гасвицким домой, открылся ему дорогою о любви своей и просил его быть между собою уже и победительницею его посредником; то есть, на другой день, в объявленный при дворе маскерад, закрывшись масками, вместе с ним поискать девицу, которая ему нравится и безпристрастными дружескими глазами ее посмотреть. Так и сделали. Любовник тотчас увидел и с восторгом громко воскликнул: «вот она!» так что мать и дочь на них пристально посмотрели. Во весь маскерад, следуя по пятам за ними, примечали поведение особливо молодой красавицы, и с кем она и как обращается. Увидели знакомство степенное и поступь девушки во всяком случае скромную и благородную, так что при малейшем на нее незнакомом взгляде лицо ея покрывалось милою, розовою стыдливостию. Вздохи уже вырывались из груди улыбавшагося экзекутора; а его товарищ, человек простой, впрочем умный и прямодушный, их одобрил. За чем дело стало? Державин уже имел некоторое состояние, как-то: Государыня пожаловала 300 душ, и дело о беззаконном залоге Масловым — отцом сыновняго имения, по поручителевой просьбе и старанию в Сенате, а паче по покровительству генерал-прокурора, решено таким образом, что, исключа из коммерческаго залога, велено в удовлетворение истцов продать с публичнаго торга, по которому и досталось покупкою Державину, а он, скупя претензии прочих и заменя свою, внес все обязательства вместо наличных денег, и сына — Маслова деревни в Рязанской губернии в Михайловском уезде, село Никольское с деревнею, из коих выключа отцу на 7-ую часть, остальных получил 300 душ. И как составилось за ним, с материнскими и отцовскими и на его имя в Москве купленными, около 1000 душ, то и взял он намерение порядочным домом

жить, а потому и решился твердо в мыслях своих жениться. Вследствие чего и разсказал, будто шуткою, своим приятелям, что он влюблен, называя избранную им невесту ея именем. В первый день после маскерада, то есть в понедельник на первой неделе великаго поста, обедая у генерал-прокурора, зашла речь за столом о волокитствах, бываемых во время карнавала, а особливо в маскерадах; Александр Семеныч Хвостов вынес на него прошедшаго дня шашни. Князь спросил, правда ли то, что про него говорят. Он сказал: правда.— «Кто такая красавица, которая столь скоропостижно пленила?» — Он назвал фамилию.

Петр Иванович Кирилов, действительный статский советник, правящий тогда ассигнационным банком, обедая вместе, слышал сей шутливый разговор, и когда встали из-за стола, то отведши на сторону любовника: «Слушай, братец, не хорошо шутить на счет честнаго семейства. Сей дом мне коротко знаком; покойный отец девушки, о коей речь идет, мне был друг; он был любимый камердинер Императора Петра III, и она воспитывалась вместе с великим князем Павлом Петровичем, котораго и называется молочною сестрою, да и мать ея тоже мне приятельница[33]; то шутить при мне на счет сей девицы я тебе не позволю».— «Да я не шучу», ответствовал Державин: «я поистине смертельно влюблен».— «Когда так», сказал Кирилов, «что ты хочешь делать?» — «Искать знакомства и свататься».— «Я тебе могу сим служить». А потому и положили на другой же день ввечеру, будто ненарочно, заехать в дом Бастидоновой, что и исполнено. Кирилов, приехав, рекомендовал приятеля, сказав, что, проезжая мимо, захотелось ему напиться чаю; то он и упросил, показывая на приехавшаго, войти к ним с собою. По обыкновенных учтивостях сели и, дожидаясь чаю, вступили в общий общежительный разговор, в который иногда с великою скромностью вмешивалась и красавица, вязав чулок. Любовник жадными очами пожирал все приятности его обворожившия и осматривал комнату, приборы, одежду и весь быт хозяев, между тем как девка, встретившая их в сенях с сальною свечею в медном подсвечнике, с босыми ногами, тут уже подносила им чай; делал примечания свои на образ мыслей матери и дочери, на опрятность и чистоту в платье, особливо последней, и заключил, что хотя они люди простые и небогатые, но честные, благочестивые и хороших нравов и поведения; а притом дочь не без ума и не без ловкости, приятная в обращении, а пото-

му она и не по одному прелестному виду, но и по здравому разсуждению ему понравилась, а более еще тем, что сидела за работою и не была ни минуты праздною, как другия ея сестры непрестанно говорят, хохочут, кого-либо пересуживают, желая показать остроту свою и умение жить в большом свете. Словом, он думал, что ежели на ней женится, то будет счастливым. Посидев таким образом часа два, поехали домой, прося позволения и впредь к ним быть въезжу новому знакомому. Дорогою спросил Кирилов Державина о расположении его сердца. Он подтвердил страсть свою и просил убедительно сделать настоятельное предложение матери и дочери. Он на другой же день то исполнил. Мать с перваго разу не могла решиться, а просила несколько дней сроку, по обыкновению разспросить о женихе у своих приятелей. Экзекутор втораго департамента Сената Иван Васильевич Яворский был также короткий приятель дому Бастидоновых. Жених, увидясь с ним в сем правительстве, просил и его подкрепить свое предложение, от котораго и получил обещание; а между тем как мать разспрашивала, Яворский сбирался с своей стороны ехать к матери и дочери, дабы уговорить их на согласие. Жених, проезжая мимо их дому, увидел под окошком сидящую невесту, и имея позволение навещать их, решился заехать. Вошедши в комнату, нашел ее одну, хотел узнать собственно ея мысли в разсуждении его, почитая для себя недостаточным пользоваться одним согласием матери. А для того, подшедши, поцеловал по обыкновению руку и сел подле нея. Потом, не упуская времени, спросил, известна ли она чрез Кирилова о искании его? — Матушка ей сказывала, она отвечала. — Что она думает? — «От нея зависит». — Но если б от вас, могу ли я надеяться? — «Вы мне не противны», сказала красавица в полголоса, закрасневшись. Тогда жених, бросясь на колени, целовал ея руку. Между тем Яворский входит в двери, удивляется и говорит: «Ба, ба! и без меня дело обошлось! Где матушка?» — «Она», отвечала невеста, «поехала разведать о Гавриле Романовиче». — «О чем разведывать? я его знаю, да и вы, как вижу, решились в его пользу; то, кажется, дело и сделано». Приехала мать, и сделали помолвку, но на сговор настоящий еще она не осмелилась решиться без соизволения его высочества Наследника великаго князя, котораго почитала дочери отцом и своим сыном. Чрез несколько дней дала знать, что государь великий князь жениха велел к себе

представить. Ласково наедине принял в кабинет мать и зятя, обещав хорошее приданое, как скоро в силах будет. Скоро, по прошествии Великаго поста, то есть 18-го апреля 1778 года, совершен брак.

Того же года в августе выпросился в отпуск на 4 месяца, дабы показать новобрачную матери своей, жившей тогда в Казани. Там будучи, по уважению знакомства своего в Сенате, кончил миролюбно сорокалетнюю фамильную матери своей тяжбу с соседственным помещиком Андреем Яковлевичем Чемадуровым, от котораго возвратил насильно отнятыя отцом его несколько семейств с их детьми, уступя многочисленный денежный иск; заложив выгодно, приобрел себе душ 80 крестьян, а на другой год доставил ему свойственник его, бывший в Екатеринославе губернатором Иван Максимович Синельников на Днепре землю 6 тысяч десятин с поселенными на ней Запорожцами, 130-ю душами (ибо тогда по данной власти Государынею князю Потемкину, а от него губернаторам, раздавались крымския и днепровския новоприобретенныя земли из населения их безденежно), с которыми, при наступившей тогда скоро ревизии, и очутилось за ним в течение двух годов около 1200 душ; но более уже в продолжение всей службы при занимаемых местах и многих способах не прибавлялось.

По возвращении из отпуска вступил он в прежнюю свою экзекуторскую должность и был в оной по декабрь 1780 года. В течение сих годов случились два замечательныя произшествия:

I) В 1779 году перестроен был под смотрением его Сенат, а особливо зала общаго собрания, украшенная червленым бархатным занавесом с золотыми франжами и кистями и лепными барельефами, которых описание находится в VIII-й части его сочинений, (но большой барельеф, бывший на камине, представлявший эпоху учреждения губерний, в царствование Павла Перваго, неизвестно для чего, бывшим тогда генерал-прокурором князем Куракиным изломан). А как нашел барельефы, между прочими фигурами была изображена скульптором Рашетом Истина нагая, и стоял тот барельеф к лицу сенаторов, присутствующих за столом; то когда изготовлена была та зала и генерал-прокурор князь Вяземский осматривал оную, то увидев обнаженную Истину, сказал экзекутору: «Вели ее, брат, несколько прикрыть». И подлинно, с тех почти пор стали отчасу более прикрывать

правду в правительстве, потому что князь Потемкин, будучи человек сильный и властолюбивый, не весьма любил повиноваться законам, а делал все по своему самонравию: нашел чрез бывшаго прежде купца, потом любимца его Фалеева *(способ)* склонить князя Вяземскаго на свою сторону чрез отданныя ему на Днепре в бывшей Запорожской Сече знатныя земли с поселенными на них Запорожцами, более 2000 душ, которые проданы князем еврею Штиглицу, несмотря на законы, что жидам деревни покупать запрещено.

II) В 1780 году, будучи в Петербурге, австрийский император Иосиф под чужим именем посещал Сенат и, вступя в залу общаго собрания, разспрося о производимых в ней государственных делах, сказал сопровождающему его экзекутору: «Подлинно, в пространной толь империи может совет сей служить великим пособием Императрице».

В исходе того 1780 года учреждена экспедиция о государственных доходах, под ведомством того же генерал-прокурора, яко государственнаго казначея. Она разделялась на 4 части: на I, приходную, на II, расходную, на III, счетную, и IV, недоимочную; в каждой было по 3 советника и по одному председателю. Во вторую — из экзекуторов, тем же коллежским советником, переведен Державин. Председательствующий был действительный статский *(советник)* из обер-секретарей Сената г. Еремеев, человек уже престарелый. Советники: г. Саблуков, отставной бригадир из гвардии (что ныне действительный тайный советник), и коллежский советник Николай Иванович Бутурлин; а как первый, по старости лет своих, по незнанию административной или управительной части или, лучше, по робости своего характера, что с самых юных лет был все в звании канцелярских служителей, а другой — по дворской службе, что был камер-пажем, а потом в гвардии, а третий, то есть Бутурлин, как был вовсе неспособен к делам и человек любящий праздную жизнь, игрок и гуляка, но принят в экспедицию, потому что был Ивану Перфильевичу Елагину зять, то и падала вся обязанность сей экспедиции на Державина, хоть столь же как и они мало сведущаго гражданския дела, а особливо часть казеннаго управления. Но как он был предприимчив, смел и расторопен и в экзекуторах уже поручал ему генерал-прокурор следствие над сенатскими секретарями, что они ленились ходить на дежурство свое и медлили

производством дел по их частям, то и почитался уже некоторым образом дельцом, более своих товарищей. Вследствие чего, когда нужно было написать должность экспедиции о государственных доходах, то князь, разсуждая о том, обращал свои взоры на господ Васильева и Храповицкаго, кои после были, первый сам государственным казначеем, а второй статс-секретарем и наконец сенатором; но они, может быть, чтоб привести в замешательство новаго дельца или по какой другой причине, указав на него, отозвались от сего труда, сказав, что они и без того обременены делами, а он свободнее их и написать может. Хотя сие князю было неприятно, ибо он не надеялся, чтоб не сведущий законов мог написать правила казеннаго управления, требующия великаго предусмотрения, осторожности и точности, но однако приказал. Что делать? должно исполнить волю начальника; а как не хотел пред ними уклоняться и испрашивать у них мыслей и наставления: то, собрав все указы, на коих основаны были камер- и ревизион-коллегии, статс-контора и самыя вновь учрежденныя экспедиции, приступил к работе; а чтоб не разбивали его плана и мыслей, заперся и не велел себя сказывать никому дома. Поелику была ему дика и непонятна почти материя, то марал, переменял и наконец чрез две недели составил кое-как целую книгу без всякой посторонней помочи. Представил начальнику, а сей, собрав все экспедиции, велел пред ними прочесть; но как никто не говорил ни хорошаго, ни худаго, то князь, желая слышать справедливое суждение, морщился, сердился, привязывался и наконец принялся поправлять сам единственно вступление или изложение причин названнаго им начертания должности экспедиции о государственных доходах, полагая, что без онаго никоим образом не можно будет управлять казною государства, давая разуметь, что наказ или полную инструкцию сама Императрица издать изволит. Товарищи думали, что без них не обойдется, что не удостоится конфирмации сие начертание и что их будут упрашивать переделать оное; однако, к великому их удивлению, чрез графа Безбородку получил князь высочайшую конфирмацию, что по оному велено было поступать. Хотя должно было по листам скрепить и справить или контрасигнировать сию книгу Державину, яко писавшему оную, но присвоил сию честь Храповицкий, в каком виде должна она поныне существовать в экспедиции о государственных доходах и есть оной

правилом, ибо не слышно, чтобы дана была ей какая новая инструкция. Хотя множество было труда при разсмотрении ведомостей, при посылке примечаниев на оныя и разсигновке сумм, при предложениях князя в казенныя палаты, так что собираны были со всей империи виц-губернаторы для науки казеннаго управления и поверки окладных доходов; однако 1781 год прошел благополучно, кроме что живучи на даче князя Вяземскаго, называемой Мурзинке, вместе с господином Васильевым, Державин наверху, а последний нанизу, в один день согласились с ним и прочие его родственники на Неве купаться, то хотев князя Урусова поучить плавать, утонул-было, ибо сей, испужавшись, схватив его поперек за руки, стащил его в глубину, так что были уже на дне; но, не потеряв духа, толкнул ногой в землю и выплыв вытащил князя; а 1782 г. 28-е число июня, то есть в день восшествия Императрицы на престол, получил Державин чрез 6 лет чин статскаго советника[34]. Как надобно было по месячным ведомостям поверить высылку прошлаго года сумм определенным местам, то есть в коммиссариат, провиантскую, адмиралтейству и прочим (получали они те суммы из казенных палат, откуда были им назначены, без сношения с которыми не можно было знать о исправности казеннаго управления всей империи); но как на сие требовалось великаго труда, а г. Бутурлин был ленив, гуляка и мало знал дела, то он и не спорил, что сего не надобно, хотя доходили слухи, что казенныя палаты, вместо отсылки денег в повеленныя места, раздавая их в проценты, пользовались ими и заставляли их терпеть нужду или, когда они изворачивались заимствуя из других сумм, то запутывались в делах своих и разсчетах; — то Державин и настоял, чтоб не запускать месячных ведомостей, а сноситься с теми местами, как наискорее, тем лучше. Но Бутурлин не хотел, говоря, что при годовых только отчетах такая поверка нужна. Положили, чтоб их спор решил князь; а как докладной день для экспедиции о государственных доходах была назначена у него середа, то и отложил ехать к нему на дачу в Александровское до сего дни; но Бутурлин забежал к нему прежде и, пересказав спор их по-своему, оклеветал чем-то своего противуборника; а как он приехал в назначенный день и стал подносить к подписанию бумаги, то князь и зачал к оным придираться, не смотря на то, что оне были уже апробованы или, лучше сказать, списки с тех циркулярных предло-

жений о помещении на порожния места пансионеров, которых большая часть уже в казенныя палаты были разосланы; то Державин и стал тем оправдываться. Бутурлин, тут же стоя, начал потакать начальнику и подъяривать его на товарища, хотя сам ничего не писал и не умел писать; то Державин, вознегодовав на такую подлость, сунул в сердцах Бутурлину в руки бумаги, сказав: «Пишите же вы сами, коли умеете лучше»; отошел в сторону. Сие начальник принял своей особе за неуважение. На другой день присылает к Державину г. Васильева, который именем князя говорит, что он приказал ему подать об отставке прошение и что он им недоволен и служить с ним не может. Сей отвечал, что он исполнит его приказание. Сие было в августе 1783 года, в субботу. Князь обыкновенно ездил с докладами к Императрице в Царское Село по воскресеньям, а возвращался (разумеется, когда он жил на даче в помянутом Александровском) по понедельникам ввечеру. Державин дожидал его на Мурзинке у Васильева; то коль скоро он приехал и сел в креслы, окруженный его семейством и многими его прихлебателями, впадший в неудовольствие советник вошел и с благородною твердостью духа сказал: «Ваше сиятельство чрез г. Васильева изволили мне приказать подать челобитную в отставку,— вот она; а что изъявили свое неудовольствие на мою службу, то как вы сами недавно одобрили меня пред Ея Величеством и исходатайствовали мне чин статскаго советника за мои труды и способности, то предоставляю вам в нынешней обиде моей дать отчет Тому, пред Кем открыты будут некогда совести наши».— Сказав сие, не дождавшись ответа, вышел вон. Глубокая тишина сделалась в комнате, между множества людей. Княгиня зачала первая говорить: «Он прав перед тобою, князь», пересказав ему дошедший до нея спор, бывший с Бутурлиным в экспедиции, котораго он до того времени не знал. Державин между тем шел с двора перед окошками дома; то князь, увидя его, сказал: «Конечно он пеш!» и приказал подать ему скорее чью-нибудь карету. Но сей поблагодаря не принял оной, пошел на Мурзинку, лежащую от Александровскаго в двух верстах, где его дожидалась жена. А как Васильев, будучи у князя, тогда же прислал человека с тем, чтоб они его дождалися и не ездили в город, а потому и остались они до 12-го часа ночи, обыкновеннаго, когда всякий день приятели, родня или, лучше, ласкатели сего вельможи от него разбежались.

Васильев, приехав, разсказал все вышеписанное, примолвя, что князь раскаевается в своем против него несправедливом поступке и желает, чтоб он у него остался по-прежнему; но только с тем, чтоб он Державин сделал на другой день вид, якобы у него хочет просить прощения в своей горячности, и позвал бы его при случившихся посетителях в кабинет, будто для объяснения, дабы скрыть от публики, что был начальник виноват, а не подчиненный, в сей истории. Обиженный, подумав и вспомня пословицу, чтоб с сильным не бороться, а с богатым не тягаться, согласился исполнить волю пославшаго г. Васильева. Дорогою, ехав с женою в карете, раздумался, что ему предлежит еще кончить распрю с Бутурлиным, полагая, что он, будучи человек благородный, вызовет его на дуэль за презрительный с ним поступок при отдаче ему с грубостию бумаг; спросил ее, как она о том думает, отказаться ли какою-нибудь пристойною уловкою и тем навлечь на себя некоторыя от прощелыг насмешки, что храбр на пере, а трус на шпаге. Она, задумавшись несколько, пролила ручьями слезы и сказала: «Дерись,— а ежели он тебя убьет, то я ему, знаю как, отомщу». На другой день, поехав в Александровское и приноровив так после обеда, что много еще было у генерал-прокурора гостей, подошед к нему, просил, чтоб он позволил с ним ему в кабинет объясниться. Он, улыбнувшись, сказал: «Пожалуй, мой друг, изволь». В кабинете поговорив совсем о другом, ничего не значущем, вышли подобру-поздорову, как будто ничего между ними не было, и паки благосклонное обхождение начальника с подчиненным возобновилось.

Но недолго продолжалось. Приближалось время, что надобно было на наступавший год делать разсигнацию суммам и посылать по губерниям росписание, что откуды и куды высылалось денег в течение онаго. Это был октябрь месяц. Заступивший в прошедшем году место управляющаго по кончине Еремеева действительный статский советник князь Сергей Иванович Вяземский, ближний свойственник генерал-прокурора, хотя по слабости своей ничего не мог делать и не делал, но тут объявил приказание, чтоб новаго росписания и табели для поднесения Императрице не сочинять, а довольствоваться тем и другою прошлаго года. «Как это можно», возразил Державин, «когда едва окончена тогда новая ревизия, когда на душу оброку с казенных крестьян[35] и несколько копеек на вла-

дельческия!» — «Нет, ничего», говорил председательствующий: «генерал-прокурор так приказал».— «Мудрено это приказание», возражал советник: «я не верю, ибо не вижу тому причины».— «Ведомостей нет, из чего сочинить новую табель», продолжал родственник вельможи.— «Неправда, ведомости есть», и стоял в том твердо Державин.— «Нет, да и кроме того князь так велел».— «Извольте; но запишите в журнал начальничье приказание, чтоб после нам не ответствовать, когда не будут готовы росписание и табель», сказал Державин, и тем спор кончился. Поехав же домой, размышлял он: как нет ведомостей? как вновь прибавившийся доход от новой ревизии и от новых налогов скрыть, и как обнесть пред Императрицею вице-губернаторов и всех начальников губерний, что будто они не исполняют своей обязанности, и какая лжи такой и обмана Государыни причина? Не мог того проникнуть, а для того и решился на всякий случай изготовить примерное извлечение по губерниям доходов: по одной из месячных, по другой из третных ведомостей, по третьей из окладных книг или годовых отчетов или ревижских сказок, словом из сведений, откуда какия вступили; ибо росписание и табель всегда делались, как выше сказано, примерныя, то и не было нужды в строгой точности. Вследствие чего и забрал без дальной огласки у столоначальников те бумаги, какия у кого нашлись, сказался больным и составил по всему государству недели в две правила, объясняющия источники дохода.

Надобно знать, что около сего времени, то есть в 1782 и 1783 году, не был уже к нему так благорасположен генерал-прокурор, как прежде, сколько по причине вышеописанной истории, а наиболее по огласившейся уже тогда его оде Фелице, которую двор отличным образом принял и о коей, а равно и о прочих его стихотворениях, пространныя примечания могут выйти в свете в свое время[36]. В один день, когда автор обедал у сего своего начальника, принесен ему почталионом бумажный свиток с надписью: «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину». Он удивился и, распечатав, нашел в нем прекрасную, золотую, осыпанную брилиантами табакерку и в ней 500 червонных. Не мог и не должен он был принять это тайно, не объявив начальнику, чтобы не подать подозрения во взятках; а для того, подошед к нему показал. Он, взглянув сперва гневно, проворчал: «Что за подарки от Киргизцев?» потом, усмотрев модную фран-

цузскую работу, с язвительною усмешкою сказал: «Хорошо, братец, вижу и поздравляю»; но с того времени закралась в его сердце ненависть и злоба, так что равнодушно с новопрославившимся стихотворцем говорить не мог: привязываясь во всяком случае к нему, не токмо насмехался, но и почти ругал, проповедуя, что стихотворцы неспособны ни к какому делу. Все сие сносимо было с терпением, сколько можно, близ двух годов. Итак, когда в один докладной день, в присутствии всех членов экспедиции, представил он те правила, сказав сердитому на него вельможе: «Вы изволили приказать записать в журнал, чтоб новаго росписания и табели не сочинять, а поднести старыя. Сие исполнено. Не думаю, чтоб за то не подвергнуться гневу монаршему не только нам, но и вашему сиятельству. Я осмелился сочинить правила, из коих изволите увидеть, что можно показать и новое состояние государственной казны».— С сим словом, вместо благодарности за предостережение и труды, возстала никем не ожидаемая страшная буря.— «Вот», вскрикнул он, «новый государственный казначей, вот умник. Извольте же, сударь, отвечать, когда не будет доставать сумм против табели на новые расходы по указам Императрицы!». С чувствительным огорчением, так что пролились из глаз слезы, приняв сей выговор, советник сказал: «Много мне делать изволите чести, ваше сиятельство, почитая меня быть достойным государственным казначеем; но ежели вы изволите сумневаться в сих правилах, то когда не столь важныя дела приказываете разсматривать в общем собрании всех экспедиций, не угодно ли приказать и оныя разсмотрев подать вам репорт? Ежели я написал бред, тогда меня уже и обвиняйте».— «Хорошо», сказал раздраженный вельможа предстоящим чиновникам: «разсмотрите и подайте мне репорт», уверен будучи, что найдут они какую-нибудь нелепицу. Тотчас сделали собрание, наистрожайше разсматривали, и сколь ни покушались опровергнуть сведения, из коих заиметвовано количество сумм, но единогласно наконец все 20 человек управляющих и советников подали репорт, что новую табель составить и поднесть Ея Величеству можно, по которой нашлось более против прошлаго году доходов 8,000,000. Нельзя изобразить, какая фурия представилась на лице начальника, когда он прочел сей акт; но, не сказав ни слова, отвел на сторону сперва помянутаго родственника своего, князя Вяземскаго, и пошептал ему что-то на ухо,

а потом и Васильева, который также ему был свойственник, будучи женат на сестре двоюродной княгини, его супруги.

Державин, увидев худую награду за его труды, решился оставить службу. Вследствие чего тот же час, вышедши в экспедиционную комнату, где случился служивший тогда там же советником князь Куракин, что при Императоре Павле был генерал-прокурором, сказал ему, что он более служить с ними не намерен, и потом, сев за стол, тут же написал к князю письмо, просясь у него, для поправления растроеннаго хозяйства своего, на два года, а ежели сего сделать не можно, то и совсем в отставку. Письмо сие отдав, для поднесения князю,— секретарю, уехал домой. Сказавшись больным, не выходил из комнаты, и чрез несколько дней явился к нему господин Васильев, который зачал заговаривать опять о примирении, но не так уже чистосердечно и дружески, как прежде, а некоторым *(образом)* изъявляя неудовольствие и как *(бы)* угражи- вая, сказал между прочим, что письмо его лежит пред князем на столе и что он не хочет по нем докладывать Государыне, а велел формальную подать просьбу чрез герольдию в Сенат. Это означало немилость; или, как история сия разнеслась по городу и дошла до сведения Императрицы со всеми подробностями чрез графа Безбородку или Воронцова, которые были тогда противная ему *(Вяземскому)* партия, то и боялся он докладывать сам. Державин, предусматривая, что нельзя там ему ужиться, где не любят правды, не согласился на примирение и чтоб еще остаться, думая, что рано или поздно опять выдет история, когда надобно будет обманывать Императрицу; ибо он тогда узнал, что для того не хотели открыть точнаго доходу, чтобы держать себя более в уважении, когда при нужде в деньгах он отзовется по табели неимением оных, но после, будто особым своим изобретением и радением, найдет оныя кое-как и удовлетворит требованиям двора. Также, как власть генерал-прокурора несколько уменьшалась учреждением о управлении губерний, что наместники или генерал-губернаторы могли входить прямо иногда с докладами своими к престолу и поступали иногда против его желания, то внушением о недоставлении ведомостей из губерний чрез подлинную табель от экспедиции и мог он как бы стороною представить нерадение или вовсе неведение должности начальников губерний, и что он один только печется и несет труды за всех; а потому они и не нужны столько как он

один; следовательно и служба его более. Вот хитрость, из коей произошла неблагоприятность начальника на ревностнаго и справедливаго исполнителя должности его; а для того он и сказал наотрез г. Васильеву, что он служить у его сиятельства под начальством не может,— исполнит его повеление и подаст просьбу об отставке в герольдию, что немедленно и учинил. Сенат, согласно законам, поднес доклад Императрице, в коем присудил, по выслуге его в чине статскаго советника года, наградить его чином действительнаго статскаго советника[37]. А как Императрица знала его сколько по сочинениям, столько и по ревностной службе его в минувшем мятеже и в экспедиции, что он обнаружил прямо государственный доход, то высочайше и конфирмовала доклад Сената 15-го февраля 1784 года, отозвавшись по выслушании онаго графу Безбородке: «Скажите ему, что я его имею на замечании. Пусть теперь отдохнет; а как надобно будет, то я его позову».

Отправив весь свой домашний быт зимним путем до Твери, а оттуда на судах по Волге в Казань к матери, прожил он в Петербурге еще несколько, искав занять валовую сумму до 18 тысяч рублей на расплату мелочных долгов, кои его обременяли и без удовлетворения которых не мог он выехать из столицы. В течение февраля и марта вздумал он съездить в белорусския деревни, дабы, не видав их никогда осмотреть, сделать как бы распоряжения или, прямо сказать, как они были оброчныя, хозяйства никакого в них не было, то, уединясь от городскаго разсеяния, докончить в них в уединении начатую им еще в 1780 году, в бытность во дворце у всеночной в день Светлаго воскресенья, оду Бог. А потому согласив жену несколько с ним разстаться, отправился в путь. Но доехав до Нарвы, приметя, что дорога начинала портиться и что в деревне в крестьянских избах неловко будет ему заняться сочинением, то, оставя повозку и с людьми на ямском постоялом дворе, нанял в городе у одной престарелой немки небольшой покойчик, с тем чтоб она ему и кушанье приготовляла, докончил ту оду и еще также прежде начатую под названием Видение мурзы. Прожив в сем городке с небольшим неделю, возвратился в Петербург. Отдал в месячное издание под названием Собеседник напечатать помянутую оду Бог, как и прочия его сочинения напечатаны были в том журнале, который начало свое возымел, как и самая Российская Академия, от вышеска-

занной оды Фелицы, о коей в особых примечаниях на все его сочинения подробно изъяснено будет[38]. Сыскав же нужныя деньги у госпож Еропкиных, готов был совсем отправиться; но вдруг получил из Царскаго Села чрез графа Безбородку известие, что Государыня назначает его губернатором в Олонец, которую губернию в том году должно было вновь открыть[39], то и потребовалось его согласие. Будучи у Императрицы в хорошем мнении, не благоразумно бы было не согласиться на ея волю. Но как он отправил уже весь свой экипаж в Казань, и престарелая мать давно ожидала его к ней прибытия; то и просил он на некоторое время отпуска. Дан оный ему до декабря, то есть до того времени, когда назначено открыть губернию. А потому и последовал об определении его в губернаторы в Олонец указ 20-го мая 1784 года. Генерал-прокурор, получив его, сказал любимцам своим, около его стоящим, завидующим счастию их сотоварища, что разве по его носу полезут черви, нежели Державин просидит долго губернатором.

ОТДЕЛЕНИЕ V

С определения его в губернаторы до удаления его от онаго звания и возведения в вышние государственные чины и должности

Определенный в Олонец губернатором, поехал он в Казань, но матери уже не застал в живых. За три дни до приезда его она скончалась. Оплакав ея смерть, поехал он в оренбургскую свою деревню, дабы показать ее жене своей, как по дороге лежащия рязанскую и казанскую он ей показывал; пожив в ней не более трех дней, предприял возвращение в Петербург. На дороге случилось несчастие, что кучер, взъехав нечаянно на косогор, опрокинул коляску; жена жестоко разбила висок о хрустальный стакан, в сумке коляски находившийся; с тех пор она до безумия стала бояться скорой езды в каретах, когда напротив того прежде любила скакать во всю пору. Приехав в Петербург, надобно было на заведение дома губернаторскаго и на заплату Еропкиным *(иметь деньги)*: хотя для перваго пожаловано было Государынею две тысячи, но для втораго просил в банке. Граф Завадовский хотя обнадежил, прошение подано и выдача на нем главным судьею была помечена, по Державин, когда прося его о скорейшем удовлетворении в разговорах проговорился, что деньги

ему уже назначены, то он так разсердился, что отказал и помету на прошении о выдаче приказал отрезать. Таковые поступки сего вельможи еще ли не ознаменовали к нему его неблагорасположение, как и пред тем года за три, когда он принял правление банка от графа Брюса, который Державину обещал выдать деньги под малороссийское имение, закладываемое гвардии офицером Мордвиновым, сторговавшим у него вещи брилиантовыя и золотыя, взятыя в приданое за женою на 8000 рублей, и в надежде таковаго обещания Державин дал тому Мордвинову те вещи на вексель на самое краткое время; но когда граф Завадовский вступил на место Брюса, то без всякой причины в выдаче той суммы отказал; чрез что едва не потерял оную, ибо хотя и получил, но чрез несколько лет по малому количеству. Сие маловажное происшествие для того только здесь упомянуто, что в течение всей своей жизни граф Завадовский, где только случай оказывался, всегда неблагоприятствовал Державину, как о том из последствий видно будет.

Но как настало время непременно ехать в Олонец, и новый губернатор, быв представлен на аудиенцию Императрице, откланялся уже ей в кабинете, то, заняв деньги у банкиров по 14-ти процентов, закупил что ему нужно было для заведения своего, и поехал. По прибытии в Петрозаводск, губернский город Олонецкой губернии, нашел уже там генерал-губернатора, господина генерал-поручика и кавалера Тимофея Ивановича Тутолмина[40]. Поелику ж вещи нужныя Державину, как-то и домашния мебели, отправленныя с осени водою, уже привезены были и снабдил он ими губернаторский дом и даже присутственныя места, ибо там ничего не было, как равно привез с собою и канцелярских служителей, а между прочими и секретаря Грибовскаго (который после замечательную ролю играть будет); то при обыкновенных духовных церемониях и торжестве в доме генерал-губернатора и открыта была губерния в исходе декабря *(1784)* и присутственныя места начали свое действие. С первых дней наместник и губернатор дружны были, всякий день друг друга посещали, а особливо последний перваго; хотя он во всех случаях оказывал почти несносную гордость и превозношение, но как это было не в должности, то и подлаживал его правитель губернии, сколько возмог и сколько личное уважение требовало. Но когда он прислал в губернское правление при своем предложении целую книгу

законов, им написанных и императорскою властию не утвержденных, требуя, чтобы они в том правлении, в палатах и во всех присутственных местах непременно исполняемы были; но как они во многих местах с существующими коренными законами и самою естественною связью дел не токмо несообразны, но даже и неудобоисполнительны были; например: приказал экономии директору подавать себе годовыя ведомости, сколько в каждом лете десятин лесов засажено или посеяно, а как по местному положению известно, что Олонецкая губерния наполнена непроходимыми тундрами и лесами, то в таковом разводе лесов никакой нужды не настояло, и едва ли впредь о том пещися доведется надобность; словом, удивясь таковой дичи и грубому дерзновению, усумнился Державин принять те законы к исполнению, а для того пошел к нему в дом, взяв с собою печатный указ, состоявшийся в 1780 году, в котором воспрещалось наместникам ни на одну черту не прибавлять своих законов и исполнять в точности императорскою только властию изданные; ежели ж в новых каковых установлениях необходимая нужда окажется, то представлять Сенату, а он уже исходатайствует ея священную волю. Прочетши сей закон, наместник затрясся и побледнев сказал (надеясь на благорасположение к себе и на ненависть ко мне князя Вяземскаго): «Я пошлю к генерал-прокурору курьера, и что он мне скажет, так и сделаем». Чрез несколько дней показал он Державину письмо князя Вяземскаго, который ему отвечал: «Чего, любезный друг, в законах нет, того исполнять неможно». После того получил от него письмо, вследствие котораго сказал Державину, чтоб он пересмотрел те присланные им законы, и которые не противны учреждению и регламентам, те бы принял к исполнению, а которые противны, те оставил без исполнения. Это Державин исполнил: пересмотрел обязанность губернскаго правления и несходственное с учреждением и другими законами отверг, а о прочих сказал в определении, учиненном в правлении, чтоб присутственныя места, подчиненныя губернскому правлению, и палаты, каждое по своей должности, поступали бы по законам, и в случае невозможности, чрез стряпчих и прокуроров учиня замечания, представили бы куды следует. Так и сделано. Таким образом и пошло кое-как течение дел. Наместник казался довольно дружен: всякий вечер и с женами бывали вместе на вечеринках друг у друга. Но спустя

несколько времени, объявил он, что хочет осматривать присутственныя места в разсуждении канцелярскаго порядка и течения самых дел. На другой день и действительно приступил к свидетельству. Начал с губернскаго правления. По глупому честолюбию его и чрезвычайному тщеславию желалось ему, чтоб была встреча ему сделана так-сказать императорская, то есть, чтоб он встречен был губернатором и всеми присутствующими чинами на крыльце, но Державин принял его точно по регламенту, то есть встал и с советниками с места, показал ему президентския кресла, сам сел по правую сторону на стул. Наместник делал разные вопросы и привязывался к учрежденному порядку, то есть к заведенным записным книгам и прочему, даже к мебелям; но как на первое ответствовано было согласно с законами, а на второе, что для мебели суммы он от него наместника не получал, а ежели которыя и есть мебели, то его Державина собственныя; ибо он из особливаго усердия к службе, думая заслужить похвалу, подурачился и, купив на нарочитую сумму мебелей в Петербурге, то есть столов, стульев и шкафов, отправил еще осенью водою в Петрозаводск, чем и наполнены были не токмо губернское правление, но и прочия губернския и нижняя места. Словом, наместник не мог ни к чему дельной учинить привязки, выехал из правления для освидетельствования палат и других мест. Державин не почел за нужное провожать его туда, тем более представлять ему те места; ибо они учреждены были под собственным распоряжением самого генерал-губернатора, то губернатор и не вправе почел себя представлять то, что не он учреждал, тем паче таковыя наместниковы постановления, которыя противны были законам. Сие было ему также неприятно. Вследствие чего, когда он приехал к нему на обыкновенную ввечеру беседу, то он между разговорами при многих прочих чиновниках, выхвалял палаты, а особливо казенную и уголовную, которыя хотя по собственным его прежним отзывам и по бумагам были крайне неисправны, особливо же относил неудовольствие свое на нижняя присутственныя места, подчиненныя губернскому правлению, говоря, что как они зависят от губернатора, то и должен довести недеятельность их до высочайшаго сведения Императрицы (губернатор его также в общем разговоре спросил: чем же он недоволен теми местами? — Неисполнением его учреждений, он ответствовал. Губернатор сказал, что он наместник был сам в губернском городе,

следовательно и зависела от него, яко от президента губернскаго правления, всякая поправка подчиненных ему мест); и что он непременно будет жаловаться Ея Величеству на губернатора, не токмо не помогавшаго ему в введении его благоучреждений, но расположеннаго против оных. Державин сказал, что готов ответствовать на все то, что ему доносить угодно будет; но как это было между дружеских разговоров, то и не думал, чтоб имело какое впредь последствие. Накануне дал знать об отъезде своем в столицу губернскому правлению, а как губернатор приехал к нему с прочими чиновниками проститься и принять приказание, то он, важным и надменным образом пред всеми сделав ему выговор за его якобы неисправность, сказал, что он донесет о том Ея Величеству. Державин учтиво отвечал то же, что прежде,— что он будет ответствовать.

Вследствие чего, когда выехал наместник из границ губернии, то он дал губернскому правлению предложение, в котором сказал, что он по учреждению о губерниях в небытность генерал-губернатора, по губернскому наказу 1764 году, намерен лично освидетельствовать все присутственныя места и палаты относительно их обрядов и течения дел, дабы быть в состоянии ответствовать, когда по жалобе наместника на него последует от вышней власти неудовольствие или какое взыскание. Почему чрез несколько дней и действительно все палаты и губернския присутственныя места свидетельствовал и записал в самых тех местах журналы все то, что нашел, от чего и не могли отрещися присутствующие, ибо журналы подписаны были и их руками. Само по себе открылось великое неустройство и несогласица с существовавшими законами и регламентами, по коим места должны были отправлять их должности, ибо они поступали не по законам, а по новым постановлениям наместника. Словом, обнаружилось не токмо наглое своевольство и отступление наместника от законов, но сумасбродство и нелепица, чего исполнить было не можно, или по крайности безполезно. Например: предписал он в должность экономии директора, чтоб сажать и сеять всякий год поселянам леса; но как в Олонецкой губернии, почти по всем уездам были непроходимые леса, то сие учреждение, годное на Екатеринославскую губернию, для которой в бытность его там губернатором было оно написано, совсем не годилось для Олонецкой. Также и по другим палатам и судам такия были табели

и предписания, что более смеха, нежели какого-либо уважения достойны. Они все описаны в особых примечаниях, о которых упомянется и коих копия находится в законодательной коммиссии для нужных соображений при написании законов. Одним словом, установлены такие между прочим сборы и подати, о коих в правилах казеннаго управления ниже[41] одним словом не упоминалось. Все сие сделано было им не из чего другаго, как из тщеславия и подлаго угождения: из тщеславия, что он один способен был начертать канцелярский порядок, о коем пред тем Императрица предписала господину Завадовскому с приданными ему помощниками; из угождения, что приметил он в проекте новаго уложения Императрицы некоторыя предполагаемыя ею подати, о коих никакого еще указа издано не было. Хотя проект уложения за действительный закон почитать было не велено, кроме некоторых статей, относящихся до уголовных и следственных дел; но по оным наместник сей присвоил уже себе такую власть, чего ни в старых законах, ни в проектах не было и быть не могло, для того что сам он был производителем дел, судиею, оберегателем и исполнителем, что на черных его определениях палатских самым делом изобличилось. Таковыя сумасбродства, записанныя в журналах каждаго правительства и суда, Державин приказал в засвидетельствованных копиях взнесть тогда же в губернское правление, а подлинныя впредь для справок оставить у себя, что всеми присутственными местами и исполнено. Тогда Державин, прописав выговор, сделанный ему за неисправность наместником и сославшись на сии канцелярские акты, послал донесение к Императрице с нарочным, бывшим в правлении экзекутором, что после был губернатором в Выборге, г. Еминым, испрашивая повеления, что Ея Величеству будет угодно сделать с теми журналами и по каким законам поступать, по наместниковым ли, или по генерал-губернаторскому? Формальнаго ответа не было; но известно после стало, что наместник был лично призван пред Императрицу, где ему прочтено было донесение губернаторское, и он должен был на коленях просить милости. С марта месяца *(1785)*, когда наместник отправился в столицу, лето целое прошло в безызвестии, чем решится или решилось происшествие между губернатора и наместника.

Между тем зачали оказываться неудовольствия наместника и разныя притеснения и подыски на губернатора.

в угодность генерал-губернатора и генерал-прокурора, привязываясь к губернатору, прокуроры и стряпчие всякий день входили с дельными и не дельными доносами и протестами в правление. Между прочими, коих всех описывать было б пространно и ненужно, подан был протест прокурора в медленном якобы течении дел. Сие было одно пресмешное о медведе. Надобно его описать основательнее, дабы представить живее всю глупость и мерзость пристрастия. По отъезде наместника скоро и брат его двоюродный, полковник Николай Тутолмин, бывший председателем в верхнем земском суде, отпущен был в отпуск на 4 месяца. На Фоминой неделе того суда заседатель Молчин шел в свое место мимо губернаторскаго дома поутру; к нему пристал, или он из шутки заманил с собою жившаго в доме губернатора асессора Аверина медвеженка, который был весьма ручен и за всяким ходил, кто только его приласкивал. Приведши его в суд, отворил двери и сказал прочим своим сочленам шутя: «Вот вам, братцы, новый заседатель, Михайла Иванович Медведев». Посмеялись и тот же час выгнали вон без всякаго последствия. Молчин, вышедши из присутствия в обыкновенный час, зашел к губернатору обедать, пересказал ему за смешную новость сие глупое происшествие. Губернатор, посмеявшись, сказал, что дурно так шутить в присутственных местах и что ежели *(дойдет)* до него как формою, то ему сильный сделает напрягай. Прошел месяц или более, ничего слышно не было. Напоследок дошли до него слухи из Петербурга, что некто Шишков, заседатель того же суда, в угождение наместника, довел ему историю сию с разными нелепыми прикрасами; а именно, будто медвеженок, по приказанию губернатора, в насмешку председателя Тутолмина, худо грамоте знающаго, приведен был нарочно Молчиным в суд, где и посажен на председательския кресла, а секретарь подносил ему для скрепы лист белой бумаги, к которому, намарав лапу чернилами медвеженка, прикладывали, и будто как прочие члены стали на сие негодовать, приказывая сторожу медвеженка выгнать, то Молчин кричал: «Не трогайте, медвеженок губернаторский». Хотя очевидна была таковая или тому подобная нелепица всякому, но как генерал-прокурору и генерал-губернатору она была благоугодна, то разсказывали ее по домам за удивительную новость и толковали весьма для Державина невыгодно, и видно, сделан был план в Петербурге, каким образом клевету

сию произвесть самым делом. В июле месяце, когда председатель Тутолмин возвратился из Петербурга к своему месту, то не явившись к губернатору, в первое свое присутствие в суде, сделал журнал о сем происшествии по объявлению ему якобы от присутствующих. Услышав о сем, губернатор посылал к нему, чтоб он прежде с ним объяснился, нежели начинал дело на бумаге, более смеха нежели уважения достойное. Он сие пренебрег и вошел репортом в губернское правление: выводя обиду ему и непочтение присутственному месту, просил во удовлетворение его с кем следует поступить по законам. Губернатор, получа такой странный репорт, и приметя в нем, что будто о каком государственном деле донесено во известие и наместнику, то чтоб не столкнуться с ним в резолюциях, медлил несколько своим положением, дабы увидев, что прикажет наместник, то и исполнить. Но как от него также никакого решения не выходило, то прокурор и вошел с протестом, что дела медлятся, указывая на помянутый репорт верхняго земскаго суда.

Губернатор, видя, что к нему привязываются всякими вздорами, дал резолюцию, чтоб, призвав наместника Тутолмина в губернское правление, поручить ему сделать выговор заседателю Молчину за таковой его неуважительный поступок месту и рекомендовать впредь членам суда быть осторожнее, чтоб они при таковых случаях, где окажется какой безпорядок, шум или неуважение месту, поступали по генеральному регламенту, взыскивая тотчас штраф с виновнаго, не выходя из присутствия. Наместник, получа таковую резолюцию, и как она ему не понравилась, то будто не видал ея, а по репорту суда предложил губернскому правлению отдать Молчина под уголовный суд. Державин, получа оное, сказал, что он по силе учреждения переменить определения губернскаго правления не может, а предоставляет по его должности репортовать на него Сенату. Губернский прокурор и наместник один с протестом, а другой с формальною жалобою отнеслись *(к)* сему правительству. Генерал-прокурор рад был таковым бумагам; подходя к сенаторам, говорил всякому его тоном: «Вот, милостивцы, смотрите, что наш умница стихотворец делает, медведей — председателями». Как известно, что Сенат был тогда в крайнем порабощении генерал-прокурора, и что много тогда также и наместники уважались, то и натурально, что строгий последовал указ к Державину, которым требовалось от него ответа, как бы

по какому государственному делу. Ежели бы не было опасности от тех, кто судит, то никакой не было трудности ответствовать на вздор, который сам по себе был ничтожен и доказывал только пристрастие и недоброхотство генерал-прокурора и наместника; но как толь сильных врагов нельзя было не остерегаться, то Державин заградил им уста, сказав между прочим в своем ответе, что в просвещенный век Екатерины не мог он подумать, чтоб почлось ему в обвинение, когда он не почел страннаго сего случая за важное дело и не велел произвесть по оному следствия, как по уголовному преступлению, а только словесный сделал виноватому выговор, ибо даже думал непристойным под именем Екатерины посылать в суд указ о присутствии в суде медведя, чего не было и быть не могло. Как бы то ни было, только Сенат, потолковав ответ, положил его, как называется в долгий ящик под красное сукно.— Множество было подобных придирок, но все пред невинностью и правотою, под щитом Екатерины, невзирая на недоброхотство Вяземскаго и Тутолмина, исчезли. Державин был переведен в лучшую Тамбовскую губернию.

В исходе однако летних месяцев, чтоб как-нибудь очернить Державина и доказать неуважение его к начальству и непослушность, Тутолмин делал ему такия поручения, которыя с одной стороны были ненужны, а с другой в исполнении почти невозможны. В исходе августа прислал он повеление осмотреть губернию и открыть город Кемь[42], лежащий при заливе Белаго моря, недалеко от Соловецкаго монастыря. Это почти было невозможное дело, потому что в Олонецкой губернии, по чрезвычайно обширным болотам и тундрам, летним временем проезду нет, а ездят зимою, и то только гусем; в Кемь же только можно попасть из города Сум на судах, когда молебщики в мае и июне месяцах ездят для моленья в Соловецкий монастырь, а в августе и прочие осенние месяцы, когда начинаются сильныя противныя погоды, никто добровольно, кроме рыбаков в рыбачьих лодках, не ездит. Но Державин, невзирая на сии препятствия, дабы доказать всегдашнюю его готовность к службе, предпринял исполнить повеление наместника, и действительно исполнил, хотя с невероятною почти трудностью, объездя более 1500 верст то верхом на крестьянских лошадях по горам и топям, то в челночках по озерам и рекам, где не токмо суда, но и порядочныя лодки проезжать не могут. Приехав в Кемь, не нашел тут не токмо присутственных мест, ни

штатной команды, но ниже́ одного подьячего, хотя наместник его уверил, что он все нужное найдет там готовым. Из сего понятен был, можно сказать, злодейский умысл наместника, потому что ежели б Державин не поехал, то бы он сказал, что он непослушен начальству или по трусости неспособен к службе: в противном случае он почти уверен был, что благополучно не может совершить сего опаснаго путешествия, что и сделалось-было самым делом, как ниже увидим. Но Божий Промысл, против злых намерений человеков, делает, что́ Ему угодно. Державин, приехав в Кемь, увидел, что нельзя открывать города, когда никого нет. Однако, чтоб исполнить повеление начальника, он велел сыскать священника, котораго чрез два дни насилу нашли на островах на сенокосе, велел ему отслужить обедню и потом молебен с освящением воды, обойти со крестами селение, окропя святою водою, назвать по высочайшей воле городом Кемью, о чем оставил священнику письменное объявление, приказав о том по его команде отрепортовать Синоду, а сам таковой же репорт послал в Сенат.

Возвращаясь, хотел-было заехать в Соловецкий монастырь, который лежит от Кеми верстах в 60; но с одной стороны, как монастырь Соловецкий Архангельской губернии, то не хотел он без позволения выехать из своей, а с другой как поднялся противный ветер, и был он в шестивесельной рыбацкой *(лодке)*, в которой против погоды плыть по морю никоим образом было неможно, то и приказал направлять свою лодку по погоде, и как уже день склонялся на вечер, надобно было доехать засветло до синеющихся впереди каменных пустых островов или морских курганов. Но возстала страшная буря, молния и гром, так что нельзя было без освещения молнии и различать совсем предметов; то и проехали-было совсем назначенные к отдохновению своему острова; но лоцман по домёкам узнал, что те острова вправе и что почти их проезжаем. Ежели к островам, то ветер будет боковой или, как мореходы называют, бедевен, а ежели прямо по ветру, то может легко замчать в средину Белаго моря или в самый Окиян. Державин приказал держать к островам вправо. Лишь руль повернули, паруса упали, лодка искосилась на бок, то и захлебнулась-было волнами, и неминуемо бы потонули; но Бог чудным *(образом)* спас погибающих. Державин хотя никогда не бывал на море, но не оробел и не потерял духу, когда бывшие с ним

экзекутор, вышепомянутый Емин, и секретарь Грибовский, который после был статс-секретарем при Императрице, замертво почти без чувств лежали, да и самые гребцы, как были Лапландцы, неискусные мореходцы, оцепенели так-сказать и были недвижимы, то одна секунда и вал надобны были к погребению всех в морской бездне. В самое сие мгновение Державин вскочил, закричал на гребцов, чтоб не робели, подняли веслы, на которыя лодка несколько раз оперлась, и вдруг очутилась за камнем, который волнам воспрепятствовал ее залить. Таковым, можно сказать, чудом спаслись от потопления, и Державин тогда в уме своем подумал, что знать он еще Промыслом оставлен для чего-нибудь на сем свете. В память сего написал он оду, под названием Буря, которая напечатана в первой части его сочинений. Переночевав на сих островах, или, лучше сказать, пустых камнях, поутру, хотя также не без опасности, но приехали благополучно в город Онегу Архангельской губернии; оттуда же сухим путем в город Каргополь, который есть наилучший в Олонецкой губернии, как хлебопашеством, так и торговлею.

Возвратился из сего путешествия в исходе сентября, и скоро после того получил указ о перемещении в Тамбовскую губернию. Но как надобно было Олонецкую так сдать, или к сдаче приготовить, чтоб после, а особливо по недоброжелательству наместника прицепок или взыскания не было; то осмотрел Державин вновь подчиненныя губернскому правлению места, и все, что неисправно, исправил; и как между прочим приказ общественнаго призрения в особливой был зависимости губернатора, то, осматривая оный, приметил в поданной денежной ведомости от помянутаго Грибовскаго, который отправлял должность казначея, что итоги неверны; то он приказал поверить одному из заседателей, который донес о действительной неверности и явное сумнение в целости казны. Он приказал сличить с документами, по которым нашлось, что по определениям, подписанным одним губернатором без советников, выдано денег купцам заимообразно без росписки их в шнуровых книгах 7000 р., да в самом деле недоставало наличных более 1000 р. Таковое открытие потому более было важно, что наместник всякими безделицами подыскивался под губернатором, то и легко мог сказать, что он сам похитил деньги, ибо определения на выдачу их подписаны были одною его рукою, а росписок от приемщиков в получении денег

не было. Притом знал Державин, что в угождение наместника прокурор и стряпчие, да и прочие чины того и смотрели, чтоб что-нибудь на него донесть, то и надобно было исправить сей безпорядок так искусно и без канцелярскаго производства, чтоб зажать рот всем, восхотевшим поступить на какое-либо шиканство и ябеду. А потому призвал он к себе Грибовскаго и лицо на лицо приятельским увещанием извлек из него искреннее признание в трате казенных денег. Он сказал, что проиграл их в карты, ведя игру с виц-губернатором, с губернским прокурором и с уголовной палаты председателем, которые были все любимцы наместнику. О розданных купцам деньгах объяснил, что для того подписаны одним губернатором определения, что он у купцов просил денег из занимаемых ими сумм, но как они на то не согласились иначе как взять без росписок, а когда заплатят, то тогда уже росписаться в книгах, что он и сделал, а для того и не подавал к прочим членам к подписке определений, чтоб они при выдаче денег не потребовали к своему усмотрению их росписок в книге. Он велел ему искреннее сие признание положить на бумагу в виде письма к губернатору, в котором он, во всех своих шалостях, раскаявшись, чистосердечно признался, написав по именам, кому что проиграл. Получив таковую бумагу, Державин тотчас пригласил к себе виц-губернатора, и как уже был час 7-й вечера, то его весьма таковое необыкновенное приглашение удивило. Сначала, разговаривая о посторонних материях, губернатор в виде дружеской откровенности объявил ему несчастие, случившееся в приказе общественнаго призрения, и требовал его совета что ему делать. Виц-губернатор, услышав сие, принял важный вид, стал вычислять многия свои замечания на счет неосторожности губернаторской, что Грибовский не стоил его доверенности и тому подобное, и что надобно с ним поступить по всей строгости закона и со всеми теми, кто с ним был соучастник. Тогда губернатор просил его, чтоб он лежащую на столе бумагу прочел и тогда бы дал ему свой совет, что делать. Виц-губернатор взял письмо и коль скоро увидел свое имя между игроками, то сначала взбесился, потом обробел и в крайнем замешательстве уехал домой. Того только и было надобно, чтоб, увидя себя замешанным, не предприял каких с его стороны доносов или других шиканов. То же сделано с прокурором и с председателем палаты. Все они перетрусились, кроме что прокурор зачал-было крючками вывертываться

и каверзить. Между тем губернатор послал по купцов, которые взяли казенныя деньги не расписавшись в книгах, представил им их дурной поступок во всей ясности и сказал, что отошлет он их тотчас в уголовную палату, коль скоро не распишутся в книгах. Они то без всякаго прекословия исполнили. Тысячу рублей Державин взнес свою; книги исправили и ведомости сочинили по документам, как быть им должно. Ко времени присутствия прокурор принес в правление протест, в котором изъяснял, что губернатором был призван в необыкновенное время, ночью, где ему показана бумага, в которой умышленно замешан в карточной игре. Советники сего протеста не приняли, сказав, чтоб он сам отдал его губернатору. Он и действительно то сделал, но губернатор принял его с смехом, сказав, что он все затевает пустое, что он его никогда к себе не призывал и деньги никакия в приказах не пропадали, в удостоверение чего поручает ему самому освидетельствовать денежную казну и книги по документам. Прокурор удивился, сходил в приказ и нашед все в целости и в порядке, возвратился. Губернатор изодрав его протест, возвратил ему как сонную грезу, и, приказав подать шампанскаго, всем тут бывшим и прокурору поднес по рюмке, выпивал сам и отправился в Петербург, оставя благополучно навсегда Олонецкую губернию, не сделав никого несчастливым и не заведя никакого дела.

В Олонецкой губернии сделаны Державиным некоторыя распоряжения и сочинения, заслуживающия некоторое внимание:

I-е. Секретное распоряжение для земской полиции о недопущении раскольников сожигать самих себя, как прежде часто то они из бесноверства чинили.

II-е. Устав о раздаче Лапландцам хлеба заимообразно из заведеннаго для них магазейна, суммою в 60,000 рублей, которыя деньги и хлеб, по непорядочной раздаче, почти были все пропадшими.

III-е. Установление пограничной таможенной стражи между Россиею и шведскою Лапландиею, при котором случае по приказанию губернатора и описание самой Лапландии сочинено экзекутором Еминым.

IV-е. Установление больницы на 40 человек под ведомством приказа общественнаго призрения, при открытии и освящении которой говорена была речь соборным священником Иоанном, сочиненная губернатором за неимением ученых духовных. Сия речь с похвалою и напечатана

в публичных Ведомостях, которая впредь поместится между прозаическими сочинениями Державина[43].

V-е. Основательное примечание, с подведением на всякую статью законов, на вводимый обряд наместников, на случай ежели б Императрице угодно было приказать рапорт губернатора разсмотреть судом, которое примечание находится и теперь в коммиссии сочинения уложения.

Наконец пресечено род крестьянскаго возмущения, произшедшаго по поводу приказов экономии директора Ушакова, якобы по указу 1783 года, которым велено наделить крестьян равными участками, разумеется, пусто-порожних земель; но он вместо того велел пахотныя отбирав у одних, давать другим; а как в Олонецкой губернии обработывание земель весьма дорого становится по непроходимым почти болотам, дремучим лесам и по чрезвычайной завалке каменьями, то лишающиеся удобренной пахоты и произвели не токмо всеобщий ропот, но и самое друг на друга возстание.

Словом, Державин, пробыв с открытия сей губернии, то есть с декабря месяца 1784 году, оставил в октябре того же *(чит.: 1785)* г., отправился в Петербург. Пробыв в оном до марта, поехал в нововверенную ему Тамбовскую губернию, прекратя некоторыя дурныя на него внушения Императрице, от известных его недоброжелателей и их приятелей дошедшия, чрез Александра Петровича Ермолова, бывшаго тогда в особенной доверенности, и также неудовольствие от князя Потемкина, по жалобам славнаго тогда раскольничья настоятеля Выгорецкой пустыни Андрея Семенова, за то что губернатор приказал земской полиции лично осматривать пашпорты всех проживающих людей, большею частию беглых; но как князь услышал объяснение и правоту онаго, то и переменил неудовольствие в благорасположение к Державину.

По приезде в Тамбов, в исходе марта или в начале апреля *(1786)* нашел сию губернию, по бывшем губернаторе Макарове, всем известном человеке слабом, в крайнем разстройстве. Сначала с генерал-губернатором графом Гудовичем весьма было согласно, и он губернатором весьма был доволен, как по отправлению его настоящей должности, так и по приласканию общества и его самого: как он летом посетил Тамбов, в честь его был устроен праздник, который описан в IV-й части сочинений Державина[44]. Таковые были в продолжение лета, осени и зимы и даже в наступающем году; но они не токмо служили к одному

увеселению, но и образованию общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, так было грубо и необходительно, что ни одеться, ни войти, ни обращаться, как должно благородному человеку, не умели, или редкие из них, которые жили только в столицах. Для того у губернатора в доме были всякое воскресенье собрания, небольшие балы, а по четвергам концерты, в торжественные же, а особливо в государственные праздники — театральныя представления, из охотников, благородных молодых людей обоего пола составленныя. Но не токмо одни увеселения, но и самые классы для молодаго юношества были учреждены поденно в доме губернатора, таким образом чтоб преподавание учения дешевле стоило и способнее и заманчивее было для молодых людей; например, для танцовального класса назначено было два дни в неделю после обеда, в которые съезжались молодые люди, желающие танцовать учиться. Они платили танцмейстеру и его дочери, которые нарочно для того выписаны были из столицы и жили в доме губернатора, по полтине только с человека за два часа, вместо того что танцмейстер не брал менее двух рублей, когда бы он ездил к каждому в дом. Такое же было установление и для классов грамматики, арифметики и геометрии, для которых приглашены были за умеренныя цены учители из народных училищ, у которых считалось за непристойное брать девицам уроки в публичной школе. Дети и учители были обласканы, довольствованы всякий раз чаем и всем нужным, что их чрезвычайно и утешало и ободряло соревнованием друг против друга. Тут рисовали и шили, которыя повзрослее, девицы для себя театральное и нарядное платье по разным модам и костюмам, также учились представлять разныя роли. Сие все было дело губернаторши, которая была как в обращении, так и во всем в том великая искусница и сама их обучала. Сие делало всякий день людство в доме губернатора и так привязало к губернаторше все общество, а особливо детей, что они почитали за чрезвычайное себе наказание, ежели кого из них не возьмут родители к губернатору. Несмотря на то, чрезвычайная сохранялась всегда пристойность, порядок и уважение к старшим и почтенным людям. О сем долгое время сохранялась, да и поныне сохраняется память в тамошнем краю[45]. Да и можно видеть из пролога на открытие театра и народнаго училища, в помянутой же части напечатанных.

Но губернатор в сии увеселения почти не мешался,

и они ему ни мало не препятствовали в отправлении его должности, о которой он безпрестанно пекся, а о увеселениях, так же как и посторонние, тогда только узнавал, когда ему в кабинет приносили билет и клали пред него на стол. Сие его неусыпное занятие должностию обнаруживалось скорым и правосудным течением дел и полицейскою бдительностью по всем частям управы благочиния, что также всем не токмо тогда было известно, но и доныне многим памятно. Сверх того, сколько мог, он вспомоществовал и просвещению заведением типографии, где довольное число печаталось книг, переведенных тамошним дворянством, а особливо Елисаветою Корниловною Ниловою. Печатались также и для поспешности дел публикации и указы, которые нужны были к скорейшему по губернии сведению; были также учреждены и губернския газеты для известия о проезжих чрез губернию именитых людях и командах и о ценах товаров, а особливо базарных хлеба, где когда и по какой цене продавался. Сие особливо полезно было для казны при случае заготовления большаго количества провианта; ибо провиантским коммиссионерам не можно было возвысить чрезвычайным образом цен против тех, которыя объявлены были в губернских печатных ведомостях, сочиняемых дворянскими предводителями каждаго уезда под смотрением одного надежнаго чиновника, живущаго в губернском городе при губернаторе, который и из других рук также получал тайныя для поверки сведения. Словом: в 1786 и 1787 году все шло в крайнем порядке, тишине и согласии между начальниками.

В последнем из сих годов открыто народное училище, которое принесло большую честь губернатору (как) известною речью, говоренною однодворцем Захарьиным, сочиненною губернатором по поводу тому, что преосвященный был тогда человек неученый и при нем таковых людей не было, кто бы мог сочинить на тот случай приличную проповедь. О сей речи неизлишно думается сообщить особливый анекдот. Вот он. Хаживал к губернатору из города Козлова однодворец Захарьин, который принашивал ему сочинения своего стихи, большею частию заимствованные из священнаго писания. В них был виден нарочитый природный дар, но ни тонкости мыслей, ни вкуса, ни познаний не имел; он ему иногда читывал свои стихи, то по способности сей хотел его поместить в какую-либо должность в приказе общественнаго призрения. В сие время, то есть в августе 1786 года, получен имянной

указ, коим непременно велено было открыть под ведомством приказа общественнаго призрения народное училище 22-го числа сентября, то есть в день коронования Императрицы. День приближался. Надобно было по обыкновению при открытии училища говорить речь или проповедь. Он сообщил о сем преосвященному Феодосию, который был человек и неученый и больной, то он отказался. Губернатор убеждал, чтоб он приказал своему хотя проповеднику то исполнить; но и в том не успел, ибо тот проповедник был дьякон, невзирая на то, хотя без всяких талантов, но человек притом невоздержный и на тот раз пил запоем. Губернатор послал в город Ломов к архимандриту, человеку ученому, который хотя по духовному правительству принадлежал Тамбовской епархии, но по губернскому правлению Пензинской губернии. Сей обещал приехать, но дни за три до назначеннаго дня прислал курьера с отказом, сказав тому причину, что пензинский губернатор требует его в Пензу для сей же надобности. Получа сие, Державин не знал, что делать; а как прилучился у него помянутый однодворец Захарьин, то он вызвался, что он напишет речь, когда ему то будет позволено. Губернатор посмеялся такому предложению, знав его к тому недостатки, но хотел видеть, что это будет за речь. Сказав ему свои мысли, какого содержания она быть долженствует, приказал, когда напишет вчерне, то чтоб показал ему. Сей в самом деле на другой день поутру очень рано явился с своим сочинением. Сие было сущий вздор, ни складу, ни ладу не имеющий. Он ему, сделав свои замечания, велел переделать и принести в тот же день ввечеру. Он исполнил; но и по вторичном прочтении нашлась самая та же нелепица. Итак видя, что из однодворческих собственных мыслей и трудов ничего путнаго не выдет, а речь непременно иметь хотел, то и приказал он ему придти к себе в кабинет в наступающий день до свету. Он в назначенный час явился. Державин, посадя его, велел ему под диктатурою своею писать речь по собственному своему расположению и мыслям, которыя он в течение дня в голове своей собрал и расположил в надлежащий порядок. Но как однодворцу не было приличнаго места, где бы ему ту речь по состоянию его сказать можно было (ибо в церкви нельзя, для того он был не церковнослужитель; в школе также невместно, ибо не был ни учитель и ни по чему не принадлежал к чиновникам сего заведения), а для того выдумал, чтоб он на таком месте сказал ее, которое может

принадлежать всему народу. Вследствие чего приказал ему переписать ее набело, и на другой день, то есть накануне уже праздника, тоже поутру рано, явиться к нему в кабинет. По исполнении сего, пересмотрев и переправив еще, приказал ему, чтоб, когда процессия духовная будет возвращаться после освящения училища в собор, то чтоб он, остановя ее; начинал свою речь, которая начиналась таким образом: «Дерзаю остановить тебя, почтенное собрание, среди шествия твоего» и проч.

Сие в точности так было исполнено. Когда преосвященный со всем духовным причетом, отслужа молебен и окропя святою водою классы, хотел с собранием всех чинов выдти из училища, то однодворец остановил его вышеписанным началом речи; и губернатор, тотчас подступя, *(пригласил)* их в училище, где уже и говорена была речь перед портретом Императрицы порядочно; но при том месте, где он предавал в покровительство Государыне сына своего, жена его, стоявшая за ним с малолетним его младенцем, отдала ему онаго, а он положил его перед портретом, говоря со слезами те слова, которыя там написаны. Сие трогательное действие так поразило всех зрителей, что никто не мог удержаться от сладостных слез, в благодарность просветительнице народа пролиянных, и надавали столько оратору денег, что он несколько недель с приятелями своими не сходил с кабака, ибо также любил куликать. Речь сия послана была к наместнику и оттоль натурально в Петербург к Императрице, где привела Государыню столько в умиление, что она от удовольствия пролила слезы, и вообще произвела во всех удивление, что прислан был от графа Безбородки курьер, и именем Императрицы приказано было однодворца *(привезти)* в Петербург; ибо тотчас усумнились, каким образом можно было простому мужику иметь такия чувства и сведения, каковыя в той речи оказались и каковых от лучших риторов ожидать только можно. Сие происшествие, а притом и успехи, тотчас показавшиеся от учения, как-то между прочим например, что чрез несколько месяцев появилось во всем Тамбове в церквах италиянское пение. Это было сделано так, что один придворный искусный певец, спадший с голоса, служил секретарем в нижней расправе и в состоянии был учить класс вокальной музыке. А как известно, что купечество в России везде охотники до духовнаго пения, то губернатор, прибавя сказанному секретарю несколько жалованья из приказа общественнаго призрения к полу-

чаемому им из расправы, велел учредить певческий класс по воскресеньям для охотников: то тотчас и загремела по городу вокальная музыка. Забавно и приятно видеть, когда слышишь вдруг человек 400 детей, смотрящих на одну черную доску и тянущих одну ноту. А как и другия науки (как-то арифметика), чтение и писание прекрасное показались по городу, и сенаторы граф Воронцов и Нарышкин, в начале 1787 года осматривавшие губернию, подтвердили народную похвалу Императрице относительно правосудия, успешнаго течения дел, безопасности, продовольствия народнаго и торговли, также приятных собраний и увеселений, так что начало знатное дворянство не токмо в губернский город часто съезжаться, но и строить порядочные домы для их всегдашнего житья, переезжая даже из Москвы: то все сие возродило в наместнике некоторую зависть. Сие прежде всего приметно стало из того, что он зачинал к себе требовать и брать артистов, против воли губернатора и их самих, в Рязань[46] для устройства там театра и прочих увеселений,— как-то машиниста, живописца и балетмейстера, которых губернатор старанием своим выписал и содержал разными вымышленными им без ущерба казны и чьей-либо тягости способами, как то выше явствует.

Но в течение сего же года открылось уже явное наместника неудовольствие против губернатора. Причина была тому следующая. В исходе того 1787 *(читай: 1786)* г. должны быть по губерниям в казенных палатах торги на винный откуп. В законе было сказано, что казенная палата, постановив на мере с откупщиком кондиции, прежде заключения контракта отошлет их на уважение губернскаго правления, генерал-губернатора и Сената. Тамбовская казенная палата, сделав торги, сколько по слуху в городе известно было, с ненадежными людьми и с уменьшением сложности 20,000 ведер вина, что делало в год казне убытку 60,000, а в 4 года 120,000 рублей[47], послала к наместнику, а в губернское правление не присылала. Губернатор ждал, что из сего будет, и говорил словесно виц-губернатору (человеку жадному к интересу и, можно сказать, криводушному подьячему); но он отыгривался разными увертками, упираясь впрочем на то, что отослал к наместнику, и когда от него получит, тогда сообщит правлению. Надобно знать, что наместник сей, или генерал-губернатор был, как выше сказано, господин Гудович, человек весьма слабый, или, попросту

сказать, дурак, набитый барскою пышностию, что зять графа Разумовскаго, а дел, особливо же статских, ни мало не разумеющий. Он был водим его секретарем г. Лабою, который после был генерал-провиантмейстером: человек проворный, умеющий вкрадываться и подольщаться к разнаго характера людям. Ушаков, виц-губернатор, с ним сдружился, а может быть и разделил с ним и с сенатскими обер-секретарями, или и повыше с кем, те 120,000 рублей, которыя с уменьшением сложности из казны украли. Таким образом, как они на хищение царскаго интереса сладились, то и присланы кондиции в правление накануне новаго года с таковым требованием, чтоб правление с началом онаго немедленно допустило новых откупщиков до содержания откупа. Губернатор, приметя козни, что ежели не допустить, то откупщики войдут в претензию и начтут многия суммы, которыя падут на счет губернатора, а ежели допустить, то будет соучастник ущерба интереса; а потому и дал он резолюцию, что как по наступившему времени к отдаче новым откупщикам откупу некогда уже сбирать справок о залогах, представленных от откупщиков, и о их благонадежности, а господин генерал-губернатор уже нашел их достаточными и уважил, то губернское правление, не входя ни в какое за ним новое разсмотрение, яко главнаго начальника губернии, относится к нему и ждет его предписания, которое последовало: откуп отдан, и Сенату, с прописанием всего происшествия, отрапортовано. Едва прошло месяца два откупа, вступил в правление на главнаго откупщика, купца тамбовскаго Матвея Бородина, вексель на весьма важную сумму,— помнится, тысячи на три. Правление, по законному порядку, предписало коменданту с Бородина ту сумму требовать. Он отозвался неимением денег: предписано в доме описать имение; но онаго ничего не нашлось, следовательно и объявленный им под откуп капитал, как и у прочих его соучастников, по справкам оказался подложный, то есть выставлен на одной бумаге, а в существе своем пустой, никакого достоинства не имеющий. В таком случае, чтоб правлению самому не подпасть под взыскание, когда откупщики не будут взносить откупной суммы, как уже и действительно недоимка накопляться стала, губернатор приказал, на основании учреждения о управлении губерний, губернскому казенных дел стряпчему взнесть иск; что исполнено, и жалоба его отправлена в Сенат. Вот сим-то и возгорелась уже явная злоба наместника против губернатора.

Между тем случилось еще происшествие, достойное примечания, которое ознаменовалось совершенным подыском и гонением губернатора. В марте месяце *(1788)*, 24-го числа, т. е. накануне Благовещения, явился к губернатору воронежский купец Гарденин с открытым ордером ко всем губернаторам от главнокомандующаго в армии князя Потемкина-Таврическаго, которым препоручалось им помогать ему Гарденину, яко провиантскому коммиссионеру, в покупке и доставке провианту на армию, предводительствуемую им против Оттоманской Порты, в котором крайний был недостаток, так что по зиме еще с Моздоцкой линии и прочих мест дивизионные командиры писали к губернатору и просили его приискать купить хлеба. Но как в том году в Тамбовской губернии, да и в прочих смежных, родился хлеб худо, то и не мог он удовлетворять требования их. Гарденин, сверх помянутаго ордера, представил еще открытый указ из Сената казенным палатам, чтоб ассигнованныя на воинский департамент суммы отпустили ему Гарденину без задержания, объявив при том словесно, что приискано и приторговано им хлеба потребное число по реке Вороне у разных помещиков и отдано им задатку 50,000 р., с тем чтоб при вскрытии реки и при нагрузке на суда хлеба, заплатить им остальную сумму; а ежели не заплатится, то с них поставки хлеба не взыскивать и взятых в задаток денег не требовать. Поелику было то время, что скоро река вскроется, то и просил он, чтоб из ассигнованных на военный департамент за прошлый и за настоящий год сумм были потребныя ему деньги выданы; иначе же, когда упустится пора, то армия подвергнется крайнему бедствию. Губернатор (Державин), как деньги в казенной палате, препроводил его к виц-губернатору, чтоб он от него деньги требовал. Гарденин возвратился и объявил, что виц-губернатор отказал ему в деньгах, сказав, что будто в палате провиантских сумм нет. Губернатор вторично отослал его при секретаре Савицком (что ныне виц-губернатором в Новгороде) и велел просить его, чтоб он удовольствовал коммиссионера, ежели провиантских и коммиссариатских денег нет, хотя из других сумм, которыя опосле заменить, ибо государственная нужда, не теряя времени, того требует, дабы не поморить армии. Виц-губернатор, надеясь на покровительство князя Вяземскаго, яко генерал-прокурора и государственнаго казначея, а также и на генерал-губернатора, ответствовал с грубостию, что у него денег нет,

и сверх того, дабы оказать губернатору больше неуважения и пресечь совсем надежду Гарденину без подарков ему получить деньги, поехал на винный липецкий (винокуренный) завод, якобы для осмотру его годности по сенатскому указу. Гарденин в отчаянии прибегнул паки к губернатору. Тогда он приказал ему войти к себе с письменным прошением с прописанием всех вышеописанных обстоятельств и отказов виц-губернаторских. Вследствие чего, призвав к себе казенных дел стряпчаго, велел ему подать себе ведомость о суммах, какия находятся в казенной палате наличными и куда какия ассигнованы суммы. Стряпчий ответствовал, что губернский казначей и прочие члены палаты той ведомости ему без виц-губернатора не дают.

Тогда он, по силе учреждения о губерниях, яко хозяин губернии, дал ордер коменданту, придав ему в помощь для лучшаго соблюдения порядка советника правления и секретаря, которым велел казну в губернском казначействе освидетельствовать и подать губернскому правлению репорт, сколько каких сумм на лицо находится в оном. А как предвидел он, что таковой его, хотя законный и должный, но решительный поступок от его недоброжелателей подвергнется разным прицепкам и осуждению: то и дал он подробное наставление своим коммиссионерам как поступать при свидетельстве казны, наблюдая возможную осторожность и порядок, то есть, чтоб записывать всякий свой шаг, по точной силе должности казначея, в журнал вообще с теми чиновниками, которые от стороны казенной палаты при том свидетельстве находиться будут. Все сие сохранено, и подан репорт в губернское правление; но как свидетельство происходило по документам и по книгам несколько дней, то натурально о выдаче денег Гарденину послан прежде репорт в Сенат, а о свидетельстве после, в котором прописаны все безпорядки и неустройство по казенной части: то есть ассигнационнаго банка суммы более 150,000 рублей валялись вовсе без записки, из коих, носился слух, раздаваны виц-губернатором взаймы казенныя деньги, без процентов и без залогов, кому хотел, также неокладные доходы, как-то: за гербовую бумагу, за паспорты, сбирались без записки в приход; провиантских и коммиссариатских сумм было на лицо, неизвестно почему удержанных и не высланных в места, куды ассигнованы, около 200,000, т. е. несравненно более чем Гарденин требовал. Словом, почти вся записная книга была бела, документы разбросаны или и совсем

растеряны, и неизвестныя какия-то деньги нашлись у присяжных по коробкам, так что оказывалось в растере или похищении казенных денег более 500,000 рублей. Все сие записано в журнал и подписано собственными руками, как коммиссионеров губернатора, так и губернским и уездным казначеем и стряпчим, без всякаго противуречия или жалоб на какое-либо притеснение, и тогда же отрепортовано с нарочным Сенату, и наместнику дано знать. Поелику же сие происходило перед Страшною неделею[48], а по воскресеньям всегда собирались к губернатору на вечер чиновники и их жены, то в Вербное воскресенье, собравшись они в доме губернатора, начали между собою переговаривать, что якобы свидетельство комендант и его помощники учинили подложное притеснительно и оклеветали казенную палату в безпорядках, коих совсем не было, а напротив того она нашлась в наилучшей исправности; о чем казенная палата, сделав определение, послала с нарочным же репорт от себя Сенату.

Сие услышав губернаторша от женщин, сказала мужу. Он тотчас призвал к себе губернскаго прокурора и спросил, известен ли он и правда ли, что казенная палата сделала определение в опровержение губернскаго правления и послала репорт, якобы о лживом свидетельстве. Прокурор отвечал: правда.— «Для чего вы не соблюли свою должность, в учреждении вам предписанную, где вам велено доносить губернскому правлению не токмо о всех происшествиях, но и о слухах и о ропоте народном? А вы, видя и пропуская определение палаты о беззаконных поступках коменданта и прочих коммиссионеров, не донесли правлению, которое могло свои взять меры и чрез изследование открыть истину. Что подумает Сенат? кому ему верить, правлению или палате?» Губернский прокурор, услышав сие, струсил, побледнел и затрясся. Губернатор без обиняков сказал ему, что ежели он не исполнит своей должности по точной силе учреждения, то он прямо принужден будет донести о всех беззаконных происшествиях Императрице. Прокурор на другой день, то есть в Страшной понедельник, хотя день неприсутственный, но как по важному делу, подал репорт губернскому правлению. Губернатор, приняв оный, дал резолюцию пригласить, как по экстренному делу, председателей палат и при них, призвав всех чиновников, казначеев и присяжных, бывших при свидетельстве казны в казначействе, спросить их, каким образом делано было притеснение и угрозы

присяжным и прочим чинам комендантом и прочими коммиссионерами. Председатели уголовной и гражданской палат, двое Чичериных, прибыли, а казенной палаты, как выше явствует, виц-губернатор был на липецких заводах, то вместо его пришел экономии директор Аничков. Скоро потом представлены казначеи и присяжные, которые тайно приехавшим из Липецка виц-губернатором и его сообщником экономии директором настроены, что на вопрос в правлении губернатором: «кем вы были принуждены при свидетельстве казны показывать неисправности казначейства и похищение казны?» в один голос все ответствовали: «Комендантом».— Как?— «Он приказал из нас одному присяжному, у котораго в коробке заперты были казенныя деньги: «ну, поскорее отпирай и вынимай что у тебя там есть», толкнув притом тростным набалдачником в спину».— Более же никакого принуждения и устращиваний не было?— «Нет», отвечали. Сии показания записаны в журнале правления и спрашиваны еще, не имеют ли чего в оправдание свое сказать; но никто ничего не говорил, а все были безгласны. Все сие в присутствии всего собрания записано и репортовано Сенату и сообщено генерал-губернатору к сведению, который с своей стороны послал жалобу в оное правительство, что якобы губернатор его обидел, между прочим и созывом из палат в правление председателей, ссылаясь на учреждение, которым одному ему предоставлено право сзывать палаты при случаях заключения, на новыя законы.

Сенат по первому репорту о выдаче Гарденину денег сделал губернатору строгий выговор, что якобы он вмешивался в управление казенной части, которая непосредственно зависела от государственнаго казначея, или князя Вяземскаго, несмотря на то, что он его ассигнацию приказал выполнить, велев отдать Гарденину деньги, ассигнованныя на провиантский департамент. По второму же репорту о свидетельстве денег в палате и о происшедшем между казенною палатою и правлением несогласии, велел на месте генерал-губернатору безпорядок исправить, а пониженную сложность, несмотря на толь явный и умышленный ущерб интереса по откупу, утвердил без всякаго изследования, не уважа никаких доводов казеннаго стряпчаго. Генерал-губернатор, приехав сам для исполнения сенатскаго указа, что сделал, губернатору осталось неизвестным, ибо он о сем ни одним словом с ним не объяснялся; а между тем в августе месяце, по случаю

нечаянно[49] объявленной войны Швециею, как приказано было добровольно отданных владельцами в солдаты людей принимать, но на одежду и содержание их денег не ассигновано, то губернатор требовал от наместника разрешения, из каких сумм оныя взять, ибо, получив недавно указ Сената не касаться казенной части, не смел сам собою заимствовать оных из коммиссариатских сумм. Генерал-губернатор отделывался от письменной резолюции, словесно приказывая взять из коммиссариатских сумм, и намерен был уехать из Тамбова в Рязань, дабы необходимую выдачу из казначейства на сию потребу денег обратить паки на губернатора и тем снова поджечь Вяземскаго, якобы в присвоении им его должности. Но губернатор остерегся, требовал письменной резолюции или звал наместника в правление, дабы там в общем присутствии сделать по сему экстренному случаю положение; но он, на сие крайне разсердяся, с азартом кричал, что он понуждать его идти в правление не может, что он должен исполнять все его повеления безпрекословно, как бы Императорскаго Величества, что он ничто иное, как его советник; но губернатор говорил, что он правитель губернии, а не советник. Словом, произошел между ими довольно горячий разговор; но никакой непристойности не было, и генерал-губернатор с тем из Тамбова уехал, оставив набор людей, обмундирование и продовольствие их на попечение губернатора.

В сентябре получен указ из Сената, последовавший по жалобе наместника, в коем многия глупыя небылицы и скаредныя клеветы на Державина написаны были: между прочим, что будто он его за ворот тащил в правление, что будто в присутствии его в правлении сделанныя им распоряжения не исполнял, что накопил недоимки, и другия всякия нелепицы, но ни одного истиннаго и уважения достойнаго проступка *(или)* дела не сказал. Губернатору не трудно было на такой сумбур ответствовать и опровергнуть лжи прямым делом. Но как знал он канцелярский обряд, что не на справках основанные ответы подлежат сумнению и что начальничьи донесения более возымеют весу, нежели его ответы, то, отлучив его от должности, предадут дело в Сенат *(к)* законному суждению, а Сенат несколько лет будет собирать справки, которыя в угодность генерал-губернатора будут такия, какия ему только будут угодны; словом, ежели не обвинят, то вечно просудят, чего им только и хотелось, дабы не допустить Державина

в столицу, или лучше до лицезрения Императрицы; ибо таков есть закон: кто под судом, тот не допущается ко двору. Державин, все сие предвидев, взял меры, дабы отвратить от себя толь злобно ухищренную напасть. Он, не объявя указа в правлении, призвал к себе секретарей и приказал им якобы по другой какой надобности, справиться о всем, о чем требует от него Сенат ответа, каждому по своей экспедиции и за подписанием их и советников по их частям, взнесть к нему в канцелярию. Они сие исполнили, и советники, не знав, что по поводу сенатскаго указа те справки требованы, подписали, а губернский прокурор пропустил, не сделав никакого возражения. Тогда губернатор объявил правлению сенатский указ и тот же час, основав на тех справках свой ответ, отправил в Сенат. Прокурор и советники, бывши преданы из трусости наместнику, увидели, что сплошали, не затруднив справок. Первый из них, послав нарочного к генерал-губернатору с известием, что губернатор требует справок против сенатскаго указа, получил с тем же посланным предписание, чтоб никак не давать справок; но было уже поздно. Гудович, будучи о сем извещен, послал в Сенат жалобу на Державина, говоря, что он под видом справок отдал якобы его под суд губернскому правлению. Ему больно было, что справками обнаружились его лжи и черной души клевета. Например, он доносил Сенату, что губернатор в присутствии его в губернском правлении сделанных им распоряжений не исполнял (по справкам открылось, что он с самаго своего пожалования в тамбовские наместники в правлении ни разу не бывал и распоряжений никаких не делал); что недоимок не взыскивал: оказалось, что никогда оных так мало не было. Что же касалось, что будто за ворот тащил в правление, то толь грубую ложь никакое безстыдное свидетельство подкрепить не могло; ибо надобно было, чтоб кто-нибудь их рознял, и тому подобное.

Сенат, получив вторую жалобу, хотя не мог почесть ее за основательную, но,— по убеждению генерал-прокурора Вяземскаго, а паче бывшаго тогда в великой силе по связи с графом Безбородкою графа Петра Васильевича Завадовскаго, который Гудовичу был не токмо земляк и родственник по дому графа Разумовскаго, но и старинный друг,— определил, не дождавшись на указ от Державина ответа, поднесть Ея Величеству доклад, в котором почел ему то в вину, что он долго якобы ответа не присылал,

не смотря на то, что в законах определеннаго на ответы срока еще не прошло и что не токмо третичнаго, но и вторичнаго побудительнаго указа к нему послано не было. Граф Завадовский потрудился сам написать доклад, в котором показал искусство свое в словоизобретении, что выдумал на обвинение Державина особое не слыханное ни в какой юриспруденции слово, а именно, что он *упоследживает ответами,* и для того предать его суду. Императрица, получив таковой явно пристрастный доклад, без ответа обвиняющий Державина, проникла на него гонение, и для того, положив его пред собою, оставила без конфирмации. Между тем Державин в узаконенный срок прислал ответ; но его Сенату не докладывали, а читали тайно по кабинетам и, увидев гонимаго во всем невинность, положили безгласным под красное сукно, вымышляя между тем способы и разныя козни, чем бы обвинить Державина и подвигнуть на него гнев Императрицы.

Прошло месяца с два, что дело оставалось без всякаго движения, и все думали, что Императрица взяла сторону Державина, и ему ничего не будет. Но в ноябре месяце настал срок к новому выбору судей. Наместник приехал, и дворяне съехались. Губернатор, получая о том ежедневно рапорты, пришел к нему в день балотирования и с должною учтивостью спрашивал его, что он ему по сему случаю прикажет. Он с презрением ему отвечал: «Ничего».— В обряде выборов и на него возложена должность.— «Мне вы ни на что не надобны». Губернатор, поклонясь, вышел вон и тот же час прислал к нему рапорт с прописанием, что он *(был)* у него и просил его повеления, но он его без всякой причины удалил от выборов: то ежели что случится в продолжение оных несогласное с законами, то чтобы он сам за то изволил ответствовать. Сия наместника так-сказать письменная явка наиболее раздражила. Он послал к графу Безбородку убедительное партикулярное письмо, написав в нем личныя оскорбления и всякия нестерпимыя нелепости на губернатора, прося, чтобы он удален был из губернии, описывая, что он и при настоящем выборе дворян делает затруднение и замешательство. Граф Безбородко по тому письму докладывал, и тогда-то уже вышла конфирмация Императрицы на вышепомянутый сенатский доклад, в которой сказано, чтоб удаля Державина из Тамбовской губернии, взять с него ответы, которые разсмотреть в Москве в 6-м Сената департаменте.— Возрадовались все его гонители, и вместо того, чтоб справедли-

вый Сенат и истинный защитник невинности должен был сказать и войти с докладом, что ответы уже Державиным присланы, и как в них не находится никакой его вины, то предать Ея Величества благосоизволению; напротив, тотчас препроводили в Москву, опасаясь допустить оклеветаннаго в Петербург, чтоб как-либо присутствием своим в сем городе не открыл своей невинности, ибо письменных жалоб его не боялись, потому что они, преходя чрез руки статс-секретарей и почт-директора, приятелей и приверженцев их, не могли никак проникнуть до Императрицы. Словом, Державин был в крайнем со всех сторон утеснении, ибо Вяземскаго и Безбородкина партия, то есть Сенат, генерал-прокурор, генерал-губернатор и статс-секретари, все были против его. Хотя на князя Потемкина, по случаю помоществования армии хлебом чрез Гарденина и благосклоннаго расположения Василья Степановича Попова, правителя его канцелярии, и была некоторая надежда; но как оные три сильные вельможи, Потемкин, Безбородко[50] и Вяземский, у коих были в руках бразды царственнаго правления, чтоб не мешать друг другу, составили тогда между собою триумвират, любимец же Императрицы граф Мамонов ни с какой стороны не был знаком Державину, то и был он в бездне погибели, из коей, казалось, никоим образом выйти ему неможно было. Но невинность его и Бог противное учинили, как то ниже увидим.

Таким образом должен он был, против желания всех благомыслящих, в исходе 1788 года оставить Тамбовскую губернию, в которой он много полезнаго сделал, как-то:

1. Написал топографию губернии.

2. Учредил в губернском правлении порядок для сокращения производства, котораго прежде не было, так что, разделя по советникам дела на экспедиции, завел три журнала, из коих два для советников, а третий для себя. В первых двух советники должны были писать резолюции кратко своими руками, по подобным делам, каковыя уже губернатором и правлением апробованы были; а в третьем губернатор сам, по каковым еще прежде положения не было. Сим сокращалось время и производство, ибо вместо одной выходило три резолюции, однако основательныя и согласныя с законами. Сии три докладные реестра с резолюциями советников и губернатора составляли каждаго дня журнал правления, который подписывали под каждой статьей по своим частям советники, а на конце

губернатор. И как дела были разобраны по материям и вносились в докладной реестр одно за одним того же роду, то написав на первое резолюцию, согласную апробованным прежде таковым же, последующия советник разрешал одним словом: тоже, тоже.

3. Подобно сему сокращены и исполнены были самым делом, а не на одной только бумаге, губернския публикации, которых, как известно, во всяком правлении от почты до почты вступает великое множество. Сие сделано было так. Учрежден был особый стол с одним столоначальником и двумя писцами. Они должны были из всех сообщений, требующих обнародования, составлять еженедельный реестр, изображая в нем кратко, о чем откуда публикуется. В пятницу по реестру сему докладывалось правлению, на котором одним словом отмечал советник: публиковать. В субботу и воскресенье все статьи публикации на одном большом листу, подобном табели, которую можно к стене прибить, печатались в типографии. В понедельник листы сии приносились в правление, которые при кратких печатных указах, прежде уже изготовленных, посылались городничим с таковым только изъяснением, что посылается столько экземпляров. Городничий должен был оныя экземпляры раздать по присутственным местам, и в нижний земский суд с большим оных количеством; нижний земский, приложа при каждом экземпляре по нескольку листов белой бумаги, отсылал с статными драгунами в четыре конца своего уезда до первых земских изб, где земский писарь, на белой бумаге отметив, что публикацию видел, отсылал с ходаком уже до второй земской избы, и так далее. По огласке во всем уезде возвращались экземпляры с подписанными листами в земский суд и прибивались по церквам, базарам и ярмаркам, к сведению всего народа. Таким образом в весьма краткое время извещалась вся губерния самым делом, а не на письме только, о разрешении и запрещении имения, о подрядах и откупах, о беглых рекрутах и о прочем, о чем неточныя публикации производят в делах не токмо замешательство и затруднение, но и самыя злоупотребления. Сему подобно для скорейшаго отправления дел учредил он распорядок в переписке с подчиненными местами губернскаго правления: приказал присылать обыкновенныя ведомости о доимках, о хлебном урожае и о прочем в пакетах в поллиста, о делах, которыя требуют резолюции или предписания правления,— в четверть листа, а репорты о получении

указов — в восьмую долю листа, чем сокращалось весьма течение дел; ибо законами предписано судьям самим распечатывать пакеты и помечать число на полученных бумагах, то и выходила неминуемая медленность и для советников великий труд, что они должны были каждый пакет распечатать, прочесть бумагу, пометить в ведомости и за известие отдать секретарям; но когда пакеты были различны, то дежурный секретарь по наружной их форме, не распечатывая, разбирал и требующие резолюции клал перед судьей, ведомости раздавал секретарям по экспедициям, а репорты о получении указов в регистратуру прямо для записки в регистратуру, не взнося всех оных в докладные реестры, чем соблюдались вышеписанные законы и несравненно дела ускорялись; ибо пустыя бумаги не обременяли делопроизводителя.

4. Ведомости, получаемые из казенной палаты о получении доходов и о недоимках, а равно и из судебных мест о решенных и нерешенных делах, согласно законам и учреждению, приказал присылать только в два срока, а не несколько раз, как и когда кому вздумалось, и делал по ним градской и сельской полиции только два раза в год предписание, штрафуя неисправных без лицеприятия, чем и труд облегчался и исполнение чинилось действительнее, как по запутанности дел частыя, но слабыя предписания.

5. По казенной части в сборе податей и свидетельств казны на основании законов такое сделал по зависящим от губернскаго правления местам распоряжение, что и ныне государственное казначейство, при ревизовании счетов, руководствуется оным.

6. Разобрал по точной силе законов вины преступников, содержащихся без всякаго прежде различия в тюрьмах, сделав распоряжение, кого отпустить на росписки и поручительство, кого содержать строже, кого слабее, разсадя их всех по особым номерам, по мере их вин и преступлений; и перестроя из старых строений с пособием сумм приказа общественнаго призрения благоучрежденный тюремный дом с кухнею, лазаретом, приказал в нем содержать возможную чистоту и порядок, чего прежде не было, а содержали в одной так-сказать яме, огороженной палисадником, по нескольку сот колодников, которые с голоду, с стужи и духоты помирали, без всякаго о них попечения.

7. Учредил типографию, в которой печатались не токмо

указы сенатские, но и прочия скораго исполнения требующия предписания губернскаго правления, а также и губернския ведомости о ценах хлеба, чем обуздывалось своевольство и злоупотребление провиантских коммиссионеров, и о прочем к сведению обывателей нужном.

8. Изследованы препятствия и затруднения судовому ходу по реке Цне, по коему суда назад от Рыбной не возвращались, и к облегчению плавания придуманы средства, с описанием чего в подробности и с приложением планов и смет препровождены к наместнику, а от него Императрице. Но как князь Вяземский, управляющий государственною казною, не доброхотствовал Державину; то, по бывшей тогда с Турками войне, отговорился неимением денег, требуемых на все то исправление, не более 20,000 рублей. Слышно однако было, что правительство водяной коммуникации то описание, планы и сметы успешнаго плавания судов, от Морши до Рыбинска и обратно, одобрило; но что из того вышло, неизвестно.

9. Купил по препоручению Императрицы для запаснаго петербургскаго хлебнаго магазейна муки около 100,000 кулей, который *(хлеб)* обошелся с поставкою дешевле провиантскаго ведомства 115 копейками, из чего видно, что он мог положить себе в карман без всякой опасности 100,000 рублей.

10. Открыл убивство в Темникове княгини Девлеткильдеевой племянником ея Богдановым, которое совершилось так-сказать с сведения городничаго и прочих земских чиновников. Исправил дороги, приумножил доходы приказа общественнаго призрения в год до 40 тысяч рублей.

Но несмотря на все сии попечения и заботы о благосостоянии вверенной губернии, Державин, по злобе сильных его недоброжелателей, отлучен из Тамбова и явился в Москве суду 6-го Сената департамента, по вышесказанному доносу наместника, отправя жену свою к матери ея в Петербург.

ОТДЕЛЕНИЕ VI

По отлучении от губернаторства до определения в статс-секретари, а потом в сенаторы, и в разныя министерския должности

Приехав в Москву, помнится, в Рождественский пост *(1788)*, явился в Сенат[51], нашел дело еще не докладыванным. Сколько ни просил о том, но все отлагали день за день, отговариваясь, что сенатор князь Петр Михайлович

Волхонский за болезнию не въезжает в присутствие. Надобно знать, что сей князь Волхонский родня князя Вяземскаго и был пред тем обер-прокурором при московских Сената департаментах, то и находился у всех, по тем связям, как у больших, так и малых чинов сенатских, в великом уважении. Никто против его не смел говорить, и обер-прокурор князь Гагарин, от котораго зависело приказать предложить дело к слушанию, сколько был ни прошен, ничего не предпринимал. Протекло уже 6 месяцев. Державин шатался по Москве праздно и видел, что такая проволочка единственно происходит из угождения князя Вяземскаго, потому что, не находя его ни в чем винным, отдаляли оправдание, дабы не подпасть самим под гнев Императрицы. Наконец он нерешимостию наскучил и как въезж был в дом князя Волхонскаго и довольно ему знаком, водя с ним в бытность его в Петербурге хлеб и соль: то, приехав в один день к нему, просил с ним переговору в его кабинете. Князь не мог от сего отговориться. Державин начал ему говорить: «Вы, слава Богу, князь, сколько я вижу, здоровы, но в Сенат въезжать не изволите, хотя там мое дело уже с полгода единственно за неприсутствием вашим не докладывается. Я уверен в вашем добром сердце и в благорасположении ко мне: но вы делаете сие мне притеснение из угождения только князь Александру Алексеичу, то я уверяю ваше сиятельство, что ежели будете длить и не решите мое дело так или сяк (я не требую моего оправдания, ибо уверен в моей невинности), то принужденным найдусь принесть жалобу Императрице, в которой изображу все причины притеснения моего генерал-прокурором, как равно и состояние управляемаго им государственнаго казначейства самовластно и в противность законов, как он раздает жалованье и пенсионы, кому хочет, без указов Ея Величества, как утаивает доходы, дабы в случае требования на нужныя издержки показать выслугу пред Государынею, нашедши якобы своим усердием и особым распоряжением деньги, которых в виду не было, или совсем оныя небрежением других чиновников пропадали, и тому подобное; словом, все опишу подробности, ибо, быв советником государственных доходов, все крючки и норы знаю, где скрываются, и по переводам сумм в чужие краи умышленно государственные ресурсы к пользе частных людей, прислуживающих его сиятельству. Коротко, хотя буду десять лет под следствием и в бедствии, но представлю не лживую картину

худаго его казною управления и злоупотребления сделанной ему высочайшей доверенности. То не введите меня в грех и не заставьте быть доносчиком противу моей воли: решите мое дело, как хотите, а там Бог с вами, будьте благополучны».

Князь Волхонский почувствовал мои справедливыя жалобы, обещал выехать в Сенат, что и действительно в первый понедельник исполнил, и дело мое, яко на справках основанное и ясно доказанное, в одно присутствие кончено. Хотя казенная палата и сам генерал-губернатор изобличены в небрежении их должности, а губернатор напротив того найден ни в чем не виноватым; но о них ничего не сказано, а о нем, что как де он за справки, требованныя им из губернскаго правления против генерал-губернатора, удален от должности, то и быть тому так. Сведав таковое кривое и темное решение, Державин, не имев его в руках формально, не мог против онаго никакого делать возражения; ибо тогда не было еще того узаконения, как ныне, чтоб по следственным делам объявлять подсудимым открыто решительныя определения и давать им две недели сроку на написание возражения, буде дело решено несправедливо и незаконно. Державин не знал, что в сем утеснительном положении делать и как отвратить пред Императрицею сие маловажное само по себе, беззаконное определение Сената. Итак принужден был дать чрез одного стряпчего обер-секретарю 2000 рублей за то, чтоб только позволил копию списать с того решительнаго определения, дабы, прибегнув к Императрице с просьбою, в чем против онаго не ошибиться; и также обер-прокурора князя Гаврилу Петровича Гагарина упросил, чтоб ему объявлено было в Сенате, что дело его решено и до него более никакого дела нет, дабы мог он уже свободно ехать в Петербург. При сем случае, к чести должно сказать графа Петра Ивановича Панина, который, как выше явствует, по пугачевскому происшествию был к нему недоброжелателен и его гнал, но когда приехал в Москву и был у него, то он его принял благосклонно и оказал ему вспомоществование по сему делу, заступая у князя Гагарина, как и в сем случае, дабы объявлением в Сенате неимения до него никакого касательства учинить его отъезд в Петербург свободным. Таковая благосклонность, думаю я, единственно от добраго его и сострадательного сердца происходила, а другие полагают, что он князя Вяземскаго по давнишней ссоре его с ним в Сенате не лю-

бил и все дела его опорочивал, будучи всякий день, так сказать, поджигаем против него Александром Ивановичем Глебовым, бывшим пред Вяземским генерал-прокурором; Петром Петровичем Моисеевым, отставным вице-президентом камер-коллегии; соляной канцелярии советником Шапкиным и господином Князевым, бывшим главным судьею в межевой канцелярии, которые все жаловались на явное гонение князя Вяземскаго, и потому худое расположение графа Панина против его поддерживали. По сим обстоятельствам и Державин с сими известными в государстве дельными людьми, в бытность его в Москве, коротко познакомился. Они прочитывали ему все их дела и объяснения, как бы требуя его одобрения, в которых, по справедливости сказать, много было основательного ума и остроты, а паче сведения в законах; но недоставало мягкости в нравах и приятности в объяснениях: Моисеева слог был кудреват и надмеру плодовит, Шапкина дерзок и даже обиден, Князева крючковат, двусмыслен, наполнен софизмами или несправедливыми заключениями; Глебова сух, напыщен и никаких отличных мыслей в себе не представляющ, так что я удивлялся разности против манифеста 1762 года о восшествии на престол Императрицы Екатерины Второй, который ему приписывали и в котором в великой краткости много силы и политичных причин, кстати на тот случай для удостоверения простаго народа сказанных. Как бы то ни было, но Державин, по своей ли невинности, или по Божьему к нему благоволению, похвалиться может, что из всех вышепрописанных острых и дельных голов, известных всему государству, один не токмо невредим, но еще и с честию вырвался из когтей князя Вяземскаго.

Приехав в Петербург, как к генерал-прокурору, к первому к нему явился на даче в селе Александровском. Принят был, что называется, с пересемениванием или с смятением совести, очень ласково. Он говорил ему: «Ну, любезный друг, теперь лучше как с гуся вода»; ибо вся цель была, сколько известно, его и прочаго деловаго министерства, чтоб, обходясь с Державиным ласково, не допустить его в службу, дабы не мешал им самовластвовать. Но он не то думал: он хотел доказать Императрице и государству, что он способен к делам, неповинен руками, чист сердцем и верен в возложенных на него должностях. Вследствие сего и послал он чрез почту Императрице письмо, в котором объяснил, что по жалобам на него

генерал-губернатора, чрез Сенат присланным, он принес свои оправдания и надеется, что не найдется виноватым; но по неизвестным ему оклеветаниям, в которых от него никакого ответа требовано не было, он сумневается в заключении Сената: может быть, не поставлено ли ему в вину, что он брал против доносов на него генерал-губернатора из губернскаго правления справки, то он ссылается на законы, которые запрещают без справок дела производить, а потому и требовал оных, дабы безсумнительно объяснить истину. Почему и просил, чтоб приказала Государыня, при докладе Сената, прочесть и сие его объяснение. Письмо дошло до Императрицы. Скоро после того узнал он, что граф Безбородко объявил Сенату словесное Ея Величества повеление, что считать дело решенным; а найден ли он винным или нет, того не сказано, и приказано ему тогда же явиться ко двору. Статс-секретарь Александр Васильевич Храповицкий объявил ему высочайшее благоволение, что она автора Фелицы обвинить не может, а гоф-маршалу, чтоб представлен он был Ея Величеству. Удостоясь соблаговолением лобызать руку Монархини и обедав с нею за одним столом в Сарском Селе, возвращаясь в Петербург, размышлял он сам в себе, что он такое — виноват, или не виноват? в службе, или не в службе? А потому и решился еще писать к Императрице и действительно то исполнил, изобразя в письме своем объявление Храповицким о невинности его и благодарение за правосудие, прося (не из корыстолюбия, но чтоб в правительстве известно было его оправдание), по указу 1726 года, остановленнаго у него заслуженнаго жалованья и чтоб впредь до определения к должности производить; а также и просил у Ея Величества аудиенции для личнаго с нею объяснения по делам губернии.

Дни через два или три получил чрез г. Храповицкаго повеление в наступающую середу быть в 9 часов в Царское Село[52] для представления Ея Величеству. И действительно, в назначенный день и час явился. Храповицкий сказал мне, чтоб я шел в покои и приказал камердинеру доложить о себе Государыне. Тотчас позван был в кабинет. Пришед в перламутровую залу, разсудил за благо тут на столе оставить имеющуюся со мною большую переплетенную книгу, в которой находились подлинником все письма и предложения г. Гудовича (которыми он склонял губернатора или оставить без изследования расхищение казны, или слабо преследовать уголовныя пре-

ступления, или прикрыть безпорядки и неправосудие судебных мест под видом добродушия, говоря апостольское слово: «да не зайдет солнце во гневе вашем», приписывая личному негодованию и мести кого-либо, особливо защищая шалости любимца своего, экономии директора Аничкова, по собственной ли своей глупости, или по коварному перетолкованию виц-губернатора Ушакова или правителя его канцелярии Лабы, о том мне неизвестно), представя себе, что весьма странно покажется Императрице увидеть меня к себе вошедшаго с такою большою книгою. Коль скоро я в кабинет вошел, то, пожаловав поцеловать руку, спросила, какую я имею до нея нужду. Державин ответствовал: благодарить за правосудие и объясниться по делам губернии. Она отозвалась: «За первое благодарить не за что, я исполнила мой долг; а о втором, для чего вы в ответах ваших не говорили?» Державин донес, что противно было бы то законам, которые повелевают ответствовать только на то, о чем спрашивают, а о посторонних вещах изъяснять или доносить особо.— «Для чего же вы не объясняли?» — «Я просился для объяснения чрез генерал-прокурора, но получил от него отзыв, чтоб просился по команде, то есть чрез генерал-губернатора; но как я имею объяснить его непорядки и несоответственные поступки законам, в ущерб интересов Вашего Величества, то и не мог у него проситься».— «Хорошо», изволила возразить Императрица: «но не имеете ли вы чего в нраве вашем, что ни с кем не уживаетесь?» — «Я не знаю, Государыня», сказал смело Державин, «имею ли какую строптивость в нраве моем, но только то могу сказать, что знать я умею повиноваться законам, когда будучи бедный дворянин и без всякаго покровительства, дослужился до такого чина, что мне вверялися в управление губернии, в которых на меня ни от кого жалоб не было».— «Но для чего», подхватила Императрица, «не поладили вы с Тутолминым?» — «Для того, что он принуждал управлять губерниею по написанному им самопроизвольно начертанию, противному законам; а как я присягал исполнять только законы самодержавной власти, а не чьи другие, то я не мог никого признать над собою императором, кроме Вашего Величества».— «Для чего же не ужился с Вяземским?» Державин не хотел разсказывать всего вышеописанного относительно несохранения и безпорядков в управлении казенном, дабы не показаться доносителем, но отвечал

кратко: «Государыня! Вам известно, что я написал оду Фелице. Его сиятельству она не понравилась. Он зачал насмехаться надо мною явно, ругать и гнать, придираяся ко всякой безделице; то я ничего другаго не сделал, как просил о увольнении из службы и по милости Вашей отставлен».— «Что ж за причина несогласия с Гудовичем?» — «Интерес Вашего Величества, о чем я беру дерзновение объяснить Вашему Величеству, и ежели угодно, то сейчас представлю целую книгу, которую я оставил там».— «Нет», она сказала: «после». Тут подал ей Державин краткую записку всем тем интересным делам, о коих месяцев 6 он представление сделал Сенату, но никакой резолюции не получил, как-то об отдаче в кортому оброчных статей казенною палатою менее четверти полушки десятину земли, против всех законов, на 10 лет, что составляло несколько сот тысяч рублей ущерба казеннаго; о продаже с сведения казенной палаты соляными приставами соли, пуд вместо 40 копеек по 2 рубли; о позволении ею же, палатою, винным откупщикам сверх контракта многих винных выставок по деревням, отчего народ пропился и пришел в разорение, и о многом прочем достойном уважения. Императрица, приняв ту записку, сказала, что она прикажет в Сенате привесть те дела в движение. Между тем, пожаловав руку, дополнила, что она прикажет удовлетворить его жалованьем и даст место. На другой день в самом деле вышел указ, которым велено Державину выдать заслуженное жалованье и впредь производить до определения к месту. Сие Вяземскаго как гром поразило, и он занемог параличем. Державин однако по старому знакомству, как бы ничего не примечая, ездил изредка в дом его и был довольно принят ласково. Сие продолжалось несколько месяцев и хотя по воскресеньям приезжал он ко двору, но как не было у него никого предстателя, который бы напомянул Императрице об обещанном месте, то и стал он как бы забвенным.

В таком случае не оставалось ему ничего другаго делать, как искать входу к любимцу Государыни и чрез него искать себе покровительства. В то время, по отставке Мамонова, вступил на его место молодой конной гвардии офицер Платон Александрович Зубов, который никак с ним не был знаком; ибо когда он служил в гвардии, тогда еще сей дитя фортуны был малолетен и бегал с своим семейством туда и сюда, от Пугачева укры-

ваясь[53].— Но что делать? надобно было сыскивать случаю с ним познакомиться. Как трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходил к нему в комнаты, всегда придворные лакеи, бывшие у него на дежурстве, отказывали, сказывая, что или почивает, или ушел прогуливаться, или у Императрицы. Таким образом, ходя несколько *(раз)*, не мог удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другаго средства, как прибегнуть к своему таланту. Вследствие чего написал он оду Изображение Фелицы, и к 22-му числу сентября, то есть ко дню коронования Императрицы, передал чрез Эмина, который в Олонецкой губернии был при нем экзекутором и был как-то Зубову знаком. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора к нему ужинать и всегда принимать его в свою беседу. Это было в 1788 году[54]. С тех пор он сему царедворцу стал знаком, но кроме ласковаго обращения никакой от него помощи себе не видал. Однако и один вход к фавориту делал уже в публике ему много уважения; а сверх того и Императрица приказала приглашать его в эрмитаж и прочия домашния игры, как-то на святки, когда они наступали, и прочия собрания. В доме Вяземскаго был также принят хорошо; но как брат фаворитов, то есть Дмитрий Александрович Зубов, сговорил на меньшой дочери Вяземскаго, и Державин приехал его поздравить, то княгиня, приняв холодно, показала ему спину. Сие значило то, что как они сделались, чрез сговор дочери, с любимцем Императрицы в свойстве, то и не опасались уже, чтоб Державин у него мог чем их повредить. Чрез сей низкий поступок княгини так ему дом их омерзел, что он в сердце своем положил никогда к ним не ездить, что и в самом деле исполнил по самую князя кончину.

Между тем познакомился он с отцом фаворита Александром Николаевичем Зубовым, который, помнится, из коллежских или из статских советников сделан обер-прокурором Сената перваго департамента, и мог бы сделать с ним короткую связь по делам, в которых он хотя был сведущ, но в обрядах сенатских и производстве письмоводства необычен; но приметив в нем, при его натуральном разуме и доверенности двора, непомерную алчность к наживе, так что он хотел употребить его к своду и передаче взяток, неприметным образом от короткости с ним удалялся и в разговорах давал чув-

ствовать благородство своих мыслей и безкорыстие. Сие сделало между ними некоторую холодность, однако не переставал он посещать сына и отца, а наиболее перваго. Княгиня Дашкова, по старому знакомству чрез первую оду Фелице напечатанную в Собеседнике, так же автора как и прежде благосклонно принимала и говорила Императрице много о нем хорошаго, твердя безпрестанно с похвалою о вновь сочиненной им оде Изображение Фелицы, чем вперила ей мысли взять его к себе в статс-секретари[55] или, лучше, для описания ея славнаго царствования. Сие княгиня Державину и многим своим знакомым, по склонности ея к велеречию и тщеславию, что она много может у Императрицы, сама разсказывала. Таковое хвастовство не могло не дойти до двора и было, может, причиною, что Державин более двух годов еще после того не был принят в службу, а особливо на рекомендованный пост княгинею Дашковою, потому ли, что любимец Зубов, кроме своего одобрения, никого не хотел допускать сблизиться с Императрицею, или что отец его, узнав безкорыстный нрав Державина, не присоветовал ему возвесть его на толь видный пост, где может он быть противоборником его корыстолюбию, что опосле и случилось, как ниже увидим.

В 1789 или в 1790 году в сентябре, по заключении мира с Шведами, надобно было, по болезни генерал-прокурора Вяземскаго, старшему обер-прокурору Федору Михайловичу Колокольцову говорить публично пред Императрицею, сидящею на троне, от лица Сената речь. Он, по знакомству, отнесся к Державину, который ему и сочинил оную, но чтоб быть благонадежнее в благосклонном ея принятии Императрицею, показал заблаговременно ея любимцу. Сей, прочетши пред нею, был речью доволен. Но Колокольцов, неизвестно по какой причине, сказался больным или в самом деле занемог, так что должно было по нем старшему обер-прокурору взять на себя сию церемонию. По нем старший был обер-прокурор Петр Васильевич Неклюдов, который, по связи с графом Завадовским, прибегнул к нему с просьбою о сочинении речи, и действительно оную читал в собрании пред Императрицею, а Державина сочинение осталось неупотребленным, которое между прозаических его письмен со временем будет напечатано[56]. Державин однакоже в то время написал оду, напечатанную в первой части, под именем *На шведский мир*. В ноябре или декабре

месяце сего года взят Измаил. С известием сим фельдмаршал князь Потемкин прислал ко двору, чтоб более угодить Императрице, брата любимцова, Валериана Александровича Зубова, что после был графом и генерал-аншефом. В самое то время случился в комнатах фаворита и Державин. Он, в первом восторге о сей победе, дал слово радостному вестнику написать оду, которую и написал под названием *На взятие Измаила*. Она напечатана в I-ой части его сочинений. Ода сия не токмо Императрице, ея любимцу, но и всем понравилась; следствием сего было то, что он получил в подарок от Государыни богатую осыпанную брилиантами табакерку, и был приниман при дворе еще милостивее. Государыня, увидев его при дворе в первый раз по напечатании сего сочинения, подошла к нему и с усмешкою сказала: «Я не знала по сие время, что труба ваша столь же громка, как и лира приятна».— Князь Потемкин, приехав из армии, стал к автору необыкновенно ласкаться и чрез Василья Степановича[57] приказывал, что хочет с ним короче познакомиться. Вследствие чего Державин стал въезжать к князю Потемкину. Однажды, призвав его в свой кабинет, отдал письмо принца де-Линя, писанное к нему на французском языке, прося оное перевесть на русский. Державин отговаривался незнанием перваго; но князь сказал: «Нет, братец, я знаю, что ты переведешь».— Принял и с пособием жены своей перевел, чем казался быть довольным и благодарил.

В течение сего времени случилась между князем Потемкиным и любимцем графом Зубовым неприятная для Державина история, в которую он нечаянным образом стал замешан. В одно время, при множестве предстоящих пред князем поклонников, вбежал как бешеный, некто отставной провиантскаго стата маиор Бехтеев и закричал громко: «Помилуйте, ваша светлость, обороните от Александра Николаевича Зубова, который, надеясь на своего сына, ограбил меня». Князь, увидев столь азартнаго человека, произносящаго дерзкую жалобу на человека, приближеннаго ко двору, и из осторожности, может-быть чтоб не произнесть еще каких язвительных слов на толь знаменитаго обидчика, или чтоб не подать поводу мыслить о не весьма хорошем его расположении к фавориту (ибо между ими не хорошо было), встал стремительно с места и, взяв Бехтеева за руку, увел к себе в кабинет. Там, с добрые полчаса быв наедине, что они говорили, неизвестно. Но только

когда вышли, то, спустя несколько, стали предстоящие пошептывать, что старик Зубов отнял у Бехтеева наглым образом деревню; что несмотря на случай *(сына)*, отдадут грабителя под суд. В продолжение дня говорили о сем во всех знатных домах, как-то у графов Безбородки, Воронцова, кн. Вяземскаго и прочих, для того что отец фаворитов своим надменным и мздоимным поведением уже всем становился несносен. На другой же день поутру явился Бехтеев к Державину и стал усильно просить, чтоб он был с его стороны в совестном суде посредником, в который он подал на старика Зубова прошение. Державин, сколько мог, отговаривался от сей чести, извиняяся, что он не может идти против отца того, который оказывает ему свое благорасположение. Но Бехтеев настоял в своем искании, ссылаясь на учреждение о губерниях, в котором именно воспрещено отказываться от посредничества в совестном суде. Державин не знал, что делать, выпросил сроку до завтра, поехал к молодому Зубову; разсказав ему все происшествие, бывшее у князя Потемкина, слухи городские и просьбу Бехтеева, желал от него узнать, что ему делать и как поступить в сем щекотливом обстоятельстве; ибо с одной стороны не позволяет ему закон отказываться от посредничества, а с другой неприятно ему против родителя его противуборствовать, который никоим образом не может быть правым. Изъяснил ему существо дела. Оно состояло в следующем: «Бехтеев в Володимерском уезде, в соседстве с вашими деревнями, заложив в Воспитательном доме 600 душ за 40,000 рублей, просрочил. Батюшка ваш, без всякаго права и против законов Воспитательного дома, по единственному своему могуществу, взнес без доверенности Бехтеева деньги и, выкупя чужое имение, предъявил закладную в гражданскую палату, которая, тоже без всякаго разбирательства и права укрепя имение за взносчиком денег, сообщила наместническому правлению, а сие ввело его в действительное владение и Бехтеева с семейством выгнала из дому, отняв все его в нем и движимое имение в пользу батюшки вашего». Молодой вельможа, выслушав все с смущением, несколько минут молчал, а потом сквозь зубов[58] сказал: «Не можно ли без дальней огласки миролюбием кончить сию тяжбу?»

Державин Бехтееву предложил, и он согласился,

только чтоб возвращена была ему деревня; но старый Зубов иначе на мир не шел, как чтоб ему же Бехтеев заплатил якобы убытков шестнадцать тысяч рублей; а как сие совсем было несправедливо и стыдно было требовать их с Бехтеева, то молодой обещал отдать свои, только чтоб отцу не сказывать. Но с сим вместе об этом замолчал; ибо, как слышно было, что старик его переуверил-было в своей правости. Бехтеев наступил на Державина, как на посредника, чтоб кончить скорее дело, грозя Императрице подать письмо, чего недоброжелатели Зубова только и ждали, чтоб подвергнуть его ответу. Державин стал убедительно говорить любимцу Императрицы против отца его, что может-быть было и не весьма приятно; однакоже убедил молодой Зубов стараго; и дело чрез записи кончено миролюбием. Сего никогда не мог простить жадный корыстолюбец Державину; но ничего не мог ему сделать, хотя бы и желал, как по покровительству сына, так и Потемкина, который в сие время весьма был хорош к автору торжественных хоров для праздника на взятье Измаила, отправленнаго им в Таврическом его доме, который, по его кончине, переименован дворцом. Словом, Потемкин в сие время за Державиным, так сказать волочился: желая от него похвальных себе стихов, спрашивал чрез г. Попова, чего он желает. Но с другой стороны молодой Зубов, фаворит Императрицы, призвав его в один день к себе в кабинет, сказал ему от имени Государыни, чтоб он писал для князя, что он прикажет; но отнюдь бы от него ничего не принимал и не просил, что он и без него все иметь будет, прибавя, что Императрица назначила его быть при себе статс-секретарем по военной части. Надобно знать, что в сие время крылося какое-то тайное в сердце Императрицы подозрение против сего фельдмаршала по истинным *(ли)* политическим каким, замеченным от двора причинам, или по недоброжелательству Зубова, как носился слух тогда, что князь, поехав из армии, сказал своим приближенным, что он нездоров и едет в Петербург *зубы дергать*. Сие дошло до молодаго вельможи и подкреплено было, сколько известно, разными внушениями истиннаго сокрушителя Измаила, приехавшаго тогда из армии. Великий Суворов, чо, как человек со слабостьми, из честолюбия ли, или зависти, или из истинной ревности к благу отечества, но только приметно было, что шел тайно против не-

искуснаго своего фельдмаршала, которому, во всем своим искусством, должен был единственно по воле самодержавной власти повиноваться[59]. Державин в таковых мудреных обстоятельствах не знал, что делать и на которую сторону искренно предаться, ибо от обоих был ласкаем.

В Светлый праздник Христова воскресенья, как обыкновенно и ныне бывает, *(был)* съезд к вечерне, после которой Императрица жаловала дам к руке в присутствии всего двора и имеющих к оному въезд кавалеров, в числе которых был и Державин. Вышед из церкви, повела она всех с собою в эрмитаж. Лишь только вошли в залу и сделали по обыкновению круг, то Императрица с свойственным ей величественным видом прямо подошла к Державину и велела ему за собою идти. Он и все удивилися, недоумевая, что сие значит. Пришед в отдаленныя эрмитажа комнаты, остановилась в той, где стоят ныне бюсты Румянцова, Суворова, Чичагова и прочих; начала приказывать тихо, как бы какую тайну, чтоб он сочинил Чичагову надпись на случай мужественнаго его отражения в прошедшем году в Ревеле сильнейшаго в три раза против российскаго, флота шведскаго, которая была б сколько возможно кратка, и непременно помещены бы были в ней слова сего морехода. Когда она ему сказала, что идет сильный флот шведский против нашего ревельскаго, посылая его оным командовать, то он ей отвечал равнодушно: *Бог милостив, не проглотят*. Это ей понравилось. Приказав сделать его бюст, желала, чтоб на оном надпись именно из тех слов состояла. Державин, приняв повеление, не мог однако отгадать, к чему было такое ничего незначущее поручение и что при толь великом собрании отведен был таинственно с важностию в толь отдаленные чертоги, тем паче что на другой день, истоща все силы свои и в поэзии искусство, принес он сорок надписей и представил чрез любимца Государыне, но ни одна из них ею не апробована; а написала она сама прозою, которую и ныне можно видеть на бюсте Чичагова. Опосле сие объяснилось и было ничто иное, как поддраживание или толчек Потемкину, что Императрица, против его воли, хотела сделать своим докладчиком по военным делам Державина и для того его толь отличительно показала публике. Князь, узнав сие, не вышел в собрание, и по обыкновению его, сказавшись больным, перевязал себе голову платком и лег в постелю.

Однакоже, в исходе Фоминой недели, то есть 28-го апреля, дал известный великолепный праздник в Таврическом своем доме, где Императрица со всею высочайшею фамилиею при великолепнейшем собрании присутствовала. Там были петы вышепомянутые сочиненные Державиным хоры, которыми быв хозяин доволен, благодарил автора и пригласил его к себе обедать, который обещал сочинить ему описание того праздника. Без сумнения, князь ожидал себе в том описании великих похвал, или, лучше сказать, обыкновенной от стихотворцев сильным людям лести. Вследствие чего в мае или в начале июня, как жил князь в Летнем дворце, когда Державин поутру принес ему то описание, просил Василия Степановича доложить ему об оном, князь приказал его просить к себе в кабинет. Стихотворец вошел, подал тетрадь, а князь, весьма учтиво поблагодаря его, просил остаться у себя обедать, приказав тогда же нарочно готовить стол. Державин пошел в канцелярию к Попову,— дожидался, не прикажет ли чего князь; где свободный имел случай и довольно время объяснить, что мало в том описании на лицо князя похвал; но скрыл прямую тому причину, боясь неудовольствия от двора, а сказал, что как от князя он никаких еще благодеяний личных не имел, а коротко великих его качеств не знает, то и опасался быть причтен в число подлых и низких ласкателей, каковым никто не дает истиннаго вероятия; а потому и разсудил отнесть все похвалы только к Императрице и всему русскому народу, яко при его общественном торжестве, так как и в оде на взятье Измаила; но ежели князь примет сие благосклонно и позволит впредь короче узнать его превосходныя качества, то он обещал превознести его, сколько его дарования достанет. Но таковое извинение мало в пользу автора послужило: ибо князь когда прочел описание и увидел, что в нем отдана равная с ним честь Румянцову и Орлову, его соперникам, то с фуриею выскочил из своей спальни, приказал подать коляску и, не смотря на шедшею бурю, гром и молнию, ускакал Бог знает куды. Все пришли в смятение, столы разобрали — и обед исчез. Державин сказал о сем Зубову и не оставил однако в первое воскресенье, при переезде князя в Таврический его дом, засвидетельствовать ему своего почтения. Он принял его холодно, однако не сердито. Князю при дворе тогда очень было плохо. Злоязычники говорили, что будто он часто пьян напивается,

а иногда как бы сходит с ума; заезжая к женщинам, почти с ним не знакомым, говорит несвязно всякую нелепицу. Но Державин, не смотря на то, и к Зубову и к нему ездил. В сие время без его согласия князем Репниным с Турками мир заключен. Это его больше убило. Перед отъездом в армию, когда он был уже на пути в Царском Селе, по приезде с ним откланялся. Спрашивал еще Попов Державина, чтоб он открылся, не желает ли он чего — князь все сделает; но он, хотя имел великую во всем тогда нужду, по обстоятельствам, которыя ниже объяснятся, однако слышав запрещение, чрез Зубова, Императрицы ни о чем его не просить, сказал, что ему ничего не надобно. Князь, получив такой отзыв, позвал его к себе в спальню, посадил наедине с собою на софу и, уверив в своем к нему благорасположении, с ним простился.

Должно справедливость отдать князю Потемкину, что он имел весьма сердце доброе и был человек отлично великодушный. Шутки в оде Фелице на счет вельмож, а более на его вмещенныя, которыя Императрица заметя карандашем, разослала в печатных экземплярах по приличию к каждому, его ни мало не тронули или по крайней мере не обнаружили его гневных душевных расположений, не так как прочих господ, которые за то сочинителя возненавидели и злобно гнали; но напротив того, он оказал ему доброхотство и желал, как кажется, всем сердцем благотворить, ежели б вышеписанныя дворския обстоятельства не воспрепятствовали. Вопреки тому, по отъезде князя в армию, любимец Императрицы граф Зубов хотя безпрестанно ласкал автора и со дня на день манил и питал в нем надежду получить какое-либо место, но чрез все лето ничего не вышло, хотя нередко открывал он ему тесныя свои обстоятельства, что почти жить было нечем: ибо пред отъездом его из Тамбова, когда закупленнаго им для санктпетербургских запасных магазейнов вышеупомянутаго хлеба недостало у поставщиков при отдаче в те магазейны 4000 кулей, и Петр Иванович Новосильцов, управляющий теми магазейнами, отсрочил поставщикам тот недостаток доставить на будущее лето, то Державин, получа от него о том сообщение, хотя не имел обязанности вступаться в его новое расположение, ибо хлеб был отправлен на судах под присмотром 12-и человек военнослужителей и офицера, и наблюдением всех градских и сельских полиций чрез губер-

нии, которыя проходил, по уведомлению о том генерал-губернаторам, то и не можно было не дойти ему до С.-Петербурга не в целости, и действительно он дошел, но был роздан Новосильцовым частным людям по причине теми же поставщиками их растеряннаго хлеба, как-то самому ему господину Новосильцову 1000, графу Воронцову 1000, Арбеневу 1000, г-ну Львову 600, г. Дьякову 400; но Державин, не входя в изследование тех истинных причин недостатка казеннаго, ибо о нем не был в свое время уведомлен, а узнал опосле, то единственно по сообщению г. Новосильцова, сделал новое обязательство с тем поставщиком на поставку недостающих 4000 кулей с залогом одного помещика 250 душ, о которых по справкам в гражданской и казенной палате нижняго земскаго и самаго губернскаго правления оказалось, что действительно состоят за тем помещиком в безспорном владении и никаких на нем ни казенных, ни партикулярных недоимок нет; но как поставщик по собственному своему плутовству или по чьему-либо вымыслу, чтоб прицепиться к бывшему губернатору Державину, и на другой год того хлеба в с.-петербургский магазейн не доставил, то по предложению Гудовича и обратили на наместническое правление на счет его Державина, якобы за неосторожный его поступок, что взял неверный по поставщике залог, найдя, что сказанныя 250 душ арестованы будто прежде были по вексельному на того помещика иску. А потому, приторговав хлеб вместо 4.15 к. по 1 рублю четверть, наложили на все его Державина имение арест и велено продать с публичнаго торгу. Сим ябедническим и коварным поступком привели его в крайнее разстройство, так что он лишился всех оборотов, продав пред тем по самокрайнейшим нуждам (живя без дела в Петербурге) в Рязани и на Вятке около 150 душ.

Сколько он ни просил Зубова и прочих, а особливо казавшихся ему истинными приятелями, помянутаго г. Новосильцова и г. Терскаго, чтоб они при докладе письма его Императрице объяснили по справедливости дело и невинное его страдание; но никто ничем ему не помог; а напротив, сколько он мог приметить, обращали все в шутку и в смех, говоря, что вот тебе выслуга и дешевейшая закупка хлеба, чем ведомства провиантскаго. Видел, что лишается безвинно имения, ибо когда кого угнетают, то при аукционной продаже отдают обыкновенно за безценок имение, кому хотят. Сколько догадываться

можно было, метили они на оренбургскую деревню Державина, которая единственная почти была его кормилица; ее тотчас описали. Истоща все способы, как спастись от сей напасти, приехал он наконец к г. Еремееву, обер-секретарю 1-го департамента, у котораго было дело. Сколь ни объяснял ему свою невинность, но ничто его не могло привести на истинный путь. Может быть, он и не смел обратиться на оный, что по недоброхотству генерал-прокурора и Завадовскаго все сенаторы были на противной стороне. Упросил однако, чтоб примолвил в определении одно слово — купить хлеб на счет Державина и *крепивших с ним определение* в губернском правлении; а как не токмо крепил определение, но и справками очищал советник Савостьянов, у коего по экспедиции было то дело, то сим одним изречением как рукой снято несправедливое взыскание. Савостьянов не захотел безвинно быть участником в платеже онаго: тотчас нашелся и залог благонадежен, и поставщик в состоянии сим заплатить казенную претензию. Таким образом отделался Державин от приготовленнаго ему канцелярскими крючками разорения, без всякаго вспомоществования казавшагося ему покровителем любимца Императрицы, который хотя по воле ея делал ему некоторыя поручения, а именно по недостатку казны — каким образом без тягости народной умножить государственные доходы или занять у частных людей до несколько миллионов на необходимо нужные расходы; но, несмотря на то, казалось Державину, что неприятна ему и самая пиитическая его слава; ибо часто желал он стравливать или ссорить с ним помянутаго г. Емина, который, как известно, также писал стихи. Он был до того дерзок, что в глазах фаворита не токмо смеялся, но даже порицал его стихи, а особливо оду на взятье Измаила, говоря, что она груба, без смысла и без вкусу. Вельможа, с удовольствием улыбаясь, то слушал, а Державин равнодушно отвечал, что он ни в чем не спорит; но чтоб узнать, кто из них искуснее в стихотворстве, то просит позволения напечатать особо, на свой кошт, на одной стороне листа его критику, а на другой свою оду, и предать на разсуждение публики: кому отдадут преимущество, говорил он, тот и выиграет тяжбу. Но Емин не согласился. Как бы то ни было, но только нося благоволение любимца Императрицы, Державин шатался по площади, проживая в Петербурге без всякаго дела.

Но вдруг неожиданно получает рескрипт Императрицы, которым повелевалось ему приложенное на высочайшее имя прошение венецианскаго посланника графа Моцениго[60] на государственнаго банкира Сутерланда разсмотреть и, собрав по оному нужныя справки, доложить Ея Величеству. Претензия его в том состояла, что Сутерланд имел с ним торговыя сношения, и получив от него товары из Италии, употреблял их не так, как должно, и причинил ему чрез то убытку до 120,000 рублей; о чем хотя и относился он в комерц- и иностранную коллегии, но оныя ему, как и все министерство, никакого удовлетворения не сделали: то и просил он, чтоб Ея Величество, из особливаго благоволения за его верную службу Российскому Двору, приказала сие дело разсмотреть действительному статскому советнику Державину, и Ея Величеству доложить. Сколько опосле известно стало, то на сие настроила его графа Моцениго княгиня Дашкова из каких-то собственных своих корыстных разсчетов, без которых она ничего и ни для кого не делала[61]. В собрании справок из многих мест по сему делу и в разсмотрении оных прошло несколько месяцев или, лучше, целое лето. В течение сего времени, то есть в октябре месяце, получено известие из армии, что князь Потемкин, оканчевавший поставленный на мере князем Репниным с Турками мир, скончался. Сие как громом всех поразило, а особливо Императрицу, которая о сем присноименном талантами и слабостями вельможе соболезновала, и не нашли способнее человека послать на конгресс в Яссы для заключения мира, как графа, а потом князем бывшаго, Александра Андреевича Безбородку, которому приказала кабинетския свои дела сдать молодому своему любимцу графу Зубову. Державин посещал всякий день его; в надежде быть употреблену в дела, наверное ласкался иметь какое-нибудь из оных и по статской части, которых превеликое множество недокладыванных перешло от Безбородки к Зубову. Но ожидание было тщетно; дела валялись без разсмотрения, и ему фаворит не говорил ни слова, как будто никакого обещания ему от Государыни объявлено не было.

Но в один день, как он к нему пришел, спрашивал, как бы из любопытства, молодой государственный человек: можно ли нерешенныя дела из одной губернии по подозрениям переносить в другия? Державин, не знав причины вопроса, отвечал: «Нет, потому что в учрежде-

нии именно запрещено из одного губернскаго правления или палаты, или какого-либо суда дела нерешенныя переносить в другия губернии, да и нужды в том, по состоянию 1762 года апелляционнаго указа, никакой быть не может: ибо всякий недовольный имеет право переносить свое дело по апелляции из нижних судов в верхние, доводя их *(т. е. его)* до самаго Сената; а потому всякое подозрение и незаконность уничтожатся сами по себе, если не в средних местах, то в сказанном верховном правительстве. Когда же еще апелляционнаго указа не было, то тяжущиеся по необходимой нужде от утеснения ли губернатора или судей, или по ябеде, дабы более запутать, переводили дела из воеводских, провинциальных и губернских канцелярий в подобныя им места других губерний». Спрашивающий, получив полный ответ, замолчал и завел другую речь. В первое после того воскресенье слышно стало по городу, что когда обер-прокурор Федор Михайлович Колокольцов, за болезнию Вяземскаго правя по старшинству генерал-прокурорскую должность, был по обыкновению в уборной для поднесения Ея Величеству прошедшей недели сенатских мемории, то она, вышед из спальни, прямо с гневом устремилась на него и, схватя его за Владимирский крест, спрашивала, как он смел коверкать ея учреждение. Он от ужаса помертвел и не знал, что ответствовать; наконец, сколько-нибудь собравшись с духом, промолвил: «Что такое, Государыня! я не знаю».— «Как не знаешь? Я усмотрела из мемории, что переводятся у вас в Сенате во 2-м департаменте, где ты обер-прокурором, нерешенныя дела из одной губернии в другую; а именно следственное дело помещика Ярославова переведено из Ярославской губернии в Нижегородскую; а в учреждении моем запрещено; то для чего это?» — «Таких, Государыня, и много дел».— «Как, много? Вот вы как мои законы исполняете! Подай мне сейчас рапорт, какия именно дела переведены?» С трепетом бедный обер-прокурор едва жив из покоя вышел. Вследствие сего окрика того же дня ввечеру наперсник Государыни, призвав Державина к себе, объявил ему, что Императрица определяет его к себе для принятия прошений, и делая своим статс-секретарем, поручает ему наблюдение за сенатскими мемориями, чтоб он по них докладывал ей, когда усмотрит какое незаконное Сената решение. На другой день, то есть 12-го декабря 1791 году, и действительно состоялся указ. Но пред тем еще за-

долго имел он позволение доложить Государыне по вышеупомянутому делу графа Моцениго, и действительно несколько раз докладывал; но как со стороны Сутерланда было все министерство, потому что все ему должны деньгами, как о том ниже яснее увидим, то Императрица и отсылала раз шесть с нерешимостью докладчика, говоря, что он еще в делах нов. Вместо того, хотя видела правоту Моцениго, но не хотела огорчить всех ближних ея вельмож.

Лишь только он явился к своей должности, то Государыня, призвав его к себе в спальну (в коей она с 7-го часа утра обыкновенно занималась работою), подала кипу бумаг и сказала: «Тут ты увидишь рапорт обер-прокурора Колокольцова и при нем выписку из дел, которыя переведены в другия губернии, то сделай примечание, согласно ли они с учреждением моим переведены и законно ли решены?» — Приехав домой, потребовал к себе секретарей тех Сената департаментов с теми делами, которыя по экстракту значились. Колокольцов, по обязанности генерал-прокурора, должен бы был и других департаментов коснуться; но он только очистил свой один, то есть 2-ой, показав в нем только 9 дел, а о других умолчал. По разнесшемуся слуху об определении Державина в сию должность, как сбежалось к нему множество канцелярских служителей, просящихся в его канцелярию, то он, дабы испытать их способности, принесенныя к нему дела сенатскими секретарями роздал появившимся к нему кандидатам, каждому по одному делу, с таковым приказанием, чтоб они сделали соображение, подчеркнув строки несправедливых решений, а на поле показали те законы, против которых учинена где погрешность, и доставили бы ему непременно завтра поутру. Желание определиться и ревность показать свою способность и знание столько в них подействовали, что они до свету на другой день к нему явились, всякий с своим соображением. Державин до 9-и часов успел их пересмотреть, сверить с документами, а они всякий свое набело переписали: то в положенный час и явился он ко двору. Государыня, выслушав, приказала написать указ в Сенат с выговором о несоблюдении законов, кои в соображениях были примечены. Но Державин, опасаясь, чтоб, критикуя Сенат, не попасть при первом случае в дураки, просил Государыню, чтоб она, по новости и по неискусству его в законах, уволила его

от толь скораго исполнения ея воли; а ежели угодно ей будет, то приказала бы прежде Совету[62] разсмотреть его соображения, правильно ли он и по точной ли силе законов сделал свои заключения. Императрица изволила одобрить сие мнение и велела все бумаги и соображения отнести в Совет. Совет, по разсмотрении тех соображений, обратил к Ея Величеству оныя с таковым своим мнением, что они с законами согласны; тогда она приказала заготовить проект вышеозначенного указа и поднесть ей на апробацию. Державин не замедлил исполнить высочайшую волю. Сие было уже в начале 1792 года.

В проект указа написан был строгий Сенату выговор за неисполнение законов, с изображением точных слов, на таковые случаи находящихся в указах Петра Великаго, который повелевалось общему Сената собранию прочесть огласительно, призвав пред себя второй Сената Департамент, в котором показанныя в экстракте дела решены были, а сверх того с оберегателей законов, как-то с генерал-губернаторов, прокуроров и стряпчих повелевалось взять ответы, для чего они по силе генеральнаго регламента не доводили до сведения Императорскаго Величества беззаконныя решения Сената, всякий по своему начальству. Императрица, выслушав проект, была им довольна; но подумав сказала: «Ежели вмешали уже Совет в сие дело, то отнеси в оный и сию бумагу. Посмотрим, что он скажет?» Повеление исполнено. Совет заключил, что милосердые Ея Величества законы никого не дозволяют обвинять без ответов: не угодно ли будет приказать с производителей дел взять оные?— Монархиня на сие положение Совета согласилась. Державин должен был написать другой указ, которым требовалось против соображения ответов с генерал-прокурора князя Вяземскаго, с обер-прокурора Колокольцова, обер-секретарей Цызырева и Ананьевскаго. Ответы поданы: генерал-прокурор извинялся болезнию; обер-прокурор признавал свою вину, плакал и ублажал самым низким и трогательным образом милосердую Монархиню и Матерь Отечества, прося о прощении; обер-секретари: Цызырев так и сяк канцелярскими оборотами оправдывался, а Ананьевский, поелику у него было дело тяжебное и никакой важности в себе на заключавшее, говорил довольно свободно. Императрица, выслушав сии ответы, а особливо Колокольцова, сказала, что он «как баба плачет, мне его слезы не нужны». Подумав, домолвила: «Что мне с ними

делать?» А наконец, взглянув на докладчика, спросила: «Что ты молчишь?» Он отвечал: «Государыня! Законы Ваши говорят за себя сами, а милосердию Вашему предела я предположить не могу».— «Хорошо ж, отнеси еще в Совет и сии ответы; пусть он мне скажет на них свое мнение». Совет отозвался, что благости и милосердия ея он устранять не может: что угодно ей, с виновными то пусть прикажет сделать. Тогда она приказала начисто переписать указ и принесть ей для подписания. Приняв же оный, положила пред собою в кабинете на столе, который и поныне остался в молчании, потому что в пересылке с Советом прошло много времени; наговоры старика Зубова поведением его обезсилили, гнев ея умягчился, и приездом графа Безбородки дворския обстоятельства совсем переменились, так что замеченныя дела в соображении одно по одному, без всякаго выговору Сенату, особыми именными указами приведены в порядок.

Подобно тому и внимание Государыни на примечания, деланныя Державиным по мемориям Сената, по которым он каждую неделю ей докладывал, час от часу ослабевало. Приказала не утруждать ея, а говорить прежде с обер-прокурором; вследствие чего всякую субботу после обеда должны были они являться к Державину, как бы на лекцию, и выслушивать его на резолюции Сената замечания. Не исключался из сего и самый фаворитов отец, перваго департамента обер-прокурор Зубов. Но и сие продолжалось несколько только месяцев; стали сенаторы и обер-прокуроры роптать, что они под муштуком Державина. Государыня сама почувствовала, что она связала руки у вышняго своего правительства, ибо резолюции Сената, в мемории вносимыя, не есть еще действительныя его решения или приговоры, ибо их несколько раз законы переменять дозволяли; а потому и сие Императрица отменила, а приказала только про себя Державину замечать ошибки Сената, на случай ежели к ней поднесется от него какой решительный доклад с важными погрешностями, или она особо прикажет подать ей замечания: тогда ей по ним докладывать. Таким образом сила Державина по сенатским делам, которой может-быть ни один из статс-секретарей, по сей установленной форме от Императрицы, ни прежде ни после не имел (ибо в ней соединялась власть генерал-прокурора и докладчика), тотчас умалилась; однакоже как он, о чем докладывал, сам писал по тому указы, а не другие, как у Терскаго Безбородко, и, без

истребования справок из Сената за руками секретарей, докладных записок не сочинял, то чрезвычайно это делопроизводителям сего вышняго правительства было неприятно, и они чрез генерал-прокурора и прочих министров весьма домогались, чтоб ему справок не давать; но как сие в коренных законах установлено было, чтоб без справок ничего не делать, то все их прекословия были тщетны.

Сначала Императрица часто допущала Державина к себе с докладом и разговаривала о политических происшествиях, каковым хотел-было он вести подневную записку; но поелику дела у него были все роду неприятнаго, то есть прошения на неправосудие, награды за заслуги, и милости по бедности; а блистательныя политическия, то есть о военных приобретениях, о постройке новых городов, о выгодах торговли и прочем, что ее увеселяли более дела у других статс-секретарей, то и стала его редко призывать, так что иногда он недели пред ней не был, и потому журнал свой писать оставил; словом: приметно было, что душа ея более занята была военною славою и замыслами политическими, так что иногда не понимала она, что читано было ей в записках дел гражданских; но как имела необыкновенную остроту разума и великий навык, то тотчас спохватывалась и давала резолюции (по крайней мере иногда) не столько основательныя, однакоже сносныя, как-то: с кем-либо снестись, переписаться и тому подобныя. Вырывались также иногда у нея внезапно речи, глубину души ея обнаруживавшия. Например: «Ежели б я прожила 200 лет, то бы конечно вся Европа подвержена б была Российскому скипетру». Или: «Я не умру без того, пока не выгоню Турков из Европы, не усмирю гордость Китая и с Индией не осную торговлю». Или: «Кто дал, как не я, почувствовать французам право человека? Я теперь вяжу узелки, пусть их развяжут». Случалось, что заводила речь и о стихах докладчика, и неоднократно так-сказать прашивала его, чтоб он писал в роде оды Фелице. Он ей обещал и несколько раз принимался, запираясь по неделе дома; но ничего написать не мог, не будучи возбужден каким-либо патриотическим славным подвигом; но о сем объяснится ниже. Здесь же следует упомянуть, что в мае *(марте)* месяце 1792 года, когда напомянул ей Державин о нерешенном деле Моценига, сказала: «Ох, уж ты мне с твоим Моценигом... ну, помири их!» что и исполнено. Моцениг рад весьма был, что получил, вместо претензии своей

120,000, хотя 40 т. рублей, ибо видел, что все пропадало.

Тогда же поручено Державину в разсмотрение славное дело генерал-поручика и сибирскаго генерал-губернатора Якобия в намерении его возмутить Китай против России. Дело было огромное: 2-й Сената департамент занимался им поутру и после обеда, оставя прочия производства, всего более 7-и лет. Привезено в Царское Село в трех кибитках, нагруженных с верха до низу бумагами, и отдано было сперва по повелению Государыни Василию Степановичу Попову; но от него вдруг, неизвестно почему, приказано было принять Державину. Сей занимался оным целый год и, сообразя все обстоятельства в подробности с законами, сочинил из сенатскаго экстракта, в 3000-х листах состоящаго, для удобнейшаго выслушания Государыни, один сокращенный экстракт на 250-и листах и две докладныя записки, одну на 15-и, а другую кратчайшую на 2-х листах. Доложил Государыне, что дело готово. Она приказала доложить и весьма удивилась, когда целая шеринга гайдуков и лакеев внесли ей в кабинет превеликия кипы бумаг. «Что такое?» спросила она: «зачем сюда такую бездну?» — По крайней мере для народа, Государыня, отвечал Державин.— «Ну, положите, коли так», отозвалась с некоторым родом неудовольствия. Заняли несколько столов. «Читай».— Что прикажете: экстракт сенатский, или мой, или которую из докладных записок? — «Читай самую кратчайшую». Тогда прочтена ей которая на двух листах. Выслушав и увидя, что Якобий оправдывается, проговорила, как бы изъявляя сумнение на неверность записки: «Я не такия пространныя дела подлинником читала и выслушивала; то прочитай мне весь экстракт сенатский. Начинай завтра. Я назначаю тебе всякий день для того после обеда два часа, 5-й и 6-й». Надобно здесь приметить, что дело сие, несколько лет в Сенате слушанное, ни во 2-м департаменте, ни в общем собрании единогласнаго решения не достигло, но за разными голосами взнесено к Императрице со всеми бумагами, как-то журналами, мнениями, репортами, а потому и было толь обширно. Таким образом слушание сего дела продолжалось всякий день по два часа, 4 месяца, с мая по август, а совсем кончилось ноября 9 дня *(1792)*.

Мы скажем для любопытных существо сего дела и окончание онаго ниже: а теперь продолжим течение происшествий по порядку касательно только Державина. Он во время доклада сего дела сблизился-было весьма

с Императрицею по случаю иногда разсуждений о разных вещах; например, когда получен трактат 1793 году с Польшею, то она с восторгом сказала: «Поздравь меня с столь выгодным для России постановлением». Державин, поклонившись, сказал: «Счастливы Вы, Государыня, что не было в Польше таких твердых вельмож, каков был Филарет; они бы умерли, а такого постыднаго мира не подписали». Ей это понравилось. Она улыбнулась и с тех пор приметным образом стала отличать его, так что в публичных собраниях, в саду, иногда сажая его подле себя на канапе, шептала на ухо ничего не значащия слова, показывая будто говорит о каких важных делах. Что это значило? Державин сам не знал; но по соображению с случившимся тогда же разговором графа Безбородки, который *(потом)* был князем, после имел он повод думать, не имела ли Императрица, приметя твердый характер его, намерения поручить ему некотораго важнаго намерения касательно наследия после ея трона. Граф Безбородко, выпросясь в отпуск в Москву и откланявшись с Императрицею, вышед из кабинета ея, зазвал Державина в темную перегородку, бывшую в секретарской комнате, и на ухо сказал ему, что Императрица приказала ему отдать некоторыя секретныя бумаги, касательныя до великаго князя: то как пришлет он к нему после обеда, чтоб пожаловал и принял у него; но неизвестно для чего, никого не прислав, уехал в Москву, и с тех пор Державин ни от кого ничего не слыхал о тех секретных бумагах. Догадываются некоторые тонкие царедворцы, что оне те самые были, за открытие которых, по вступлении на престол Императора Павла I, осыпан он от него благодеяниями и пожалован князем. Впрочем с достоверностию о сем здесь говорить не можно; а иногда другие, имеющие лучшие основания, о том всю правду откроют свету.

Обратимся к Державину. Он таким Императрицы уважением, которое обращало на него глаза завистливых придворных, пользовался недолго. 15-го июля, читав дело Якобия, по наступлении 7-го часа, в который обыкновенно Государыня хаживала с придворными в Царском Селе в саду прогуливаться, вышел из кабинета в свою комнату, дабы отправить некоторыя ея повеления по прочим делам, по коим он докладывал, и, окончив оныя, пошел в сад, дабы иметь участие в прогулке. Статс-секретарь Петр Иванович Турчанинов, встретя его, говорил: «Государыня нечто скучна, и придворные как-то никаких не заводят

игр; пожалуй, братец, пойдем и заведем хотя горелки». Державин послушался. Довелось ему с своею парою ловить двух великих князей, Александра и Константина Павловичев; он погнался за Александром и, догоняя его на скользком лугу, покатом к пруду, упал и так сильно ударился о землю, что сделался бледен как мертвец. Он вывихнул в плече из состава левую руку. Великие князья и прочие придворные подбежали к нему и, подняв едва живаго, отвели его в его комнату. Хотя вправили руку, но он не мог одеться и должен был оставаться дома обыкновенных 6 недель, пока несколько рука в составе своем не затвердела. В сие-то время недоброжелатели умели так расположить против его Императрицу, что он по выздоровлении, когда явился к ней, то нашел ее уже совсем переменившеюся. При продолжении Якобиева дела вспыхивала, возражала на его примечания, и в один раз с гневом спросила, кто ему приказал и как он смел с соображением прочих подобных решенных дел Сенатом выводить невинность Якобия. Он твердо ей ответствовал: «Справедливость и Ваша слава, Государыня, чтоб не погрешили чем в правосудии». Она закраснелась и выслала его вон, как и нередко то в продолжении сего дела случалось. В один день, когда она приказала ему после обеда быть к себе (это было в октябре месяце), случился чрезвычайный холод, буря, снег и дождь, и когда он, приехав в назначенный час, велел ей доложить, она чрез камердинера Тюльпина сказала: «Удивляюсь, как такая стужа вам гортани не захватит», и приказала ехать домой. Словом, как ни удаляла она решение дела, но как не запретила продолжать оное, то наконец приказала заготовить проект указа, по представлении котораго приказала просмотреть Безбородке хотя оный; равно граф Воронцов и господин Трощинский[63] были в сем деле замешаны по известиям доносителя, о коем ниже скажем, якобы в присылке им Якобием богатых подарков, состоящих в дорогих мехах.— Указ переписан набело и поднесен для подписания. Но они, написав его, велели Безбородке показать Терскому и Шишковскому, открытым образом, не найдут ли они в нем чего несправедливаго. Безбородко низким почел для себя просмотренный им указ представлять якобы на апробацию Терскому и Шишковскому, которые сами никогда указов не писывали и по делам ими докладываемым, а всегда относились о том к Безбородке, который умел так вкрасться в доверенность Императрицы, что под

видом хорошаго слуги по всем почти частям писывал указы, кроме, как выше значится, Державина, за что он к нему и не весьма благорасположен был. Безбородко не исполнил сам сего Императрицына приказания, а поручил Державину, который, разсудя, что честолюбивые перекоры в таком случае не токмо неуместны, но и погрешительны, когда должно оправдать невиннаго, а вместо того продолжением времени угнетают его участь, и тем самым так-сказать умерщвляют безчеловечно. Вследствие чего Державин показал указ Терскому и Шишковскому и объявил им высочайшее повеление, чтоб они, знав дело, особливо Шишковский, который, по особому имянному указу, был блюстителем при слушании его во 2-м Сената департаменте, сказали свое мнение на указ. Шишковский был в отличной доверенности у Императрицы и у Вяземскаго по делам Тайной канцелярии[64]. Как и сие дело следовано было прежде Сената в страшном оном судилище, в разсуждении якобы возмущения Якобием Китайцев; то, взяв на себя важный присвоенный им, как всем известно, таинственный, грозный тон, зачал придираться к мелочам и толковать, якобы в указе не соблюдена должная справедливость. «Слушай, Степан Иванович», сказал ему неустрашимо Державин: «ты меня не собьешь с пути мнимою тобою чрезвычайною к тебе доверенностью Императрицы и будто она желает по известным тебе одному причинам осудить невиннаго. Нет, ты лучше мне скажи, какую ты и от кого имел власть выставлять своею рукою примечания, которыя на деле видны, осуждающия, строжае нежели существо дела и законы, обвиняемаго, и тем, совращая сенаторов с стези истинной, замешал так дело, что несколько лет им занимались и поднесли к Императрице нерешенным». Шишковский затрясся, побледнел и замолчал, а Терский, будучи хитрее, увидя таковое неробкое противуречие, сказал, что он в указе ничего не находит справедливости противнаго, с чем и Шишковский согласяся, просил донести Императрице, что они пред правосудием и милосердием ея благоговеют; но как Державин при сем щекотливом случае несколько оплошал и, не поступив канцелярским порядком, не сделал журнала и не дал им подписать онаго, а доложил словесно отзыв их Императрице, то сами они собою или по их еще каким побочными дорогами внушениям, не подписав указа, отдали-было еще оный на просмотрение генерал-прокурора Самойлова; но к счастию Якобия,

что Державин, шедши к Государыне в последний раз с указом, зашел к ея фавориту и, прочетши ему оный, объяснил все обстоятельства: то когда отдавала она его Самойлову, вошел в кабинет Зубов и спросил, что за бумагу она ему отдала, и когда услышал, что указ о Якобии, то донес, что и он видел и не приметил ничего сумнительнаго. Тогда Императрица, подписав оный, отдала генерал-прокурору уже для исполнения. Должно здесь объяснить, что дело сие приняло совершенное окончание, тогда как уже был Державин сенатором слишком два месяца.

<...> По окончания Якобиева дела, которым Государыня сначала была недовольна и, как выше видно, всячески от решения его уклонялась, дабы стыдно ей не было, что она столь неосторожно строгое завела изследование по пустякам, как сама о том в указе своем сказала; но когда чрез обер-полицийместера Глазова услышала молву народную, что ее до небес превозносили за оказанное ею правосудие и милосердие при решении сего дела, то была очень довольна и, призвав Державина к себе, который уже был сенатором, изъявила ему за труд его свое удовольствие. Он при сем случае спросил, прикажет ли она ему оканчивать помянутое Сутерландово дело, которое уже давно *(производится)*, а также и прочия, или сдать их, не докладывая, преемнику его Трощинскому. Она спросила: «Да где Сутерландово дело?» — Здесь. «Взнеси его сюды и положи тут на столик, а после обеда, в известный час, приезжай и доложи». Она была тогда в своем кабинете, где, по обыкновению сидя за большим письменным столом своим, занималась сочинением Российской Истории. Державин, взяв из секретарской в салфетке завязанное Сутерландово дело, взнес в кабинет и положил пред ея лицом, на тот самый столик, на который она его положить приказала, откланялся и спокойно приехал домой. После он узнал, как ему сказывал Храповицкий, что час спустя по выходе его, кончив свою работу, подошла к тому столику и, развязав салфетку, увидела в ней кипу бумаг: вспыхнула, велела кликнуть Храповицкаго и с чрезвычайным гневом спрашивала Храповицкаго, что это за бумаги? Он не знает, а видел, что их Державин принес. «Державин!» вскрикнула она грозно: «так он меня еще хочет столько же мучить, как и Якобиевским делом. Нет! Я покажу ему, что он меня за нос не поведет. Пусть его придет сюда». Словом, много говорила гневнаго, а по какой причине,

никому не известно; догадывались однако тонкие царедворцы: помечталось ей, что будто Державин, несмотря на то, что пожалован в сенаторы, хотел под видом окончания всех бывших у него нерешенных дел, при ней против воли ея удерживаться, отправляя вместе сенаторскую и статс-секретарскую должность, что было против ея правил. Итак Державин, не зная ничего о всем вышепроисходящем, в назначенный час приходит в секретарскую, находит тут камердинеров, странными лицами на него смотрящих, приказывает доложить; велят ждать. Наконец выходит от Государыни граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, который тогда был в Синоде оберпрокурором, который обошелся с ним также весьма сухо. Призывают к Государыне из другой комнаты Василия Степановича Попова, который там ожидал ея повеления. Лишь только он входит, велят ему садиться по старому на стул и зовут в ту ж минуту Державина; чего никогда ни с кем не бывало, чтоб при свидетельстве третьяго, не участвующаго в том деле, кто-либо докладывал. Державин входит, видит Государыню в чрезвычайном гневе, так что лицо пылает огнем, скулы трясутся. Тихим, но грозным голосом говорит: «Докладывай». Державин спрашивает — по краткой или пространной записке докладывать? «По краткой», отвечала. Он зачал читать; а она почти не внимая, безпрестанно поглядывала на Попова. Державин, не зная ничему этому никакой причины, равнодушно кончил и, встав со стула, вопросил, что приказать изволит? Она снисходительнее прежняго сказала: «Я ничего не поняла; приходи завтра и прочти мне пространную записку». Таким образом сие странное присутствие кончилось. После господин Попов сказывал, что она, призвав его скоро после обеда, жаловалась ему, будто Державин не токмо грубит ей, но и бранится при докладах, то призвала его быть свидетелем. Но как никогда этого не было и быть не могло, то — клевета ли какая взведенная, или что другое, чем приведена она была на него в раздражение,— кончилось ничем.

На другой день, вследствие приказания ея, с тем же делом в обыкновенный час приехал, принят был милостиво и даже извинилась, что вчерась горячо поступила, что «ты и сам горяч, все споришь со мною».— «О чем мне, Государыня, спорить? я только читаю, что в деле есть, и я не виноват, что такия неприятныя дела вам должен докладывать».— «Ну, полно, не сердись, прости меня.

Читай, что ты принес». Тогда зачал читать пространную записку и реестр, кем сколько казенных денег из кассы у Сутерланда забрано. Первый явился князь Потемкин, который взял 800,000 рублей. Извинив, что он многия надобности имел по службе и нередко издерживал свои деньги, приказала на счет свой Государственному казначейству принять. Иные приказала взыскать, другие небольшие простить долги; но когда дошло до великаго князя Павла Петровича, то, переменив тон, зачала жаловаться, что он мотает, строит такия безпрестанно строения, в которых нужды нет: «не знаю, что с ним делать», и такия продолжая с неудовольствием (подобныя) речи, ждала как бы на них согласия; но Державин, не умея играть роли хитраго царедворца, потупя глаза, не говорил ни слова. Она, видя то, спросила: «Что ты молчишь?» Тогда он ей тихо проговорил, что Наследника с Императрицею судить не может, и закрыл бумагу. С сим словом она вспыхнула, закраснелась и закричала: «Поди вон!» Он вышел в крайнем смущении, не зная, что делать. Решился зайти в комнату к фавориту. «Вступитесь хотя вы за меня, Платон Александрович», сказал он ему с преисполненным горести духом: «поручают мне неприятныя дела, и что я докладываю всю истину, какова она в бумагах, то Государыня гневается, и теперь по Сутерландову банкротству так раздражена, что выгнала от себя вон. Я ли виноват, что ее обворовывают? да я и не напрашивался не токмо на это, но ни на какия дела; но мне их поручают, а Государыня на меня гневается, будто я тому причиною». Он его успокоил и, знать что тот же вечер говорил, что на другой день, выслушав порядочно все бумаги, дали резолюцию чтоб, как выше сказано, генерал-прокурор и государственный казначей предложил Сенату взыскать деньги с кого следует по законам. Тем дело сие и кончилось[65]. Надобно приметить, что подобныя неприятныя дела может-быть и с умыслу, как старший между статс-секретарями, граф Безбородко всегда сообщал Державину, под видом что он прочих справедливее, дельнее и прилежнее; а самой вещию, как он им всем ревностию и правдою своею был неприятен или, лучше сказать, опасен, то чтоб он наскучил Императрице и остудился в ея мыслях; что совершенно и сделалось, а особливо когда граф Николай Иванович Салтыков с своей стороны хитрыми своими ужимками и внушениями, как граф Дмитрий Александрович[66] по дружбе сказывал Держа-

вину, сделал о нем какия-то неприятныя впечатления Императрице, также с другой стороны и прежде бывшая его большая приятельница княгиня Дашкова. Первый — за то что, по вступившему на имя Императрицы одного Донскаго чиновника доносу, приказал он взять из военной коллегии справки, в которой был Салтыков президентом, о чрезвычайных злоупотреблениях той коллегии, что за деньги производились неслужащие малолетки и разночинцы в обер-офицеры и тем отнимали линию у достойных заслуженных унтер-офицеров и казаков. Вторая — что по просьбе на высочайшее имя бывшаго при Академии Наук известнаго механика Кулибина[67], докладывал он Государыне, не спросяся с нею, поелику она была той Академии директором и того Кулибина за какую-то неисполненную ей услугу не жаловала и даже гнала, и выпросил ему к получаемому им жалованью 300 рублей, в сравнение с профессорами, еще 1500 рублей и казенную квартиру, а также по ходатайству ея за некоторых людей, не испросил им за какия-то поднесенныя ими художественныя безделки подарков и награждений: хотя это и не относилось прямо до его обязанности, но должно было испрашивать чрез любимца; она так разсердилась, что приехавшему в праздничный день с визитом вместе с женою наговорила, по вспыльчивому ея или, лучше, сумасшедшему нраву, премножество грубостей, даже на счет Императрицы, что она подписывает такие указы, которых сама не знает, и тому подобное, так что он не вытерпел, уехал и с тех пор с нею незнаком; а она, как боялась, чтоб он не довел до сведения Государыни говореннаго ею на ея счет, то забежав, сколько известно было, чрез Марью Савишну Перекусихину, приближеннейшую к Государыне даму, и брата фаворитова графа Валериана Александровича, наболтала какие-то вздоры, которым хотя в полной мере и не поверили, но поселила в сердце остуду, которая примечена была Державиным по самую ея кончину. Может-быть и за то, что он по желанию ея, видя дворския хитрости и безпрестанные себе толчки, не собрался с духом и не мог таких ей тонких писать похвал, каковы в оде Фелице и тому подобных сочинениях, которыя им писаны не в бытность его еще при дворе: ибо издалека те предметы, которые ему казались божественными и приводили дух его в воспламенение, явились ему, при приближении к двору, весьма человеческими и даже низкими и недостойными великой Екатерины, то

и охладел так его дух, что он почти ничего не мог написать горячим чистым сердцем в похвалу ея. Например, я скажу, что она управляла государством и самым правосудием более по политике или своим видам, нежели по святой правде. Вот тому доказательства:

1-е. Будучи позван в один раз Державин с делом в кабинет после бывшаго там г. Терскаго, нашел ее ропщущею. «Как», говорила она, «в Пскове продается соль по 2 рубли пуд, слышал ли ты?» — «Нет, Государыня».— «Разведай же пожалуй».— «Слышу. У меня на сих днях оттуда приехал родственник». Это был Николай Петрович Яхонтов, который действительно сказал про многие злоупотребления, казенною палатою чинимыя чрез одного откупщика Городецкаго, и о дороговизне соли. Державин донес о всем том на другой день Императрице. Она приказала ему написать его рукою записку от его имени, родом доноса, и препроводить оную для изследования к генерал-губернатору, находившемуся тогда в Петербурге, Осипу Андреевичу Игельштрому.— «Нет, Государыня», Державин ей сказал: «я вам не доносил сам от себя, а вы изволили приказать разведать, и я что слышал, то вам и доложил».— «Хорошо», сказала: «напиши как знаешь». Но едва успел он от нея выдти, то позвала она к себе статс же секретаря Петра Ивановича Турчанинова, который, от нея возвратясь с приказаниями ея, или сам от себя на ухо шепнул ему, что приказала она уведомить о дошедшем до нея слухе Ивана Ивановича Кушелева, свояка тамошняго виц-губернатора Брылкина, который был женат на родной сестре покойнаго бывшаго ея фаворита, Александра Дмитриевича Ланскаго, дабы он послал к Брылкину нарочнаго и остерег его, чтоб он взял свои меры, когда генерал-губернатор прикажет о том следовать. Тогда же, по ея приказанию, граф Петр Васильевич Завадовский посылал какого-то от себя регистратора в Псков, якобы разведать под рукою о том злоупотреблении, который возвратясь донес, что ничего нет и что то пустая нанесена клевета на казенную палату и на виц-губернатора, и для того кажется и никакого следствия не было. Спустя несколько времени, Государыня, призвав к себе Державина в кабинет, ему же голову вымыла, что он такие до нея доводит слухи и тем ее безпокоит; а потому, чтоб он и был впредь осмотрительнее.

2-е. Некто Коробейников, московский купец, подал ей чрез фаворита Зубова письмо, в котором изъяснял,

что тамошний совестный суд, в угодность губернатора Лопухина, покровительствовавшаго московскаго же купца Николая Роговикова (который после был государственным банкиром), отнял у него собственный его в помянутой столице дом, совсем его к суду не призывая. По справке оказалось, что совестный суд, приняв от кого-то просьбу на Роговикова в завладении якобы им того дома, определил представить тяжущимся сторонам посредников, которые положили тот дом отдать Роговикову, хотя он был Коробейникова и ни по чему ни Роговикову, ни вымышленному его сопернику не принадлежал. Коробейников вошел в тот же суд с просьбою, доказывая, что дом — его, а не тех, которые о нем вымышленную тяжбу имели. Совестный суд ответствовал, что он Коробейников к нему прежде не прибегал, то он, не зная, что дом — его, и отдал тому, кому посредники приговорили. Он другую подал жалобу, изъявляя, что он прибегает к разбирательству суда сего; ему ответствовано, что уже поздно, что он собственных своих решений не перерешивает. Коробейников прибег к Императрице. Она отослала просьбу его на разсмотрение Сената 2-го департамента. Сей разсматривая нашел действительно, как выше явствует, что совестный суд отдал чужой дом Роговикову; а как по сенатским определениям обыкновенно докладывал генерал-рекетмейстер Терский, человек хотя умный, дела знавший, но хитрый и совершенный подьячий[68], готовый всегда угождать сильной стороне, поелику же Безбородко был связан по любовной интриге с женою Лопухина, котораго был приверженец Роговиков, то натурально Терский и покривил весы правосудия на сторону последняго. Поелику он знал совершенно нрав Государыни, что она чрезвычайно самолюбива и учреждение свое о губерниях почитала выше всех в свете законов и что вопреки онаго волосом никому коснуться не позволяла, то он, принесши доклад Сената к Императрице, ничего другаго ей не стал объяснять, как только сказал: «Ваш Правительствующий Сенат, в противность Вашего Величества учреждения, отставил совестнаго суда решение, на мнении обеих тяжущихся сторон основанное». Довольно было сего. Государыня разгневалась и подписала на докладе Сената: «Быть по мнению посредников». Коробейников на сие самое прибегал со вторичною просьбою или, лучше, на Царицу жаловался Императрице. И сия-то самая просьба отдана чрез Зубова Державину

для справедливейшаго и строжайшаго разсмотрения и доклада Ея Величеству. Он докладывал с объяснением всех вышеизображенных обстоятельств. Она возразила: «Да ведь посредники решили».— «Правда, посредники, но подложные; а посредники Коробейникова тут совсем не были». Она разсердилась и, подумав несколько, сказала: «Что же делать? *Я самодержавна*».

3-е. Сидел Державин в одно время в Царском Селе в комнате у помянутой госпожи Перекусихиной. Вдруг услышался в комнате шум. Зовут Турчанинова: не успел он войти, *(зовут)* Державина, который, пришед, увидел Императрицу в чрезвычайном гневе выступившую таксказать из себя. Она кричала, засучив руки: «Как? Сенат идет против моих учреждений! я ему покажу себя». Державин взглянул на нее с удивлением. Она тотчас спохватилась (как и несколько раз подобное случалось) и, понизив голос, сказала: «Сенат по известному тебе Ярославову делу нападает на ярославскаго генерал-губернатора Кашкина».— «Да ведь это дело, Государыня», ответствовал Державин, «несколько раз разсматривано было в Совете». Это то самое, за которое, как выше видно, браны были ответы с генерал-прокурора, обер-прокурора и обер-секретарей.— «Как, в Совете?» возразила она.— «Так, Государыня!» Она, тотчас утихнув и переменя лицо, сказала: «Поди за мной». Вошедши в кабинет, села за свой письменный стол, приказала сыскать дело: «Да что, разве ты оправдываешь Ярославова?» (помещика, который подозреваем был в ведении разбоя одного мещанскаго дома людьми его и в приеме воровских вещей). «Нет, Государыня», Державин сказал: «я не оправдываю; но генерал-губернатор, в противность законов Ваших, вторичными допросами под истязанием людей его, извлек от них противныя первым показания, по которым его теперь и делают участником того разбоя».— «Хорошо ж», сказала она снисходительно: «скажи Терскому, чтоб он не писал того указа, который я ему приказала, а доложил бы мне завтра, как приедем в Петербург» (ибо она в тот день отъезжала из Села Царскаго в сию столицу). Державин, вышедши из кабинета, нашел Терскаго за перегородкою в секретарской, пишущаго тот указ. Он объявил ему повеление Императрицы, говоря, чтоб он был осторожен по делу, которое по его соображениям несколько раз было смотрено в Совете. Поутру на другой день, в Петербурге, встретясь в секретарской

с Терским, по его вопросам объяснил ему некоторыя подробности. Терский позван был к Государыне и, вышед оттуда, сказал, что Государыня приказала отнесть дело в Совет, что и сама она, призвав Державина к себе, подтвердила. Терский, побывав в Совете, поднес ей проект сказаннаго указа на апробацию. Она, апробовав, призвала опять Державина и сказала, что она по мнению Совета дала указ Сенату. Державин натурально предполагал, что Совет против прежних своих неоднократных заключений по соображениям, Державиным учиненным и им самим утвержденным, криводушничать не будет и что указ в точной силе их г. Терским написан; но как он удивился, приехав домой, увидя без памяти прискакавшаго к себе обер-секретаря Ананьевскаго, который спрашивал, что им делать: «Прежде за то с нас брали ответы, что мы не по точной силе учреждения и прочих законов делали предписания по Ярославову делу. Мы, дав ответы, исправились и поступили так, как должно; но ныне, по жалобе генерал-прокурора по тому же самому делу последовал имянной указ совсем в отмену перваго». Тут Державин увидел, что Терский Государыню обманул, донеся ей, что Совет апробовал писанный им указ, яко согласный первому. Поехав к Зубову, объяснил ему, в чем были подьяческие крючки Терскаго и неразумие или неправомыслие Совета, коим он покровительствовал генерал-губернатора, угнетавшаго чрез меру Ярославова. Зубов слегка объяснил каверзы сии Императрице, и тот же день послан к Кашкину указ, чтоб он не въезжал в Ярославскую губернию, где то дело производилось, до решения онаго в палате уголовнаго суда или, лучше, до отсылки онаго на ревизию в Сенат, в тех мыслях, что он, не будучи лично в Ярославле, не осмелится письменно делать каких-либо внушений судьям на пагубу Ярославова; но вышесказанного указа, даннаго Сенату, не отменила. Однакоже таковая предосторожность от гонения генерал-губернатора не спасла бы Ярославова, ежели б дело, по разногласию втораго департамента, не вошло в рассмотрение общаго собрания при Императоре Павле Первом, и бедный Ярославов верно бы был послан, яко разбойник или содержатель разбойников, на каторгу, ежели б Державин, будучи уже сенатором, не присутствовал по сему делу в общем собрании и не дал защитительнаго своего мнения Ярославову, на что и прочие гг. сенаторы все согласились.

4-е. На первой неделе Великаго поста, после говенья и причастия Императрицы и всего двора, призвала она к себе Державина в кабинет и приказала ему, чтоб он объявил ея волю третьяго Сената департамента *(обер-прокурору)* Голохвастову, дабы некоему польскому знатному магнату Потоцкому, принесшему в Сенат жалобу на генерал-губернатора Пассека, удовольствия делано не было, для того что он идет против ея и каверзит по делам политическим. Сие было исполнено. В Сенате было ему отказано; он подал жалобу на него к Императрице, и оная ему отдана с надписью.

Вот как, выше сказано, она царствовала политически, наблюдая свои выгоды или поблажая своим вельможам, дабы по маловажным проступкам или пристрастиям не раздражить их и против себя не поставить. Напротив того, кажется, была она милосерда и снисходительна к слабостям людским, избавляя их от пороков и угнетения сильных не всегда строгостью законов, но особым материнским о них попечением, а особливо умела выигривать сердца и ими управлять, как хотела. Часто случалось, что разсердится и выгонит от себя Державина, а он надуется, даст себе слово быть осторожным и ничего с ней не говорить; но на другой день, когда он войдет, то она тотчас приметит, что он сердит: зачнет спрашивать о жене, о домашнем его быту, не хочет ли он пить, и тому подобное ласковое и милостивое, так что он позабудет всю свою досаду и сделается по-прежнему чистосердечным. В один раз случилось, что он, не вытерпев, вскочил со стула и в изступлении сказал: «Боже мой! кто может устоять против этой женщины? Государыня, вы не человек. Я сегодня наложил на себя клятву, чтоб после вчерашнего ничего с Вами не говорить; но Вы против моей воли делаете из меня, что хотите». Она засмеялась и сказала: «Неужто это правда?» Умела также притворяться и обладать собою в совершенстве, а равно и снисходить слабостям людским и защищать безсильных от сильных людей. Скажем несколько примеров.

I-е. Видели выше[69], как она наказала Парфентьева, доносителя на Якобия.

II-е. Некоторыя благородныя бедныя девицы, жившия в Москве, писали Государыне чрез почту, что генерал-губернатор князь Прозоровский не сделал по их делам, в судах производившимся, не токмо никакого пособия, но и выгнал их от себя с грубостию. Она, отдав письмо

Терскому, велела справиться и взять с князя объяснение. Терский то исполнил. Генерал-губернатору показалось то обидно: он оказал свое неудовольствие губернатору Архарову[70] и прочим чиновникам полиции; а как они жили в бедной хижине, а может-быть и поведение не очень хорошее имели, то полиция и стала им делать разныя приметы, сыскивала их и тому подобное. Старшая из них пожаловалась Государыне, описав квартиру, где она от гонения укрывается, и столь убедительно разжалобила ее, что в один день, часу в 12-м, когда она начала в брилиантовой палате убираться, приходит дежурный лакей и зовет к ней Державина. Он входит, видит ее в пудреной белой рубашке с распущенными седыми волосами, пылающую гневом. «Возьми», говорит, отдавая письмо: «я вижу, этих бедных сирот угнетают за то, что они пожаловались на главнокомандующаго, то губернатор и вся полиция на них возстали; отыщи их и представь ко мне, но так, чтоб того начальство тамошнее не знало». Приняв повеление, Державин потребовал нужное число из кабинета денег, дал ордер, с прописанием имяннаго повеления, находящемуся в его канцелярии при письменных делах подполковнику Резанову, чтоб он увез их тайно из Москвы и представил к нему. Резанов, остановясь в трактире, нашел, по описанию в письме той девицы, бедную хижину, вошел к ней и объявил ей ордер Державина. Она, испугавшись, думая, что это подослан лазутчик от Архарова, дабы схватить ее и увезти куды в ссылку, бросилась из комнаты и побежала по улице в дом некоего бригадира князя Голицына, в соседстве живущаго; Резанов — за ней, и когда вбежал на двор, то окружило его великое множество людей, почтя его недобрым человеком, с каким-нибудь дурным намерением за ней прибежавшим. Он принужден был сказать, чтоб его представили князю, хозяину дома, и, попрося его к нему в уединенное место, объявил ему ордер. Он, не зная руки Державина, сначала было не поверил, но Резанов нашелся, сказал ему: «Когда вы не верите, то оставьте меня у вас в доме; а сами извольте взять и отвезть сию госпожу к пославшему меня». Тот, сим ответом быв убежден, не спорил более и выдал девицу, которую благополучно довез он до Петербурга. Державин о привозе доложил Императрице. Она приказала несколько ее подержать у себя и посмотреть ея поведение; а как оное и потом, после приехавшей сестры ея, не слишком оказалось невинным, то Государыня, приказав им

выдать на приданое 3000 рублей, приказала их отправить обратно в Москву.

Подобныя происшествия, происходящия от слабости, нередко случались, как-то жаловались иногда на увоз дочерей, на соблазн их самими матерьми: то она приказывала под рукою осведомляться. Когда открывалось, что девушка по согласию своему давала увозить себя и прельщать молодым людям, то она, не подвергая огласительному стыду и строгости законов, матерински всегда умела обиды и раздоры прекращать семейств миролюбием, приказав удовлетворять богатым бедных; как равно обремененным долгами от мздоимных ростовщиков и грабителей помогала. Например: некто Каиров, служивший в Преображенском полку офицером, по молодости своей, вошел в ухищренное знакомство некотораго офицера того же полку, казавшагося ему приятелем, который прежде был полковым коммиссаром и истратил много казенных денег на свои надобности; а как пришло время к смене, то он уговорил его принять сию должность и домогся своим пронырством, что прочие его собратья к тому его выбрали достойным. Натурально, вместо того, чтоб сдать казну наличными деньгами, он отдал росписками и векселями своими. В продолжение же те суммы выиграл в карты, росписки возвратил, и Каиров заменил их своими. Когда же пришло к сдаче, и новый командир бумаг за наличныя деньги не принял, то, избегая военнаго суда, Каиров был должен занять в банке под заклад своего материнскаго имения, назвав оное своим, а как и тех сумм не достало, то за чрезвычайные проценты — у некоего немилосердаго лихоимца Тарабаровскаго под заклад того же имения. Хотя Тарабаровский это знал, но как имение стоило несравненно более занятых сумм из банка, то, притворясь будто не знавшим подлога и будто по добродушию не хотя безпокоить заимщика и подвергать его строгости закона, ждал до того времени, как банк, описав имение, выбрал долг свой из доходов; и когда же оставалось только заплатить 600 рублей, Тарабаровский возстал с своим требованием, чтоб коль скоро имение освободится от залога банкового, то записать оное, по тогдашним законам уже в потомственное владение за себя. Между тем Каиров с отчаяния спился и умер. Мать, при жизни сына не хотя его подвергать строгости законов за учиненный им подлог, выгнана будучи из имения по описи онаго банком, шаталась по Петербургу с дочерью невестою 12-и лет, кормясь

доброхотным подаянием и прося милости у Тарабаровскаго; но имея жестокое и жадное к интересу сердце, *(он)* никак не хотел и думать, чтоб ей сделать какое снисхождение: дожидался только, когда остальные 600 рублей в банк взнесены будут. Старуха прибегнула чрез Державина к Императрице. Она, вникнув во все подробности жалкаго состояния сирот Каировых, приказала Тарабаровскаго призвать к себе совестному судье г. сенатору Ржевскому и убедить его, чтоб он взял только двойной капитал по уставу управы благочиния, а не по вексельному праву, считая процент на процент, в несколько крат больше. Тарабаровский, видя пред собою такую посредницу, хотя не хотел, но должен был согласиться; поелику же и двойнаго капитала Каировой по ея бедности нечем было заплатить, то велела банковому директору г. Завадовскому вновь под то же имение выдать без очереди потребную сумму. Итак извлекла сирот Каировых из бездны зол, в которой они погибали.

Подобными делами хотя угождал Державин Императрице, но правдою своею часто наскучивал, и как она говаривала пословицу: живи и жить давай другим, и так поступала, то он на рождение царицы Гремиславы Л. А. Нарышкину в оде сказал:

Но только не на счет другаго;
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужаго.

А когда происходил Польши раздел и выбита такая была медаль, на которой на одной стороне представлена колючая с шипами роза, а на другой портрет ея, то потому ли, или по недоброжелательным наговорам безпрестанным, и что правда наскучила, 8-го Сентября, в день торжества мира с Турками, хотя Державин провозглашал с трона публично награждения отличившимся в сию войну чиновникам несколькими тысячами душами; но ему за все труды при разобрании помянутых важных и интересных дел ниже одной души и ни полушки денег в награждение не дано, а пожалован он в сенаторы в межевой департамент, и между прочими, тучею так сказать брошенный на достойных и недостойных, надет и на него крест св. Владимира 2-й степени[71]. Но пред тем незадолго имел он всю надежду получить нечто отличительное, потому что в один день поутру приезжает к нему от любимца

Зубова ездовой с краткой от него записочкой, чтоб он как можно скорее к нему приехал. Он принял только лишь лекарство, то и отвечал, что в тот час не может к нему быть, а придет после обеда, коль скоро можно будет; и действительно, часу в пятом пополудни, приехал. Любимец, заведши его в спальну за ширмы, наедине говорил ему, что Государыня, по долговременной неизлечимой болезни Вяземскаго, решилась новаго сделать генерал-прокурора, с тем чтоб против должностей, несущихся настоящим генерал-прокурором, уменьшить оных несколько: то приказала его Державина спросить, кому б он думал поверить сей важный пост. В продолжение сего разговора фаворит пристально глядел в глаза ему, как бы вызывая, чтоб он его попросил о том; но Державин сначала и в продолжение всей своей службы имел себе в непременное правило, чтоб никогда никого ни о чем не просить, и ни на что не напрашиваться, а напротив ни от чего не отказываться, и когда какое поручат служение, исполнять оное со всею верностию и честию, по правде и по законам, сколько его сил достанет (основывая то правило на священном писании: что никто же примет честь токмо званный от Бога, и что пастырь добрый не прелазит чрез ограду, но входит дверью и пасет поверенных ему овец, полагая за них свою душу)[72]; и что когда его на что призовут, то невидимо сам Бог поможет ему исполнить самыя труднейшия дела с успехом и легкостию; а когда он чего происками своими доможется, то обязан будет все бремя переносить на собственных своих плечах. Поелику же нет человека без слабостей и без недостатков, то и никогда не осмеливался он надеяться на свои собственныя способности, как-то ум, сведения и прочее; вопреки же тому, когда ему приказывала вышняя власть что-либо производить по ея собственному, а не по его желанию, то он действовал тогда ни на кого не смотря, смело и решительно, со всею возможною силою, уверен будучи, что Богу это надобно, хотя ему многия друзья его, не зная его правила, часто говаривали, что не надобно дел посторонних кроме своих принимать на сердце; он же, как известно всем коротко его знающим, о своих делах не заботился и не радел, а хлопотал и ссорился всегда за казенныя и за чужия, ему по должности порученныя. Словом, он удержался от просьбы места генерал-прокурора, хотя оное ему более других принадлежало, потому что он, делая замечания на мемории сенатския и давая

советы обер-прокурорам, правил так-сказать Сенатом около двух годов. Но как бы то ни было, когда увидел любимец Государыни, что он отмалчивается и не сделал никакого назначения кого избрать, то сказал ему, чтоб он завтра к нему приехал поранее, дабы еще о сем поговорить. Он в 9-м часу приехал; но фаворит ему объявил, что уже выбран Государынею генерал-прокурор — граф Самойлов, находившийся тогда в Петербурге без всякаго дела. Державин ответствовал: «Хорошо, воля Государыни». Тут тотчас позвали его к Императрице, которая сказала ему: «Делал ли ты примечания на мемории Сената, которыя я тебе приказала?» — «Делал, Государыня».— «Подай же мне их завтра посмотреть»: что он исполнил. На другой день с апробациею своею возвратила она их ему, сказав: «Отдай Самойлову и скажи ему моим именем, чтоб он поступал по них». После того, позвав Самойлова, приказала ему, чтоб он по сомнительным и важным делам советовался со мною и поступал по моим наставлениям, что Самойлов сам, вышед от Государыни, тогда же Державину объявил. Тогда о пожаловании его генерал-прокурором вышел указ, и он в достоинстве сего чиновника в мирное торжество с Турками читал уже речь публично благодарную от лица Сената перед троном, когда Державин, как выше явствует, стоя на троне близ Государыни провозглашал ея милости.

В первый день присутствия читана была та речь в Сенате и разсуждаемо было, чем возблагодарить и увековечить Императрицыно попечение о благе ея Империи, как-то за расширение пределов, за законы и прочее. Одни говорили, что надобно повторить и поднести вновь те титла, которыя были подносимы при открытии коммиссии новаго уложения, но ею не приняты[73]; другие поставить статую, и тому подобное. Но как при жизни государей учиненныя им таковыя почести почитаются в потомстве ласкательством, то Державин говорил, чтоб со вступления ея на престол из всех указов и учреждений, ею изданных, сделать кратчайшую выписку, из коей бы точно видны были все ея труды, попечения и предусмотрения о благе Империи, и, дополняя оную безпрестанно новыми ея подвигами, хранить в нарочно устроенном для того ковчеге, дабы со временем могли они служить истинным основанием истории, из самых дел ея почерпнутой, а не из народных преданий и часто ложно разсеваемых и не-

лепых басней. На этом все остановились сенаторы; но неизвестно почему, замолчано и никакого даже разсуждения в журнале того дня не записано. Видно, то ей неугодно было, хотя вскоре после того Державин сам имел случай с ней объясняться, и она с улыбкою выслушивала его разсуждения. На другой день после присутствия долгом приял чрез любимца изъявить благодарность свою Императрице, что она его возвела в такое важное достоинство; а как Сенат доведен наперсниками и прочими ея приближенными вельможами или, лучше, ею самою, можно выговорить, до крайняго унижения, или презрения, то Зубов весьма удивился, когда Державин благодарил ее за то, что он сделан сенатором. «Неужто доволен?» спросил он его. «Как же», отвечал он, «не быть довольну сей монаршей милостию бедному дворянину, без всякаго покровительства служившему с самаго солдатства, что он посажен на стул Российской Империи? Чего еще мне более? Ежели ж его сочлены почитаются может-быть кем ничтожными, то он себе уважение всемерно сыщет». Не знаю, пересказал ли Зубов сие Государыне, но только он во все служение свое в сем правительстве поступал по правде и по законам. Сие множество голосов его доказывает, с которыми иногда был против, но после целый Сенат принужден был соглашаться, а из сего выходили иногда примечанья заслуживающие анекдоты. Например:

I. Некто молодая девица, помнится, Безобразова, подала Государыне письмо, в котором жаловалась на дядю своего Жукова, что он другаго ея дядю, отставнаго полковника Жукова же, держит под видом дурачества в своей опеке, владея его имением: он отнюдь не дурак, но сам собою жить и управлять имением своим, как и прочие, может. Государыня, по указу Петра Великаго 1722 году, приказала сего Жукова освидетельствовать, подлинно ли он дурак, в Сенате; а как племянница имела покровительство приближеннаго к двору министерства, то натурально и сенаторы тянули на ту же сторону, а особливо старший тогда во 2-м департаменте граф Строганов, который, по малодушию своему, всегда был угодником двора и в дела почти не входил, а по привычке своей или по умышленной хитрости, при начале чтения оных шутил и хохотал чему-нибудь, а при конце, когда надобно было давать резолюцию, закашливался: то и решали дела другие; а он, не читая их и не зная, почти

все то, что ему подложат или принесут, подписывал; но когда он чью брал сторону и пристрастен был к чему-либо по своим, а паче по дворским видам, то кричал из всей силы и нередко превозмогал прочих своею старостию, знатностию и приближенностью ко двору; то и по сему делу все взяли несправедливую сторону, от истиннаго ли сердца, или будучи канцеляриею обмануты; ибо Жуков был с природы не дурак, но сумасшедший, и дурь на него находила по временам, а более под ущерб луны или новомесячье, а в прочие дни был порядочен, только пасмурен и тих; то и представили его Сенату в такое время, когда он на вопросы мог отвечать порядочно, да и вопросы задали ничего не значащие, на которые ответствовать никакого не надобно было ума, а одну привычку, следовательно и признал его Сенат не дураком. Но обер-прокурор Кононов был противнаго мнения, и потому перенесено дело в общее собрание, где как не случилось в присутствии Державина, то и решили-было, в угождение втораго департамента, согласно с ним, и записали так в журнал. Обвиняемый Жуков, узнав противную ему резолюцию, бросился к Державину, объяснил ему все обстоятельства в подробности, показал отцовския письма, в которых он признавал сумасшествие его брата, и определения согласныя с тем опеки; а паче решило Державина в тяжбе сей видимое настоящее действие к противному заключению Сената, ибо как мог дозволить, будучи не безумным, в 40 лет полковник увезти себя из Москвы 18-летней девушке, своей племяннице, и подать от имени ея письмо к Императрице, когда он мог и должен был сам то сделать, если б он был в совершенном уме. Таковыя и другия причины решили Державина быть с мнением Сената несогласным. Вследствие чего, в наступившую пятницу, когда приехал он в общее собрание и подали ему к подписанию журнал минувшаго присутствия, то, прочитав оный, объявил, что он по делу Жукова несогласен. Тотчас явились возражения сенаторов, подписавших тот журнал, а особливо заспорил сенатор Алексей Логинович Щербачев, человек хотя не великаго ума и не весьма важный делец, но велеречив и даже дерзок, когда видел себя подкрепленным большинством голосов, а паче дворскою стороною; слово за слово, возстал превеликий шум. Державин не уступал и слишком погорячился; однакоже ни мало не вышел из благопристойности и никого какими-либо оскорбительными

словами не обидел; сказал, что он подает письменное свое мнение. Сие так сенаторов раздражило, что они сделали против его заговор, о коем, как он въезжал в последнюю пятницу в общее собрание, обер-секретарь межеваго департамента Стрижев тихонько в сенях открыл, советуя, чтоб он, сколько возможно, был осторожен и не горячился; ибо в заговоре у сенаторов положено при чтении его мнения, сколько можно, оное оговаривать и его поджигать, дабы он по горячему своему нраву вспылил и что-нибудь сказал несоответствующее месту, грубое или обидное; то записав те речи в журнал, и войти *(к)* Государыне докладом, что с ним Державиным присутствовать неможно. Словом, в течение недели Державин написал свой голос, в котором доказал правость защищаемой им стороны видимыми в деле документами; но тут должно было употребить всю тонкость ума, чтоб не оскорбить втораго Сената департамента, яко верховнаго правительства Империи, что он не мог различить при свидетельстве дурака от умных, следовательно явился бы сам дурак; а потому Державин в голосе, различая дурачество от сумасшествия и бешенства, бываемаго по временам, вывел, что представляемый Сенату к свидетельству мог быть на то время в полном разсудке, давать порядочные ответы, следовательно и не подлежал он к свидетельству Сената по указу 1722 года, но к обыску полиции по показанию отца и к призору родственников или содержанию в доме сумасшедших. Если бы по изследованию управы благочиния он оказался не бешеным и с ума никогда не сходившим, тогда можно было допустить его до управления имением на всеобщем праве благородных. При чтении таковаго мнения начали-было его, как выше сказано, а особливо Щербачев, горячить и подстрекать к возражениям; но он остерегся и молчал до самаго конца чтения, а когда кончил, то, не говоря ни слова, вышел из собрания; да и само по себе не о чем было ему говорить, ибо что нужно было, то все объяснено было на бумаге. Таким образом, к стыду гг. сенаторов, исчезла их недоброхотная или, лучше сказать, коварная стачка, и дело своим порядком, по тогдашним законам, за разногласием взнесено было на разсмотрение самой Императрицы. Когда поднес оное ей обер-прокурор Башилов, тогда она сказала: «Положи; я посмотрю, достойно ли было такого содому сие дело, о коем я слышала»: ибо ей все пересказано было генерал-прокурором Самойловым, что про-

исходило в Сенате, который на противной стороне был Державина, следовательно и надобно думать, что сей последний и мог ожидать себе большой неприятности. Но Бог по-своему сделал и показал свой неумытный суд. Недели с две после сумасшедший Жуков, живший с племянницею своею в Миллионной в одном доме, выбросился из втораго этажа на улицу и, о каменную мостовую разбив себе голову, на месте скончался.

II. После кончины князя Потемкина осталось страшное движимое и недвижимое имение. Императрица, из уважения к памяти, вошла сама в распоряжение имущества его: брилианты, золото, серебро и прочия дорогия вещи, приказала по безпристрастной оценке взять в свой кабинет и заплатить за него деньги, а недвижимое имение, которое почти все состояло в Польше, разделить между наследниками по законам. Известно, там братья с сестрами получают равныя доли. Дележ происходил между двоюродными братьями и сестрами, Самойловым (генерал-прокурором), Давыдовым и Высоцким, генерал-маиорами, и графинями Браницкою и Литтовою, княгинями Голицыною, Юсуповою и сенаторшею Шепелевою. В то время был генерал-губернатором в новоприобретенных от Польши губерниях, в Минской, Волынской, Виленской, Подольской, Тимофей Иванович Тутолмин, который как выше упомянуто, человек надменнаго, но низкаго духа, угодник случая; то естественно и взял он сторону генерал-прокурора и, при росписании имения на части, оделил всех сонаследников как количеством, так и добротою имения. Графиня Браницкая, сколько по старшинству своему, столько и по знаменитости при дворе, быв первою статс-дамою, возстала против сего пристрастнаго раздела; но сколь ни была случайна[74], не могла однако ни чрез фаворита, ниже чрез внушение самой Императрице против генерал-прокурора, исправить сию несправедливость краткими средствами; ибо все говорили: пусть дело идет законным порядком чрез обыкновенныя инстанции в губернии. Тщетно она на словах объясняла, что тут вмешался генерал-губернатор и чрез его притеснение она терпит обиду. На словах дела́ не решатся: надобно было писать в Сенат просьбу. К кому она ни относилась, всяк устранялся, чтобы не поставить против себя генерал-прокурора. Не знала, что делать; адресовалась наконец к Державину, по знакомству с ним при дворе, в бытность его статс-секретарем. Он, исполняя ея желание, написал

просьбу в Сенат в третий департамент. Произошли разныя мнения, перешло в общее собрание. Тут единогласно решено в пользу графини Браницкой и ея соучастников, в противность выгод генерал-прокурора. Он весьма этому удивился и говорил с негодованием: кто осмелился написать против его такую просьбу? «Я», сказал Державин.— «Как?» — «Так», ответствовал он: «вы око правосудия Государыни и должны оное свято наблюдать; а вы, вместо того, будучи генерал-прокурором, сами оное испровергаете, подавая собою таким неправедным любостяжанием дурные примеры». Закраснелся он; но нечего было делать.

III. Генерал-поручик, сенатор, бывший любимец Императрицы Елисаветы, Никита Афанасьевич Бекетов, живший в отставке в астраханских деревнях, им населенных, со многими экономическими заведениями, виноградными садами и проч., оставил после *(себя)* знатное благоприобретенное имение, которое духовною своею дарительною записью завещал побочным своим дочерям Всеволожской и Смирновой, а 40,000 рублей родным своим племянницам и племяннику, гвардии Семеновскаго полка офицеру, что ныне министр юстиции, Ивану Ивановичу Дмитриеву[75]. Всеволожский, невзирая на то, что толь великое богатство получил стороною, которому всему законные были наследники, Дмитриевы, начал опорочивать дарительную запись тем, что будто она незаконным порядком сделана, то есть что не всею канцелярскою формою записана в книгах, хотя тем самым опорочивал свое право; но Дмитриев, знав волю дяди своего, был столь великодушен, что не искал более ничего, как только то, что дядя ему с сестрами подарил, то есть 40,000 рублей; но Всеволожский не хотел.— Дмитриев прибегнул-было к астраханским присутственным местам, но форма производства тяжебным порядком, т. е. вызовы, апелляции и тому подобное представляли ему такия страшныя хлопоты, коих не мог бы никогда он и во всю жизнь окончить: то и решился он кончить свое дело совестным судом в Петербурге, по возвращении в который уговорил он к тому и Всеволожскаго. Явились в суд; выбраны посредники: со стороны его двое сенаторов, Алексей Иванович Васильев, что после был графом и министром финансов, и Николай Михайлович Сушков, а со стороны Дмитриева один Державин. Несколько было съездов, но ничего решительнаго за сильными противу-

речиями не сделали; наконец в доме Васильева, при всей его фамилии и нескольких посторонних людях, удалось Державину уговорить Всеволожскаго на мир, чтоб заплатил он только Дмитриеву те 40,000, которыя ему с сестрами завещаны, без всяких процентов и других убытков. Всеволожский сам охотно на то согласился, только просил дать ему сроку до завтра, чтоб расположить время, в какие сроки может заплатить ту сумму, ибо в один раз находил себя не в состоянии. Посредникам его ничего другаго не оставалось как подтвердить сие миролюбие, что они и сделали по-приятельски: не учиня письменнаго о том журнала, а словесно только подтвердя, выдали все бумаги Всеволожскому, дабы он по них сделал расположение свое в заплате в сроки денег. Но поутру на другой день, к незапному удивлению своему, получает Державин от Васильева записку, которою он уведомляет его, что Всеволожский подал спорную бумагу и что он, приняв ее, зовет его к себе для разсуждения. Державин, увидя из сего неприязненный со стороны Васильева поступок, ибо как, после публичнаго желания ответчиком мира, мог он от него принимать еще спорную бумагу, когда имеют все право посредники и без согласия тяжущихся мириться? В разсуждении чего и отвечал ему Державин: когда он принял от Всеволожскаго спорную бумагу, следовательно мир не состоялся, а потому ему и нечего у него делать, а подавал бы в совестный суд свое мнение, куды и он свое подаст.

Несколько месяцев прошло, что не получал Державин от Васильева никакого ответа и не видался с ним. Но в самый день торжества свадебнаго великаго князя Константина Павловича приносят ему из совестнаго суда повестку, в которой призывается он в суд в самый тот час, когда должно быть во дворце, для выслушивания определения по сему делу. Удивился он, что призывается к выслушанию определения, когда еще не предложено было средств посредниками к примирению, как в законе предписано, когда без согласия его определению быть не можно, а притом и в такой день, когда в собрании суд быть не мог. Но из любопытства поехал. Находит присутствующим совестнаго судью сенатора Алексея Андреевича Ржевскаго, человека весьма честнаго, но слабаго, худо законы знающаго и удобопреклоннаго на сторону сильных. Надобно знать, что Всеволожский пронырствами

и подарками своими умел найти не токмо в семействах Васильева и Ржевскаго, но и при дворе: гг. Торсуков и Трощинский и Марья Савишна Перекусихина были на его стороне. Словом, Ржевский заседал только с Васильевым и с Сушковым, и никого других судей и канцелярских служителей в присутствии, кроме одного секретаря, не было. Таковое необыкновенное собрание странно Державину показалось, а паче когда взглянул он на лица присутствующих, и увидел в них некое скрытое намерение или, лучше сказать, стачку на что-либо ему противное; но, несмотря на то, сел. Секретарь зачал читать определение суда или, лучше сказать, безсовестное обвинение Дмитриева. Когда прочли, Державин сказал, что совестный суд имеет только право мирить, а не винить, и того без согласия обоих сторон посредников сделать не может. «Как, не может?» закричали со всех сторон с жаром.— «Так», подтверждал он: «я ссылаюсь на учреждение: подай, секретарь, мне оное».— Но секретарь медлил, пересеменивал и не подавал учреждения. Державин просил, судьи кричали, и наконец, когда учреждение подано, Державин встал со стула и хотел оное читать на налое; но присутствующие усугубили свой крик, дабы не слышать, что будет читать. Тогда усмотрев, что он один, что ничем в порядок их привесть не может, когда не слушают законов, что запишут они в журнал его речи, как хотят, то, оставя на налое учреждение, выбежал он из суда вон, не говоря ни слова в ответ на кричавших ему вслед: «Да объяви, согласен, или не согласен!» Сего не мог он сделать потому: когда бы сказал «согласен», то обвинил бы тем Дмитриева, а «несогласен», то определил бы суд ведаться ему в судебных местах в Астрахани, где уже он был и скораго решения не нашел. Вслед за ним в дом приехал секретарь и требовал вышесказаннаго отзыва, согласен или несогласен. Он отвечал ему, что ни того, ни другаго объявить не может, для того что это не был совестный суд, а так, собрание против него сговорившихся; ибо прочих никого присутствующих не было. Секретарь подал Ржевскому, как совестному судье, репорт с прибавлением, в угодность его, речей, что будто Державин порочил учреждение, называя узаконенный в нем совестный суд безсовестным и проч. Ржевский взошел с своим репортом к Архарову, как генерал-губернатору тогда бывшему в Петербурге, описывая случившееся происшествие на счет Державина самыми черными красками и

между прочим, что будто он бросил учреждение, когда ему оное подано было, говоря: «что это за закон?» и тому подобныя обидныя выражения для самой Законодательницы. Архаров в подлиннике оный представил Государыне, которая приказала ему против онаго взять с Державина ответ. Отвечать было не трудно, но неприятно, потому что самое читанное в суде определение было несоответствовано учреждению; ибо, как выше сказано, в нем не повелевается винить тяжущихся, а чрез представленныя от посредников средства примирять только, а когда на мире не согласятся, тогда отказывать им, чтоб ведались в обыкновенных судах: следовательно Державину не для чего было учреждение бросать и порочить оное, когда он на него ссылался и просил для разрешения спора. А как он примолвил к тому, что он защищал сторону слабую и небогатую, не так как противоборники его; то сие так раздражило, что они все употребили возможныя тайныя и явныя средствами разными клеветами возбудить на него гнев Императрицы. И она, как известно, так была раздражена, что хотела примерно наказать пренебрегшаго ея законы. По самую кончину дело сие лежало пред нею на столе. По восшествии на престол Павла брошено оно в архив; а когда воцарился Александр, и Державин сделался генерал-прокурором, то Всеволожский без памяти прискакал из Москвы в Петербург и просил, чтоб помирить их с Дмитриевым, на том основании, как Державин прежде полагал, что и исполнено, и господин Дмитриев получил свое удовольствие. Хотя сие дело совсем не принадлежало до Сената; но как судили его все сенаторы, и Державин против оных противоборствовал, то и помещено оно здесь как бы кстати между делами сего вышняго судилища, в котором желал он сохранить правосудие во всей святости его. И для того, когда господа обер-прокуроры, желая иногда сбить сенаторов с праваго пути, вмешивались в их разсуждения и наклоняли мысли на ту сторону, куда им хотелось, то он, не взирая ни на какия лица и обстоятельства, сажал их на их места, говоря, чтоб они изволили молчать и не мешали разсуждать сенаторам; а когда придет их время, то бы они представляли свои возражения, и ежели они явятся согласными справедливости и законам, тогда уважены будут, с чем иногда возвращались и самые господа генерал-прокуроры, когда они приходили в департамент нарочно по какому-нибудь казенному или частному для них зани-

мательному делу. Угождая им, ежели иногда канцелярия представляла в докладных записках обстоятельства неясно, или наклоняла примечаниями своими на полях на те виды, куды ей желалось, или не давала по непозволению генерал-прокурора на дом дел для усмотрения всех в тонкости обстоятельств; то он имел сшибки не только с обер-секретарями, обер-прокурорами, но и с генерал-прокурорами, а именно с графом Самойловым, а при Павле с князем Куракиным, требуя отдачи обер-секретарей за лживыя примечания в экстрактах под суд. А когда надобно было какое обстоятельство узнать подробнее, а дела на дом к нему не отдавали, то он по воскресеньям и по торжественным праздникам ездил сам в Сенат и там наедине прочитывал кипы бумаг, делал на них замечания, сочинял записки, или и самые голоса; то несносно сие было крючкотворцам, желавшим для польз своих покривить весы правосудия.

В 1794 году генваря 1-го дня к сенаторскому достоинству дано ему место президентское коммерц-коллегии, пост для многих завидный и, кто хотел, нажиточный; но он по ревности своей или, в другом смысле сказать, по глупому честолюбию, думая, что Императрица возвела его для верности и некорыстолюбия, хотел отправлять свое служение по видам польз государственных и законов; но, как ниже усмотрится, вышло совсем тому противное. Императрица, по внушениям князя Потемкина или по собственным своим разсуждениям, думала, что торговля Империи будет с лучшим успехом и пользою управляться по губерниям генерал-губернаторами, а не чрез коммерц-коллегию по инструкции Петра Великаго; и для того, хотя не уничтожила коммерц-коллегию и не издала на то публичнаго указа; но в угодность помянутаго своего вельможи, таврический торг, как и все доходы Тавриды, он единственно заведывал безотчетно, не сносяся ни с государственным казначейством, ни с коммерц-коллегиею. Сообразно тому желала, чтоб и с.-петербургская таможня таким же образом управлялась, то есть чрез нее, ибо она, как думала, сама должность государева наместника отправляла по Петербургской губернии, хотя случалось, в то же время и генерал-губернаторы, как-то Архаров и прочие, определяемы ею были. Поелику же в подробное управление таможен не токмо ей, но и генерал-губернаторам входить неудобно было, то и заступал место по Петербургу коммерц-коллегии президента санкт-

петербургский вице-губернатор, хотя ни мало ему подчинены не были таможни других губерний, которыя имели сношения и связь с с.-петербургским портом. На то время был в Петербурге вице-губернатором Иван Алексеевич Алексеев, опосле бывший сенатор, связанный дружбою с Трощинским, с Новосильцовым и Торсуковым, Перекусихиной и со всею дворскою партиею, противуборствующею Державину. Само по себе видно, что нечего ему было тут ждать; но он должен был исполнить волю Императрицы, которая, сколько догадываться позволено, думала, поверя ему сей наживной пост, наградить его за труды и службу, по должности статс-секретаря понесенные; но Державину сего и в голову не входило, ибо он, напротив того, предполагал сию новую доверенность наилучшим образом заслужить возможною верностию, безкорыстием и честностию, как выше о том сказано.

Словом, вступив в президенты коммерц-коллегии, начал он сбирать сведения и законы, к исправному отправлению должности его относящиеся. Вследствие чего хотел осмотреть складочные на бирже апбары альняные, пеньковые и прочие, а по осмотре вещей, петербургский и кронштатский порты; но ему то воспрещено было, и таможенные директоры и прочие чиновники явное стали делать неуважение и непослушание; а когда прибыл в С. Петербург из Неаполя корабль, на коем от вышеупомянутаго графа Моцениго прислан был в гостинцы кусок атласу жене Державина, то директор Даев, донеся ему о том, спрашивал, показывать ли тот атлас в коносаментах и как с ним поступить; ибо таковые ценовные товары ввозом в то время запрещены были, хотя корабль отплыл из Италии прежде того запрещения и об оном знать не мог. Но со всем тем Державин не велел тот атлас от сведения таможни утаивать, а приказал с ним поступить по тому указу, коим запрещение сделано, то есть отослать его обратно к Моцениго. Директор, видя, что президент не поддался на соблазн, чем бы заслепил он себе глаза и дал таможенным служителям волю плутовать, как и при прежних начальниках, то и вымыслили Алексеев с тем директором клевету на Державина, которой бы замарать его в глазах Императрицы, дабы он доверенности никакой у ней не имел. Донесли Государыне, что будто он после запретительнаго указа выписал тот атлас сам и приказал его ввезти тайно; а как таковые тайно привезенные товары

велено было тем указом жечь, и с тех, кто их выписал, брать штраф, то и получили согласную с тем от Государыни резолюцию. Державин не знал ничего, как вдруг сказывают ему, что публично с барабанным боем пред коммерц-коллегию на площади под именем его сожжены тайно выписанные им товары, и тогда получает директор так-сказать ордер от Алексеева, в коем требует он, чтоб Державин взнес в таможню положенный законом штраф. Такая дерзость бездельническая его как громом поразила; он написал на явных справках и доказательствах основанную записку, в которой изобличалась явно гнусная ложь Алексеева и Даева, и как недопущен был к Императрице, то чрез Зубова подал ту записку и просил по ней его ей доложить; но сколько ни хлопотал, не мог получить не токмо никакой дельной Ея Величества резолюции, но и никакого даже от самого Зубова отзыву.

Потом, вскоре после того, призван он был именем Государыни в дом генерал-прокурора (Самойлова), который объявил ему, что Ея Величеству угодно, дабы он не занимался и не отправлял должности коммерц-коллегии президента, а считался бы оным так, ни во что не мешаясь. Державин требовал письменнаго о том указа; но ему в том отказано. Видя таковое угнетение от той самой власти, которая бы по правоте его сама поддерживать долженствовала, не знал что делать; а наконец, посоветав с женою и с другими, решился подать Императрице письмо о увольнении его от службы. Приехав в Царское Село, где в то время Императрица проживала, адресовался с тем письмом к Зубову; он велел подать чрез статс-секретарей. Просил Безбородку, Турчанинова, Попова, Храповицкаго и Трощинскаго; но никто онаго не приняли, говоря, что не смеют. Итак убедил просьбою камердинера Ивана Михайлова Тюльпина, который был самый честнейший человек и ему благоприятен. Он принял и отнес Императрице. Чрез час время, в который Державин походя по саду, пошел в комнату Зубова наведаться, какой успех письмо его имело, находит его бледнаго, смущеннаго, и сколько он его не вопрошал, ничего не говорящаго; наконец за тайну Тюльпин открыл ему, что Императрица по прочтении письма чрезвычайно разгневалась, так что вышла из себя, и ей было сделалось очень дурно. Поскакали в Петербург за каплями, за лучшими докторами, хотя и были тут дежурные. Державин,

услыша сие, не остался долее в Царском Селе, но не дождавшись резолюции, уехал потихоньку и ждал спокойно своей судьбы; но ничего не вышло, так что он принужден был опять в недоумении своего президентства по-прежнему шататься.

Между тем, как при начале своего вступления в должность президента усмотрел он по балансу, от коммерц-коллегии Императрице поданному, что в 1793 году перевес торговли 31-м миллионом рублей превышал к нашей стороне против иностранных, а курс был не выше 22-х штиверов[76], то и удивился он, как это могло случиться, что нам перевели иностранные чистыми деньгами таковую довольно знатную сумму, а курс был так для нас низок, что будто мы имели нужду перевесть за иностранные товары в чужие краи такое или более количество наличных денег; ибо курс ничто иное как ход денег, в ту или другую сторону требованием оных усугубляющийся. В разсуждении чего и дал он коммерц-коллегии предложение, чтоб она сие обстоятельство в торговле, как можно наивернее, по всем таможням изследовала и уведомила бы его о причине, от чего, когда баланс торга на нашей стороне, а курс на иностранной? Чрез несколько месяцев, коллегия доказательным образом дала знать, что при упадке курса превосходный баланс ничто иное есть как плутовство иностранных купцов с сообществом наших таможенных служителей, и бывает именно от того: выпускные наши товары объявляются настоящею ценою и узаконенныя пошлины в казну с той цены берутся, а иностранные объявляют иногда цену ниже 10-ю процентами, следовательно более десяти частей уменьшают баланс в товарах и более 10-и процентов крадут пошлин. Итак, сравнив количество отпускных товаров наших с иностранными ценовными, выходит баланс на нашей стороне, а действительная выгода торга и курс на иностранной, не говоря о уменьшении пошлин, ибо мы переводим денег 10, а получаем вместо того только 1 процент. Державин, открыв таковую государственную кражу, думал сделать выслугу для Империи и благоугодное Императрице: подал о том рапорт как Сенату, так и ей краткую, но ясную записку; но что же? Вместо оказательства какого-либо ему благоволения, хладнокровно о том замолчали. После, как ниже увидим, вышла еще неприятность. Сказывают, что будто таковая правда была Императрице неприятною, что в ея правление и при ея учреждении

могла она случиться или, лучше, обнаружиться. Вот каково самолюбие в властителях мира! И вред — не вред, и польза — не польза, когда только им они неблагоугодны.— Не будучи Державин по прошению уволен от службы, должен был он остаться и переносить ея горести.

Июля 15-го числа 1794 году скончалась у него первая жена[77]. Не могши быть спокойным о домашних недостатках и по службе неприятностях, чтоб от скуки не уклониться в какой разврат, женился он генваря 31-го дня 1795 году на другой жене, девице Дарье Алексеевне Дьяковой. Он избрал ее так же, как и первую, не по богатству и не по каким-либо светским разсчетам, но по уважению ея разума и добродетелей, которыя узнал гораздо прежде, чем на ней женился, от обращения с сестрою ея Марьею Алексеевною и всем семейством отца ея, бригадира Алексея Афанасьевича Дьякова, и зятьев ея, Николая Александровича Львова, графа Якова Федоровича Стейнбока и Василья Васильевича Капниста, как выше видно, приятелей его[78]. Причиною наиболее было сего союза следующее домашнее приключение. В одно время, сидя в приятельской беседе, первая супруга Державина и вторая, тогда бывшая девица Дьякова, разговорились между собою о счастливом супружестве. Державина сказала: ежели б она г-жа Дьякова вышла за г. Дмитриева, который всякий день почти в доме Державина и коротко был знаком, то бы она не была безсчастна. «Нет», отвечала девица: «найдите мне такого жениха, каков ваш Гаврил Романович, то я пойду за него, и надеюсь, что буду с ним счастлива». Посмеялись и начали другой разговор. Державин, ходя близ их, слышал отзыв о нем девицы, который так в уме его напечатлелся, что, когда он овдовел и примыслил искать себе другую супругу, она всегда воображению его встречалась. Когда же прошло почти 6 месяцев после покойной, и девица Дьякова с сестрою своею графинею Штейнбоковою из Ревеля приехала в Петербург, то он, по обыкновению, как знакомым дамам сделал посещение. Они его весьма ласково приняли; он их звал, когда им вздумается, к себе отобедать. Но поселившаяся в сердце искра любви стала разгораться, и он не мог далее отлагать, чтоб не начать самым делом предпринятаго им намерения, хотя многия богатыя и знатныя невесты — вдовы и девицы — оказывали желание с ним сближиться; но он позабыл всех, и вследствие того на другой день, как у них был, послал

записочку, в которой просил их к себе откушать и дать приказание повару, какия блюда они прикажут для себя изготовить. Сим он думал дать разуметь, что делает хозяйкою одну из званых им прекрасных гостей, разумеется, девицу, к которой записка была надписана. Она с улыбкою ответствовала, что обедать они с сестрою будут, а какое кушанье приказать приготовить, в его состоит воле. Итак они у него обедали; но о любви или, простее сказать, о сватовстве никакой речи не было.— На другой или на третий день поутру, зайдя посетить их и нашед случай с одной невестой говорить, открылся ей в своем намерении, и как не было между ими никакой пылкой страсти, ибо жениху было более 50-и, а невесте около 30-и лет, то и соединение их долженствовало основываться более на дружестве и благопристойной жизни, нежели на нежном страстном сопряжении. Вследствие чего отвечала она, что она принимает за честь себе его намерение, но подумает, можно ли решиться в разсуждении прожитка; а он объявил ей свое состояние, обещав прислать приходныя и расходныя свои книги, из коих бы усмотрела, может ли она содержать дом сообразно с чином и летами. Книги у ней пробыли недели две, и она ничего не говорила. Наконец сказала, что она согласна вступить с ним в супружество. Таким образом совокупил свою судьбу с сей добродетельной и умной девицею, хотя не пламенною романическою любовью, но благоразумием, уважением друг друга и крепким союзом дружбы. Она своим хозяйством и прилежным смотрением за домом не токмо доходы нашла достаточными для их прожитка; но, поправив разстроенное состояние, присовокупила в течение 17-и лет недвижимаго имения, считая с великолепными пристройками домов, едва ли не половину, так что в 1812 году, когда сии Записки писаны, было за ними вообще в разных губерниях уже около 2000 душ и два в Петербурге каменные знатные дома[79].

В течение 1795 года он пытался еще лично проситься у Государыни хотя не в отставку, но в отпуск на год, для поправления своей экономии. Государыня ответствовала, что она прикажет записать о том указ в Сенате генерал-прокурору; но вместо того, состоявшимся чрез несколько дней указом по случаю открывавшагося в государственном заемном банке расхищения сумм, до 600,000 рублев, определен он в коммиссию для изследования той покражи.

<...> Но возвратимся еще к остатку царствования Екатерины. В продолжение 1795 и 1796 года случились с Державиным еще примечательныя события.

Первое. По желанию Императрицы, как выше сказано, чтоб Державин продолжал писать в честь ея более в роде Фелицы, хотя дал он ей в том слово, но не мог онаго сдержать по причине разных придворных каверз, коими его безпрестанно раздражали: не мог он воспламенить так своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями. Сколько раз ни принимался, сидя по неделе для того запершись в своем кабинете, но ничего не в состоянии был такого сделать, чем бы он был доволен: все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев, у коих только слышны слова, а не мысли и чувства.— Итак не знал, что делать; но как покойная жена его любила его сочинения, с жаром и мастерски нередко читывала их при своих приятелях, то из разных лоскутков собрала она их в одну тетрадь (которая хранится ныне в библиотеке графа Алексея Ивановича Пушкина в Москве) и переписав начисто своею рукою, хранила у себя. Когда же муж безпокоился, что не может ничего по обещанию своему сделать для Императрицы, то она советовала поднести ей то, что уже написано, в числе коих были и такие пиесы, кои еще до сведения ея не доходили; сказав сие, подала к удивлению его переписанную ею тетрадь. Не имея другаго средства исполнить волю Государыни, обрадовался он сему собранию чрезвычайно. Просил приятеля своего Алексея Николаевича Оленина нарисовать ко всякой поэмке приличныя картинки (виньеты), и, переплетя в одну книгу, с посвятительным письмом, поднес лично в ноябре 1795 году. Государыня, приняв оную, как казалось с благоволением, занималась чтением оной сама, как камердинер ея г. Тюльпин сказывал, двои сутки; но по прочтении отдала г. Безбородке, а сей г. Трощинскому,— с каковым намерением, неизвестно. Недели с две прошло, что никто ни слова не говорил; но только, когда по воскресеньям приезживал автор к двору, то приметил в Императрице к себе холодность, а окружающие ее бегали его, как бы боясь с ним даже и встретиться, не токмо говорить. Не мог он придумать, что тому была за причина. Наконец, в третье воскресенье решился он спросить Безбородку, говоря: слышно, что

Государыня сочинения его отдала его сиятельству, то с чем, и будут ли они отпечатаны? Он, услышав от него вопрос сей, побежал прочь, бормоча что-то, чего не можно было выразуметь. Не зная, что это значит, и будучи зван тогда обедать к графу Алексею Ивановичу Пушкину, поехал к нему. Там встретился с ним хороший его приятель Яков Иванович Булгаков, что был при Екатерине посланником при Оттоманской Порте, а при Павле генерал-губернатором в Польских губерниях. Он спросил его: «Что ты, братец, пишешь за якобинские стихи?» — «Какие?» — «Ты переложил псалом 81-й, который не может быть двору приятен».— «Царь Давид», сказал Державин, «не был якобинец, следовательно песни его не могут быть никому противными».— «Однако», заключил он, «по нынешним обстоятельствам дурно такие стихи писать». Но гораздо после того Державин узнал от француженки Леблер, бывшей у племянниц его Львовых учительницей, что во время французской революции в Париже сей самый псалом был якобинцами перефразирован и пет по улицам для подкрепления народнаго возмущения против Людовика XVI. Как Державин тогда совсем того не знал, то и был спокоен; но, приехав от графа Пушкина с обеда, ввечеру услышал он от посетившаго его г. Дмитриева, того самого, о коем выше сказано, что будто велено его секретно (разумеется, чрез Шишковскаго) спросить, для чего он и с каким намерением пишет такие стихи. Державин почувствовал подыск вельмож, ему недоброжелательных, что неприятно им видеть в оде Вельможа и прочих его стихотворениях развратныя их лицеизображения: тотчас, не дождавшись ни от кого вопросов, сел за бюро и написал анекдот, который можно читать в прозаических его сочинениях в V-й части, в коем ясно доказал, что тот 81-й псалом перефразирован им без всякаго дурнаго намерения и напечатан в месячных изданиях под именем Зеркало Света в 1786[80] году, присовокупя к тому свои разсуждения, что если он тогда не произвел никакого зла, как и подобные ему иные стихи, то и ныне не произведет. Запечатав в три пакета, при кратких своих письмах послал он тот анекдот к трем ближайшим в то время к Императрице особам, а именно: к князю Зубову (фавориту), к графу Безбородке и к Трощинскому, у котораго на разсмотрении сочинения его находились. В следующее воскресенье по обыкновению поехал он во дворец. Увидел против преж-

няго благоприятную перемену: Государыня милостиво пожаловала ему поцеловать руку; вельможи приятельски с ним разговаривали и, словом, как рукой сняло: все обошлись с ним так, как ничего не бывало. Г. Грибовский, бывший у него в Олонце секретарем, а тогда при Императрице статс-секретарь, всем ему обязанный (а тогда его первый неприятель, который, как слышно было, читал пред Императрицей тот анекдот), смотря на него с родом удивления, только улыбался, не говоря ни слова. Но при всем том сочинения его Державина в свет не вышли, а отданы были еще на просмотрение любимцу Императрицы, князю Зубову, которыя у него хотя нередко в кабинете на столике видал, но не слыхал от него ни одного слова, где они и пролежали целый почти 1796 год, то есть по самую Императрицы кончину. А после оной, в царствование Павла, Державин, как ниже будет видно, быв в Государственном Совете, имел случай чрез г. статс-секретаря Нелединскаго к себе их возвратить. В 1810 же или 1811 году подарил их с своею надписью в библиотеку г. Дубровскаго, где и теперь они должны находиться[81].

Второе. При разделении с Пруссиею и Австриею Польши имянным указом 1795 года, данным коммерц-коллегии, повелела таможенную сухопутную стражу перевесть на новую границу, именно с *старыми таможенными чиновниками*; но, как видно выше, что генерал-губернаторы старались всеми мерами присвоить себе власть сей коллегии по таможенным чиновникам и всем делам, то будучи тогда наместником Польских губерний, упоминаемый уже выше генерал-поручик Тимофей Тутолмин, не снесясь ни с коллегиею, ни с президентом ея Державиным, определил своих директоров, цолнеров и прочих таможенных служителей. Старые, будучи тем обижены и лишены в жалованье своего пропитания, приступили с жалобами и воплями своими к президенту. Сей требовал от генерал-губернатора по крайней мере за известие списка, чтоб знать старым чиновникам, кому их должности отдавать. Но сей, надеясь на Зубова, которому он подлым образом ласкал и угождал, пренебрег его, ничего не отвечал, а прислал только без всякаго своего подписания имянной реестр чиновникам с отметкою против каждаго, по чьей рекомендации он определен, в которых значилось, что те определены по рекомендации князя, другия графа Валериана, третьи графа Николая,

четвертые графа Дмитрия[82] и прочих их родственников и приятелей. Таковаго презрения не токмо личнаго президенту, но и самой высочайшей воле Императрицы, изображенной в сказанном указе, чтоб оставить старых чиновников, Державин не мог снесть и, надеясь сколько на справедливость, столько на верность наперсника к высочайшей своей Обладательнице, что он подкрепит ея волю, пошел к нему и показал как тот присланный к нему не подписанный никем реестр, так и указ Государыни, будучи твердо уверен, что он возьмет его сторону. Но против всякаго чаяния он стал оправдывать Тутолмина и с жаром выговаривал, что он напрасно идет по следам предместника своего, графа Воронцова, удерживая таможни и чиновников их под своей властию. Державин доказывал противное указом Императрицы, объясняя, что предместник его, граф Воронцов, начальствуя таможнями и их чиновниками, поступал по своей должности; но любимец возражал противное, говоря, что князь Потемкин, его предместник (ибо тогда он Зубов был Таврическим губернатором), определял сам таможенных чиновников в вверенных ему губерниях: то и он также, а равно Тутолмин должен поступать. Державин говорил, что князь Потемкин был сильный человек и вертел дела, как хотел, то и ваша светлость по единому только фавору делать можете, что хотите, а он напротив того (как) человек без всякой подпоры, то единственно и должен исполнять волю Государыни своей и законов, а ни чью другую. Словом, чрез таковое противоречие вышел довольно горячий разговор, так что любимец оказал свое негодование, и Державин в горячности пошел прямо в покои к Императрице, где, приказав доложить о себе, подал ей лично помянутый реестр о новых таможенных чиновниках с отметками, по чьей рекомендации они определены, донеся притом, что по указу ея должны оставаться при своих местах старые чиновники, но она изволит увидеть, что определены другие. Она, приметив, может быть, пасмурную его физиономию, сказала, что она разсмотрит. И несколько дней спустя, когда он случился в кавалерской выслала г. Трощинскаго и велела ему сказать Державину, чтоб он не безпокоился по делам коммерц-коллегии; она велит ее уничтожить, и действительно состоялся в 1795 году указ, что коммерц-коллегии более не быть, что впредь коммерческия дела ведать казенным палатам тех губерний, где которыя состоят,

и что наконец для сдачи в архив старых дел остаться ей только до наступающаго новаго года. Державин тогда чрез господина Трощинскаго ответствовал, что воля Ея Величества: может она уничтожить и не уничтожить коллегию, как ей угодно, для него все равно; но только он рад, что избавится чрез то такого места, которое много делает ему неприятнаго и за которое он однакоже ответствовать был должен по законам. Были и после в продолжение остатка 1796 года некоторыя ему по сей коллегии неприятности, между прочим и по сообщениям коллегии иностранных дел, что сия последняя отрекалась от своего сообщения в разсуждении нейтральной торговли с Французами и обратила вину свою на первую; но всех каверз и криводушничества, разными министрами чинимаго против Державина в продолжение царствования Императрицы Екатерины, описывать было бы весьма пространно; довольно сказать того, что она окончила дни свои — не по чувствованию собственнаго своего сердца, ибо Державин ничем пред ней по справедливости не провинился, но по внушениям его недоброжелателей — нарочито в неблагоприятном расположении.

Конец же ея случился в 1796 году, ноября в 6-й день, в 9-м часу утра. Она, по обыкновению, встала поутру в 7-м часу здорова, занималась писанием продолжения Записок касательно Российской Истории, напилась кофею, обмакнула перо в чернильницу и, не дописав начатаго речения, встала, пошла по позыву естественной нужды в отделенную камеру, и там от эпилептическаго удара скончалась. Приписывают причину толь скоропостижной смерти воспалению ея крови от досады, причиненной упрямством шведскаго королевича, что он отрекся от браку с великою княжною Александрою Павловною; но как сия материя не входит своим событием в приключения жизни Державина, то здесь и не помещается. Но что касается до него, то, начав ей служить, как выше видно, от солдатства, слишком чрез 35 лет дошел до знаменитых чинов, отправляя безпорочно и безкорыстно все возложенныя на него должности, удостоился быть при ней лично, принимать и исполнять ея повеления с довольною доверенностью; но никогда не носил отличной милости и не получал за верную службу какого-либо особливаго награждения (как прочия его собратья, Трощинский, Попов, Грибовский и иные многие: он даже просил, по крайнему своему недостатку, обратить жалованье его в пансион,

но и того не сделано до выпуску его из статс-секретарей) деревнями, богатыми вещами и деньгами, знатными суммами, кроме, как выше сказано, пожаловано ему 300 душ в Белоруссии, за спасение колоний, с которых он во всем получал доходу серебром не более трех рублей с души, то есть 1000 рублей, а ассигнациями в последнее время до 2000 рублей, да в разныя времена за стихотворения свои подарков, то есть: за оду Фелице золотую табакерку с брилиантами и 500 червонцев, *(за оду)* на взятье Измаила золотую же табакерку, да за тариф — с брилиантами же табакерку, по назначению, на билете ея рукою подписанному: *Державину*, получил после уже ея кончины от Императора Павла. Но должно по всей справедливости признать за безценнейшее всех награждений, что она, при всех гонениях сильных и многих неприятелей, не лишала его своего покровительства и не давала так-сказать задушить его; однакоже и не давала торжествовать явно над ними огласкою его справедливости и верной службы или особливою какою-либо доверенностию, которую она к прочим оказывала. Коротко сказать, сия мудрая и сильная Государыня, ежели в суждении строгаго потомства не удержит на вечность имя Великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своим окружающим; а паче своим любимцам, как бы боясь раздражить их; и потому добродетель не могла так-сказать сквозь сей чесночняк пробиться, и вознестись до надлежащаго величия. Но если разсуждать, что она была человек, что первый шаг ея восшествия на престол был не непорочен, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, против которых явно возставать может быть и опасалась; ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла к изгибам по своим прихотям с любимцами, а особливо в последние годы, князем Потемкиным упоена была славою своих побед, то уже ни о чем другом и не думала, как только о покорении скипетру своему новых царств. Поелику же дух Державина склонен был всегда к морали, то если он и писал в похвалу торжеств ея стихи, всегда однако обращался аллегориею, или каким другим тонким образом к истине, а потому и не мог быть в сердце ея вовсе приятным. Но как бы то ни было, да благословенна будет память такой Государыни, при которой Россия благоденствовала и которую долго не забудет.

ОТДЕЛЕНИЕ VII

Царствование Императора Павла

Ноября 6-го дня 1796 году, поутру часу в 11-м, получил Державин сведение от служившаго при Кабинете надворнаго советника, бывшаго при нем секретарем, Маклакова, что Государыня занемогла (хотя тогда уже она, как выше сказано, от удара скончалась), и как это иногда случалось, то и уважения большаго сия неприятная ведомость не имела; но после обеда, часу в 6-м, уведомился от товарища своего сенатора Семена Александровича Неплюева, что она отыде сего света: то поехали они во дворец и нашли ее уже среди спальни лежащую, покрытую белою простынею. Державин, имев вход в внутренние чертоги, вошел туда и, облобызав по обычаю тело, простился с нею с пролитием источников слез. Вскоре приехал сын ея, Наследник или новый Император Павел. Тотчас во дворце прияло все другой вид, загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом. Но описывать в подробности всех происшествий, тогда случившихся, было бы здесь излишно, ибо они принадлежат до государственной истории, а не до частной жизни Державина. Он на другой день, вообще с прочими государственными чинами, в сенатской церкви принес присягу. Потом отправил все погребательные церемонии, быв не один раз дежурным как во дворце при теле новопреставльшейся Императрицы, так и в Невском монастыре при гробе покойнаго Императора Петра III (ибо Павел восхотел соединить тела их в одной могиле в крепости Св. апостола Павла, в соборной церкви) и наконец и при самом погребении, оставаясь всё сенатором и коммерц-коллегии президентом. Но скоро вышел от Императора указ о возстановлении на прежних Петра Великаго правах всех государственных коллегий, в том числе и коммерц, и в то же время, поутру в один день рано, придворный ездовой лакей привез от Императора повеление, чтоб он тотчас ехал во дворец и велел доложить о себе чрез камердинера Его Величеству. Державин сие исполнил. Приехал во дворец, еще было темно, дал знать о себе камердинеру Кутайцову[84], и коль скоро разсвело, отворили ему в кабинет двери. Государь, дав ему поцеловать руку, принял его чрезвычайно милостиво и, наговорив множество похвал,

сказал, что он знает его со стороны честнаго, умнаго, безынтереснаго и дельнаго человека, то и хочет его сделать правителем своего Верховнаго Совета, дозволив ему вход к себе во всякое время, и если что теперь имеет, то чтобы сказал ему, ничего не опасаясь. Державин, поблагодаря его, отозвался, что он рад ему служить со всею ревностию, ежели Его Величеству угодно будет любить правду, как любил ее Петр Великий. По сих словах взглянул он на него пламенным взором; однако весьма милостиво раскланялся. Это было в понедельник. Во вторник действительно вышел указ об определении его, но не в *правители Совета*, как ему Император сказал, а в правители *канцелярии Совета*, в чем великая есть разница, ибо правитель Совета мог быть как генерал-прокурор в Сенате, то есть пропустить или не пропустить определение, а правитель канцелярии только управлять оною. Сие его повергло в недоумение, и для *(того)* во вторник и в среду, делая визиты членам Совета, искренно некоторым из них открыл, что он, будучи сенатором, не знает как поступить и для того решился попросить у Государя инструкции. Ему сие присоветовали, тем паче как Стефан Федорович Стрекалов сказал, что в первую турецкую войну дана была покойною Императрицею инструкция, но единственно на военныя действия, а когда та война кончилась, и начали вступать в Совет и гражданския дела, то Государыня, первую инструкцию взяв, хотела издать другую; но по препятствиям, оказываемым князем Вяземским, день от дня отлагала.

Настал четверг, то есть день советский. Державин, приехав в оный, не знал, как ему себя вести, и для того, не садясь ни за стол членов, ни за стол правителя канцелярии, слушал дела стоя или ходя вокруг присутствующих. По окончании заседания князь Александр Борисович Куракин[85], встав, приказывал, что когда напишется протокол о делах, о коих разсуждали, то чтоб оный привез он к нему для поднесения Императору. Сие его пуще смутило, ибо изустно слышал от Государя, что он ему во всякое время с делами дозволил к себе доступ; а как он во все дни сии имел счастие, с прочими членами Совета, приглашаем быть к обеду и ужину Его Величества, то имел случай говорить и с самим Куракиным о своем намерении просить инструкции, дав ему почувствовать, что ему самому вход Император к себе дозволил. Хотя сей вельможа на то был согласен, однако (как)

Державин опосле узнал, что он был им всем неприятен, ибо по собственному своему выбору, а не по их представлению Государь посадил его в Совет. Вследствие чего и нашли они минуты сделать на него разные неблагоприятныя внушения, как между прочим, что Державин низким почитает для себя быть из сенаторов правителем канцелярии Совета; что Вейдемейер, бывший тогда оным, считает тем себя обиженным. Но как бы то ни было, Державин, следуя твердо своему намерению, приехал во дворец рано поутру в пятницу просить инструкции. Его не допустили, потому что все утро занимал его *(Государя)* канцлер Остерман[86], и тут-то, как опосле слышно было, по направлению других, а именно графа Безбородки (ибо он сам был честнейший человек), вышесказанныя сделал Императору внушения. По сей причине принужден был в пятницу ехать ни с чем домой; а в субботу, долго ожидав, был принят, казалось, довольно ласково. Он спросил: «Что вы, Гавриил Романович?» Сей ответствовал: «По воле вашей, Государь, был в Совете; но не знаю, что́ мне делать».— «Как, не знаете? делайте, что́ Самойлов делал». (Самойлов был при Государыне правителем канцелярии Совета, числяясь при дворе камергером). «Я не знаю, делал ли что он: в Совете никаких его бумаг нет, а сказывают, что он носил только Государыне протоколы Совета, потому осмеливаюсь просить инструкции».— «Хорошо, предоставьте мне». Сим бы кончить должно было; но Державин по той свободе, которую имел при докладах у покойной Императрицы, продолжав речь, сказал: не знает он, что сидеть ли ему в Совете, или стоять, то есть быть ли присутствующим, или начальствующим канцелярии. С сим словом вспыхнул Император; глаза его как молньи засверкали, и он, отворя двери, во весь голос закричал стоящим пред кабинетом Архарову, Трощинскому и прочим, из коих первый тогда был в великом фаворе: *Слушайте: он почитает быть в Совете себя лишним,* а оборотясь к нему: *Поди назад в Сенат и сиди у меня там смирно, а не то я тебя проучу.* Державин как громом был поражен таковым царским гневом и в безпамятьи довольно громко сказал в зале стоящим: «Ждите, будет от этого царя[87] толк». После сего выехал из дворца с великим огорчением, размышляя в себе: ежели за то, что просил инструкции, дабы вернее отправлять свою должность, заслужил гнев Государя, то что бы было, когда*(б)*, не имея оной, сделал какую

погрешность, а особливо в толь критическое время, когда все прежния учреждения Петра Великаго и Екатерины зачали сумасбродно без всякой нужды коверкать. В таковых мыслях приехав домой, не мог удержаться от горестнаго смеха, разсказывая жене с ним случившееся. Скоро после того услышал, что в Сенат прислан имянной указ, в коем сказано, что он отсылается назад в сие правительство за дерзость, оказанную Государю; а кавалергардам дано повеление, чтоб его не впускать во время собрания в кавалерскую залу.

Таковое посрамление узнав, родственники собрались к нему и, с женою вместе осыпав его со всех сторон журьбою, что он бранится с царями и не может ни с кем ужиться, принудили его искать средств преклонить на милость Монарха. Не знал он, что делать и кого просить. Многие вельможи, окружавшие Государя, хотя были ему знакомы и оказывали прежде благоприятности, но не имели духа и чувства сострадания, а жили только для себя; то он их и не хотел безпокоить, а по прославляемым столь много добродетелям и христианскому житию, казалось ему лучше всех прибегнуть к князю Николаю Васильевичу Репнину, котораго Государь тогда уважал, и что, как все говорили, он склонен был к благотворению: то он и поехал к нему поутру рано, когда у него еще никого не было и он был в кабинете, или в спальной своей еще только одевался. Приказал о себе доложить, дожидаясь в другой комнате, и как они разделены были одной стеной, или дверью, завешенною сукном, то и слышен был голос докладчика, который к нему вошел. Он ему сказал: «Пришел сенатор и хочет вас видеть».— «Кто такой?» — «Державин». — «Зачем?» — «Не знаю».— «Пусть подождет». Наконец, после хорошаго часа, вышел, и с надменным весьма видом спросил: «Что вы?» Он ему пересказал случившееся с ним происшествие. Он, показав презрение и отвернувшись, сказал: «Это не мое дело мирить вас с Государем». С сим словом Державин поклонясь вышел, почувствовав в душе своей во всей силе омерзение к человеку, который носит на себе личину благочестия и любви к ближнему, а в сердце адскую гордость и лицемерие. Скоро после того низость души сего князя узнали и многие, и Император его от себя отдалил[88]. Таковы-то почти все святоши; но как бы то ни было, Державин, по ропоту домашних, был в крайнем огорчении и наконец вздумал он, без всякой посторонней

помощи, возвратить к себе благоволение Монарха посредством своего таланта. Он написал оду на восшествие его на престол, напечатанную во второй части его сочинений под надписью «Ода на новый 1797 год» и послал ее к Императору чрез Сергея Ивановича Плещеева. Она полюбилась и имела свой успех. Император позволил ему чрез адъютанта своего князя Шаховскаго приехать во дворец и представиться, и тогда же дан приказ кавалергардскому начальнику впускать его в кавалерскую залу по-прежнему.

Между тем в те дни, как он почитался в Совете, неприятели его смастерили выжить из коммерц-коллегии, которая возстановлена в превосходнейшее достоинство, чем учреждена была с самого начала Петром Великим, ибо и коммиссия о коммерции и таможенная канцелярия, все заключалось в ней. Президентом пожалован тайный советник Петр Александрович Соймонов, и Державин, по исключении его из Совета, остался только в Сенате в межевом департаменте, и там, когда случались спорныя и шумливыя дела, то он шутя повторял императорския слова: «мне велено сидеть смирно, то делайте вы как хотите; а я сказал уже мою резолюцию». Однакоже в сие время многие прибегали к нему утесненные, прося быть третейским судьею в их запутанных и долго продолжающихся тяжбах, и также отдавали себя и их имения по разстроенным от долгов их обстоятельствам. Хотя таковая общественная доверенность к нему началась еще в царствование Екатерины, но при Павле до такой степени возросла, что он имел в управлении своем 8-мь опек, а именно: 1, госпож Фурсовых; 2, графа Чернышева; 3, князя Гагарина; 4, графини Брюсовой; 5, князя Голицына; 6, графини Матюшкиной; 7, генерала Зорича; 8, госпожи Колтовской, кроме посторонних, которые требовали от него советов, как-то сенатора Самарина и графа Апраксина, для которых иногда писывал нарочито трудныя бумаги. Хотя с имений, состоящих в его попечительстве, получал он ежегоднаго дохода до миллиона рублей, но не пользовался определенными по законам и пятью процентами, почитая низким служить своему брату из-за платы. Касательно ж третейских судов важных и не важных, по имянному указу и по обоюдному согласию тяжущихся, с посредниками и без посредников, решил близ сотни; но по именам их назвать трудно, а упомяну несколько знаменитейших. А именно назову: 1, покойнаго Евдокима

Никитича Демидова оставшуюся вдову с детьми ея, с имением более миллиона; 2, графа Матвея Федоровича Апраксина с супругою его; 3, графа Федора Григорьевича Орлова с генеральшею Фурсовою; 4, графа Моцениго с банкиром Сутерландом; 5, англинскаго купца Ямеса с компаниею; 6, Анну Александровну Лопухину с ея деверем; 7, графиню Брюс с графом Мусиным-Пушкиным; 8, многих кредиторов графа Чернышева и князя Гагарина; 9, графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина с Иваном Ивановичем Шуваловым; 10, родных братьев Александра и Дмитрия Львовичей Нарышкиных в разделе между ими имения; 11, зятя их, польскаго графа, по фамилии не упомню; 12, генерал-маиора Маркловскаго с генерал-прокурором Самойловым и прочими наследниками покойнаго князя Потемкина, и других многих, как выше сказано, о которых не упомню.

<...> В наступившем 1798 году Державин получил, по избранию самого Императора, кроме вверенных опек графини Брюс, князя Голицына и госпожи Колтовской, новыя коммиссии, а именно в мае месяце велено было ему ехать в Вятскую губернию для следования посыланных туда сенаторов Ивана Володимировича Лопухина и Матвея Григорьевича Спиридонова, которые в рапорте своем Императору донесли о некоторых сделанных ими положениях против законов и несоответственно данной им власти. Но Державин искусно умел от сей хлопотливой посылки отделаться, сказав, что он сейчас готов ехать, но думает, что не будет никакой в том пользы, но напротив может выйти из сего новое следствие, для того, что один сенатор против двух сенаторов вероятия правительства не заслужит, ежели он и действительно найдет какие их безпорядки, а лучше пусть Правительствующий Сенат, сообразив сделанное ими с законами и найдя их самыя погрешности, их прикажет исправить; тогда они не столько могут обидеться, как тем, что бы один равный им собрат сделал. Уважено было сие разсуждение, и посылка без всякаго гнева императорскаго отменена. Но только лишь сия история прошла, поручена, по имянному же указу, вышеупомянутая опека г-жи Колтовской, которая была весьма щекотлива, потому что Император в нее влюбился, и хотел, по его нраву, круто благосостояние ея исправить; словом, опека сия в последствии времени, как ниже увидим, имела важное влияние на устройство всего государственнаго состава относительно производ-

ства дел. Не успел сего указа не только выполнить, но и собрать по нем нужных сведений о имениях и делах госпожи Колтовской, как получил еще имянной указ ехать тотчас в Белоруссию и, по оказавшемуся там великому в хлебе недостатку, сделать такие распоряжения, чтоб не умирали обыватели с голоду. Ни денег на покупку хлеба, ни других каких пособий не дано, а велено казенныя староства, пожалованныя владельцам на урочные годы, поверить с их контрактами, и ежели где оные во всей силе не соблюдены, то отобрать те имения по-прежнему в казенное ведомство. Но и собственные владельческие крестьяне, ежели где усмотрены будут не снабденными от владельцев хлебом и претерпевающие голод, то отобрав от них, отдать под опеку. <...>

Державин, приехав в Белоруссию, самолично дознал великий недостаток у поселян в хлебе или, лучше, самый сильный голод, что питались почти все пареною травою, с пересыпкою самым малым количеством муки или круп. В отвращение чего, разведав у кого богатых владельцев в запасных магазейнах есть хлеб, на основании *(указа)* Петра Великаго 1722 года, *(велел)* взять заимообразно и раздать бедным, с тем чтоб, при приближающейся жатве, немедленно такое же количество возвратить тем, у кого что взято. А между *(тем)*, проезжая деревни г. Огинскаго, под Витебском находящияся, зашел в избы крестьянския, и увидев, что они едят пареную траву и так тощи и бледны, как мертвые, призвал прикащика и спросил, для чего крестьяне доведены до такого жалостнаго состояния, что им не ссужают хлеба. Он, вместо ответа, показал мне повеление господина, в котором повелевалось непременно с них собрать, вместо подвод в Ригу, всякий год посылаемых, по два рубли серебром. «Вот», сказал при том, «ежели бы и нашлись у кого какие денжонки на покупку пропитания, то исполнить должны сию господскую повинность». Усмотря таковое немилосердное сдирство, послал тотчас в губернское правление предложение, приказал сию деревню графа Огинскаго взять в опеку по силе даннаго ему имяннаго повеления. Услыша таковую строгость, дворянство возбудилось от дремучки или, лучше сказать, от жестокаго равнодушия к человечеству: употребило все способы к прокормлению крестьян, достав хлеб от соседственных губерний. Также сведав, что жиды, из своего корыстолюбия, выманивая у крестьян хлеб попойками, обращают оный паки в вино и тем оголожают,

приказал винокуренные заводы их в деревне Лёзне запретить, и прочия сделал распоряжения, сберегающия и пособляющия к промыслу хлеба. А как было уже это в исходе июня и чрез два месяца поспевала жатва, то, разными способами пробавившись до оной, пресек голод. В течение сего времени, разъезжая по губернии, дал приказание капитан-исправникам и повстовым маршалам пересвидетельствовать все казенныя староства и поверить их с контрактами; относительно ж крестьянскаго имущества, угодий, скота и пашенной земли, не оставались ли оныя у вас *(у них?)* против того количества, в каковом приняты из казны в частное содержание; а чтобы они сие сделали без всякаго подлога с наилучшею верностью, то обещал репорты их и ведомости лично сам в селениях поверить с натурою, что он по некоторым важным староствам и учинил действительно, а тем самым привел в такой страх предводителей, исправников, прикащиков и самых поселян, что никто не смел ничего солгать. Так же, во время сего объезда своего, собрал сведения от благоразумнейших обывателей, от Иезуитской академии, всех присутственных мест, дворянства и купечества и самых казаков, относительно образа жизни жидов, их промыслов, обманов и всех ухищрений и уловок, коими они уловляют и оголожают глупых и бедных поселян, и какими средствами можно оборонить от них несмысленную чернь, а им доставить честное и не зазорное пропитание, водворя их в собственные свои города и селения, учинить полезными гражданами; равным образом, как поправить в Белоруссии хлебопашество, которое весьма небрежно отправляется. Все таковые сведения, как об арендах, так и Евреях, велел себе доставить к 1-му сентябрю в Витебск, куды к сему времени приехав, сочинил о Евреях обстоятельное мнение, основанное на ссылках исторических, общежительских сведениях и канцелярских актах[89]; а об арендах — табель, из которой ясно видно, в каждом старостве какое число душ, земли, угодий, скота и прочаго имущества было принято арендаторами из казны и действительно существует.

В сие время получено имянное повеление принять в свое попечительство вышесказанное шкловское имение генерал-маиора Зорича; то между тем как мнение о Евреях и табель переписывались набело, ездил в шкловское имение для принятия онаго в свое ведомство от опекунов, графа Толстаго и помещика Чаплица. Сделав нужное там рас-

поряжение, поехал обратно в Шклов, а оттуда в Петербург в октябре месяце. Надобно заметить, что по сим трем поручениям, т. е. прокормлению губернии, описанию старосте и описанию Евреев, скорое и основательное исполнение императорских повелений доставило Державину в августе еще месяце не токмо что в рескриптах монаршее благоволение, но и чин действительнаго тайнаго советника и орден, тогда бывший в великой моде малтийский Иоанна Иерусалимскаго[90]. Случилась также и неприятность: дворянство, за то что велел он им кормить своих крестьян и наложил на имение Огинскаго опеку, сделало комплот или стачку и послало на Державина оклеветание к Императору; но согласительныя их письма переловлены и доставлены в Петербург. Император по пылкому своему нраву подумал, что замышляют на него бунт, приказал-было, по сообщению Державина, военным начальникам, находящимся с полками в Полоцке, действовать на них военною рукою, но Державин представлениями своими его успокоил. Губернский только предводитель статский советник Заряпко[91] сослан был в ссылку в Тобольск; но едва туды доехал, то был освобожден по ходатайству Державина при вступлении на престол Императора Александра.

Исполнением сих коммиссий Державин пришел-было у Императора Павла в великое уважение и доверенность. Не успел он по повелению его возвратиться в Петербург, как и сделан паки президентом коммерц-коллегии в августе еще месяце. На возвратном пути заехал в Гатчино и остановился, по благоприятству к нему тогдашняго генерал-прокурора Петра Хрисанфовича Обольянинова, во дворце, в его покоях. Тут хозяин объявил ему, что он президент коммерции, чего Державин до того времени не знал. Сей удивился и спросил, по какой причине пал на него сей выбор Императора. Обольянинов ответствовал, что предместник его князь Гагарин «подозревается им покровительствующим Англичанам, которых он не терпит, и не имеет к нему большой доверенности, то и нашел достойным вас».— «Но где же Гагарин?» — «Он сделан министром коммерции, а вы президентом с полною доверенностью».— «В чем же та состоит доверенность?» — Тогда генерал-прокурор показал печатную инструкцию, из которой Державин усмотрел, что министр управляет коммерциею, определяет и отрешает непосредственно чиновников, смотрит за таможнями, делает предписания консулам,

составляет торговые трактаты и тарифы и предлагает, по конфирмации, коллегии, которая все его распоряжения исполняет, а буде усмотрит что противное законам и пользе государственной, доносит о том Сенату; впрочем наблюдает порядок в производстве дел и хранит их в архиве. «Где же», Державин сказал, «полная ко мне доверенность? я ничто иное, как рогожная чучела, которую будут набивать бумагами; а голова, руки и ноги, действующие коммерциею — князь Гагарин».— «Так угодно было Государю», изменяясь в лице, ответствовал генерал-прокурор. Опосле Державин узнал, что Государь имел полную доверенность к Державину по известному всем безкорыстию его и хотел президента коллегии по исполнительной части уважить, а министра учредить для изобретения лучших средств к распространению оной; но по придворной интриге, что князя Лопухина дочь была любовница императорская, которою посредствовал ему, по дружбе с отцом, князь Гагарин, следовательно и состоял под покровительством ея, а потому в угодность ли ей сам Император таковую инструкцию велел сочинить, или генерал-прокурор в угодность ей же и Кутайцову, за котораго сыном была дочь Лопухина, вместе с Лопухиным и Гагариным составили. Или Император, зная строгия правила Державина следовать во всем законам и не уступать в том никому, то нарочно поставил его с князем Гагариным в таком соотношении, чтоб он с ним ссорился и выводил дела его наружу, дабы удобнее ему было, по пословице, чужими руками жар загребать. А как сие ближе было других причин к истине, то Державин, переговоря с Гагариным, условились не делать ничего прежде публично, пока друг с другом не согласятся, дабы не быть жертвами такого неприязненнаго замысла. Таким образом пошло у них дело гладко и безссорно. Пространно бы было описывать все несообразныя с здравым разсудком повеления; но скажу вкратце о трех. *Первое*, приказал, в коллегии, в общем собрании знатных купцов и адмирала Кушелева, сделать постановление о внутреннем судоходстве, то есть какой конструкции где строить суда, к хождению по рекам удобнейшия; вследствие чего в собрании коллегия объявила свое мнение, адмирал свое, а купечество свое, и как в указе предписано не было в случае разных мнений представить Сенату, а поднести прямо Государю: то и вышла его резолюция, надписанная его рукою над всеми теми мне-

ниями: «Быть по сему». Никто не осмелился спросить изъяснения; так напечатано и публиковано. *Второе,* приказал непременно узнать, в какое время аглинских капиталов более у нас в России, нежели наших в Англии, для того чтоб, как опосле открылось, в удобнейшее время наложить на их товары амбарго; а как таковое же приказание прежде дано было и князю Гагарину, и, против всех политических просвещенных народов прав, отбираны были и ревизованы иностранных книги, по которым истины не нашли, для того что они настоящия скрыли и представили поддельныя, то Державину и не хотелось быть исполнителем такого с одной стороны несообразнаго, а с другой безполезнаго приказания: отговорился, но подвергнуть себя вящшему гневу, нежели под какой князь Гагарин за то же самое попадал, не хотел; то без всякаго сумнения чрез генерал-прокурора донес Его Величеству, что он сие тотчас исполнит. Вследствие чего и приказал всем маклерам всякий день в 6-м часу поутру являться к нему и репортовать об своих записных *(книгах)* как и куды сколько денег переведено ими в чужие краи, хотя знал он, что таковою крутою или, лучше сказать, смешною экзекуциею вернаго о капиталах баланса узнать не можно было, ибо маклеры с одной стороны в книжках своих писать могли не всегда правду, а с другой о переводимых в Россию суммах без купеческих книг и вовсе знать не можно было; но таковым шумным действием Державин думал, как говорится, бросить пыль в глаза Императору, что приказания его ревностно исполняются, чем и был он безмерно доволен. Однакоже не выдержал не токмо что ни одного месяца, ниже недели: приказал наложить амбарго. *Третье,* во время сего захвачения аглинских товаров, пожаловался Государю один лифляндский дворянин, что в Англии будто несправедливо у него оставлен корабль с товарами, до 700,000 р. простирающимися. Государь, не приказав ни переписаться, ни выправиться ни с кем, велел аглинским купцам, здесь находящимся, заплатить сию сумму претенденту и поручил сие исполнить в 24 часа непременно Державину, который, с возможной кротостью и снисхождением собрав тех купцов, объявил им волю Императора; но как тогда сильный шел лед по Неве и никоим образом нельзя было им за деньгами переехать чрез Неву, которыя у них в конторах хранились на Васильевском острову,— они дали честное слово, коль скоро станет река, внесть деньги.

Державин репортовал, что получил. Сие было-дошло до Государя, который велел истребовать их генерал-прокурору. К счастию, что в ночь река остановилась, деньги купцами взнесены, и Державиным генерал-прокурору отосланы. Провидение его берегло во всяких таковых случаях. Но возвратимся, для некоторых не безважных обстоятельств, чтоб соблюсти цепь происшествий, к приезду Державина из Белоруссии в Гатчино.

Приехав, подал он чрез генерал-прокурора Императору репорт о исполнении порученных им дел, приложа к оному мнение свое о Евреях и табель о поверке старостинских имений, более 80,000 душ, из коей как в зеркале видно было состояние каждаго и как они приняты были из ведомства. Государю он лично представлен не был, неизвестно для каких причин, а как сказывал господин Обольянинов, то для того будто, что Государь отозвался: «Он горяч, да и я, то мы опять поссоримся; а пусть чрез тебя доклады его ко мне идут». Мнение же и табель приказал препроводить для разсмотрения в Сенат. Впрочем, хотя объявлено было благоволение Императора за совершение сих коммиссий, однако примечал он сухость онаго, потому что не отобрано в казну ни одного староства, чего, кажется, очень хотелось: ибо, за раздачею скоровременно и безразсудно, кому ни попало, русских казенных дворцовых крестьян и польских аренд при восшествии на престол и коронации, нечем уже почти было награждать истинных заслуг и прямых достоинств; то и ожидали наполнения ущерба отобранием арендных староств за неисправное содержание по контрактам, так как и по другим делам, за неисполнение законов и обязанностей, и всякими новыми налогами за гербовую бумагу щечились[92] и накопляли казенныя имущества. Державин мог решительным отнятием большаго количества имений и себе достать за труды тысячи две душ или по крайней мере одну, что ему и обещано было; но он не хотел взять на свою совесть греха, чтоб у кого-либо отписать староство за несохранение контрактов, ибо судя строго, никто из арендаторов оных в точности не сохранил, одни в той статье, а *(другие в)* другой; а отобрать у всех около ста тысяч душ и поднять на себя крики и вопль многочисленных, имеющих связи при дворе, владельцев — не решился, а предоставил Императору самому, не скрыв пред ним истины кому-либо в поноровку, а другому в обиду. Вот это-то и не полюбилось, ибо и самый жесточайший тиран любит

жар загребать чужими руками, чем подлыя души, заглушая глас совести, для своей корысти выслуживаются[93].

В сие же время вышесказанный временщик г. Кутайцов, бывши в покоях генерал-прокурора, завел Державина в уединенную комнату и убедительно просил достать ему шкловское имение господина Зорича, по случаю попечительства его над оным, по его же, как видно, тайному ходатайству учрежденнаго, обещая ему сию услугу отплатить значительною благодарностью, да и под рукою одним евреем сказано ему было, что он получит за осмотр аренд две тысячи душ и орден св. Андрея, в удостоверение чего и господин Перец, известный ныне славный откупщик, неоднократно прихаживал к нему, и иезуитский генерал Грубер прашиван от Кутайцова. Но Державин, следуя законному порядку, иначе сего сделать не мог, как испросить продажу имения с публичнаго торгу за неплатеж долгов Зоричевых, которых простиралось за 2 миллиона р., а имение было в Могилевской и Минской губ., до 14 тысяч душ, то и надобно прежде чрез публики собрать кредиторов. А как на сие в законах положены сроки, то скоро сего и исполнить не можно, чем он пред Кутайцовым и пред Перцом всегда и отговаривался, прося подождать, а там зависеть будет от них купить имение с публичнаго торга,— которое однако всякими крючками и неправдами, при помощи сильной руки Кутайцова в царствование Павлово и иными, хотя не законными, средствами отнять у Зорича и доставить Кутайцову можно было; но Державин против совести сего не сделал и Зорича не продал, обнадеживая домогающихся со дня на день довести до публичной продажи: но как это продлилось, а равно и в Сенате разсмотрение об арендах, то и остался Державин от великих обещаний, по своей богобоязненности, ни с чем, как токмо с добрым именем и доверенностию Государя, в доказательство которой ноября 23 дня пожалован в финанс-министры.

Весьма удивился, что быв коммерц-президентом в действительном служении не более двух месяцев и не успев еще войти в познание сей части, уже получает новую весьма обширную и важнейшую первой. Но весьма странно казалось ему также и то, что граф Васильев оставался в прежней должности государственнаго казначея: то не понимал, как ему быть финанс-министром при оном, и которое звание пред которым преимущественнее, и кто

из них начальствовать должен был; а как Васильев его и по чину и по службе считался старее, то и не мог он быть под командою у младшаго: финанс-министра звание было важнее государственнаго казначея. Словом, в такой путанице поехал объясниться к генерал-прокурору, по котораго докладу писались и выходили Государевы указы. Он ему доказал, что финанс-министров с самого начала политическаго образования России никогда не бывало, а в других государствах, сколько ему известно, в сей пост облеченный чиновник есть весьма великая особа: он изобретатель и распорядитель всех государственных доходов и расходов, а государственный казначей ничто иное, как счетчик оных и то же самое, что была ревизион-коллегия, учрежденная Петром Великим и до установления в 1779 году экспедиции о государственных доходах существовавшая; финанс-министр должен иметь особливую инструкцию, в которую, как в узел, должны входить все источники сил государственных. Императрица Екатерина отлагала от времени до времени оную, или наказ издать казеннаго управления, но не успела и так скончалась; а для того-то экспедиция о государственных доходах и управлялась временным начертанием ея должности, поднесенным князем Вяземским для сведения только Императрицы, которое писал наскоро Державин.

Г. Обольянинов, вняв сему объяснению, доложил Императору, который отменя прежний свой указ, коим пожалован был Державин в финанс-министры, наименовал его государственным казначеем, отставя г. Васильева вовсе от службы. Таковая на него опала произошла от каких-то сплетней, что не удовлетворил он выдачею какой-то суммы по желанию и просьбе Кутайцова, который за то и наговорил Императору, что будто он утаивает всегда прямое количество в казначействе денег, заставляя терпеть недостаток даже военные департаменты. Сего было уже очень много возбудить гнев вспыльчиваго и самовластнаго владетеля. Велено тогда табель росписания доходов и расходов на наступивший год разсмотреть Державину. Поелику ж она составляется вкратце из многих перечней, взятых из ведомостей и счетов всего государства, то надобно было все просмотреть оные, чтоб удостовериться о точности росписания; но как в скорости сего никоим образом не можно было сделать, а Император требовал, то Державин и не знал, что делать. Но взглянув на перечень коммерц-коллегии, показующий пошлинный

доход, увидел, что показано онаго было только 8,000,000, а в ведомости коммерц-коллегии, тогда же от него поданной, значилось 10,000,000: то посему усумнясь, не мог взять на свой страх исправности росписания, в табели изображеннаго, что и донес Императору чрез господина Обольянинова. Вследствие сего велено было графу Васильеву подать Императору счет за все время управления его государственною казною. Помнится, спустя два месяца, он подал, который тотчас велено было разсмотреть Державину, чего Васильев представить себе не мог, полагая, что Государь будет оным доволен, для того что он в красных линейках и весьма чисто был написан.

Между тем Державин, обозревая производство дел государственных экспедиций, нашел чрезвычайную оных обширность к отягощению только служащею, а никакой не приносящую пользы или прямаго дела не исполняющую, ибо велено было присылать ведомости на ведомости, как-то месячныя, третныя и годовыя, и кроме того отчеты, которые никто как должно не разсматривал, откладывая день за день: то и была со дня учреждения экспедиции о государственных *(доходах)* более двадцати лет вся империя несчитанною. В разсуждении чего, чтоб сократить счеты, предложил Державин собранию всех экспедиций государственных доходов, то есть доходной, расходной, недоимочной и счетной, чтоб они дали свои мнения, какия ведомости, как не нужныя и отягощающия прямое дело, отменить и какия оставить, а также и изобрели бы кратчайшие или удобнейшие способы, каким образом каждый год непременно, не запуская до другаго, ревизовать окончательно счеты всего государства; ибо без сего не можно удостоверить верховную власть о целости казны.

Собрание экспедиций об отмене излишних бумаг дало свои мнения, которыя тщательно разсмотрел государственный казначей и, утвердив, вошел с репортом в Правительствующий Сенат, прося о предписании всему государству, какия ведомости присылать и какия не присылать, что Сенат без всякой отмены и учинил. Касательно же методы, каким образом сократительно ревизовать и оканчивать счеты непременно каждаго году, не откладывая до другаго, тех способов и мер во время отправления сей должности не успел еще изложить; а потому и осталось, смело сказать можно, до сего дня государство так-сказать

безсчетным. Когда же присланный счет от Императора, поданный ему от графа Васильева за время его управления, стал по книгам в государственной экспедиции поверять, то нашел не токмо по перечням каждой губернии, но и по валовой росписательной табели, поднесенной Государю в том году, такия неверности и несходства, что никак не можно было удостовериться о целости казны государственной. Первый самый перечень по счету и по табели был сбор с государственных дворцовых крестьян: в счете против конфирмованной табели было показано менее двумя миллионами, и как самого Васильева не было, за болезнию якобы, при сем случае в экспедиции, то и спросил Державин старшаго члена, что после был сам государственным казначеем, от чего такое несходство, и на котором перечне утвердиться. Он, замешавшись, не нашелся, как ответствовать, стал жаловаться и говорить, что якобы он судит экспедицию, чего ему указом не предписано, а велено только сверить счет с росписанием. Державин крайне такою дерзкою укоризною был тронут и, вспыхнув, схватил себя за волосы и сказал, что «ежели вы хотите быть судимы, то тотчас сие исполниться может». В самом деле, стоило только показать Императору несходство между двумя документами, то есть табелью, конфирмованною Государем, и счетом, ему поднесенным также самим Васильевым, то без всякаго сумнения отвезены были *(бы)* и Васильев и все его советники в крепость. Но Державин сего не сделал, а между тем Голубцов, оправясь, сказал, что несходство сие происходить может от того, что в табели, конфирмованной Государем, с дворцовых крестьян доход был показан с полнаго числа душ, сколько их тогда действительно было: но как после того в наступившем году пожаловано оных крестьян более 300,000 душ разным владельцам, то и сбор с них умалился, о чем докладывано было Императору, и он в июне месяце того же году сделал счисление своею рукою карандашем на записке, которая ему о том поднесена была: то в счете и выставлен перечень с той записки, а потому он с табелью и не сходен. «Где же записка?» спросил Державин.— «Не знаю, где завалилась», ответствовал Голубцов. Наконец, по многом искании и суетах, нашли оную бумагу у него в доме, на коей карандашем императорскою рукою видно исчисление о уменьшении с сей статьи доходов. По сей причине Державин дозволил и другие несходные перечни счетные с ведомостью, поданной ему от сей

экспедиции, поверить и объяснить, от чего происходит их разность, дав им на то довольно сроку. Граф Васильев, приехав к нему ввечеру, благодарил сквозь слезы за снисхождение. Державин, забыв многие неприятности, делаемыя ему во время тамбовских дел, которыя много зависели от экспедиции о доходах, или паче от него Васильева по сильному его влиянию на дом князя Вяземскаго, припомня только слегка, что за ревностное его желание отправлять должность свою с точностию и не запускать без разсмотрения ведомостей, выгоняли его из службы; а когда *(б)* его представления приняты были и об отчетах палат прилежнее пеклися, тогда *(б)* сей напасти с ним не случилось. Словом, ежели б Державин по строгому тому времени не спас Васильева, то бы он конечно погиб, потому что Кутайцов, а в угождение его и Обольянинов, на него сильно налегали и желали его совершенно погубить.

Сим самым Державин навлек на себя от них подозрение. Они заключили, что Державин Васильева покровительствует, и для того исходатайствовали у Императора обер-прокурора для смотрения за делами экспедиции, чего ни прежде, ни после никогда не бывало; но мог быть учрежден государственный контролер совсем на других правилах, нежели обер-прокурор, и быть под начальством финанс-министра или государственнаго казначея, а не генерал-прокурора; но Обольянинов, по честолюбию своему, хотел и сию часть прибрать к себе под руки. Как бы то ни было, но объяснение несходств продолжалось более месяца, так что Кутайцов и Обольянинов зачали о том громко поговаривать, и Державин боялся, чтоб, снисходя Васильеву, себя самого вместо его не управить в крепость. Наконец в марте месяце объяснения те кончились, и Державин в собрании всех экспедиций и обер-прокурора оных г. Михайлова разсмотрев, получил *(приказание)* поднесть Императору на основании их репорт, что и исполнил. Поелику ж г. Голубцов убедительно его просил прежде поданныя ему ведомости, изобличающия неверность самих их и счетов, отдать ему обратно; то Державин, подумав, чтоб не сочли его умышленным закрытелем какого-либо похищения казны, призвал обер-прокурора в собрание и спросил его, можно ли и согласен ли он те неисправныя ведомости обратно выдать, в которых не находит никакой надобности, для того что репорт Императору о целости казны подавался

тогда не удостоверительно, а только к сведению, в каком состоянии найдены дела экспедиции и суммы по ведомостям ея; а когда по циркулярному письму Державина, апробованному Императором и посланному ко всем губернаторам, яко к хозяевам губерний, о поверке наличных денег и высланных *(от)* оных в казначейства и о недоимках сведения получат и счеты к новому году обревизуют, тогда уже новым репортом о целости казны достоверно донесено быть может. Когда же обер-прокурор на сие предложение согласился и донес генерал-прокурору, тогда он прежде, по записке сего обстоятельства в журнал, репорт Государю подал, в котором именно изображено, что книг записных и бухгалтерских за время князя Вяземскаго совсем не нашлось, что за Васильева время хотя и есть книги, но так многочисленны, пространны и сумнительны, что их в скором времени ни проревизовать, ни утвердить без справок до получения ответов от губернаторов никак невозможно, и что основываясь только на ведомостях и объяснениях, поданных от экспедиции, за которыя они ответствуют, поверка счетам графа Васильева сделана, которыя оказались друг с другом сходственны (потому что они соглашены последними объяснениями), и наконец, что многих имянных указов на отпущенныя в расход суммы не отыскано. Вот в каком порядке найдено Державиным государственной казны управление, что можно видеть из помянутаго его репорта, поданнаго Императору Павлу, который и теперь чаятельно в целости находится в канцелярии Государственнаго Совета. По оному репорту докладывано было в Совете в присутствии Наследника, то есть ныне царствующаго Государя Императора Александра Перваго, 11-го марта, то есть накануне кончины Императора Павла. Наследник брал сторону Васильева и защищал его всевозможным образом, не по существу дел, но по предупреждению о его исправности; а господин Обольянинов выказывал его неисправным, но уже слишком, по пристрастию угодить обвинением Императору или, лучше сказать, Кутайцову. Державин балансировал на ту и другую сторону, подкрепляя, сколь можно, невинныя ошибки и справедливость; но чем бы сия история в наступающий день, по докладе Императору, ежели бы он здравствовал, кончилась, неизвестно. Может-быть и Державин бы пострадал.

Здесь бы должно происшествия, случившияся с Дер-

жавиным в царствование Императора Павла, кончить; но некоторыя, хотя частныя, но примечательныя по влиянию на все Кутайцова, заслуживают распространения.

<...> *Второе.* Виленский или минский губернатор Яков Иванович Булгаков уведомил двор в 1798 году, что тамошние обыватели делают потаенныя стачки, неблагоприятныя для России, а полезныя для французов, и что некто Дембровский, набрав несколько полков Поляков, ушел и присоединился к их армиям. Император по крутому своему *(нраву)* тотчас велел таковых заговорщиков ловить и привозить в Петербургскую крепость, где их в Тайной канцелярии допрашивали, а по допросе присланы на суд Сенату. Таковые были почти все из нижняго разбора людей, то есть попы, стряпчие и дробная шляхта, которые никакого уважения не заслуживали, потому что ежели они и были в чем виновны, то не иначе как по внушениям или подкупам сильных или богатых магнатов, которых они, не имея на них явных доказательств, принуждены были не выводить наружу. Их обвиняли изменою, потому что они присягали на русское подданство, и по российским законам приговаривали, вместо смерти, на вечную каторгу в Сибирь. По очереди пришло и до Державина давать свое о них мнение. Он спросил г. Макарова, имевшаго дирекцию в Тайной канцелярии: «Виноваты ли были Пожарский, Минин и Палицын, что они, желая избавить Россию от рабства польскаго, учинили между собою союз и свергли с себя иностранное иго?» — «Нет», ответствовал Макаров, «они не токмо не виноваты, но всякой похвалы и нашей благодарности достойны».— «Почему ж так строго обвиняются сии несчастные, что они имели некоторые между собою разговоры о спасении от нашего владения своего отечества, и можно ли их винить в измене и клятвопреступлении по тем же самым законам, по каковым должны обвиняться в подобных заговорах природные подданные? По нашим, кто вступил в заговор или слышал о том, да не донес, подлежит смерти. Мне нечего другаго о них сказать, как то же самое; но если и были они когда верные подданные, спросите по совести у всех вельмож, которые о них подписывают смертный приговор, то есть графа Ильинскаго, графа Потоцкаго и прочих, которые тогда были сенаторами и присутствовали по сему делу в общем собрании, не то же ли и они думают, что сии осужденные. Придет время, что о том

узнаете: чтоб сделать истинно верноподданными завоеваный народ, надобно его прежде привлечь сердце правосудием и благодеяниями, а тогда уже и наказывать его за преступления, как и коренных подданных по национальным законам. Итак, по моему мнению, пусть они думают и говорят о спасении своего отечества, как хотят, но только к самому действию не приступают, за чем нашему правительству прилежно наблюдать должно и до того их не допускать кроткими и благоразумными средствами, а не казнить и не посылать всех в ссылку; ибо всей Польши ни переказнить, ни заслать в заточение не можно. Иное дело — главных заводчиков. Посмотрите лучше на Дембровскаго, который выпросил у Государя привилегию на формирование полков; то набрав их, он легко то же может сделать, что и братья его, то есть уйти во Францию, или когда подойдут Французы, то изменя присоединиться к ним. Вот за чем надобно неусыпно наблюдать, а не за тем, что попы и подьячие между собою в домах своих разговаривают, и за то их ссылать в ссылку». Г. Макаров тут же в собрании при Державине пересказал слышанное от него генерал-прокурору князю Куракину. На другой, то есть в воскресный день, когда Державин приехал по обыкновению во дворец, Куракин, встретя его, улыбаючись сказал, что Государь приказал ему не умничать; а между тем, сколько слышно было, что судьба преступников облегчена и более не приказано забирать и привозить в Петербург Поляков в Тайную канцелярию, а там их за болтовню унимать по законам.

<...> *Четвертое.* В начале царствования Императора Павла генерал-прокурор князь Куракин выпросил себе и многим своим приятелям великое количество на выбор лучших казенных земель, которыя у казенных поселян, лишния сверх 8-и десятин, отбирали даже под огородами, не токмо под пашнями, а те, кому они были отданы, продавали тем же самым поселянам рублев по 300 и по 500 десятину и таким образом удовлетворяли ненасытную свою алчность. В то же самое время, когда Державин чрез Лопухина просил на обмен себе земли 200 только четвертей на Званке[94] из ямской противулежащей за Волховым дачи, у которых были излишния сверх 15-и десятин, то и в том отказано. Когда князь Куракин и другие хищнически набили свои карманы, то будто из жалости и из сострадания, что у казенных

крестьян мало земли, исходатайствовали указ, чтоб всех казенных крестьян наделить по 15-и десятин на душу. И тогда пошло притеснение владельцев при решении дел, что начали отнимать не только примерныя земли, но и писцовыя, чтоб набрать недостаток в 15 десятин; а где в смежности нет, тем додавать и в дальном разстоянии. Видя все сие, Державин, присутствуя в межевом департаменте, нередко шумливал против генерал-прокуроров, князя Куракина и потом князя Лопухина, также и государственнаго казначея Васильева, что они так из пристрастия и корыстолюбия во зло употребляли щедроту Государя; а как они сие ни во что ставили, то сочинил он известную в 3-й части его сочинений песню:

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если свет за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работают,
Много умных есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход[95].

Распустил по городу, желая, чтоб она дошла до Государя и чтоб его спросили, на чей счет оная писана: тогда бы и сказал он всю правду; но как они боялись до сего довести Государя, чем бы открыться могли все их пакости, то и терпели, тайно злобясь, делая между тем на его счет неприятныя Императору внушения. Вследствие чего в одно воскресенье, проходя он в церковь, между собравшимися в прохожей зале увидев Державина, с яростным взором, по обыкновению его, раздув ноздри, так фыркнул, что многие то приметили и думали, что верно отошлет Державина в ссылку или по крайней мере вышлет из города в деревню; но Державин, надеяся на свою невинность, пошел, будто ничего не приметя, в церковь, помолился Богу и дал себе обещание в хвалу Божию выпросить к своему гербу надпись: Силою вышнею держусь, что на другой день и исполнил, подав в герольдию прошение, в котором просил себе написания грамоты с прибавлением вышесказаннаго девиза, потому что в гербе его изображена рука, держащая звезду, а как звезды держатся вышнею силою, то и смысл таковаго

девиза был ему очень приличен, что он никакой другой подпоры не имел, кроме одного Бога; Императору же могло быть сие не противно, потому что силу Вышняго по самолюбию своему почитал он в себе. Герольдия поднесла доклад и с сим девизом герб Державина конфирмован.

Пятое. Скоро после того, и помнится, в первый день 1798-го или 1799-го года, генерал-прокурор Лопухин многим сенаторам, унижавшимся пред ним или ласкательствующим ему, выпросил лент; Державин же, хотя он был старее других и более прочих трудился, однако обойден. Лишь только разнесся о сем слух в собрании при дворе, то услышался всеобщий ропот на неправосудие. Кутайцов, или кто другой, пересказал о том Императору. Державин между тем, привыкнувший почасту сносить таковыя обиды, поехал из дворца равнодушно обедать к графу Строганову, где и занялся бостоном до самаго вечера, не хотя ехать во дворец на бал, куды хозяин сбирался. Приехавши домой, услышал, что приезжал придворный ездовой и именем Императора звал его во дворец. Не зная тому причины, весьма удивился и тотчас поехал. Лишь только входит в Егорьевскую залу, где уже начался бал, то многие, встречая, сказывают: «Тебя Государь спрашивал». Наконец, увидя его, генерал-прокурор князь Лопухин сказал: «Вам Император намерен надеть Аннинскую ленту; но теперь уже поздно, то пожалуйте ко мне завтра поутру поранее, я вас ему в кабинет представлю». Так и сделалось. Я к нему приехал, и вместе, в его седши карету, отправились во дворец. Он зачал, будто по доверенности, говорить, что Государь давеча было-хотел надеть на вас ленту с прочими, но поусумнился, что вы все колкие какие-то пишете стихи; но я уже его упросил: итак он приказал вас представить к себе сегодня. Державин поблагодарил, зная, что он его не рекомендовал, а может-быть и отговаривал; но когда голос публики отозвался в пользу Державина и дошел до Государя, то он сам захотел, как из нижеследующаго увидим, ознаменовать к нему свою милость. Приехав во дворец, несколько подождал в кабинетской канцелярии и скоро позван был в кабинет: Государь вошел из противных дверей и набросил на него ленту, Державин успел только сказать, что ежели он чем виноват... но Император, не дав договорить начатых слов, зарыдал и от него скороподвижно ушел. Из сего не иное что заклю-

чить можно, что Государь к нему был хорошо расположен; но злобным наушничеством и клеветою был отвращаем.

Шестое. Когда родился великий князь Михаил Павлович, то во время собрания при дворе знатных особ для поздравления, граф Завадовский и господин Козодавлев, который тогда был обер-прокурор в Сенате, между радостными разговорами, при таковых случаях бываемыми, говорил Державину, чтоб он написал на день рождения царевича стихи. Он им обещал, и в первое собрание привез с собой оду, которой тому и другому отдал по письменному экземпляру; а как сия пиеса имела некоторыя в себе резкия выражения, как-то между прочим:

Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать врагов[96],
Но Богом на престол венчанну
Любить их должно, как сынов;

то натурально и стала публика поговаривать, опасаясь, чтоб сочинителя в толь смутное время, каково было Павлово, не сослали в ссылку, или бы какого другаго ему огорчения не сделали. Державин, в полном удостоверении о своей невинности и будучи готов ответствовать, что он о хищнике престола говорил, а Император воцарился по наследству законно; то, не опасаясь ничего, не робел и, не взирая на разныя неблагоприятные для него слухи, всюду выезжал. В наступившее воскресенье, приехав в придворный театр, встретился в дверях с Козодавлевым: то сей, увидев его, побледнел и бросился от него, как от язвы, опрометью прочь; в театре же, увидя его пред собою на передней лавке сидящаго, тотчас вскочил и ушел в толь отдаленное место, что его видеть не мог. Державин не знал, к чему приписать такое от себя приятеля удаление, которому он некогда и чин статскаго советника выпросил у Императрицы Екатерины и всегда считал его себе привязанным человеком. Но после узнал, что страшные разнесшиеся слухи, что будто Император гневен за оду, были причиною трусости г. Козодавлева, чтоб не почли его сообщником в сочинении оной. Итак, презрев такую низость души, был спокоен. Но на первой неделе Великаго поста, когда говел Державин с своим семейством, в середу, видел неприятный сон, и хотя не верил никаким при-

видениям, однако подумал, чтоб не случилось с ним чего, говорил жене, чтоб она не пужалась от разносящихся слухов, а уповала на Бога. Но когда они были в церкви, то посреди самой обедни входит в церковь фельдъегерь от Императора и подает ему толстый сверток бумаг; жена, увидев, помертвела. Между тем, открыв сверток, находит в нем табакерку, осыпанную брилиантами, в подарок от Императора присланную за ту оду, при письме г. статс-секретаря Нелединскаго, в коем объявлено ему от Его Величества высочайшее благоволение. На другой день поехав в Сенат, находит в общем собрании г. Козодавлева, показывает ему табакерку, который с радостным восторгом бросается ему на шею и поздравляет с государскою милостию. Державин, отступя от него, сказал: «Поди прочь от меня, трус. Зачем ты намедня от меня бегал, а теперь целуешь?»

Седьмое. В 1798 году, когда напечатаны были в Москве в первый раз сочинения Державина[97], цензура тамошняя по строгому тогдашнему времени усумнилась напечатать и не напечатала в оде Изображение Фелицы двух строк, а именно: *Самодержавства скиптр железный Моей щедротой позлащу*, мог только упросить, чтоб для сих стихов оставили праздное место, и писал генерал-прокурору князю Куракину, говоря, что ежели Екатерина, будучи также самодержавная Государыня, не токмо не воспретила, но с благоволением приняла сей стих; то для чего Императору Павлу может быть неприятен, когда он не менее ея позлащает щедротами свой скипетр? Куракин докладывал по сему письму, и как *(Державин)* никакого не получил ответа, то во всех отпечатанных экземплярах и написал в пробеле сии два стиха своею рукою, не опасаясь толкования трусов. <...>

Девятое. Накануне Крещения в 1801 году Державину разсудилось съездить отобедать в Пажеский корпус к князю Зубову (по возвращении его из удаления в Петербург), в котором он был назван главным директором. Просидев у него до вечера, поехали вместе во дворец, по обыкновению, для поздравления накануне Императора с наступающим праздником. Едва вступили в залу собрания, как услышал, что ищут его и зовут к Императору. Он удивился, ибо выше сказано, что он не хотел с ним лично видеться, дабы себя и его не разгорячить. По вступлении в кабинет, Государь подошел и, осмотря его с ног до головы несколько раз, сам сел на софу и велев против

себя ему сесть на стул, смотрел прилежно в глаза. По некотором молчании, спросил: «Послал ли он воспрещение в Ригу[98] о невыдаче французскому королю Людовику XVIII, живущему там, жалованья?» — «Послал» ответствовал Державин.— «Да полно, так ли, и будет ли остановлено?» — «Конечно», Державин сказал: «ибо коль скоро от Вашего Величества получил вчерась чрез адъютанта князя Шаховскаго о том повеление, то тотчас отправил по эстафете в казенную палату повеление, а на другой день еще по почте; то надеюсь, исполнены будут».— «Хорошо», сказал с грозным видом Император и, тотчас, откланявшись, отпустил его от себя. Державин не знал, что это значило; но после, как время объяснило случившееся происшествие, то кажется не иное что, как Государь хотя ласкал в то время Зубова, но подозревал его себе недоброжелателем, и был он у него под тайным присмотром, а потому когда сведал, что Державин у него в тот день обедал, то спросил его внезапно пред себя и глядел пристально в глаза, не покажет ли какого смущения, а чрез то не покажет ли своего с ним соучастия. Но как бы то ни было, Державин всякое воскресенье должен был ему посылать краткия репортицы о состоянии казны (т. е. отчет о приходах и расходах оной в прошедшую неделю), которая так безмерными издержками истощена была и безпрестанно истощалась, что недоставало не токмо остаточных казначейства сумм, но самых давных недоимок и долгов казенных, на счет коих принуждены были печатать новыя ассигнации и удовлетворять Императора, который не хотел верить, что казна его в крайнем недостатке. В два месяца тогда, сверх всех статных и остаточных сумм, издержано было более 6-ти миллионов рублей, как на посылку в Индию Донских казаков, на строение Казанской церкви, и прочия подобныя затейливыя издержки, так что наконец, по невступлению в полном количестве ассигнованных доходов на военный департамент, стали оказываться в оном недостатки, которые наполнить никоим образом было неоткуда. А как сие могло причинить государственному казначею великую беду, то в последний день царствования сего Государя по неожиданию от запрещенной европейской торговли пошлиннаго доходу, Державин решился подать доклад Императору и подал, чтоб напечатать миллионов 40 ассигнаций, скупить ими на бирже находящиеся купеческие товары, и тем оживив внутреннюю торговлю, воспользоваться сколько-нибудь от них пошлинами. Но

за смертию Императора, в ту ночь случившуюся, сего доклада не вышло.

Десятое. В навечерье сего страшнаго переворота Державин был у генерал-прокурора до 12-го часа ночи и, как государственный казначей, трактовал с ним и с купцом Рюминым о подряде соли во все Российские города, по отдаче оной на откуп еврею Перцу в полуденных губерниях из крымских соляных озер, и положив на мере сию операцию, поехал домой. Но часу поутру в осьмом на другой день вбегает к нему свояченица его, (*жена*) г. Нилова, который после был губернатором в Тамбове, жившая с мужем у него в доме, и сказывает, запыхавшись, что Император скончался. Происшествие сие не оставят описать историки; но Державин, по ревности своей и любви к отечеству желая охранить славу Наследника и брата его Константина, которых порицали в смерти их отца, и тем укоризну и опасность отвратить Империи, написал бумагу, в которой советовал хотя видом одним произвесть следствие, которым бы обвинение сгладить с сих принцев, и наказать преступников, хотя только удалением на время из столицы, потому что ужасный их подвиг, впрочем непростительный, предпринят был единственно для спасения отечества от такого самовластнаго и крутаго Государя, который приводил его своим нравом к погибели[99], с которой бумагой и ездил раза три во дворец; но был приближенными, которые его держали так-сказать в осаде, не допущен. Впрочем о сем объяснится ниже, а здесь за приличное только почитается сказать, что вместе с манифестом о восшествии на престол Александра состоялся указ, что государственным казначеем сделан опять по-прежнему граф Васильев, а Державину велено только присутствовать в Сенате.

Он получил от Императора Павла следующия награждения: 1, за оду на рождение великаго князя Михаила Павловича табакерку с брилиантами; 2, такую же за оду на Малтийский орден; 3, крест брилиантовый Малтийский за сочинение банкротскаго устава, в котором он участвовал с бывшим генерал-прокурором Беклешовым и настоящим, Обольяниновым, и князем Гагариным. Достойно заметить, что сего устава была наиболее цель воздержать дворянство от мотовства и делания сверх имения их долгов, а для того доверенность к ним в теснейшие сжата пределы, нежели прежде, то есть велено заемныя письма писать у крепостных дел, а ежели и домовыя

могут быть письма, но по ним взыскание чинить не иначе как по форме судом, а не скорым исполнением; купеческая доверенность по векселям оставлена в прежней силе. Державин же предполагал не иначе дворянину делать доверенность как по открытому листу, от правительства засвидетельствованному, где у кого какое недвижимое есть имение, таким образом, чтоб всякий заимодавец подписывал сколько под какое имение кого ссудил, дабы последующий заимодатель мог видеть, не безопасно ли ему еще под то же имение заимобрателя ссудить. Ибо, например, кто в банке заложил по 40 рублей душу или дом в третьей части настоящаго капитала, а он несравненно дороже стоит, то по продаже и может он без сумнения свои получить деньги; кто же недвижимых имений не имеет, тот может какого известнаго капиталиста упросить подписать за него свое поручительство, и тот уже порука за него своим имением ответствовать. Таким образом все бы тяжбы долговыя пресеклись, ибо доверенность была *(бы)* имению, а не лицу дворянскому; но купеческая доверенность, душа торговли, распространяясь, оставалась бы в своей силе. Но опосле сей *(устав)* разными толкованиями и каверзами ослаблен, так что ни доверия, ни скораго взыскания кредиторам не доставлял.— Наконец получил Державин еще награждение за поднесение росписания доходов на 1801 год, за что прежде государственным казначеям, предшественникам его, жаловалось по 100 000 рублей, которые и тогда Император приказал-было выдать; но окружающие уверили Государя, что по недавнему вступлению Державина в сию должность много такого награждения, и дано ему только 10,000 рублей, а остальные 90,000 рублей разделили по себе, как-то: Обольянинову 30,000 руб., адмиралу Кушелеву 30,000, князю Гагарину 30,000; но Державин никогда ни от кого никакого не получал награждения и тем был доволен: хотя и чувствовал обиду, но скрыл в своем сердце.

ОТДЕЛЕНИЕ VIII

Царствование Императора Александра I

Как выше явствует, на 12-е марта 1801 года Император Александр вступил на престол Всеросейской Импе-

рии. Первый манифест его был о вступлении на престол, в котором торжественно обещано, что царствовать будет по закону и по сердцу Екатерины. В то же самое время состоялся указ, чтоб по-прежнему государственным казначеем быть графу Васильеву, а Державину только присутствовать в Сенате. По нескольких днях, по дружбе с Трощинским, Васильев получил всемилостивейший рескрипт, в котором, несмотря на то, что не мог дать вернаго отчета казне, расхвалялся он чрезвычайно за исправное управление государственными доходами. Васильев, внеся сей рескрипт в первый Сената департамент, хотел потщеславиться оным в укоризну Державину, сказав: «Вот многие говорят, что у меня плохо казна управлялась; вместо того сей рескрипт противное доказывает». Державин ответствовал: «На что вам, граф, грешить на других? а я вам говорю в глаза, что вы в таком болоте безотчетностию вашею, из коего вам вовек не выдраться». Он закраснелся и замолчал. Последствие доказывало и поныне доказывает Державина правду, что часть сия в таком безпорядке, котораго в благоустроенном государстве предполагать никак бы не долженствовало.

В дни царствования своего Император Александр возстановил Дворянскую грамоту, нарушенную отцом его; совершенно уничтожил Тайную канцелярию, даже велел не упоминать ея названия, а производить секретныя дела в обыкновенных публичных присутственных местах и присылать на обревизование в первый Сената департамент. И как в то время случилось, что одного в Тамбовской губернии раскольника духоборской секты судили в неповиновении верховной власти, который не признавал совсем Государя, то уголовная палата и присудила его к смертной казни и наместо оной к жестокому наказанию кнутом и к ссылке в Сибирь на вечную каторжную работу. Но как в угождение милосердию Государя Сенат не хотел его осуждать так строго, то и не знали, что с ним делать, дабы с одной стороны не потакнуть ненаказанностию неуважению вышней власти, а с другой не наказать и не обременить выше меры преступления точным исполнением закона. Державин сказал: «Поелику Императрица Екатерина в Наказе своем советовала наказание извлекать из естества преступления, и как сущность вины его состоит в том, что не признает он над собою никого, то и отправить его одного на пустой остров, чтоб жил там без прави-

тельства и без законов, подобно зверю». Все на мнение сие согласились: так и сделано.

Как, при самом восшествии новаго Императора, генерал-прокурор Обольянинов сменен и определен на место его Г. Беклешов, Трощинский же занимал место первого статс-секретаря, и все дела шли чрез него: то и обладали они Императором по их воле; и как скоро потом вызван из деревень своих граф Александр Романович Воронцов, бывший по связи с покойным Безбородкою в одной партии, то, для усиления своего, его к себе присовокупили. Словом, они ворочали государством; а чтоб Державин им ни в чем не препятствовал, то они выключили его из Государственнаго Совета, под видом новаго его преобразования. Некоторый подлый стиходей, в угодность их, не оставил на счет его пустить по свету эпиграмму следующего содержания:

Тебя в совете нам не надо:
Паршивая овца все перепортит стадо.

Державину злобная глупость сия хотя сперва показалась досадною, но снес равнодушно и после утешился в том, когда избранными в Совете членами, после его отставки, доведено стало государство до близкой в 1812 году погибели. Началось неуважение законов и самые беспорядки в Сенате: охуждая правление Императора Павла, зачали без разбора так-сказать все коверкать, что им ни сделано. Первее всего — разрушили контракт о Крымской соли откупщика Перца, разсматриванный в Правительствующем Сенате и утвержденный собственноручно Императором. Державин, соблюдая святость законов, сильно противоречил против сего насилия в общем собрании, состоящем около 40-а человек, говоря, что при первом шаге нововоцарившагося Государя весьма опасно нарушать общественную доверенность. Но как генерал-прокурор с одной стороны был человек самовластный и наглый и дерзкий крикун, а с другой подлый ласкатель политических видов, коими желал помрачить пред тем бывшее правление, и предложение свое, заготовленное для Сената, объявил апробованным уже Государем, то все собрание согласилось с ним, и контракт был уничтожен, хотя Державин доказывал, что таковое предложение было не в законном порядке, ибо когда было сказано, что оно апробовано Государем, то кто мог вызваться против

онаго с своим мнением? Словом, Беклешов, и Трощинский, бывшие тогда приближенные к Государю чиновники и имеющие так-сказать всю власть в своих руках, оказывали себя по прихотям своим всех выше законов, а как они между собою поссорились и, противоборствуя друг другу, ослабили свою в Государе доверенность, то и сбили его с твердаго пути, так что он не знал, кому из них верить. Подоспел тут граф Воронцов, и, пристав к Трощинскому, по внушению котораго он из деревни вызван, пошел против Беклешова; а как злоупотреблением законов генерал-прокурор присвоил себе всю власть так-сказать самодержавную, то и Державин был согласен с графом Воронцовым на воздержание самовластительства генерал-прокурора.

При открывшемся случае он обнаружил о том свое мнение, а именно: вышеупомянутое дело госпожи Колтовской, как не было окончено по поданному мнению Державина и по голосу противному г. Захарова, то и было предложено оно в общем собрании к слушанию. Г. Беклешов, как и прежде, пристрастно держал сторону мужа ея, и по домогательству сего последняго избраны были в опекуны сенатор Алябьев и действительный статский советник Шнезе, угнетавшие г-жу Колтовскую; но по просьбе ея Императора Павла, по словесному его указу, генерал-прокурором объявленному, переменены были те опекуны Державиным; то Беклешов в общем собрании и желал возстановить прежнее свое предложение, говоря, что прежняя опека утверждена письменным указом Императора Павла, а последняя его словесным, то по силе законов последняя против первой и не может иметь своей силы. Державин хотя соглашался, что записной указ пред письменным был бы недействительным, но как принят уже был Сенатом в отмену перваго, и притом первый лишал Колтовскую всего имения в противность коренных законов, без разсмотрения дел Колтовской с мужем в нижних инстанциях, то и настоял, чтобы с прописанием сих запутанных обстоятельств был поднесен доклад Императору, и о сем хотел подать свой голос; но, к удивлению его, дни чрез три подают прочесть конфирмованный доклад Государем без включения его мнения, так что и имя его совсем было умолчано.

А как сие было против коренной привилегии Сената или законов Петра Великаго и Екатерины, в коих один голос имел равносильное право прочим, а разрешала спор

единственно самодержавная власть Государя; то натурально презрение такое, учиненное ему генерал-прокурором, его безмерно огорчило, и для того он тотчас написал письмо к бывшему тогда статс-секретарем Михайле Никитичу Муравьеву, человеку самому честнейшему и его приятелю, в котором просил его доложить Государю Императору, чтоб пожалована была ему аудиенция для объяснения по должности сенатора. Сие ему на другой день позволено, и когда он впущен был в кабинет Его, то вопрошен был, что ему надобно? — «Государь», Державин сказал: «Ваше Императорское Величество манифестом своим о восшествии на престол *обещали царствовать по законам и по сердцу Екатерины;* законы же Петра Великаго, на коих основан Сенат, и сей Государыни давали всякому сенатору то преимущество, что голос каждаго имел право доставлять спорное дело на разсмотрение самого Монарха, не смотря на мнение прочих, которые бы были с ним несогласны; а ныне г. генерал-прокурор Беклешов, по делу г-жи Колтовской, поднес доклад Вашему Величеству, не упомянув о моем противном прочим мнении, чем и учинил мне по должности презрение, то и осмеливаюсь испрашивать соизволения Вашего, на каком основании угодно Вам оставить Сенат? Ежели генерал-прокурор будет так самовластно поступать, то нечего сенаторам делать, и всеподданнейше прошу меня из службы уволить». — Государь сказал: «Хорошо, я разсмотрю». Вслед за сим чрез несколько дней последовал имянной указ, которым повелевалось разсмотреть права Сената, и каким образом оныя возстановить, подать Его Величеству мнение Сената. Вот первоначальный источник, откуда произошли министерства и разныя установления Сената, которыя хотя по сие время к народному исполнению совершенно не изданы, но произвели, как впоследствии увидим, много шуму и замешательств в общих делах Империи, которых привесть в прежний порядок едва ли без сильнаго переворота возможно будет.

Возвратимся на стезю свою. При слушании сего указа в общем Сената собрании произошли разныя мнения. Графы Воронцов и Завадовский весьма в темных выражениях или так-сказать тонких жалобах на прежнее (разумеется, Павлово) правление словами Тацита, что «говорить было опасно, а молчать бедственно», хотели ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества Сенату, как-то: чтоб доходами располагать и

свершать смертную казнь без конфирмации Государя и прочее. Господин Захаров толковал грамматический смысл некоторых слов в должности Сената. Державин, хотя разделял обязанность правления, согласно учреждению о губерниях, на 4 власти, то есть на законодательную, судную, исполнительную и оберегательную, но соединял их, яко в центре, в единственной воле Монарха. Но как по словам Петра Великаго, государь не ангел, не может один везде и все управить, то и распорядил на 4 должности, возложив их на лица министров, как-то: просвещения или законодательнаго, суднаго или юстиции, внутренняго или исполнительнаго, оберегательнаго или генерал-прокурора. Государю мнение его лучше всех прочих полюбилось, да и вышеупомянутым графам, желавшим присвоить себе власть Государя, не противно было, для чего они его и одобрили; ибо они, как со временем открылось, думали разделить оную по министерствам, до чего они, как впоследствии увидим, разными коварными хитростями почти и достигли и привели государство в такое бедственное состояние, в котором оно ныне, то есть в 1812 году, находится. Сие объяснится ниже по самым делам. Словом, Государь приказал Державину, чрез князя Зубова, написать организацию или устройство Сената. Оно и написано в духе Екатерины, то есть сообразно ея учреждению о управлении губерний; ибо регламенты Петра Великаго смешивали в себе все вышеупомянутыя власти, то они и не могли делать гармоническаго состава в управлении Империи. Хотя не удостоилась сия организация письменной конфирмации Государя и не обнародована; но Державин получил в Москве при коронации за нее орден св. Александра Невскаго.

Состав сей организации был самый простой. *(Сенат)* разделялся на две главные части, на правительствующий и судный. Первый назывался Правительствующим Сенатом или Имперским Правлением и заключал в себе все то, что при Екатерине первый департамент, а для успешности дел он подразделялся еще на три отдела, как-то: на исполнительный департамент или благочиния, на казенное управление или финансы, на просвещение или призрение и воспитание народное. Второй или судный для успешности также подразделялся на три отдела, как-то: на гражданский, уголовный и межевой департаменты. В случае разногласия каждые три составляли из себя общее собрание, и единогласныя их решения были равносильны. По про-

тестам или жалобам хотя могли их определения перерешиваться, но не иначе как по имянному повелению Императорскаго Величества в общем собрании всех департаментов, то есть правительствующих и судных. Заведывали они: первый департамент, или Имперское Правление, полицейския дела и все вообще исполнительныя, скораго решения требующия, точно как в губернии губернское правление; второй, или хозяйственный, приходы и расходы, ревизию счетов, коммерцию, банки, горныя дела, мануфактуру и, словом, все, что́ заведывается в губерниях казенною палатою. Третий департамент, просвещения и народнаго призрения, заведывал в себе все то, что́ по губерниям приказы общественнаго призрения. Четвертый департамент, оберегательный, состоял из всех обер-прокуроров и прокуроров. Первый департамент, или Имперское Правление, должен был состоять под надзором исполнительнаго или внутренняго министерства; второй, судный,— юстиц-министра; третий, просветительный,— под министром просвещения; четвертый — под ведомством генерал-прокурора, которые министры, каждый по своей части, не иначе были как опекуны только и надзиратели за успешным течением дел и понудители оных, имеющие власть предлагать только своему департаменту и по утверждении его входить с докладом к Императорскому Величеству, и ничего сами собою вновь постановляющаго или решительнаго не делать, ни наказывать, ни награждать. Обер-прокуроры на них могли протестовать к генерал-прокурору, а тот по важнейшим делам собирать общее собрание всех департаментов и, по разсуждению его, указом Императорскаго Величества перерешивать постановления департаментов. Словом, каждому министру была возложена обязанность пещись о лучшем устройстве и исправности части его посредством Сената, а никому не дано самому собою самовластно действовать, и все те власти из министерств стекаются к одному их центру, к Государю, посредством генерал-прокурора. За сию организацию получил Державин в Москве при коронации орден Александра Невскаго, как выше сказано.

<...> 1802 г. октября *(читай: сентября)* 8-го дня состоялся высочайший манифест о министерстве, в котором, в числе прочих 8-ми, сделан Державин юстиц-министром, с названием купно генерал-прокурора. В сей день ввечеру, когда случились у Державина гости, приехал

к нему господин Новосильцов и привез тот манифест, который, отозвав его в другую комнату, прочел ему по повелению, как он сказал, Государя Императора, с тем, чтоб он ему *(дал)* свое мнение, примолвя, что он назначаем был в финанс-министры, а г. Васильев в генерал-прокуроры; но как сей последний не хотел принять на себя, неведомо почему, сего названия, а убедительно просил сделать его финанс-министром, то Державину и судила судьба быть юстиц-министром, а Васильеву финансов. Поелику Державин уже видел указ о министерстве подписанным, к сочинению котораго он приглашен не был, а сочиняли его, сколько опосле известным учинилось, граф Воронцов и г. Новосильцов или, лучше сказать, тогда составляющие партикулярный или дружеский совет Государя Императора с помянутыми двумя, князь Черторижский и г. Кочубей, люди, ни государства, ни дел гражданских основательно не знающие[100], то хотя бы можно было в нем важные недостатки заметить, о которых ниже, при удобности, помянется; но как уже было дело сделано, то Державин и отозвался, что он ничего против подписанной Его Величества воли сказать не может. Министрами были сделаны: иностранных дел граф Воронцов, помощником его князь Черторижский; финанс-министром граф Васильев, помощник г. Гурьев: коммерц-коллегии граф Румянцов; внутренних дел г. Кочубей; военных сухопутных сил г. Вязмитинов; морских сил г. Мордвинов, помощник у него г. Чичагов; просвещения граф Завадовский, помощник его г. Новосильцов, который отправлял должность и правителя канцелярии сего комитета; юстиц-министром Державин. На другой день было собрание сего министерскаго комитета у графа Воронцова, яко старшаго члена. Оно было так-сказать для пробы, каким образом заниматься ему производством дел в личном присутствии Государя Императора. Державин тут же открыл свое мнение, что без основательных инструкций или наставлений для каждаго министра по его должности не будет от сего комитета в государственных делах никакой пользы, ни успеха, а напротив будут впадать в обязанности один другаго, перессорятся, и все падет в безпорядок, что к несчастию и случилось, о чем далее объяснится; но господа сочлены все возстали, а особливо граф Воронцов, против сего мнения, сказав, что в инструкциях на первый случай нет нужды, а что со временем оныя можно дать.

Итак вскоре после того на сем основании открыт министерский комитет в личном присутствии Государя Императора, который собирался, как и ныне, по два раза в неделю, именно по вторникам и пятницам, во дворце, во внутренних комнатах Государя. В первое самое собрание Державин то же самое, как выше, объявил, что без инструкций не можно с пользою действовать сему комитету, что и записано по просьбе его в журнал; но прочие господа сочлены объявили тоже, чтоб по времени сочинить их. Державин в непродолжительном времени и еще напомнил о том. Как Государь уже говорил, что в том почти нужды нет, говоря, что он тем своим манифестом никакой отмены не сделал в производстве дел, Державин тотчас противное доказал, так что все например коллегии только именем одним существуют, а не делом, ибо без всякаго разсуждения должны исполнять министерския предложения или повеления, даже так, что ежели бы было что явно от министра предложено против законов и польз государственных, то коллегии и никто из членов никуда не могут протестовать против онаго, но записать только у себя в журнал. Против сего никто не мог ничего возразить, то Государь и приказал подать каждому министру свое мнение, на каком основании быть их инструкциям или что они в себе содержать должны, дабы не впадать во власть другаго. Державин ответствовал, что поелику в манифесте о министерстве именно сказано, чтоб юстиц-министру поступать по должности генерал-прокурора, то он в сей должности и имел свою инструкцию и ни в какой другой не имел надобности, пока других министров должности или инструкции изданы не будут; а когда оныя издадутся, тогда он и увидит пределы своей обязанности, а равно и других, до какой степени чья власть простирается. Поелику же по должности генерал-прокурора, о коей в манифесте сказано, власть и обязанность его простирается, яко око государево, на все дела гражданския и государственныя, то он и будет действовать до издания новых по оной. А между тем, чтоб в делах замешательства не было и господа прокуроры не входили бы до них в непринадлежащее, то нужным он находит дать ордера прокурорам, каким образом им относительно министров поступать, которые с апробации Его Величества в присутствии министерскаго комитета учинены и даны были от 26-го октября 1802 года и разосланы к исполнению по всей Империи.

Таким образом и пошло кое-как течение дел относительно правления государства чрез министерский комитет; но как Сенат отменен не был и, по-видимому, оставался не токмо в прежней форме, но и силе, то и пошла путаница день от дня более. Например, закон Петра Великаго и Екатерины II говорит, что Сенат не имеет власти сам собою распоряжать государственными суммами сверх 10,000 рублей; но тут, без всякаго уважения какого-либо государственнаго места или совета и остережения прокуроров, подавали сами от себя министры доклады Государю о миллионах, который их и конфирмовал, и уже сего исправить не можно было, а потому и зачали министры тащить казну всякий по своему желанию. Державин первый таковой доклад усмотрел поданный от господина Кочубея и остановил-было его в Сенате; но как на то благоволения Императора не последовало, то и должен был замолчать с неприятностию. Равным образом зачали заключать министры контракты, сверх власти им данной, на превосходныя суммы, без уважения Сената, как-то г. Чичагов на поставку провианта в морской флот с купцом Косиковским сделал контракт без торгов и публикаций на несколько миллионов, против чего также спорил Державин, но и на это Государь не соизволил: то и стали сами по себе приходить законы в неуважение день от дня более, и правительство несколько ослабевать и разлучаться, как и от того, что прежде важныя места занимались и награждались знатными чинами по представлению герольдии и по докладу Сената Государю, а тут все то пошло по прихотливой воле каждаго министра, в коих распоряжения не токмо по генеральному регламенту никто не должен был вмешиваться, но и генерал-прокурор, то и спала с господ министров всякая обузданность, а потому и забота. Стали делать, что кому захотелось. Хотя в министерских комитетах и докладованы были дела, но без всяких справок и соображений; а потому в присутствии Императора заводить споры без точнаго осведомления было не ловко, да и не пристойно о том говорить, о чем достоверно не знаешь, то также все дела потянули ко вреду государства, а не к пользе. Например:

I-е. Предложено было от финанс-министра по лесной части, чтоб казенные леса измерив, привести просеками в геометрические фигуры, а годныя деревья для корабельнаго строения перечесть, как во Франции и других иностранных землях. Державин, судя по пространству Рос-

сийской Империи, говорил, что этого сделать не можно; сверх того, при производстве произойдет от того множество споров и разорения крестьянам, а более казенным от взяток, как то более, чем при генеральном межевании случилось, а со временем, когда умножится народонаселение, то это само по себе выдет: споры будут от того, что захотят под леса отводить, дабы сделать правильную геометрическую фигуру, пахотныя земли, другие будут до того не допускать, и в сем случае непременно произойдут срывы и взятки; что пересчитывать деревья почти нет возможности, да и пользы от того не выдет; что измерение сие продолжиться может несколько лет и едва ли в жизнь нашу окончится, а удобоисполнительнее и полезнее будет держаться в сем случае постановлениев Петра Великаго, что казенные леса отвести к одним местам при судоходных реках и окопать их валом, назвав заповедными рощами, которыя приумножить в удобных местах посадкою; при казенных же селениях, заклеймя, отдать сберегать леса самим крестьянам, обязав их подпискою и штрафом за вырубку, а именно отдачею виновнаго в рекруты, а вахтмейстеров отменить, потому что известно, как злоупотреблениями их более изводятся леса, нежели сберегаются; для партикулярных деревьев, годных для корабельнаго строения, назначить порядочные цены; то будут сами помещики для прибыли своей их беречь. Словом, по сему спору положено сделать пробу сперва только по одной Новогородской губернии, чтоб измерить и привесть леса в правильныя геометрическия фигуры, то есть в циркули, квадраты, треугольники и прочее, что и предписано; однакож по сие время чрез 10 лет и одного уезда не сделано по неудобности, что в сей губернии леса почти все на болотах, из чего выходит, что надобно прежде осушить болота, а потом уже приступить к измерению и описи.

II-е. Внутренний министр предложил, чтоб дозволить Иезуитам вводить католическую веру и даже преклонять в оную чрез миссионеров магометанские и идолопоклоннические народы, обитающие в Астраханской, Оренбургской и сибирских губерниях. Державин говорил, что довольно терпимости вер, какова оная существует теперь в Империи, а делать католическую владычествующею неприлично достоинству Империи, что может потрясти дух народа и произвести со временем мятежи и возмущения, каковы были во Франции и в Немецкой земле; но

лучше бы приложить старание о посылке миссионеров к иноверным идолопоклонническим и магометанским народам, дабы их привесть в религию Греческаго исповедания, как делал царь Иван Васильевич, и приучить их к хлебопашеству и прочим обычаям и нравам коренных русских подданных, что бы умножило силу и твердость Империи, и как к мнению Державина пристал граф Румянцов, то Кочубеево по сей материи и не принято к производству.

III-е. От иностраннаго министра графа Воронцова предложено было объявить Шведам войну за то, что чрез пограничную реку Кюмень выкрасили они весь мост не пестрыми красками, как у нас все казенныя здания красятся, черною и белою шахматно, но одною своею; но Державин и граф Румянцов противуполагали, чтоб прежде переписаться с министериею, чем открыть вдруг военныя действия за такую безделицу, может-быть от недоумения нижних чинов происшедшую, с чем и согласились, приказав однако до получения ответа приготовиться некоторым полкам к походу, а некоторым и сделать движение.

<...> Словом, по таковым с одной стороны министров безпорядкам, а с другой, то есть Державина, безпрестанным возражениям и неприятным Государю докладам, и стал он скоро приходить час от часу у Императора в остуду, а у министров во вражду.

Наконец нижеследующее приключение обнаружило первое их против него покушение. Министр военных сил г. Вязмитинов докладывал по воле Государя Императора, что унтер-офицеры из дворян, а особливо из Поляков, никак не хотят служить, всячески отбывая от службы, так что едва успевают вступить в оную, то уже и просятся в отставку. Положено было, чтоб подтвердить указ Императора Петра III и потом Екатерины II, чтоб дворян, не дослужившихся обер-офицерскаго чина, прежде 12-и лет службы их в отставку не увольнять. О сем состоялся указ, помнится в декабре месяце, который в Сенате без всякаго сумнения или замечания прочтен и записан.

Девять дней прошло, как о том никто не говорил; наконец в пятницу, как в день общаго собрания, поднес Державину обер-секретарь мнение графа Потоцкаго[101], по тому указу последовавшее, сказывая, что он его принять без его повеления не смеет, как по самому его

содержанию, так и потому, что уже в общем собрании дело сие кончено, то есть указ принят и отослан в военную коллегию для исполнения. Державин, разсмотрев мнение и увидя, что оно написано не токмо дерзко против Сената, который непристойными выражениями разруган, но и против Государя неприлично, который как бы в каком народном правлении сравнен со всеми гражданами, и тому подобныя нелепицы, не соответствующия законам, то Державин, не приказав его записывать, оставил у себя. В следующее воскресенье, как в день докладной, представя то мнение Государю, доложил, что он таковой непристойной и законам нашим противной бумаги принять не может: то как Он соизволит? Государь, как видно, знал о сем мнении, и едва ли не с позволения его оно написано, ибо тогда все окружающие его были набиты конституционным французским и польским духом, как-то граф Черторижский, Новосильцов, Кочубей, Строганов, а паче всех и как атаман их, граф Воронцов, который, как уже выше сказано, в Сенате при разсуждении о правах онаго, вводил мнения аристократическия или ослабляющия единодержавную власть Государя; но не был же тому противным, сколько видно было, и граф Валериан Зубов, бывший тогда в Совете и в уважении Императора: то Он и отвечал на доклад Державина весьма резко, сими точно словами: «Что же? мне не запретить мыслить, кто как хочет! пусть его подает, и Сенат пусть разсуждает». Державин докладывал, что таковыя мнения приводят особу Его и правительство в неуважение, что можно подавать мнение, но в свое время и согласно законам. Государь ответствовал: «Сенат это и разсудит, а я не мешаюсь. Прикажите доложить». В следующую пятницу докладывано, и как вся партия, хотевшая ослабить или разделить власть самодержавнаго Императора, а привлечь ее к министерству и Сенату, то и возстал такой крик, что и сладить было не можно; словом, что все одобрили мнение графа Потоцкаго, сказав, чтоб против имяннаго указа, принятаго уже Сенатом, в опровержение его подать Государю доклад: чтоб дворянство служило или не служило, отдать ему на волю. Один только сенатор Шепелев, будучи хороший приятель Державину, подошед к нему, спрашивал тихонько, что делать, которому он шепнул, чтоб он не соглашался с революционными мыслями, а держался бы старых законов, который так и сделал; да опосле, по совету Державина же, сенатор Ананьевский при подписке

журнала объявил, что он отступает от своего прежняго мнения, а присоединяется к Шепелеву. Державин в наступивший его докладной день донес о том Государю, что Сенат весь против его. Он так сильно встревожился, что побледнел и не знал, что сказать; но Державин успокоил его, сказав, чтоб он не изволил смущаться, а позволил ему отправлять его должность, как законы повелевают. Государь согласился, и генерал-прокурор должен был дать предложение Сенату, в котором разныя мнения сенаторов соглашались на точную силу законов; но, к несчастию, занемог простудою, так что не мог писать, а правитель его канцелярии и прочие письмоводцы или не хотели понимать его мыслей, боясь сильной противной партии, или не умели изобразить их по его желанию. Болезнь, сколько сама собою, или от чрезвычайной чувствительности и потрясения всех нерв,— что российский Сенат не токмо позволял унижать себя пришельцу и врагу отечества, но еще, защищая его, идет против своего Государя и тем самым кладет начальное основание несчастию государства, допуская засевать семя мятежей или революции, подобно французской,— так умножился, что Державин не мог написать мнения, по неоднократным присылкам графа Валериана Александровича Зубова, князя Александра Николаевича Голицына и наконец Новосильцова, из которых первый был сперва на стороне Потоцкаго, но когда Державин объяснил ему, что сим Поляки хотят разстроить нашу военную *(силу)*, дабы, изнежив дворянство, сделать его неспособным к военной службе, следовательно к защите отечества; ибо без офицеров и генералов-дворян военная наша сила исчезнет, а мы рано или поздно, таковым ухищрением, будем добычею врагов наших. Что же касается до того, что отцы и матери ропщут, что дети их должны будут служить 12 лет в унтер-офицерах и что это для них унизительно и несносно, то он ему объяснил прямую силу указа, в котором сказано, что недослужившихся до обер-офицерскаго чина унтер-офицеров прежде 12-и лет не отставлять, но кто будет обер-офицером, тех позволено отпускать из службы чрез год, и как чрез все царствование Екатерины сей закон не отменялся и дворянство себя утесненным не считало и выходило из службы под видом болезней, когда хотело и нужды в том не имело, ибо прежде гораздо 12-и лет дослуживались до обер-офицерских чинов, а особливо в гвардии. Да ежели и чрез 12 лет кто получит офицерское достоинство, то никакого

в том притеснения нет, ибо в самые вышние чины государства довольно еще время остается доступить, как то своим собственным опытом доказал Державин, что служа 12 лет в унтер-офицерских чинах, дошел до генерал-прокурорскаго чина; то граф Зубов, по таковом объяснении, и отступил от прежняго своего *(мнения)* и был согласен с Державиным. Как он, по облегчении своем, написал кое-как свое предложение Сенату, но не мог еще сам выезжать, то приезжал к нему он, граф Зубов, от Государя и требовал заготовленное его предложение, прежде отсылки в Сенат, на разсмотрение Его Величества. А как оное было хотя справедливо, но слишком горячо написано противу Потоцкаго, то и получил обратно с почернением некоторых строк, с таким приказанием, чтобы предложение было поскорее дано Сенату, дабы унять молву народную, разносящуюся по сему случаю с разными толками. Но как Державин не совершенно еще от болезни оправился, и доктора ему не позволяли выезжать, ибо к простуде, от чрезвычайнаго огорчения на подлый поступок Сената, разлилась желчь, то чуть-было не умер; а потому и нашелся он в необходимости препоручить предложение свое представить Сенату, как старшему обер-прокурору перваго департамента, князю Александру Николаевичу Голицыну[102].

Между тем в продолжение сего времени мнение графа Потоцкаго дошло в Москву, которое там знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло с восхищением, так что в многолюдных собраниях клали его на голову и пили за здоровье графа Потоцкаго, почитая его покровителем российскаго дворянства и защитником от угнетения; а глупейшия или подлейшия души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко злодеев, выставить на перекрестках, замарав их дермом для поругания, не проникая в то, что попущением молодаго дворянства в праздность, негу и своевольство без службы, подкапывались враги отечества под главную защиту государства. Голицын представил Сенату предложение генерал-прокурора, которым он соглашал давших разныя мнения на единомыслие; но, будучи человек молодой и неопытный, не умел сберечь совершенно порядка законнаго, то есть не приказав сбирать голосов с младших, тем допустил возвысить свой голос или наперед вызваться господина Трощинскаго, как главнаго предводителя противной партии, своим мнением, прежде нежели было разсуждаемо

и прежде нежели было ему должно; чем безголовых или, лучше, бездушных сенаторов, то есть глупцов и трусов, привел в смятение и безгласность, которые потом пристали к тем, которые себя объявили с Трощинским согласными, кроме однако двух, Шепелева и Ананьевскаго, и третьяго, Гурьева, который отозвался ни в ту, ни в другую сторону. Министры все, сколько можно было догадаться, ничем не отозвались из политических видов, потому что с одной стороны их согласие было уже на представление Вязмитинова в министерском комитете, а с другой главнейшие из них, как выше объяснено, желали аристократическаго правления, то есть чтоб усиля Сенат, в оном господствовать. Поелику же таковое разногласие сенаторов и после согласительное предложение генерал-прокурора по силе законов требовало особой процедуры, то есть, чтоб вносились мнения сенаторов и предложение генерал-прокурора, без всякаго приговора, на разсмотрение Императорскаго Величества, а потому, по выздоровлении Державина, выехал он в наступившую пятницу в Сенат, и как по обыкновению стали подписывать журнал прошедшаго собрания, то и требовали сенаторы противной партии,— разумеется, горланы или крикуны, Алексеев и прочие,— чтоб был написан приговор по их мнению, и даже давали о том приказание обер-секретарю; но как по законам канцелярия Сената непосредственно состояла под управлением генерал-прокурора, без апробации котораго не могли приговоры быть ни поднесены к подписанию сенаторов, ни после подписания отданы к исполнению, то обер-секретарь, не могши сам собою исполнить приказания сенаторов, докладывал генерал-прокурору пред всеми вслух, что он прикажет, писать ли приговор. Державин ответствовал: «Поступить по законам, внести[103]... дело без приговора для представления Его Величеству». Так ответствовал Державин.— «Нет», закричали несколько сенаторов: «мы приказываем, пиши приговор».— «Этого нельзя», возразил Державин. Тут Алексеев и Строганов возопили без всякой пристойности: «Как, нас не слушают! мы вам приказываем написать приговор». Державин, видя такое неистовство и несведение законов, возвыся голос, сказал: «Его Величество изволил приказать взнести все дело без приговора на его разсмотрение».— «Как, Его Величество?» закричали Строганов и Алексеев: «клевета! клевета!» — «Нет, не клевета», с твердым голосом сказал Державин протоко-

листу: «запиши все происшествие в журнал». После сего все оробели и замолкли. Державин на сей непредвидимый случай хотя не имел точнаго имяннаго повеления Государя Императора; но как закон именно повелевал вэносить таковыя спорныя дела, без приговоров, к Императорскому Величеству, то чтоб устранить мятеж сенаторов, он, опершись на сказанный закон, объявил волю Императора сам собою, поелику ей инаковой не признавал быть, как согласной с законом, что он все после и пересказал Государю и получил от него благоволение. Подобное сему малодушие и несведение законов показал Сенат и при сем первоначальном предложении генерал-прокурором мнения графа Потоцкаго.

Неизлишно почитаю, как несколько смешное приключение, распространить сие подробнее. Когда назначено было собрание для выслушания того мнения, то сказано было в повестках, что сзывается Сенат для выслушания некотораго государственнаго дела. Почему и велел Державин приготовиться канцелярии Сената с возможным уважением и припасти нужное, а между прочим и молоток деревянный Петра Великаго, хранящийся в ящике на генерал-прокурорском столе, и песочные часы, которые Он употреблял во время слушания важных дел таким образом: когда начинали читать дело, то он ударял по столу молотком, давая чрез то знать, чтоб обращено было внимание к выслушанию читаемаго и никаких бы посторонних разговоров во время чтения не происходило; а когда оканчивалось чтение, то он приказывал секретарю, который производил дело, сбирать голоса, начиная с младшаго, которые давали сенаторы письменные или словесные, по собрании коих читались оные в слух; и если открывалось несогласие, тогда он, по генеральному регламенту, давал час на разсуждение или на диспут, и для того-то поворачивал часы верхнею скляночкою на низ и смотрел, покудова из верхней в нижнюю перекатится весь песок, что означало час. Тогда ударял молотком по столу, давая тем знать, чтоб перестали спорить, садились бы на места свои и давали решительные голоса, которые протоколистом записывались, и буде были согласны, то таким образом и решалось дело; ежели ж были разные, то его голос или имянной указ совершенно оканчивал дело. Так поступал и бывший при нем генерал-прокурором граф Ягужинский, когда не присутствовал Государь в Сенате. Было ли после его такое употребление

молотка и песочных часов — неизвестно; многие однако говорили, что не было. Державину разсудилось оные употребить, дабы придать более уважения делу, коим так-сказать боролось монархическое правление с аристократическим. Первое защищал генерал-прокурор, удерживая единодержавную власть при Государе, а второе Сенат, присвоивая некоторую часть власти себе в том разуме, что ежели он в праве всегда будет на имянные указы делать цензуру или свои примечания и входить о том с докладом к Императорскому Величеству (ибо хотя законами Петра Великаго и Екатерины Второй и позволено Сенату входить с докладом к Государю в сомнительных случаях, когда какой закон или указ неясен или неудобоисполнителен или вреден государству; но иначе сего не делывалось, как чрез генерал-прокурора, с докладу Императорскаго Величества собрать коллегии и трактовать с важною осмотрительностью и уважением предстоящих сумнений, что положено будет, входить с докладом и испрашивать повеления, которое уже безмолвно исполнено, а не так, чтоб одному Сенату самому собою, не чрез генерал-прокурора, дана была власть подавать таковые доклады): — сие бы было уже почти аристократия. Словом, когда было предложено помянутое мнение Потоцкаго и дан был час на диспут, то сделался великий шум: сенаторы встали с своих мест и говорили между собою с горячностию, так что едва ли друг друга понимали, и прошел час, на диспут данный. Державин несколько раз показывал часы, просил, чтоб садились на их места и давали свои голоса; но его не внимали. Тогда седши на свое место за генерал-прокурорский стол, ударил по оному молотком. Сие как громом поразило сенаторов: побледнели, бросились на свои места, и сделалась чрезвычайная тишина. Не знаю, что было этому причиною,— не показалось ли им, что Петр Великий встал из мертвых и ударил своим молотком, к которому, по смерти его, никто не смел прикоснуться. И по городу были о сем простом и ничего не значащем случае многие и различные толки: по обыкновению, недоброжелатели толковали в невыгодную Державину сторону, говоря, что будто он на сие не имел права и что тем присвоил себе право Государя; но как Державин никаких против Императорскаго Величества намерений не имел, а напротив того защищал его самодержавную власть и молотком ударил только для того, чтоб разбредшихся сенаторов и шумящих усадить скорее на их

места и побудить к даче их голосов, то сами по себе все пустые толки исчезли.

При докладе Государю о всем происходившем по сему делу в Сенате, Державин несколько раз внушал ему, что, защищая его права, как генерал-прокурор, много он себе новых наделал злодеев, и что не преминут его всячески очернивать и приводить к нему в немилость; но Государь всегда уверял его, что он его не выдаст и чтоб он отправлял свою должность, не боясь никого, по законам. Но противная сторона, как-то окружавшие Государя поляки и польки, сильным образом и непрестанно работали по сему делу, покудова оно производилось в Сенате, уменьшая его важность и оправдывая Потоцкаго и сенаторов, против его власти возставших, так что Державин приметил его гораздо умягченным против них и переменившим его мнение против того, когда ему он первоначально доложил, что все согласились с мнением Потоцкаго; тогда он с негодованием сказал: «Я им дам себя знать». Таким образом внесено было дело сие с разными мнениями без приговора к Государю. Долго он его один, или с кем-либо из ближайших ему советников, как-то: Черторижским, Новосильцовым, Кочубеем и Строгановым, разсматривал, не говоря с генерал-прокурором ни одного слова, из чего и познавал он, что противная сторона взяла перевес. Наконец, на Фоминой уже неделе, позволено было предстать депутации Сената для объяснения сего дела пред Государем, как о том в праве сего правительства, при министерском манифесте изданном, узаконено было, которое при преемнике Державина, князе Лопухине, отменено. Со стороны Сената избран был для объяснения сего дела г. Трощинский, который в то время отправлял должность статс-секретаря, и граф Строганов, а Державин один защищал сторону генерал-прокурора. При вступлении в кабинет к Его Величеству, часу в 7-м ввечеру, хотя еще светло было, но неизвестно для чего гардины у окон были завешены, и горели свечи. Великая везде была тишина, и Государь один дожидался. Принял весьма важно сам, при письменном столе, и депутации *(приказал)* садиться, не говоря никому ни одного слова. Потом приказал Трощинскому читать бумаги, то есть мнение Потоцкаго, резолюцию Сената, предложение согласительное Державина и наконец последнее сенатское мнение. По выслушании встал, весьма сухо сказал, что он даст указ, и откланялся. Предполагаемо было, что при таковых депутациях

Государь будет входить во всем подробности дел, то есть с тою и другою стороною объясняться; но как этого тогда, да и после, как слухи носились, никогда ничего не было, то и весьма хорошо, что оне отменены, ибо никакой пользы не приносили и истины не могли в полном ея свете открывать Государю, которая по большой части зависит от чистосердечия и безпристрастия докладчика.

Дела текли по-прежнему, и хотя с тех пор не примечал Державин в Государе прежняго к себе уважения, однакоже не видал и недоверенности. Спустя некоторое время, к великому всех удивлению состоялся по Потоцкому делу неожиданный указ, которым не токмо сделано уважение Сенату и законам, согласно предложению генерал-прокурора, но вовсе у него отнято право входить с докладом к Императорскому Величеству по его в состоящихся указах сумнениям. В мае месяце докладывал Державин Государю правила третейскаго совестнаго суда, им сочиненныя, над которыми трудился несколько лет по многим опытам третейскаго судопроизводства, и посылал по многим своим приятелям, знающим законы, для примечания. Государь, выслушавши опыя правила, вскочил с восторгом со стула и сказал: «Гаврил Романович! Я очень доволен, это весьма важное дело». Однакоже те правила и по сие время не выданы к исполнению. Слышно было, что г. Новосильцов их не одобрил, по недоброхотному отзыву окружающих его подьячих, Дружинина и прочих, для того что они пресекали взятки и всякое лихоимство, что было им не по мыслям; ибо тогда бы царство подьяческое прошло. Однакоже при прощании с Державиным, как ниже о том увидим, Государь побожился, что он те правила введет в употребление. В мае месяце в том году, то есть 1803-м, путешествовал Государь в Лифляндскую губернию, а с ним г. Новосильцов и граф Черторижский, и как они были враги Державина, то, будучи с Государем не малое время так-сказать в уединении, и довершили они Державину свое недоброжелательство разными клеветами, какими именно — неизвестно; но только из того оное разуметь можно было, что Державин, будучи во время отсутствия Императора отпущен в новогородскую свою деревню Званку на месяц, не мог за болезнию к приезду Государя возвратиться, то писал к князю Голицыну, прося доложить, что замедление его происходит от болезни, но что он однако скоро будет. На что по приезде получил

отзыв, что Ему нет в нем нужды, хотя бы он и вовсе не приезжал. Державин хотя почувствовал сим отзывом неблаговоление себе Государя, но терпеливо снес оное, стараясь, сколько сил его было, исполнять наилучшим образом свою должность.

С того времени приметным образом холоднее обращался Государь с Державиным. Однакоже дела шли своим порядком, им утвержденным в Сенате, весьма поспешно и безпристрастно, что может засвидетельствовать и поныне вся публика, так что он имел удовольствие видеть, что в общем собрании иногда в одно заседание по 4 дела решено было. В июле месяце, на Каменном острову, в министерском комитете читано было по внутреннему министерству графом Кочубеем сочиненное господином Сперанским образование внутренняго министерства, и как оно писано было, кажется, более для того, чтоб показать большое сведение в старинных учреждениях разных наших присутственных мест, приказов и контор, а не с тем, чтоб принесть государственную пользу, как то и оказалось после, что все учреждаемое господином Кочубеем и господином Сперанским было несообразица с настоящим делом[104]: то и было оно преогромное сочинение, чтением котораго занимались более 4-х часов; но как никто никакого толку не понял, что и для чего предполагалось, то и просили Государя, чтобы позволено было каждому министру на дом взять и разсмотреть сие сочинение. Император позволил; таким образом пошло оно по рукам министров, и наконец, чрез несколько недель дошло до Державина, июля 22-го числа, то есть в день рождения Государыни Императрицы Марии Федоровны, поутру, когда сбирался он к ней для поздравления в Павловск. Там, увидавшись с ним, г. Кочубей спросил, получил ли он учреждение его департамента.— «Получил».— «Пожалуйте, пришлите мне его на час нечто поправить: я тотчас к вам возвращу».— «Хорошо». Вследствие чего, возвратясь из Павловска, при кратком письме, в котором сказал, что он еще его не разсмотрел в подробности как должно, по требованию его возвращает, с таковым только по краткости времени замечанием, что если ни один архитектор без основания или фундамента не строит здания, то кажется ему, что без основания или инструкции — и учреждения департамента писать не можно; но когда он ему пришлет, то не оставит он подробных сделать примечаний. Спустя недели две, вдруг в министерском комитете, неожи-

данным образом, в присутствии Государя читают то письмо, с таковым тоном, что будто я не хотел разсматривать сочинение г. Кочубея и негодую на то, что толь долгое время не даются инструкции министрам. Государь, по прочтении письма, с неудовольствием отозвался: «Что вы меня побуждаете так скоро дать вам инструкции, когда вы сами чрез полгода не могли подать мне своих мнений, что по каждой части надобно». Державин встал и доложил Государю, что он отнюдь не с тем намерением писал к г. Кочубею, чтоб побуждать Ваше Величество писать инструкции, а думает, что без них никаких департаментов министерства учреждать не можно. Государь сухо ответствовал: «Я дам инструкции»; однакоже и по сию пору, можно сказать, их основательных или подробных нет. Таким образом гг. министры подыскивались во всяких безделках под Державина и его оклеветывали, а особливо граф Кочубей, потому что должность внутренняго министра по судебным делам, а особливо по губернскому правлению, непрестанно сталкивалась с генерал-прокурорскою обязанностию, или шли так-сказать смешанно с прямаго пути сбиваясь, перемогая друг друга пронырствами и ухищрениями. <...>

Выше уже видно, что Государь около сего времени час от часу холоднее становился к Державину; но началось внутреннее его к нему неблагорасположение сперва обнаруживаться тем: *Первое.* В одно время, при докладе по какому-то частному письму, увидев число на нем прошедшаго месяца, сказал, что «у вас медленно дела идут». Державин ответствовал: он смеет удостоверить, что в Сенате ни при одном генерал-прокуроре так скоро и осмотрительно дела не шли, как ныне, что их в общем собрании в одно присутствие иногда решается по 4, и жалоб на оныя нет.— «Но вот это письмо доказывает, что так замедлилось», возразил Государь с неудовольствием.— Что касается до частных писем, сказал Державин, то это не его дело.— «Как, не твое дело?» с негодованием спросил Император.— «Так, Государь! это дело статс-секретарей: они, по частным письмам собрав справки или сделав с кем надлежит сношение, должны докладывать Вашему Величеству и писать по ним ваши указы, а генерал-прокурорская обязанность состоит прилежно смотреть за Сенатом и за подчиненными ему местами, чтоб они решали дела и поступали по законам: так при покойной Вашей бабке было. Я был сам статс-секретарем, и очень это знаю, что не затрудняли та-

кими мелочьми генерал-прокурора».— «Но при родителе моем так учреждено было».— «Я знаю; но родитель Ваш поступал самовластно, с одним генерал-прокурором без всяких справок и соображения с законами делал, что Ему было только угодно; но Вы, Государь, в манифесте при вступлении на престол объявили, что вы царствовать будете по законам и по сердцу Екатерины: то мне не можно иначе ни о чем докладывать Вам, как по собрании справок и по соображении с законами, а потому и не могу я и сенатския и частныя дела вдруг и поспешно, как бы желалось, обработывать и Вам докладывать. Не угодно ли будет приказать частныя письма раздать по статс-секретарям?» — «Ты меня всегда хочешь учить», Государь с гневом сказал: «я самодержавный Государь и так хочу».

Второе. В один день говорит: «Как это у вас дела исполняются, а канцелярия ваша об них не знает?» — «Не понимаю и не знаю, Государь», сказал Державин: «позвольте о том мне справиться, какия бы то были дела, которыя исполнены, прежде нежели канцелярия о них знала». Державин справился и нашел, что в самой вещи несколько было таких дел, которыя уже по исполнении их отданы были к записке в регистратуру канцелярии, например, доносы о похищении казначеями казны, о заговорах и умыслах на особу Государя и о прочем, по которым, с докладу Его Величества, писано было секретно к кому надлежало собственною рукою Державина, чтоб взяты были подлежащие меры, к захвачению похищения казны и заговорщиков, прежде нежели узнала о том канцелярия, для того что имели они и здесь в городе и по губерниям приятельския связи, чрез которыя происходила преждевременная разгласка, и виновные могли укрываться. Державин объяснил сии обстоятельства Государю, и он оправдал его поступки.

Третье. Министерския канцелярии имели между *(собою)* приятельские связи, и как большая часть производителей дел были из семинаристов, выбранные и пристроенные к их местам чрез господина Сперанскаго, который всеми или, как скрытою так-сказать машиною, двигал и руководствовал, так что какое у котораго министра, а особливо у Державина, было приготовлено к докладу дело им апробованное и положено в портфель, он уже знал, а потому, буде оно было изложено не по его мыслям или, лучше сказать, того триумвирата приближенных

тайных советников, Черторижскаго, Новосильцова, Кочубея и Строганова и прочих коварных и корыстных, то и предваряем был Государь заблаговременно тайными побочными внушениями против справедливости и истиннаго существа того дела. Итак, когда Державин, а можетбыть и другие когда приходили то-и-дело к Государю, то он, выслушав и не говоря никакой резолюции, приказывал оставлять те дела у себя на столе, которыя один или с теми советниками разсматривал или не разсматривал, то выходили несообразные с истиною, с законами и с пользою государственною законы и учреждения, а другия остались и по сие время без движения. Для сего ж, чтоб все знать происходящее у министров в канцеляриях, подкуплены были из самых их служителей, людьми, которые доводили до сведения Сперанскаго и прочих все, что узнали. Таким образом внушено было Государю и вышеписанное обстоятельство, что известны были некоторыя бумаги в канцелярии министра юстиции прежде исполнения оных. Словом, помянутыя недоброжелательствующие Державину министры сами или их угодники употребляли все низкия, подлыя и коварныя средства в чем-нибудь подловить Державина, так что выкрадывали бумаги из канцелярии, как-то, например, г. Трощинский сообщил к нему подписной имянной указ о произведении в чин однаго служившаго под начальством его в почтовом департаменте чиновника. Державин, получа оный, по заведенному порядку отдал для записки и отсылки в Сенат директору его канцелярии Колосову. Сей дурной человек или, прямее сказать, бездельник неумышленно его потерял, или по открывшимся после дурным его поступкам соглашусь лучше верить, что нарочно его уничтожил, дабы (не смотря на то, что предательски) выказать лучше безпорядок канцелярии, хотя оный наиболее от него зависел, и неисправность канцелярии, в которой, как выше видно, Государю хотелось Державина обличить. Несколько недель спустя, Трощинский пишет Державину, что он не видит исполнения помянутому указу. Державин справляется, не находит онаго. Спрашивает директора: он отрицается, говоря, что не получал. Дежурный канцелярский служитель уличает его, что он подносил пакет министру, а сей, раскрыв пакет, отдал его директору, у котораго он в руках его видел; но сей с клятвами отрицается, что ни от кого не получал и не видал. Итак мог бы он его предать суду; но как рекомендован

он был не токмо от графа Валериана Зубова, котораго Державин любил и считал себе другом, но и от самого Государя, то он о сем происшествии и докладывал ему, объясняя и прочее его дурное поведение, что он обращается безпрестанно в карточной игре и в пирах, а к должности ни мало не прилежит, то не мудрено и канцелярии быть неисправной, потому что директор вовсе должностию своею не занимается, и просил, чтоб позволил переменить его; но Государь промолчал на то и подписал другой указ о помянутом чиновнике; потом сказал, чтоб он ему сделал выговор. Из сего понял Державин, что он Колосова покровительствует, а может быть и нарочно ему его рекомендовали такого, чтоб чрез него тайным образом Сперанскому и прочим ведать, что происходит в канцелярии министра юстиции, как о том выше явствует. Такой же бездельник был Колосовым рекомендованный управляющий по юстицкой части некто Лавров, который ныне действительный статский советник, кавалер и директор Тайной канцелярии[105]. Он выкрал важныя бумаги, которыя, при смене Державина с министров, не могли найти по делу Лазаревича о драгоценном брилианте, находившемся в скипетре Императора, что он обманом присвоен был Лазаревичем от некоторых персиян, по наследию от своей матери получивших сей камень, от времени шаха Надира ей доставшийся, у тех персиян нагло отнял тот камень, дав им другой поддельный, из чего происходило дело по нижним правительствам, а наконец и в самом Сенате, где все доказательства и улики бедных персиян, по выбытии Державина из министерства, уничтожены. Лазаревич оправлен, и они едва ли куды в кибитках не отосланы. Сие вопиющее дело Бог разсудит; но когда *(бы)* был Державин министром, то не допустил бы он утеснить сильной стороне людей безсильных.

Как бы то ни было, подобныя дела и обстоятельства делали много недоброжелателей Державину и, внушениями на него разными, Государя к нему остужали, что он и сам с своей *(стороны)* добавлял, держась сильно справедливости, не отступая от нея ни на черту, даже в угодность самого Императора. Скажем несколько тому примеров. Государь, в угодность своей фаворитке Нарышкиной, которая покровительствовала графа Соллогуба, против законов приказал от жены его отобрать имение, отданное им ей записью, и наложить опеку без всякаго в нижних судебных местах о том производства. Как это

было против коренных законов и самого Его о министерстве манифеста, которым точно запрещено в Сенате не производить дел, не бывших в суждении нижних инстанций, а также имений, кроме малолетных и безумных, в опеку не брать, то Державин выписал те законы и представил Государю, сказав, что он долгом своим почитает оберегать не токмо Его законы, но и славу. Но Государь, оставя дело у себя, дал несколько спустя дней о том указ; но Державин не контрасигновал его, так как не контрасигновал указов по упомянутому Потоцкому делу, по отрешению нижегородской уголовной палаты председателя от должности и без суда, по вольным хлебопашцам и прочим. Но о сих последних двух делах за нужное почитается упомянуть пространнее.

Г. Кочубей сообщил волю Государя, чтоб отрешить от должности председателя нижегородской уголовной палаты, не помню его фамилии, за то, что ассессор этой палаты с кем-то поссорился на улице, взят в полицию, и губернатор приказал его палками или, не помню как, наказать. Председатель отозвался, что это не его дело, что когда дело дойдет по уголовному суду до него, тогда он определит виновному наказание по законам. Губернатор за это прогневался и представил внутреннему министру на председателя якобы в непослушании. Между тем председатель просил о своей защите министра юстиции. Сей не успел еще ничего по сей просьбе сделать, как господин Кочубей докладывает, без всяких справок и сношения с министром юстиции, Государю, и получил от него повеление отрешить председателя от должности, о чем и объявил внутренний министр сообщением своим волю Государя. Державин, сообразя жалобу председателя с представлением губернатора и нашед последняго поступок не сообразным ни с законами, ни с справедливостью, передоложил Государю неосновательный доклад Кочубея. Государь сим был доволен; но чрез несколько дней опять получено государево повеление, чтоб он непременно заготовил указ об отрешении председателя и поднес бы к подписанию Его Величества. Тогда Державин, заготовив указ и поднося к подписанию, еще объяснил невинность председателя; но Государь, не вняв его представлению и не говоря ни слова, подписал. Державин, приняв сей указ и не контрасигнировавши оный, отослал его при письме г. Кочубею, в котором сказал: как по его докладу и ходатайству сей состоялся указ, то чтоб и изволил он

его контрасигнировать, а он не может, видя невинность председателя. Кочубей представил письмо Государю, которое он прочетши, указ изодрал. Но неизвестно почему и как сие мог сделать господин Кочубей, что он чрез несколько дней *(объявил)* словесное имянное повеление в Сенате об отрешении того председателя. Хотя бы Сенату и не следовало его принять (первое потому, что Кочубей его объявил не по своей части, а по части министра юстиции, а второе, что председатели палат определяются на их места собственноручным подписом докладов сенатских Императорским Величеством; то объявленные словесные имянные указы и не имели по законам против подписных никакой силы); но однако из подлой трусости принял тот указ и председателя от должности отрешил, который однако год спустя после уже министерства Державина, приехав сам в Петербург, подавал письмо Императору, доказал свою невинность и незаконное его отрешение: отдана ему справедливость, и по желанию его дано полное жалование, и он от службы уволен. Вот большой частию как молодыми министрами производились дела.

Касательно вольных хлебопашцев, то сие таким образом случилось. Румянцов выдумал (смею сказать, из подлой трусости Государю угодить) средства, каким образом сделать свободными господских крестьян. Как это любимая была мысль Государя, внушенная при воспитании его некоторым его учителем Лагарпом, то Румянцов, чтоб подольститься Государю, стакнувшись наперед, смею сказать, с якобинскою шайкою — Черторижским, Новосильцовым и прочими, подал проект, чтоб дать свободу крестьянам от господ своих откупаться, хотя сего никогда запрещено не было, и на сем основании отпустил своих крестьян до 200 душ, которые, как после слышно стало, никогда не были его крепостными людьми, но вольные, отцом его покойным фельдмаршалом — с условием какого платежа или из милости на его землях вновь от Порты приобретенных,— поселенные. Государь проект сей, одобренный его молодыми тайными советниками, принял весьма милостиво или, лучше сказать, с радостию, что нашлося средство привести его любимейшую мысль к исполнению, передал оный Государственному Совету на разсмотрение или, лучше сказать, на исполнение. Все господа члены Совета, хотя находили сей проект неполезным, перешептывали между собою о том, но согласно

все одобрили, как и указ заготовленный о том апробовали. Державин только один дал свой голос, что всем владельцам по манифесту 1775 года отпущать людей и крестьян своих позволено, а по указу царствующаго Государя 1801 году и снабжать отпущенных людей землями можно, следовательно никакой нужды нет в новом законе. Румянцов может освободить хотя всех своих людей и крестьян по тем указам (однако же того ни тогда, ни после не сделал), а на всех особым указом растверживать о мнимой вольности и свободе простому, еще довольно непросвещенному народу, опасно, и только такое учреждение наделает много шуму, а пользы никакой ни крестьянам, ни дворянам. Это мнение его записано в журнале Совета; но несмотря на то, Государь дал указ известный о вольных хлебопашцах. Когда к генерал-прокурору он прислан был, то, не посылая онаго в Сенат, поехал во дворец и представил Государю со всею откровенностию и чистосердечием о неудобности указа. Он вопросил: «Почему же он безполезен?» — «Не говоря о политических видах, что нашей непросвещенной черни опасно много твердить о вольности, которой она в прямом ея смысле не понимает и понять не может», ответствовал Державин: «но и по самому своему содержанию он неудобоисполнителен».— «Почему?» — «Потому что условливаться рабу с господином в цене о свободе почти невозможно; это такая вещь, которая цены не имеет, требуя со стороны господина только всего великодушия, а со стороны раба благодарности, а иначе всякия условия будут тщетны. Натурально, раб за свою свободу будет обещать все, что от него ни потребуют; а помещик, лишаясь крестьян и с ними своего доходу или, лучше сказать, своего существования, захочет иметь такой капитал за сию свободу, чтоб не токмо *(не)* разстроить, но и улучшить свое благосостояние. Из сего выдут неустойки в платеже условленных сумм, из неустойки дела и тяжбы, которых такое великое множество по долгам. Сверх того, как правосудие в Российской Империи большею частью в руках дворянства, то дворянин, судя дело своего собрата, будет осуждать сам себя; из того другаго ничего не выдет, как подготовленное беззаконие: будут обвиняемы крестьяне и обращены по этому указу в прежнее их крепостное состояние или тягчайшее рабство, потому что помещик за причиненные ему хлопоты и убытки будет мстить. Сверх того, и государственное хозяйство неминуемо от сего учреждения потерпит как

в сборе рекрут, так и денежных повинностей, ибо крестьяне, продав взятую ими у помещиков землю, могут переселиться на другия в отдаленнейшия страны Империи, где их сыскать скоро не можно, или по своевольству своему и лености разбрестися, куды глаза глядят, чтоб только не ставить рекрут и не платить никакой повинности, в чем они единственно свободу свою *(полагают)*. Нижние земские суды или сельская полиция, по пространству в Империи мест жилых и пустых, удержать их от разброду не могут без помещиков, которые суть наилучшие блюстители или полицийместеры за благочинием и устройством поселян в их селениях. Ежели же по доходящим иногда к Государю жалобам от крестьян на тиранские помещиков их поступки, на угнетение поборами и разныя насилия, как милосердному отцу невозможно не обратить внимания своего и не оказать правосудия, то к предупреждению таковых жалоб советовал Державин Государю пригласить не вдруг из всей Империи, а по частям из нескольких губерний губернских предводителей дворянства, которым дать милостивые рескрипты, похваля с одной стороны древнюю и новую службу дворян, а с другой изобразить дурные поступки с своими подданными некоторых помещиков, доходящие до престола, приложа оным экстракт из дел имеющихся в Сенате, приказав им найти средство и положить их мнение, какия в которых губерниях и уездах могут собираемы быть денежныя или продуктами подати или отправляемы работы, потому что они не могут быть по положению различных мест одинаковы; а также и наказания телесныя, какия дома чинить и для каких отсылать в градския и сельския полиции. Предводители сие должны непременно будут сделать, следовательно они на себя сами сделают постановление, а на Государя ропоту не будет. Таким образом и крестьяне облегчатся в их участи, и правительство не будет иметь опасности от которой-либо стороны ропоту или неудовольствия». — Государь, выслушав сие представление от Державина, казался довольным, приказал указ свой отдать в Совет, дабы вновь был пересмотрен. Касательно же созыва дворянских предводителей, то сказал, что он о сем подумает, а из всех вдруг губерний сделать многолюдный вызов он находит неудобным и не безопасным.

Державин едва от Государя возвратился домой, располагаясь на другой день представить указ в Государ-

ственный Совет, как является к нему г. Новосильцов с повелением от Государя, чтоб указа не отдавать в Совет, а отослать в Сенат для непременнаго исполнения. Державин крайне сим огорчился и не знал, как тому помочь: то пришло ему в голову, что в правах Сената, напечатанных при министерском манифесте, и по коренным Петра Великаго и Екатерины II законам позволено сему правительству входить с докладом к Императорскому Величеству, когда какой новоизданный закон покажется темен, неудобь-исполнителен или вреден государству: то и желал приятельски о том сделать внушение комулибо из господ сенаторов, чтоб он, при записке того указа Сената в общем собрании, подал мысли прочим сенаторам взойти в доклад к Государю, представя ему неполезность указа. Обращаясь мыслями на того и на другаго сенаторов, показался ему всех способнее, по престарелым летам своим и по знанию законов и польз государственных, Федор Михайлович Колокольцов, котораго он тот же день пригласив к себе на вечер, сообщил наедине свои мысли. Он, поняв всю важность предложения, охотно согласился оное исполнить. Державин остался спокоен, уповая, что в понедельник, при объявлении указа в общем собрании, положат войти с докладом о неудобности сего новаго закона. В сих мыслях, во вторник, яко в докладной день, быв у Государя, поехал в Сенат в полном удостоверении, что г. Колокольцов поступил, как обещал. Вместо того на вопрос ответствуют ему, что указ в общем собрании принят, записан и отослан в первый департамент для исполнения. Весьма он сему удивился. Подходит к Колокольцову, спрашивает его потихоньку: «Как, указ принят?» — «Так», отвечает он пересеменивая: «к несчастию, я сделался болен вчерась и не мог в Сенате быть». Поговоря, положили, что будто по разноречию в исполнении, внести паки в общее собрание. Как разсуждение было о том при обер-прокуроре князе Голицыне, посаженном в сие место, можно сказать, более не для соблюдения законов и настоящаго дела, а для тайнаго уведомления Государя, что в Сенате делается, и как он верно отправлял возложенную на него должность, обедая всякий день во дворце, то разсуждения Державина о сем указе,— в которых он говорил о безполезности и неудобности сего указа, сожалея о Государе, что он приведен на такое дело, которое не принесет ему ни пользы, ни славы, натурально что Голицыным слушаныя,— поехав во дворец, пере-

сказал Императору; а как по вторникам всякую неделю, после обеда часу в 7-м, был во дворце в присутствии Императора министерский комитет, то Государь, посидев в нем не более часа, не очень весело кончил присутствие, и лишь только начали министры разъезжаться, то один из камердинеров Государя, подошед к Державину, сказал тихо, что Император зовет его к себе в кабинет. Вошед в оный, нашел его одного. Он тотчас начал говорить: «Как вы, Гаврила Романыч, против моих указов идете в Сенате и критикуете их? вместо того ваша должность подкреплять их и настоять о непременном исполнении». Державин отвечал, что не критиковал указов, а признается, что при разсуждении об исполнении, как и Его Величеству докладывал, сумневался о удобности и пользе, что и теперь по присяге своей подтверждает, удостоверяя, что Его Величество сим способом не достигнет своего намерения, чтоб сделать свободными владельческих крестьян; да ежели б и достиг, то в нынешнем состоянии народнаго просвещения не выдет из того никакого блага государственнаго, а напротив того вред, что чернь обратит свободу в своевольство и наделает много бед. Но как Государь учителем своим, французом Лагарпом, упоен был и прочими его окружавшими ласкателями сею мыслию, по их мнению великодушною и благородною, чтоб освободить от рабства народ, то остался непоколебимым в своем предразсудке, и приказал объявить имянное свое повеление, чтоб по разногласию в первом департаменте не обращать того указа в общее собрание, а исполнить бы его непременно, что он безпрекословно уже и исполнил, негодуя в размышлении на подлую душу и трусость г. Колокольцова, каковы почти и все были господа сенаторы его времени[106].

<...> Вот таковыми-то людьми и средствами в сие несчастное время большою частию управлялось государство. Но оставим описывать в подробности подобныя сплетни каверз, против Державина употребляемых; а скажем, каким образом он от службы уволен.

В начале октября месяца 1803 году, в одно воскресенье, против обыкновения, Государь его не принял с докладами, приказав сказать, что ему недосуг, хотя и был у развода. В понедельник прислал к нему письмо или рескрипт, в котором хотя оказывает удовольствие свое ему за отправление его должности, но тут же говорит, чтоб отнять

неудовольствие, доходящее к нему на неисправность его канцелярии, просит очистить пост министра юстиции, а остаться только в Сенате и Совете присутствующим. Державин не знал, что подумать и чем по должности мог он прослужиться, отправляя оную со всем своим усердием, честностию, всевозможным прилежанием и безкорыстием; но разсудя, что у монархов таковыми качествами или добродетелями найти совершеннаго благоволения не можно, написал ему письмо, в котором напомянул слишком 40-летнюю ревностную службу и то, что он при бабке его и при родителе всегда был недоброхотами за правду и истинную к ним приверженность притесняем и даже подвергаем под суд, но, по непорочности, оправдыван и получал большее возвышение и доверенность, так что удостоен был и приближением к их престолу; что и Ему служа, шел по той же стезе правды и законов, не смотря ни на какия сильныя лица и противныя против его партии; напомянув свои ему при деле Потоцкаго предварения, что его будут пред Ним оклеветывать, и прочая, заключил, что ежели такой юстиц-министр, который следует законам и справедливости не угоден, то чтоб отпустил его с честию, как предместника его г. Беклешова; ибо он не признает себя виновным или прослужившимся. Поколь не получил на сие письмо резолюции, получил от некоторой женщины, довольно порядочной или по крайней мере не сумасшедшей, донос, изъявляющий умысл на жизнь его, в который вмешивала она весьма важныя лица, так что он не смел приступить даже к письменным допросам, а поговоря с нею наедине, приметил, что она сбивчиво и сумасбродно пересказывала обстоятельства, которыя давали подозрение, что она или не совсем в здравом разсудке, или как-нибудь коварно научена затеять такия сплетни, которыя распутывать было бы и трудно и неприятно, по касательству таких особ, коих оскорбление было бы уже с его стороны преступлением, то он и решился послать к Нему краткую записку, что он имеет нужду видеться с Ним по секретному делу, то и просит назначить час, когда он может к Нему приехать. Он отвечал ему также запиской, что он может к Нему приехать на другой день, то есть в четверг, в обыкновенное докладное время, то есть в 10-м часу поутру, что и было исполнено. Тут было пространное и довольно горячее объяснение со стороны Державина, в котором он спрашивал Его, в чем он пред Ним прослужился. Он ничего

не мог сказать к обвинению его, как только: «Ты очень ревностно служишь».— «А как так, Государь», отвечал Державин: «то я иначе служить не могу. Простите».— «Оставайся в Совете и Сенате».— «Мне нечего там делать».— «Но подайте же просьбу», подтвердил Государь, «о увольнении вас от должности юстиц-министра».— «Исполню повеление». Тут выпросил он многим подкомандующим своим чины и другия милости, разстался, а между тем поколь он не подавал просьбы, то доводили до него, чрез его ближних, внушения, что ежели он пришлет уничижительное прошение о увольнении его от должности юстиц-министра, по ея трудности, и останется в Сенате и Совете, то оставлено будет ему все министерское жалованье, 16,000 рублей, и в вознаграждение за труды дастся Андреевская лента. Но как он ценил истинныя достоинства ни по деньгам, ни по лентам, а по доверенности государской и совестному разбирательству своих поступков, то когда лишился он первой, по самоправию счастья или, лучше сказать, Государя, которому служил он всей душою и сердцем, не щадя ни здоровья своего, ни трудов, и не может также упрекать себя в нарушении второй, то и не хотел принять предлагаемых выгод и награждений, а написал просто по форме просьбу, в которой весьма кратко сказал, чтоб Государь его от службы *своей уволил*. Вследствие чего, на другой или третий день состоялся 8-го октября 1803 году в Сенат указ, коим он от службы вовсе уволен с пожалованием ему 10,000 рублей каждогоднаго пенсиона, который он и теперь получает. Здесь прилично сказать, какия он в продолжение своей службы, разумеется уже в знаменитых *(чинах)*, оказал ревностныя услуги в статской службе, за которыя имел бы право быть вознагражденным, но напротив того претерпел разныя неприятности и гонения, о коих выше сказано.

1-е. За то, что, будучи в экспедиции о государственных доходах советником, желал точно исполнить узаконения и поверять по месячным местам суммы ассигнованныя, точно ли они теми местами получены были, куда назначены, получил неудовольствие от князя Вяземскаго и едва удержался в службе.

2-е. За то, *(что)* не хотел обмануть Императрицу и оклеветать начальников губернии, будто от них никаких в получении нет ведомостей, по которым бы можно исчисление сделать в приумножившихся доходах от новой ревизии

и прибавки оброку на государственных крестьян по рублю на душу, от него же Вяземскаго вознагражден гонением.

3-е. За то, что не решился принять от Тутолмина к исполнению вздорных его учреждений в предосуждение Императорской власти, великия имел неприятности, и хотя тогда ничего ни сделали, кроме что перевели из Олонецкой в Тамбовскую губернию; но никакого ободрения не получил к ревностной службе, но напротив того всякия притеснения и неудовольствия по службе от генерал-прокурора и Сената в продолжение трех лет, сколько помнится, имел за такия дела, за которыя бы похвалить должно было.

4-е. За выдачу в Тамбове ассигнованных провиантских и коммиссариатских сумм коммиссионеру князя Потемкина, на продовольствие Очаковской армии, которая терпела голод, получил от Сената выговор, вместо того, что за расторопность и усердие имел право быть вознагражденным.

5-е. За удержание сложности по винному откупу 240 тысяч в 4 года в той же губернии и за открытие казенных похищений до 500 душ,— под предлогом, будто делаю помешательство в выборах дворянских, отрешен от должности губернаторской и отдан под суд, по которому оправдался, и не получил за невинное претерпение никакого по законам удовлетворения, кроме личнаго уважения от Императрицы, что приглашаем был в эрмитаж и к комнатным забавам, и то, если правду сказать, не за отличную службу, а *(за)* стихотворческий талант; ибо желалось похвал.

6-е. Будучи статс-секретарем, за окончание весьма труднейших и важных дел, которыя небольшою частью выше описаны, не токмо не получил никаких наград, но политически отдален от Императрицы и пожалован в сенаторы, где также хотя имел уважение, но с великими неприятностями и противуборством за истину.

7-е. За то, что попросил у Императора Павла инструкции, будучи определен в правители Верховнаго Совета, прогнан от него чрез три дни обратно в Сенат с выговором.

8-е. За коммиссию в Польше хотя получил от него чин действительнаго тайного советника и орден Малтийский; но в подкрепление недостаточнаго состояния своего,

как многим тогда, Бог знает за что, раздавали крестьян, ничем не награжден.

9-е. При Императоре Александре, за калужскую трудную экспедицию не токмо ничем не пожалован, но претерпел великия неприятности, и будучи генерал-прокурором, хотя оказал отлично усердные подвиги к благоденствию Империи, но ничто прямаго уважения не имело. А именно:

10-е. Прежде генерал-прокуроры не токмо не дозволяли свободы сенаторам узнавать прямое существо решимых ими дел; но Вяземский скрывал оныя, дабы никто не видел истины. Но Державин исходатайствовал узаконение и ввел в обычай, что теперь лежат дела на столе открыто, с заметками важных в них обстоятельств, и сочиняются для облегчения их краткия записки и разсылаются к ним за две недели до докладу, так что они свободное имеют время вникнуть во все обстоятельства, дабы судить безпристрастно.

11-е. Введены консультации, чтоб по возможном соображении всех обстоятельств и законов, генерал-прокурор мог предложения свои давать о соглашении разных мнений сенаторских, как можно наилучшим, безпристрастным образом: но сии полезныя и спасительныя заведения леностию или, лучше сказать, небрежением или нелюблением истины преемников его, юстиц-министров князя Лопухина и г. Дмитриева, обращены в сущий вред, потому что когда они перестали прилежно надзирать за сочинением докладных кратких записок, то подьячие или, лучше сказать, секретари не стали пещися о кратком и ясном сочинении их, но подлинником почти дела или огромные из них экстракты втискивали в те докладныя записки: то по огромности и невнятному их слогу отняли всю возможность у господ сенаторов внятно прочитывать их и проразумевать существо дел, а на ветер давали свои резолюции как ни попало, и от того нередко выходит несогласие двух сторон, но даже, к удивлению, бывает по одному делу до 7-и разных мнений. На консультацию же присланныя по лености генерал-прокуроров, а особливо г. Дмитриева, так умножились, что сделался из множества их особый так-сказать департамент, к тяжкой проволочке тяжущихся и к обиде сенаторов, потому что г. Дмитриев редко сам при оных присутствовал, то и писаны были от него такия предложения по внушениям его канцелярии, кои несправедливо не уважали обер-прокурорских и

консультантов мнений, иногда и законных голосов сенаторов, а потому и отняли у них всякое уважение и охоту к безпристрастному суду.

12-е. Державин исходатайствовал указ в 1803 году об избрании чиновников для службы в Империи, с нижняго до самаго вышняго места, прежде по губернии при выборе на губернския места, а после оных на все государственныя должности таким образом, чтоб списки тех чиновников, которых в губернии выберут для службы государственной, отсылали в герольдию, а герольдия *(бы)*, избрав из них кандидатов, по соображению с послужными списками, представляла бы Сенату, который бы зависящих от него чинов и утверждал по тем представлениям, а которые зависят от Императорскаго Величества, о тех бы к нему входил, выбрав трех человек своих кандидатов, дабы определение на места чиновников сперва по общему в государстве выбору, а потом по герольдии и Сената удостоению, было, сколько возможно, безпристрастно и осмотрительно; а не так, как прежде и ныне делается, что по проискам, взяткам и рекомендациям камердинеров и метресс, недостойных людей *(определяют)*. Но по выходе Державина из министерства сей указ никакого исполнения не имеет.

13-е. Державин исходатайствовал также указ о судимых в уголовных палатах за преступление должностей чиновниках, чтоб, по решении об них дел в палатах, когда прочтутся при открытых дверях им определения, их обвиняющия, то чтоб давали им сроку две недели на те решения делать их примечания, которыя, в случае их неудовольствия, отсылать бы вместе с делом на ревизию Сената; ибо прежде сим бедным подсудимым, иногда свыше меры их вин утесненным от губернских начальников, не давалось почти никакого способа к их оправданию; но по взятии от них ответов, нередко случалось, притеснительных и выможенных, делали о них несправедливыя определения, и, не объявляя оных им, лишали их мест, жалованья, а иногда и самых чинов, так что они после не могли добиться нигде защиты и лишались их пропитания. Сей указ хотя исполняется, но не совсем иногда, а по домогательству генерал-губернаторов и губернаторов отсылаются в Сенат о них несправедливыя решения и без объявления им.

14-е. Им же исходатайствован указ и о взятчиках, чтоб не подвергать единой строгой участи как тех, которые

берут взятки, так и тех, которые, по необходимости иногда, чтоб избавиться несносной волокиты и притеснения в производстве, и напрасно, хотя за делами, не проживаться, дают подарки, и чтоб не иметь необходимости канцелярским служителям, для содержания своего, впадать в лихоимство, прибавить им жалованья, изобретя оное от самаго производства дел, что Державин и сделал, написав доклад, дабы, приумножа сенатскую типографию и продавая из оной все законы и выходящие указы, продавать и обращать вырученныя деньги в прибавок по трудам к жалованью канцелярским сенатским служителям, что после него хотя и сделано, но вырученныя за продажу указов и сенатских ведомостей деньги, которых в год вступает более ста тысяч рублей, употребляются не в жалованье сенатской канцелярии, а отсылаются в государственное казначейство. Касательно же о взятках указа, чтоб различить зловреднаго лихоимца от принимателя из крайней нужды какой-либо безделки, о том после Державина никакого суждения не делано, и сей указ лежит теперь 10 лет без малейшаго движения.

15-е. Выше сказано, что Державин сочинил правила третейскаго суда, которыя могли бы прекратить и взятки и доставить государству скорое и безпристрастное правосудие; но никакого к ним внимания не сделано. Итак заботливая его и истинно-попечительная, как вернаго сына отечества, служба потоптана так-сказать в грязи, а потому он, как выше явствует, и оставил оную в 1803 году октября 8-го числа, быв генерал-прокурором один только год и один месяц.

УПРАЖНЕНИЯ ЕГО ПОСЛЕ ОТСТАВКИ ОТ СЛУЖБЫ

Привыкши к безпрестанным трудам, не мог он быть без упражнения и для того занимался литературою, писал несколько лирических сочинений, которых вышло 4 части, и еще наберется может-быть одна; сочинял трагедии, както: 1) Ирод и Мариамну, 2) Евпраксию, 3) Темнаго; да перевел Федру, Зельмиру. Комических написал опер бездельных две: Дурочка умнее умных, и Женская дружба, несколько прозаических сочинений, надписей, эпиграмм и разсуждения о лирической поэзии. Но в 1806 и в начале

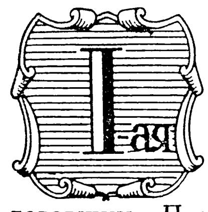
1807 году, в то время как вошли Французы в Пруссию, не утерпел, писал Государю две записки о мерах, каким образом укротить наглость Французов и оборонить Россию от нападения Бонапарта, которое явно предвидел, о чем с Ним и словесно объяснялся, прося позволения сочинить проект, к которому у него собраны мысли и начертан план: только требовалось некоторых справок от военной коллегии и прочих мест относительно наряды войск, крепостей, оружия и тому подобное. Государь принял сие предложение с благосклонностию, хотел призвать его к себе; но, поехав в марте месяце к армии под Фридланд и возвратясь оттуда, переменил с ним прежнее милостивое обхождение, не кланялся уже и не говорил с ним; а напротив того чрез князя А. Н. Голицына, за псалом 101, переложенный им в стихи, в котором изображалось Давыда сетование о бедствии отечества, сделал выговор, отнеся смысл онаго на Россию и говоря: «Россия не бедствует»; о чем яснее можно видеть из анекдота, написанного о сем случае[107]. Нужно припомнить, что когда Державин вышел в отставку и увидел, что указ о вольных хлебопашцах не исполняется и исполниться не может, и будучи тогда очень нездоровым, написал завещание о своем имении, в котором сделал распоряжение относительно свободы его крестьян, в котором ограничил с одной стороны самовластие владельцев, его наследников, над людьми и крестьянами, а с другой не дал им никакого поводу к своеволию и перехождению на места, в 1808 или 1809 году просил чрез господина Молчанова о подтверждении Государем того его завещательнаго распоряжения; но не удостоился его благоволения, а сказано было, чтоб просил о том в судебных местах по законам, чего без воли монаршей никому не можно было сделать. С тех пор оставил Державин всячески двор и не безпокоил его никакими на пользу отечества усердными представлениями, кроме что в 1812 году во время вторжения Французов внутрь Империи, при случае воззвания манифестом всеобщаго ополчения, писал из Новагорода июля 14-го дня о некоторых к обороне служащих мерах, но что по ним сделано, ни от Императора и ни от кого не имел никакого известия, и дошла ли та бумага до рук Его Величества, не получил ни от кого никакого сведения, ибо отдана она была лично в Новегороде Его Высочеству принцу Георгию Ольденбургскому для доставления Его Величеству. Также по приезде тогда в Петербург,

когда все были в крайней тревоге, собирались и укладывались уехать неизвестно куды, и капиталов партикулярных людей из ломбарда не хотели выдавать, то он чрез госпожу Оленину довел ропот народный до вдовствующей Императрицы, под управлением которой состоял тот ломбард, что было весьма неприятно Императрице; но однако дано было повеление, чтоб выдать капиталы их требующим обратно, то и прекратилось тем народное неудовольствие. Сие оканчивается 1812 годом[108].

Объяснения
на сочинения Державина
относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна; также изъяснение картин, при них находящихся, и анекдоты, во время их сотворения случившиеся

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ ВООБЩЕ КО ВСЕМ СОЧИНЕНИЯМ

часть сих сочинений поднесена была императрице Екатерине II лично автором в Петербурге ноября 6-го дня 1795 г., которая по прочтении ея Государынею и оставалась у ней в кабинете по самую ея кончину, 1796 ноября 6-го дня последовавшую. Причина тому, что при жизни ея в печать оная не издана, не иная какая была, как недоброхотство сочинителю, которое внушили ей, что якобы в ней находятся на счет ея язвительныя и сатирическия выражения, из коих именно вторая ода растолкована, якобы содержащая в себе якобинство, о чем при той самой оде объяснится[1]. По кончине ея, при императоре Павле, когда автор определен был в верховный совет и, знав неблагорасположение сего Государя к покойной его матери, то имел случай чрез статс-секретаря Нелединскаго обратно оную взять к себе. В 1798 году Иван Иванович Шувалов, любя его сочинения, по временам списки им собранные отослал в университет и велел там напечатать, о чем в первом издании сей 1-ой части подробно сказано; прочия же части напечатаны в 1808 г. самим автором в Петербурге, из коих предисловия можно также видеть причины, по коим не объяснены были в том издании темныя места сих сочинений, и что он предоставлял их объяснить будущему времени, что́ сим и исполняется.

ЧАСТЬ I

ПРИНОШЕНИЕ К ИМПЕРАТРИЦЕ

<...> Картина при сем *Приношении* изображает киргизскаго мурзу, посвящающаго лиру свою Фелице, *и проч.* Мурзой именовал себя автор потому, как выше явствует, что произошел он от татарскаго племени; а Императрицу — Фелицею и киргизскою царевною для того, что покойная Императрица сочинила сказку под именем Царевича Хлора, котораго Фелица, то есть богиня блаженства, сопровождала на гору, где роза без шипов цветет, и что автор имел свои деревни в Оренбургской губернии в соседстве от киргизской орды, которая в подданстве ея числится. <...>

I. ОДА БОГ

3. «Без лиц, в трех лицах Божества».— Автор, кроме богословскаго православной нашей веры понятия, разумел тут три лица метафизическия; то есть: безконечное пространство, безпрерывную жизнь в движении вещества и неокончаемое течение времени, которое Бог в Себе совмещает.

4. «Пылинки инея сверкают».— Обитателям токмо севера сия великолепная картина ясно бывает видима по зимам в ясный день, в большие морозы, по большей части в марте месяце, когда уже снег оледенеет, и пары, в леденыя капли обратившиеся, вниз и вверх носясь, как искры сверкают пред глазами.

5. «И благодарны слезы лить».— Автор первое вдохновение или мысль к написанию сей оды получил в 1780 г., быв во дворце у всенощной в Светлое воскресенье, и тогда же, приехав домой, первыя строки положил на бумагу; но, будучи занят должностию и разными светскими суетами, сколько ни принимался, не мог окончить оную, написав однако в разныя времена несколько куплетов. Потом 1784 году, получив отставку от службы, приступал-было к окончанию, но также по городской жизни не мог; безпрестанно однако был побуждаем внутренним чувством, и для того, чтоб удовлетворить оное, сказав первой своей жене, что он едет в польския свои деревни для осмотрения оных, поехал и, прибыв в Нарву, оставил свою повозку и людей на постоялом дворе, нанял маленький покой в городе у одной старушки Немки, с тем, чтобы она и кушать ему готовила; где

запершись сочинял оную несколько дней, но, не докончив последняго куплета сей оды, что́ было уже ночью, заснул перед светом: видит во сне, что блещет свет в глазах его, проснулся, и в самом деле воображение так было разгорячено, что казалось ему, вокруг стен бегает свет, и с сим вместе полились потоки слез из глаз у него; он встал и ту ж минуту, при освещающей лампаде, написал последнюю сию строфу, окончив тем, что в самом деле проливал он благодарныя слезы за те понятия, которыя ему вперены были <...>[2].

<...>XII. ФЕЛИЦА

<...> 15. «Читаешь, пишешь пред налоем».— В то время Императрица занималась сочинением законов, как-то: грамотой дворянства, уставом благочиния и прочими, скоро после того вышедшими законами.

16. «Коня парнасска не седлаешь».— Императрица, хотя занималась иногда сочинением опер и сказок, как выше явствует, но стихов писать не умела и не писала, а когда надобно было, то препоручала статс-секретарям Елагину и Храповицкому, потом и прочим.

17. «К духам в собранье не въезжаешь».— Императрица не жаловала масонов и в ложу к ним не езжала, так, как делали многие знатные.

18. «Скачу к портному по кафтан».— Относится к прихотливому нраву князя Потемкина, как и все три ниже следующие куплеты, который то сбирался на войну, то упражнялся в нарядах, в пирах и всякого рода роскошах.

19. «Лечу на резвом бегуне».— Относится тоже к нему, а более к гр. Ал. Гр. Орлову, который был охотник до скачки лошадиной.

20. «Или кулачными бойцами».— Тоже к Орлову относится, который охотник был до всякаго молодечества русскаго, как и до песен русских.

<...> 26. «И знать и мыслить позволяешь».— Императрица, подобно императору Траяну, весьма снисходительна была к злоречивым к ея слабостям людям; многие о сем анекдоты сказать можно бы, которые, может быть, кем-нибудь и написаны будут, но они здесь неуместны.

27. «Там можно пошептать в беседах».— При императрице Анне столь было строгое правление, что если двое пошепчут между собой, то принималось за подозрение какого-

либо умыслу, и нередко таковых по доносам отвозили в тайную канцелярию.

28. «За здравие царей не пить».— В то же правление те, которые в публичных пиршествах не выпивали большаго бокала какого-нибудь крепкаго вина, за здравие царицы подносимаго, принимались за недоброжелателей ея и отсылались в тайную.

29. «Там с именем Фелицы можно В строке описку поскоблить».—Тогда же за великое преступление почиталось, когда в императорском титуле было что-нибудь поскоблено или поправлено. Сие продолжалось даже до времен Екатерины II, при которой уже стали переносить императорский титул и в другую строку, когда в первой не помещался. Разумеется, что не разделяли речений, что-либо значущих, а прежде того никак того сделать не смели, и таковых писцов, кто в сем ошибался, часто наказывали плетьми.

30. «Или портрет неосторожно Ея на землю уронить».— Равномерно подвергались несчастию кто хотя ненарочно из рук выранивал монету с императрицыным портретом: довольно было клеветнику донесть, что бросил кто изображение лица, то отвозим был в тайную, по одному крику, что *я знаю за собою слово и дело государево;* того, на кого сие сказано, забирали под крепкую стражу, дом весь кругом запечатывали и отвозили в столицу к тайному розыску.

31. «Там свадеб шутовских не парят. В ледовых банях их не жарят».— Сие относится к славной шутовской свадьбе князя Голицына, бывшего при императрице Анне, котораго женили на подобной ему шутихе; был нарочно состроен ледяной дом со всеми принадлежностями и даже пушки ледяныя, из коих стреляли, также баня ледяная, в которых молодых парили; при сем случае был чрезвычайно славный маскарад: собраны были из всех подвластных российскому скипетру народов по мужчине и женщине наилучших, в богатейшем их уборе, с их музыкальными инструментами, которые ехали в церемонии на разных скотах и производили в доме молодых их собственныя пляски и игры.

32. «Не щелкают в усы вельмож; Князья наседками не клохчут» и проч.— Императрица Анна любила забавляться подлыми шутами, которых в ея царство премножество было; из числа оных был упомянутый князь Голицын; над ними любимцы Государыни и прочие вельможи ей в угождение шучивали разными образами, подобно как ныне благородные шалуны шутят над дураками, ими к забаве их со-

держимыми. Сии шуты, когда Императрица слушала в придворной церкви обедню, саживались в лукошки в той комнате, чрез которую ей из церкви в внутренние свои покои проходить должно было, и кудахтали как наседки; прочие же все тому, надрываясь, смеялись.

33. «Ты пишешь в сказках поученья».— Напротив того императрица Екатерина, в часы отдохновения ея от дел, забавлялась веселостями, свойственными просвещенному ея веку; она писала, хотя не весьма удачныя, но шутливыя комедии, как-то: *Федул с детьми*, *Недоумение* и проч., также сказки, как выше сказано, *Царевича Хлора*, *Февея* и другия. Для царевичей Александра и Константина сочинена азбука, в которой между прочим сие точно есть правоучение, что *не делая ничего худаго, можно и самаго лютаго порицателя сделать презренным лжецом.*

34. «Который брани усмирил».— Сей куплет относится на мирное тогдашнее время, по окончании первой турецкой войны в России процветавшее, когда многия человеколюбивыя сделаны были Императрицею учреждения, как-то: Воспитательный дом, больницы и прочия.

35. «Который даровал свободу В чужия области скакать».— Имп. Екатерина подтвердила свободу, дворянству данную Петром III, путешествовать по чужим краям, чего прежде делать не смели.

<...>*Примечание.* Оде сей, как выше сказано, поводом была сочиненная Императрицею сказка Хлора, и как сия Государыня любила забавныя шутки, то во вкусе ея и писана на счет ея ближних, хотя без всякаго злоречия, но с довольною издевкою и с шалостью. При всем том автор опасался, чтоб не оскорбить их сим сочинением; то призвав своих друзей: покойного Н. А. Львова и Капниста, прочел им оное сочинение, которые также согласились с ним, что нельзя ее выдать в свет; вследствие чего осталась она известною только между ими, заперта была и год в сокрытии находилась. Но в одно утро занадобились автору некоторыя бумаги, в бюро его лежащия, где была сия ода; он, разбирая прочия, выложил ее на стол; Козодавлев, живший с ним в одном доме, взошел нечаянно, увидел ее; прочетши несколько строк, просил его неотступно поверить ему на час для прочтения тетке его г-же Пушкиной, которая страстно любила стихотворство, а паче творения автора; не мог он отговориться, под клятвою отдал ему, чтоб никому не показывать; прошло час или два, он ему возвратил. Несколько дней спустя И. И. Шувалов, покровитель автора, у которого он был

под начальством во время его учения в Казанской гимназии, присылает к нему человека просить его убедительно к себе за крайнею нуждою. Автор не мог отговориться, едет к нему, находит сего почтеннаго человека в крайней тревоге, который его с прискорбным видом спрашивает, что ему делать: отсылать ли ему стихи его кн. Потемкину, который тогда был в чрезвычайной силе при дворе и их просит. Автор, удивяся, спрашивает: Какие стихи? — Мурзы к Фелице. — Как вы их знаете? как они у вас? — Г. Козодавлев по дружеству дал мне их. — Но как кн. Потемкин их узнал? — Вчера у меня обедала компания господ, как-то: гр. Безбородко, гр. Завадовский, гр. Шувалов, Стрекалов и прочие любящие литературу; при разговоре, что у нас еще нет легкаго и приятнаго стихотворства, я прочел им ваше творение, а гр. Шувалов из подслути к кн. Потемкину рассказал ему все, что там за счет его писано. Не переписать ли и выбросить те куплеты, которые к нему относятся? — Автор, подумав, сказал, что нет: извольте отослать как они есть, — разсудя в мыслях своих, что ежели что-нибудь выкинуть, то показать тем умысл на оскорбление его чести, чего никогда не было, а писано сие творение из шутки на счет всех слабостей человеческих. Между тем поехал домой с крайним прискорбием; призвав г. Львова, который был домашний человек у гр. Безбородко, пересказал ему все случившееся с ним и просил, чтоб он узнал графския мысли и предупредил его на случай, ежели Императрица спросит о сем сочинении, что к писанию сего сочинения никакого оскорбительнаго умысла ни на чей счет не было, но писано оно из шутки и оставлено для друзей, но нескромностию г. Козодавлева вышло в свет. Г. Львов исполнил просьбу автора; неизвестно, посылал ли Шувалов к Потемкину, но только еще несколько времени сочинение сие было безвестно; но в 1783 в летних месяцах сделана княгиня Дашкова директором Академии Наук, а Козодавлев при ней советником; она, хотев возстановить российскую литературу, вознамерилась издавать от Академии журнал. Козодавлев тотчас принес ей, без авторскаго соизволения, сие творение для помещения в том журнале, который назван *Собеседником*. Княгиня, не сказав никому ни слова, приказала в нем оное напечатать и в первое воскресенье, в которое она обыкновенно езжала к Императрице для поднесения ей об Академии своих рапортов, поднесла и тот журнал, на первой странице котораго помещена сия ода. В понедельник поутру

рано присылает Императрица к ней и зовет ее к себе. Княгиня приходит, видит ее стоящую, расплаканную, держащую в руках тот журнал; Императрица спрашивает ее, откуда она взяла сие сочинение и кто его писал. Княгиня сначала испугалась, не знала, что отвечать; Императрица ее ободрила, сказав: Не опасайтесь; я только вас спрашиваю о том, кто бы меня так коротко знал, который умел так приятно описать, что, ты видишь, я как дура плачу.— Княгиня ей сказала об имени автора и все, что могла, об нем хорошаго. Несколько дней спустя, когда автор обедал у начальника своего, кн. Вяземскаго, скоро после обеда сказывают ему, что почталион принес ему конверт; он принимает, видит надпись: «Из Оренбурга от киргизской царевны к мурзе». Он догадывается, развертывает конверт и находит в нем золотую табакерку, осыпанную брильянтами, и в ней 500 червонных; он приходит к князю; спрашивает его, прикажет ли он присланный ему подарок принять; он, взглянув суровым видом, спросил: Какой? Автор показывает; князь приметил, что табакерка была новой французской работы, понял, от кого она прислана, сказал: Возьми, братец, когда жалуют. Между тем княгиня Дашкова уведомила его, что то сочинение она поднесла Императрице; чрез несколько дней приказано было сочинителя представить Государыне, и с тех пор стал он ей как сочинитель известен, и поднялось на него гонение от вельмож или, лучше сказать, от одного Вяземскаго, которому чрезвычайно досадно стало, для чего он без его покровительства стал известен Императрице, ибо ничем его раздражить столько было не можно, как если кто без его предводительства был замечен и познаем Государыней.

<...>XV. НА ПРИОБРЕТЕНИЕ КРЫМА

<...>47. «...и трость, Водимая умом обширным», и проч.— Перо гр. Безбородко, водимое по мыслям кн. Потемкина, получило успех, то есть чрез их совет приобретен Крым; кто знает татарскую историю и все от сих народов претерпенное Россиею, тот отдаст справедливость сей важной услуге, ибо покорением Крыма получила Россия прочное спокойствие.

<...>50. «Заносит из Европы ногу,—И возрастает Константин».— Отношение к Константину Палеологу, царю константинопольскому, с котораго смертию пало греческое царство, и что наместо его возрастает великий князь Константин Павлович, котораго Государыня желала возвесть

на престол, изгнав Турков из Европы, и для *(того)*[3] обучен был греческому языку. Какие замыслы! человек замышляет, а Бог исполняет.

<...>XVI. ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

<...>59. «Сафиросветлыми очами... Богиня на меня воззрела».— Отношение к тому, что, как выше сказано, представлен был автор Императрице в воскресный день, в кавалергардской комнате, при множестве зрителей; то, подойдя к нему, в нескольких шагах остановилась и, осмотрев быстрым взором с ног до головы несколько раз автора, подала наконец ему руку. Сего величественнаго вида не мог он никогда забыть: *Пребудет образ ввек во мне, Она который впечатлела.*

60. «Вострепещи, мурза несчастный!» —Выше сказано, Императрица притворилась, будто не разумела, что в оде *Фелице* похвалы к ней относились, а для того и показывала вид важный, что будто она удивляется смелости, с какой сие сочинение написано, и полюбопытствовала видеть автора.

61. «Довольно без тебя людей... И от сатир щититься злых».— Пиит сими стихами дает Императрице знать, что и без ея притворства многие на него разгневались из вельмож за сии стихи; а особливо, когда она каждому послала по экземпляру, подчеркнув те строки, что до кого относится. Многие происходили толки, и словом, по всему государству был великий шум.

<...>XX. ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ

<...>98. «Чтоб, сшед с престола, подавала Скрижаль заповедей святых» и проч.— Сим представляется даяние Императрицею наказа о составлении законов, которые всеми законоведцами почитались взятыми из природы и заповедей Божиих. В Сенате был на столе представлен литой серебряный храм с великолепною колоннадою, в котором представлена была Императрица сшедшею с престола и дающею стоящей России на коленях наказ свой: под храмом в сделанном ящике хранился подлинный, писанный весь собственною рукою Императрицы. Статуя ея была литая золотая.

99. «Чтоб дики люди отдаленны, Покрыты шерстью, чешуей».— Сим изображается созыв всех народов, по Российской Империи обитающих, для сочинения законов, от коих были присланы депутаты, от каждой области по 2 че-

ловека, даже из самых отдаленнейших краев Сибири, как-то: Камчадалы, Тунгузы, Калмыки и проч.

<...>103. «Не в рабстве, а в подданстве числить И в ноги мне челом не бить».— Кроме того, как выше значит, что позволяла она свободно мыслить, издала 17(*86*) г.[4] указ, чтобы просьбы не писать челобитьем, а просто прошением, и не называться рабами, а подданными.

<...>120. «Чтоб отворила всем дороги Чрез почту письма к ней писать» и проч.— С царствования сей Государыни вошло в обычай писать к ней письма чрез обыкновенную почту, и она нередко допускала к себе для объяснения, когда ее кто-нибудь о том просил.

<...>132. «Великой бы ее нарек, Поднес бы титлы ей священны».— Под сим разумеется приношение ей депутатскою коммиссиею чрез Сенат титулов Великой, Премудрой, Матери отечества и отрицание ея от оных.

<...>134. «И здравие его спасая, Без ужаса пила бы яд».— Под сим разумеется отважный опыт прививания оспы, который Императрица сама над собою первая приказала сделать, дабы подать пример тем ея подданным, и с того точно времени вошло в обыкновение сие спасительное в России средство.

<...>XXIII. ПАМЯТНИК ГЕРОЮ

<...>164. «Разбил Юсуфа за Дунаем».— Юсуф, визирь Оттоманской порты, котораго кн. Репнин, предводительствуя армию в небытность кн. Потемкина при оной, разбил за Дунаем с малою потерею и сделал прелиминарные пункты о мире. Надобно приметить, что кн. Репнин был секты масонов и так называемых мартинистов, который, притворяяся, что из единственной любви к отечеству не выходит из службы и сносил все неуважения, оказыванныя ему кн. Потемкиным, то и имел на своей стороне всех масонов и их приверженцев, которых тогда было великое множество, особливо в Москве; а потому ода сия вообще и особливо их партиею принята очень хорошо; для чего она и переведена на все европейские языки и напечатана разными чернилами, то есть красными, синими и какими можно, в досаду кн. Потемкина, котораго многие не любили.

<...>XXX. НА СЧАСТИЕ

<...>212. «И припевает: хем, хем, хем».—Во время издания выше сказаннаго *Собеседника* Императрица занималась сочинением для онаго, в который и присылала *Разго-*

воры Дедушкины: он, приметя какой-нибудь безпорядок, припевал *хем, хем, хем.* При сем сочинении присутствовали и многие ближние вельможи, под названием *Палата с чутьем,* в числе которых была и княгиня Дашкова; всякий день имела она вход к Императрице после обеда и была у ней с 4-х часов до 7-го, и взошла было чрез то в великую силу; но как при пожаловании ея в президенты российской академии говорила она в той академии речь, не ею, а кем-то другим сочиненную, то Императрица в шутку в собрании сказанной *Палаты с чутьем* допустила передразнить ее смешным тоном и с ея ухватками Льву Александровичу Нарышкину, который на шутки был способен. Сие было не в бытность ея, но ей пересказали; она разсердилась, всех разбранила. Гр. Иван Григорьевич Чернышев, согласясь с Нарышкиным, вывели это тоже шуточным образом; с тех пор Императрица заперла двери княгине Дашковой для входу ея после обеда к упражнению словесности, а оставила приезд ея только по воскресеньям по ея должности. Сим *Собеседник* стал упадать, ибо Императрица не стала присылать в него ничего, потому что все присланное ею княгиня, показывая свой разум, критиковала, переправляла и даже шутила на счет сочинительницы не токмо при собрании многих своих, но и чужестранных: однакож Государыня при сем случае пожаловала ей 25 т. руб. для постройки дачи, чтоб было ей чем после обеда заниматься.

<...> XLI. ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

<...>Песнь сия была в великом употреблении в ложах у масонов, почитающих память Петра В., в которых секты хотя автор убедительно был привлекаем, но никогда не был в оных.

<...> XLIII. ВОДОПАД

<...>323. «Чей труп, как на распутьи мгла, Лежит на темном лоне нощи?» — Кн. Потемкин, проезжая из Ясс в Николаев, умер на дороге и оставался целую ночь лежащим на степи, покрытым простым плащем.

324. «Два лепта покрывают очи».— Гусар, бывший за ним, положил на глаза его две денежки, чтобы они закрылись.

325. «Чей одр — земля» и проч.—Постеля его была тогда голая земля, балдахин — воздух, а чертоги — пустыня.

326. «Великолепный князь Тавриды».— По присоединении Крыма к России он назван Таврическим и жил весьма великолепно.

327. «Не ты ль, который взвесить смел Мощь Росса, дух Екатерины».— Никто лучше, как кн. Потемкин, не проникнул честолюбиваго духа Екатерины и сил империи ея, на которых положась, основывал он великие свои замыслы, которые выше сказаны словом Екатерины, чтоб выгнать из Европы Турок, усмирить гордость Китайцев и установить торг с Индиею, но смерть все намерения пресекла.

328. «Не ты ль, которой орды сильны Соседей хищных истребил», и проч.— По его советам истреблена Запорожская сеча, освобожден от Татар Крым, которые, одна разбоями, а другие незапными нашествиями много вреда и опустошения причиняли России: ими населены губернии екатеринославской и таврической области; он пространныя тамошния степи населил нивами и покрыл городами; он на Черном море основал флот, чего и Петр В. своим усилием, заводя в Воронеже и в Таганроге флотилии, не мог прочно основать; он потрясал среду земли, т. е. Константинополь флотом, которым командовал под его ордером адмирал Ушаков.

<...>330. «Не шел ты средь путей известных, Но проложил их сам».— Кн. Потемкин, а паче кн. Суворов мало надеялись на регулярную тактику, или правила, предписанныя для взятия городов, но полагали удачу в храбрости и пролагали пути к цели своей изобретенными средствами при встречающихся обстоятельствах, и потому многие искусные тактики удивлялися предводительству Потемкина, что он своим манером и, кратко сказать, русскою грудию приобретал победы.

331. «Забавы, роскошь вкруг цвели И счастье с славой следом шли».— В самых военных безпокойствах и дурной погоде пышность и роскошь окружали кн. Потемкина, так что землянки, обитыя парчами и увешанныя люстрами, превосходили великолепие дворцов, а особливо праздники, где он угащивал своих любовниц.

<...>337. «Екатерина возрыдала».— Хотя при последних победах кн. Потемкина остудили-было его разными наветами у Императрицы, а может быть и с справедливостию описывая его роскошь и худыя воинския распоряжения, ибо конечно не имел бы он таких в войне успехов, когда бы генералы, подчиненные ему, а особливо славный Суворов, везде не вспомоществовали; но смертию его однако Императрица чрезвычайно огорчалась.

<...>342. «И в смертный черный одр упал».— По погребении принца виртембергскаго, брата государыне им-

ператрице Марии, скончавшагося в армии, когда кн. Потемкин вышел из церкви и хотел сесть на свой фаэтон, но будучи в печальных мыслях, ошибся и сел на смертной одр, на котором привезен был в церковь принц,— опомнившись, чрезвычайно оробел, что́ и почли предвестием его смерти, а особливо тогда, когда случилась его кончина, ибо это пред нею незадолго последовало.

<...>348. «Геройский образ оживляет».— Многия почитавшия кн. Потемкина женщины носили в медалионах его портреты на грудных цепочках; то вздохами движа, его, казалось, оживляли.

<...> XLVIII. ПРОВИДЕНИЕ

Соч. в Пб. 1794 марта 31 <...>,— по случаю нижеследующаго происшествия.

Императрица, окончив обыкновенныя свои государственныя упражнения, вышла в Эрмитаж попользоваться вешним воздухом и посмотреть Неву, которая вскоре открыться долженствовала, увидела вдали потонувшего человека, тотчас приказала лакеям помочь ему, и вытащили девицу, которую насилу привели в чувства.

<...>382. «И в них предстала дева нам».— Это была бедная Охтянка.

383. «И вопрошают с высоты».— Императрица сама с ней с балкону говорила и спрашивала, для чего она осмелилась переходить реку, когда она была опасна.

384. «Родительский последний дар».—Девушка ответствовала, что отец и мать при смерти своей ей ничего не оставили, но только благословили образом, который она при погребении последняго из них заложила, и в великий пост столь прилежно работала, что деньгами приобретенными хотела к празднику сей образ выкупить, и для того пустилась чрез Неву на великую опасность, надеясь на Бога.

385. «Готовят ей богато вено».— Императрица, похваля ее за усердие к вере и за благодарность к родителям, тот же час приказала принесть ей всю одежду на приданое, которое называется вено, сыскать из служащих при дворе жениха, и тут же ее помолвила, дав награждение деньгами и все нужное для свадьбы и для заведения дома.

<...> L. МОЙ ИСТУКАН

<...>414. «Доступим мира мы средины» и проч.— Императрица один раз высказала в своем восторге, что она не умрет прежде, покуда не выгонит из Европы Турок, т. е. не

доступит мира середины, не учредит торга с Индиею, или с Гангеса злата не сберет, и гордыню не усмирит Китая.

<...>ЧАСТЬ II

<...>XI. НА НОВЫЙ 1797 ГОД

<...>14. «Христова церковь Павла в нем Избранный тот сосуд встречает».— Сосуд избранный — апостол Павел, под именем котораго здесь разумеется император Павел, который, по оказанному им в первый день благочестию, мог почитаться по справедливости благочестивым Государем. Он приближил было к себе мистиков и всех тех святош, которые показывают великое о себе мнение относительно христианства. Известный г. Новиков, сосланный Екатериною II за некоторыя сношения вредныя для государства с иностранными мартинистскими ложами или масонскими, возвращен из ссылки, и в великое было пришли уважение у Императора как он, Новиков, так Лопухин, Баженов и проч.: но противная им партия, как-то: кн. Безбородко, Куракины, а более Екатерина Ивановна Нелидова, фаворитка Императора, держащиеся эпикуреизма, зная склонность Императора к телесным удовольствиям, скоро свернули голову господам мартинистам, которые тотчас от двора были отдалены.

<...>XX. ПОХВАЛА ЗА ПРАВОСУДИЕ

<...>94. «Так, князь! держись и ты сих правил».— Князь И. А. Шаховской, будучи при императоре Павле генерал-аудитором[5], просил автора неоднократно написать ему похвалу за правосудие: а как известно было, что по чрезвычайной скорости Императора, который требовал не далее как чрез три дни кончить всякий кригсрехт, то и решились суды так, что часто без справки посылали в ссылку, и для того несправедливо было сделать совершенную похвалу за такое неосновательное правосудие, в разсуждении чего и сказал автор, что: *Счастлив, коль отличает Павел И совесть у тебя чиста!*

<...> XXI. АФИНЕЙСКОМУ ВИТЯЗЮ

<...>124. «Тогда Кулибинский фонарь».— Кулибин, механик Академии Наук, выдумал фонарь, из зеркальных маленьких стекол составленный, с кругловатой впадиною, в средине котораго поставленная свеча, от всех кусочков стеклянных делая отражения, производит чрезвычайный

свет вдали горизонтальною полосою; но чем ближе подходишь, свет уменьшается и напоследок у самаго фонаря совсем темно; то автор сделал сим фонарем сравнение с знатным человеком или министром, отправляющим государственныя дела, который вдали гремит своим умом и своими способностями, но коль скоро короче его узнаешь, то увидишь, что он ничего собственнаго не имеет, а ум его и таланты заимствуются от окружающих его людей, т. е. секретарей и проч. Отношение сего сравнения целит на бывшаго тогда генерал-прокурором Самойлова, который по фавору употреблен был в многия должности, будучи совсем неспособен, что́ время доказало.

<...>XXIII. НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРАФА ЗУБОВА ИЗ ПЕРСИИ

<...>136. «О юный вождь! сверша походы, Прошел ты с воинством Кавказ».— Выше сказано, что гр. Валериан Зубов должен был исполнить обширный план Императрицы в разсуждении торга с Индиею и завоевания Константинополя; но как скоро вступил на престол император Павел, то велено ему было тотчас возвратиться в Россию, отнята у него команда и велено ему под присмотром жить в деревнях.<...> К сочинению сей оды повод был следующий: По восшествии на престол императора Павла, когда у гр. Зубова отобрана команда, то, будучи при дворе, кн. С. Ф. Голицын упрекнул автора той одой, которая (в 1-й части) на взятие Дербента Зубову сочинена, сказав: что уже теперь герой его не есть Александр и что он уже льстить теперь не найдет за выгодное себе; он ему ответствовал, что в разсуждении достоинства он никогда не переменяет мыслей и никому не льстит, а пишет истину, что́ его сердце чувствует.— Вы увидите. Приехав домой, сочинил сию оду в то время, когда Зубов был в совершенном гонении, которая хотя и не была напечатана, но в списке у многих была, не смотря на неблагорасположение Императора к Зубову.

<...>XXVIII. СНИГИРЬ

Соч. в Пб. 1800 г. мая месяца, на кончину гр. Суворова; напеч. в изд. 1808.

204. «Флейте подобно, милый Снигирь».— У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военнаго марша; когда автор по представлении сего героя возвратился в дом, то услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славнаго мужа.

205. «С кем пойдем войной на гиену?» — Гиена, злей-

шній африканскій зверь, под коей здесь разумеется рево люционный дух Франции, против которой гр. Суворов был посылан.

206. «Кто перед ратью будет, пылая» и проч.— Суворов, воюя в Италии, в жаркие дни ездил в одной рубашке пред войском на казачьей лошади или кляче, по обыкновению своему был неприхотлив в кушаньи и часто едал сухари; в стуже и в зное без всякаго покрова так как бы себя закаливал подобно стали; спал на соломе или на сене, вставал на заре, а когда надобно было еще и прежде ночныя делать экспедиции на неприятеля, то сам кричал петухом, дабы показать, что скоро заря и что надобно идти в назначенный им марш; тогда он в приказах своих отдавал, чтоб по первому крику петухов выступали. Обыкновенно он предводительствовал небольшим числом войск, и горстью Россиян побеждал превосходное число неприятелей.

207. «Быть везде первым в мужестве строгом».— Никто столько не отличался истинным мужеством, как он, и побеждал шутками зависть, потому что притворялся, нарочно делая разныя проказы, дабы над ним смеялись и, считая его дураком, менее бы ему завидовали. Ибо почти что при самой смерти, когда случился разговор о Наполеоне при нем, когда его называли великим полководцем, то он слабым голосом сказал: *Тот не велик еще, кого таковым почитают*.— «Злобу штыком»: он более всего употреблял в военных действиях сие орудие, так жестоко поступая с неприятелями, что его почитали варваром; но он свои на то имел причины, которыя, может быть, более в нем означивали человеколюбие, нежели в других пощада и мягкосердие, ибо он говорил, что надо в неприятеля вперить ужас; то он поскорее покорится и тем пресечется кровопролитие, а поступая с снисхождением, продолжишь только войну чрез многие годы, в которые более прольется крови, нежели в одном ужасном поражении.

208. «Рок низлагать молитвой и Богом».— Он весьма был благочестивый человек и совершенно во всех своих делах уповал на Бога, почитая, что счастие не от кого другаго происходит, как свыше[6].

<...>XXXII. НА ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

<...>210. «Мои предвестья велегласны Уже сбылись... Умолк рев Норда сиповатый, Закрылся грозный, страшный взгляд».— Сии 4 стиха относятся к оде *На рождение в*

севере порфиророднаго отрока, в 3-й ч. напечатанной, где изображается Борей с седыми волосами, который прогоняется взглядом новорожденнаго. Неприятели автора растолковывали, что последними двумя стихами описывается портрет императора Павла, который имел и страшный взгляд и сиповатый голос, и сие довели до императрицы Марии Федоровны; автор ответствовал, что могут думать, как хотят; но стихи сии относятся до вышесказанной оды. По сей однако причине бывший тогда генерал-прокурор Беклешов запретил цензуре пропускать сию оду, и потому она тогда напечатана не была; однакож Император автору за нее прислал в подарок перстень брильянтовый, стоящий 5 т. рублей, и после, когда императрица Елисавета Алексеевна, любопытствуя прочесть письменныя авторовы сочинения, в числе которых и сия ода была, никакого на ней примечания не сделала, а притом переведена она тогда же князем Белосельским на французский язык и немецкий и на прочие; то автор уже и не мог ея не поместить в изд. 1808.

<...> XLII. ВОЛХОВ КУБРЕ

<...>288. «Напрасно, Кубра дорогая».— Кубра, река, протекающая в деревне графа Д. И. Хвостова, который писал в похвалу автора высокопарную оду под именем волховского барда, или стихотворца; то автор и ответствовал сею одою от имени реки Волхова к реке его, Кубре[7].

<...>298. «С кузнечиком светись во тме».— Под кузнечиком здесь разумеются огнистые червячки или букашки. Автор чрез сие давал совет гр. Хвостову, чтоб он писал иногда и в нижайшем роде стихотворства, т. е. в пастушьем, а не надувался за Пиндаром, так как он вышесказанную оду написал, ибо лучше писать маленькое какое-нибудь сочинение, но приятное, и тем прославиться, нежели высокопарное, и быть неуважаему.

<...> XLV. ОЛЕНИНУ

<...>302. «Не спесь, красе возревновав».— Автор, желая украсить издание сих од виньетами, нарисованными г. Олениным, не мог здесь отыскать художников, которые бы вырезали их на меди, и для того чрез приятелей посылал первую часть в Англию, в которой помещена ода *На взятие Измаила.* Картина представляла огнедышущий

Везувий, против котораго идет безстрастно с примкнутым штыком российский гренадер, повалив за собою столпы Геркулеса, с надписью: Non plus ultra[8]. Английские художники, как думают, из зависти к славе российской или чрезвычайно живо изображенному рисунку, выдрали тот лист, на котором та картина была представлена, а автор, не разсмотря, принял ту книгу обратно от своего коммиссионера; но когда надобно было отдавать в печать, то, увидев, что этого рисунка нет, просил г. Оленина, чтоб вновь сделал оный; он медлил более года, и для того побудил его автор сей одою к исполнению обещаннаго им сего труда.

<...> XLVIII. МАНЕВРЫ

<...>342. «Миря грозой мятежну тварь».— Автор думал, что по силе и пространству российской империи нет ей нужды в завоевании, но она должна быть посредницей всех воюющих европейских народов, успокоивая их миром.

<...> L. ВРЕМЯ

<...> 349. «О Д..., Д..., как время!» — Н. А. Дьяков, ст. сов. и шурин автора.

350. «...Хотя адепты».— Адепты, масоны самой высочайшей степени, начальники лож масонских, к которым Дьяков принадлежал.

351. «И без чина он почтен».— Он был отставлен от службы без всякой вины, по недоброжелательству своего министра.

<...> LII. ПАМЯТЬ ДРУГУ

<...>360. «Воздвигнув из земли громады И зодчества блестя челом».— Ода сия написана по случаю кончины друга автора, Н. А. Львова, любителя художеств и в них искуснаго. Им вводимы были, по указу государя Павла, земляныя битыя строения, из коих образцом служит в Гатчине построенный им Приорат о нескольких этажах; он не токмо был охотник до архитектуры, но и сам был хороший зодчий, или архитектор; его множество находится зданий, по его планам и самим им строенных, из числа коих в Могилеве прекрасная церковь, заложенная императрицей Екатериной при императоре Иосифе II. Он другия изобрел полезныя экономическия заведения и вво-

дил во всех родах рукоделья и художествах хороший вкус, как-то между прочим: в Торжке, дав хорошие рисунки, приучил к изящным работам по сафьянному мастерству; перевел архитектуру Палладия и проч., о коих бы пространно было говорить.

361. «С кем, вторя, он Добрыню пел» и проч.— Он любил русское природное стихотворство и сам писал стихи, а особливо в простонародном вкусе был неподражаем: образцом может служить начало небольшой поэмы, называемой *Добрыня,* которая в Москве в *Русском Вестнике* напечатана.<...>

362. «Изящным, легким дарованьем».— Он имел весьма легкое и приятное дарование, так что когда зачинал что-нибудь, то казалось, без всякаго труда и будто сами Музы то производили.

<...>364. «Кто памятник над мной поставит?» — Он однажды писал к автору письма, разсуждая о разности их лет, ибо он гораздо был моложе автора, обещал ему сделать монумент.<...>

LIII. **МОНУМЕНТ МИЛОСЕРДИЮ**

<...>367. «Дал к человечеству в любови Пример и жизнь его сберег».— Ода сия писана в память Е. А. Наумова, генерал-майора и военной коллегии члена, который, бывши подполковником и главный судья с-петербургской государственной конторы, в 60-х годах, по несчастному опыту узнал, что пытками не можно узнавать истины, что часто слабые люди, не стерпя мучений, всклепывали на себя важныя преступления, которых они никогда не чинили, а напротив того злодеи крепкаго сложения и зная некоторыя натуральныя средства, не допущающия боль чувствовать, вытерпливали жесточайшия терзания, не признаваясь в своих винах; то он и довел сие обстоятельство до сведения императрицы Екатерины, которая, не смотря на некоторых вельмож противнаго мнения, дала сперва секретный указ, и потом и публичный закон, коим отменила пытки, а напоследок и вовсе пристрастные допросы уничтожила, чем исторгнуто человечество от чудовища, или тиранства, алкавшего крови не по чему иному, как по невежеству или ослепленной злости.

<...>369. «И се зрю: Петр, Елисавета» и проч.— Государь Петр III отменил тайную канцелярию. Елиса-

вета Петровна уничтожила смертную казнь, Екатерина пресекла пытки и всякое телесное страдание.

<...>371. «Который обагрен в крови».— Автор давно хотел оставить память в потомство подвига человеколюбиваго Наумова, но со дня на день оставлял без исполнения; а когда Н. П. Румянцов выходил у императора Александра указ, чтоб при гробе отца его, в Киеве в церкви погребеннаго, безпрестанно были два штаб-офицера и молились публично за его душу, за что он платит им жалование; то автор сею одою хотел показать, что Всевышнему приятнее милосердия монументы, чем таковые пышные, которые ничего другаго не оказывают, как глупую гордость: ибо, как государственному человеку, Румянцову поставлен монумент в Петербурге императором Павлом, а как христианина, память его может лучше вспоминаться благодеяниями кроткими и нетщеславными, как-то: подачею милостыни, учреждением больниц и проч.

372. «Так время кротости святыя».— Т. е. потомки кротости святыя, или милосердия предков: император Александр, который в первые годы царствования своего уничтожил даже и название секретных дел, приказав даже и в оскорблении величества следовать и судить дела в обыкновенных народных судебных местах и отворил все темницы, где содержались секретные узники, из коих некоторыя балагуры, будучи выпущены из петропавловской крепости, написали на дверях дома, где содержались: *свободен от постоя*, а императрица Мария Феодоровна сделала многие институты для содержания бедных вдов, сирот и для обучения девиц недостаточных.

<...> LXI. ОЗЕРОВУ НА ПРИПИСАНИЕ ЭДИПА

<...>395. «Вития, кому Мельпомена».— Вития, оратор или красописец, каковым автор разумеет В. А. Озерова, сочинителя трагедии *Эдипа*, которую он поднес автору, а сей ему в благодарность написал сию оду[9].

<...>399. «Но Лель с струн тиисских порхал».— Автор по то время, как сию оду написал, сочинял только оды анакреонтическия, горацианския и иногда пиндарическия; он не испытывал сил своих в трагедиях; то и приписывал сие искусство г. Озерову, который тогда из

русских писателей в оных один только упражнялся. Но следующее происшествие было причиною, что автор захотел испытать силы свои в сем роде поэзии. Когда г. Озеров сделал честь ему приписанием *Эдипа,* а он ему ответствовал сей похвальною одою, но как многие знатоки находили в сей трагедии слабости, а потому автор, послав сию оду при письме г. Озерову, сказал ему по-дружески, что он, разсмотрев хорошенько сию трагедию с приятелями, предоставляет себе право прислать ему на оную примечание. Сего было довольно Озерову к неудовольствию: с сего времени он перестал быть автору знаком, а когда выдал он трагедию *Димитрия,* которая двором была хорошо принята, но как находились в ней великия погрешности, то в бытность автора при дворе спросили автора, как он ее находит. Поелику она не имела порядочнаго плана и характеры великих князей весьма были подлы, то хотя автор и отговаривался сказать свое мнение, но наконец принужден нашелся сказать правду. Это тотчас дошло до Озерова: он разгласил в публике и даже довел до Императрицы, что автор из зависти не одобряет его трагедий, которых сам не умеет написать. Г. Шишков написал полное примечание на трагедию *Димитрия;* автор думал, что критика легка, а искусство трудно; то и решился испытать сил своих в разсуждении трагедии, и первую написал *Ирода и Мариамну*. Вот истинная причина, от которой автор начал в трагедиях упражняться.

<...> LXXVII. ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Писана на Званке 1807 в мае месяце, напеч. в первый раз в *Русском Вестнике* в Москве, а во второй раз в изд. 1808[10].

494. «Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть».— Петрополь, или Петербург, или Петроград, от коего Званка находится в 130 верстах.

495. «С уединением и тишиной на Званке».— Званка, сельцо или деревня автора, лежащая на реке Волхове.

<...>499. «Ковров и кружев и вязани».— На Званке были небольшия суконныя и коверныя фабрики.

500. «В которой обозрев больных» и проч.— Была там небольшая для крестьян больница.

<...>502. «Иль в зеркало времен».— Зеркало времен здесь называется история.

503. «Сбираются ко мне не для какой науки».— У автора приучены были маленькие ребятишки, чтобы они приходили каждое утро к нему для получения баранок.

504. «Блестят и жучки в епанечках».— Т. е. посредственныя мысли, хорошо сказанныя, чистым слогом, делают красоту сочинения.

505. «И липца, воронка и чернопенна пива».— Липец, мед, на подобие вина приуготовленный, желтаго цвету, а воронок — тоже мед, но черный, с воском вареный,— напитки, которые бывают очень пьяны, особливо последний, так что у человека при всей памяти и разсудке отнимутся руки и ноги; пиво черное кабацкое тоже весьма крепкое.

506. «Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен».— Березовый сок, яблочный и проч. делают на подобие шампанскаго вина, который вырывает пробки из бутылок. Подвенечное бревно есть самое верхнее на доме под застрехой.

<...>510. «Иль в мрачном фонаре любуюсь».— В камер-обскуру, в которую супротивные натуральные предметы представляются в малом виде весьма живо, и по реке, особливо когда небольшой ветер, струйки, освещенныя солнцем, бегут на подобие звезд по синей воде.

<...>516. «Чем у Французов быть в подданстве».— Простой народ русский в сие время никак не терпел Французов и ни коим образом не хотел от них быть побежденным.

<...>519. «И редки холмики, селений мелких полны».— По обеим сторонам Волхова находятся небольшие холмики, населенные маленькими деревеньками, которых тень, особливо при закате и восходе солнца, видна в струях водных, тихо текущих, также луга и нивы.

520. «Стекл заревом горит мой храмовидный дом».— Когда солнце ударяет в стекла, особливо при вечере, то оныя подобно зареву блистают; дом автора был с куполом и с колоннами и немного похожий на храмик.

521. «Где встречу водомет шумит лучей дождем».— По средине горы, по которой был восход к дому, усыпанный желтым песком и осаженный шиповными кустами, был фонтан, от коего встречу идущим блистали лучи.

522. «Из жерл чугунных гром».— Из чугунных пушек, во время фейерверков и иллюминаций.

523. «Блистать музыкой, пляской, пеньем».— У автора было несколько родных девиц и молодых людей с талантами, умеющих играть на разных инструментах.

<...>525. «Здесь тихогром».— Тихогром, или фортепиано.

<...>530. «Иль нет, Евгений!» — Евгений, архиерей викарный новгородский,— приятель автора,— который его посещал на Званке и любил слушать эхо от выстрелов пушечных, которые несколько раз по лесам Волхова удивительно отдаются.

531. «Вождя, волхва гроб кроет мрачный».— Подле дома автора находится холмик или курган, который обыкновенно бывает над гробницами. Волхв или вождь предполагается, что под оным погребен, ибо по истории новогородской известно, что волхв или колдун, чародей был такой, который превращался в крокодила и в другия разныя чудовища и поедал по озеру Ильменю и по речке Волхову, из него текущей, плавающих на ней людей, от чего последняя и прозвалась Волховом[11]. <...>

ЧАСТЬ III

I. ПРИНОШЕНИЕ КРАСАВИЦАМ

Сии анакреонтическия песни написаны в угождение второй жены автора, к чему подан повод был недостатком денег: она скучала, что не было оных на отделку сада в петербургском доме. Он шутя отвечал, что ему дадут их музы, и начал сии песни; вследствие чего и *Приношение* им сделано жене и прочим красавицам.

<...> XLII. ГОСТЮ

<...>«В сем тонком пологу перловом И в зеркалах вокруг усни».— В петербургском доме автора была комната с диваном, в котором серпянная палатка уставлена была зеркалами.

<...> LIV. ПЕНОЧКА

Соч. в Пб. 1799 г. во сне и положена на бумагу тотчас, как проснулся.

<…> LXII. ПРИЗЫВАНИЕ И ЯВЛЕНИЕ ПЛЕНИРЫ

Соч. в Пб. в 1797 в июле месяце по случаю, что на другой день смерти первой жены его, лежа на диване, проснувшись поутру, видел, что из дверей буфета течет к нему белый туман и ложится на него, потом как будто чувствовал ласкание около его сердца неизвестнаго какого-то духа.

<…> LXXXIII. КРУЖКА

Соч. в Пб. 1777; застольная песнь граждан.<…> Музыка г. Трутовскаго, придворнаго гуслиста.

28. «Где вист да банк, да макао».— Сии карточныя игры в великом были в том году употреблении.

29. «С гренками пивом пенна кружка».— Граждан-гуляк обыкновенная приятельская попойка из старинных серебряных кружек, наполненных сушеным хлебом с лимонною коркою и налитых пополам английским и русским пивом.

<…> CXVI. ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ

<…>35. «Дом благодатныя, неблазныя Добрады».— Г. Шишков, делая свои примечания на лексикон Российской Академии, прилагательныя имена *благодатныя* и *неблазныя* придал обыкновенному женскому лицу; но члены Синода, присутствующие в Академии, на таковыя г. Шишкова изъяснения не согласились; из чего вышла ссора, даже переписка, и в Синоде сделано определение, что сии прилагательныя имена принадлежат исключительно Божией Матери. Но как автор почел их суждение несправедливо, то и осмелился поместить те слова в сем сочинении. Цензура пропустила, публика приняла, Синод молчит, следовательно и могут быть употреблены везде, но только с разсуждением, по важности материи и лиц, к кому относятся.<…>

ЧАСТЬ IV[12]

<…>IX. КУТЕРЬМА ОТ КОНДРАТЬЕВ

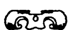
Соч. и представлена на Званке в 1806 г. Напеч. в 1808.

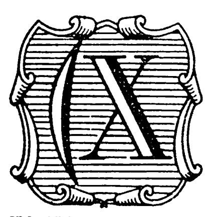
Примечание. Сия домашняя комедия сочинена для детей по случаю, что у автора случилось вдруг в служи-

телях три Кондратья, из которых один камердинер, другой садовник, а третий музыкант; и как они при одном случае, находясь в услуге, перемешались, то автор и написал сию комедию. В Петербурге она сделала некоторый шум, ибо думали, что она сатира на министров, которых называли Кондратьями и кои не знали своих должностей и кто из них был первый. Сия комедия была представлена племянницами автора Львовыми, которыя приехали в самом деле погостить к автору для его именин.

Разсуждение о лирической поэзии или об оде

отя еще в 1752 году покойный профессор Тредьяковский писал о сем предмете, но весьма кратко, показав только слегка свойство, назначение и главныя черты Оды; а о красотах ея, или прямом достоинстве, равно и о противном тому, не изъяснил в подробности. Здесь сочинитель, почерпнув из лучших писателей и из собственных своих долговременных в сем роде поэзии опытов, показывает все принадлежности изящной лиры. Но чтобы представить с одной стороны обилие и силу, а с другой гибкость и способность российскаго языка к изображению ясно и сладкозвучно всех чувств сердца человеческаго, привел в примеры несколько в переводах из древних, а более из подлинных произведений отечественных лириков, избегая притом елико возможно собственных. В необходимых же только случаях, когда не знал в чужеземных и не находил в русских, или думал, что они вполне не объясняют его мыслей, употребил свои. Слово οδιε, по-Гречески пою, происходит от места, называемаго Οδειου, где в Афинах певали рапсодии или отрывки Гомеровой Илияды и Одиссеи)[1].

Ода, слово греческое, равно как и псальм, знаменует на нашем языке песнь. По некоторым отличиям, в древности носила на себе имя Гимна, Пеана, Дифирамба, Сколии, а в новейших временах иногда она то же, что Кантата, Оратория, Романс, Баллада, Станс и даже простая песня. Составляется строфами, или куплетами,

мерным слогом, разнаго рода и числом стихов; но в глубоком отдалении веков единообразных в ней строф не примечается. В древнейшия времена препровождаема была простою мелодиею; певалась с лирою, с псалтирью, с гуслями, с арфою, с цитрою, а в новейшия и с прочими инструментами, но более, кажется, со струнными. По лире, или по составу, к музыке способному, называется Ода лирическою поэзиею.

Лирическая поэзия показывается от самых пелен мира. Она есть самая древняя у всех народов; это отлив разгоряченнаго духа; отголосок растроганных чувств; упоение, или излияние восторженнаго сердца. Человек, из праха возникший и восхищенный чудесами мироздания, первый глас радости своей, удивления и благодарности должен был произнести лирическим восклиновением. Все его окружающее: луна, звезды, моря, горы, леса и реки напояли живым чувством и исторгали его гласы. Вот истинный и начальный источник Оды; а потому она не есть, как некоторые думают, одно подражание природе, но и вдохновение оной, чем и отличается от прочей поэзии. Она не наука, но огнь, жар, чувство.

Кто первый ввел ее в употребление, определить трудно. Некоторые по Священному Писанию присвояют то Иувалу, сыну Ламехову, показателю гуслей и певницы*; язычники Аполлону, научившему пастырей играть на свирели и сочинившему, после поражения Тифона, хор, называемый Номос. Иные же Меркурию, сделавшему из черепахи лиру. Новейшие писатели полагают корень вообще поэзии в совокупном составе человека духовнаго и телеснаго, снабженнаго творческою силою воображения и гармонии. В самом деле, человек, а особливо ума пылкаго, наполненный мыслями, будучи в уединении и в полной свободе, обыкновенно в задумчивости своей предавшись мечтанию, говорит с собою, насвистывает или напевает что-нибудь. Самые грубые народы, во всех временах и во всех странах света, даже не знавшие употребления огня, в Мексике, в Перу, в Бразилии, в Канаде, в Камчатке, в Якутске и в других почти необитаемых местах, носили и носят на себе сие отражение лучей Премудраго Создателя. Они самую дикость свою оставили и начали собираться в общества не чрез что другое, как чрез пение и лиру, под которою разумею всякое музыкальное орудие.

* В Книге Бытия глава 4, стих 21.

Впрочем, как бы то ни было, но поелику не знаем мы старее лирической поэзии еврейской, видимой нами в боговдохновенных песнях Пророков, то и должно отдать в изобретении Оды преимущество сему народу, не токмо по древности его сочинения, но и по высокому образу мыслей, каковых в самых древнейших и славнейших языческих лириках не встречаем. Но положим, что всякаго другаго низшаго рода песнопения могут источником своим иметь страсти, обстоятельства, природу; однако высокие, священные псальмы*, не что иное суть, как вдохновение Божие.

Таковая первостепенная, священная Ода есть самое выспреннее, пламенное творение. Она быстротою, блеском и силою своею, подобно молнии объемля в единый миг вселенную, образует величие Творца. Когда сверкает в небесах, тогда же низвергается и в преисподнюю; извивается, чтобы скорее цели своей достигнуть; скрывается, чтобы ярчее облистать; прерывается и умолкает, дабы вновь внезапно и с вящщим явившись устремлением, более звуком и светом своим удивить, ужаснуть, поразить земнородных. Вот пример:

«Осветиша молния Твоя вселенную, подвижеся и трепетна бысть земля».

Псалом 76, стих 19

Или:

Тогда во все пределы света
Как молния достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух.

Ломоносов

Гимн парением своим несколько ниже Оды. Хотя и можно бы сей последней предоставить в отличительное свойство ужас и удивление могуществу, а первому благодарность и славословие за благодеяние и покровительство; но по всегдашнему их смешению определить прямую черту между ими трудно. Гимнами Евреи в разных случаях воспевали истиннаго Бога и чудеса Его, а язычники — поклоняемых ими богов и человеков, прославившихся знаменитыми подвигами. Возносили их при жизни, сла-

* Псальм происходит от глагола греческого φαλλο, «бряцаю, слегка ударяю по струнам», по-еврейски «небел».

вословили и по смерти. Гробы их, когда умолкала зависть, делались у язычников алтарями, а песни гимнами. Сие находим у всех народов и во всех веках. Гимны содержали в себе часть религии и нравоучения. Они певались при богослужении, ими объясняемы были оракулы, возвещаемы законоположения, преподаваемы, до изобретения письмен, славныя дела потомству и проч.

Лира, или псалтирь, согласовались их предметам. Пели Гимны при восхождении солнца, при наступлении нощи, при новомесячии и ущербе луны, при собирании жатвы и винограда, при заключении мира и при наслаждении всякаго рода благополучием, а равно и при появлении войны, морового поветрия и какого-либо инаго бедствия, не от одного или нескольких молебщиков, но от лица всего народа. Чрез Гимны возносились благодарения, славословия, моления и жалобы божествам. Гласы их были гласы благоговения, наставления, торжественности, радости, великолепия, или вопли негодования, сетования, мщения, уныния, плача и печали. Вот что были в глубокой древности Оды и Гимны, и что в храмах, на театрах, в чертогах и на стогнах народных ими воспевалось. Они были иногда подсказываемы конархистом (декламатором), как у нас стихиры, или провозглашаемы самим поэтом при звуке струнном. Видно сие из многих псалмов Давида:

«Исповедайтеся Господеви в гуслех: в псалтири десятоструннем пойте Ему».

Псал. 32, ст. 2

Из од Пиндара:

Златая арфа Аполлона,
Подруга чернокудрых Муз!
Твоим в молчаньи звукам внемлет
Монарх веселья, пляска, лик.
Когда же, хором управляя,
Даешь к совосклицанью знак,—
Огнь быстрый, вечный, вседробящий,
Ты можешь молньи потушить![2]

Из песни Игоря:

«Едва Баян вещие персты на струны вкладаше, и абие они сами славу князей рокотаху»[3].

Наконец, при распространившемся общежитии, из собраний народных перешло песнопение и в круги се-

мейств. Там воспевалось им все житейское: любовь, ненависть, дружба, вражда, всякая охота, сельския упражнения, жизнь пастушья и тому подобное, из коих последняя, по некоторым писателям, берет у всех первенство. Сочинители их и купно певцы были у Египтян, Финикиян, Индейцев, Греков, Римлян, Аравитян и прочих народов, которые в Южной Европе назывались бардами*, а на Севере скальдами. Некоторые причисляют к ним и друидов; но другие называют их только провещателями при жертвоприношениях**. То же ли, по дару вдохновения, были у Евреев пророки, а у Славяноросcов, по глаголу *баю,* баяны? — оставляю на разсуждение искуснейших в древности, но скажу только, что все их песни, по содержанию своему, были почти у всех одинаковы; а по свойству (характеру) их, или выражениям чувств, совсем различны. Климат, местоположение, вера, обычай, степень просвещения и даже темпераменты имели над всяким свое влияние. Но вообще примечается, что чем народ был дичее, тем пламеннее было его воображение, отрывистее и короче слог, менее связи, распространения и последствий в идеях, но более живописной природы в картинах и более вдохновения. Напротив того, у образованных обществ более разнообразия, распространения, приятности, блеску в мыслях и мягкости в языке. Израильский пророк, проповедуя единство Божие, движет силою Его холмы, обращает реки к вершинам, касается горам и дымятся. Греческий бард, восхищенный славою своих витязей, гремит на ипподроме с бегом колесниц, мчится с преспеянием коней, увеличивая или украшая о них свои понятия блеском двусоставных слов, называя Юпитера громовержцем, Нептуна землепрепоясателем, Венеру голубоокою, Диану быстроногою и пр. Скальд Шкотов видит на облаках летающия тени своих предков, мечи на их бедрах из северного сияния, мрачную, безмолвную природу и кровавыя брани. Славяноросcийский баян изображает ратное воспитание и ревность свою к службе князя, что на конце копья он взлелеян, доспехами повит и вычерпает шлемом своим быстрыя реки. Словом, всякий древний народ, а особливо северные, воспевая свои подвиги и свои упражнения, изъяснялись, относительно

* Бард, певец, собственно Галлам и Британцам принадлежащий.

** И неугрюмые друиды
Дают глухим вытьем ответ.

чувств своих, в их гимнах и одах своим образом; ставили славу свою в героических своих песнях, гордились ими и, не имея их, почитали себя несчастливыми.

Но Ода или Гимн изображают только чувства сердца в разсуждении какого-либо предмета, а не действия его. Где же останавливаются на действии, тут уже сближаются к Эпопее. Слог имеют твердый, громкий, возвышенный, благородный, однако сходственный всегда с предметом; в противном случае теряют свою изящность. Доказывается сие одою «На счастие» Жан-Баптиста Руссо, переведенною г. Ломоносовым и Сумароковым. Последняго слог не соответствует высокому содержанию подлинника. И так Гимн и Ода заимствуют свое наречие, свои краски, свою силу от воспеваемаго ими предмета; но никогда площадных или простонародных слов себе не дозволяют, разве в таком роде будут писаны; но здесь таковыя не имеют места. Впрочем, качество или достоинство высоких од и гимнов составляют: вдохновение, смелый приступ, высокость, беспорядок, единство, разнообразие, краткость, правдоподобие, новость чувств и выражений, олицетворение и оживление, блестящия картины, отступления или уклонения, перескоки, обороты, околичности, сомнения и вопрошения, противоположности, заимословия, иносказания, сравнения и уподобления, усугубления или усилия и прочия витийственныя украшения, нередко нравоучение, но всегда сладкогласие и вкус.

Хотя из вышеупомянутых украшений многия в особенности принадлежат риторике и объяснены там под именами разных тропов и фигур, но покажем, что́ такое они у лирика и как он их употребляет.

Вдохновение не что иное есть, как живое ощущение, дар Неба, луч Божества. Поэт, в полном упоении чувств своих разгораяся свышним оным пламенем или, простее сказать, воображением, приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что́ ему велит его сердце. Не разгорячась и не чувствуя себя восхищенным, и приниматься он за лиру не должен. Вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта, как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободрением, поддерживается окружными видами, согласными со страстью, которая его трогает, и обнаруживается впечатлением, или излиянием мыслей о той страсти, или ея предметах, которые воспеваются. В прямом вдохновении нет ни связи, ни холоднаго разсуждения;

оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений. От того-то в превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, то особую краску и приятность в себе имеющее. Но вдохновение может быть не всегда высокое, а чаще между порывным и громким посредственное, заемлемое от воспеваемого предмета, обстоятельств, или собственнаго состава и расположения поэта; а потому и может быть у всякаго свое и по временам отличное вдохновение по настроению лиры, или по наитию гения. Исчислять все его виды было бы весьма пространно. Но вот некоторые примеры:

Грознаго:

Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стенала от зыбей;
Что вихри в вихри ударялись
И тучи с тучами спирались,
И устремлялся гром на гром,
И что надуты волн громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты гор с влажным дном.

Ломоносов

Гневнаго:

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек!
Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь,
сквозь град блистая
И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал,
И так его на распрю звал:
Где был ты, как передо мною
Безчисленны тьмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою
В обширности безмерных мест,
Мое величество вещали! — *и проч.*

Ломоносов

И л и:

Претящим оком Вседержитель,
Воззрев на полк вечерний, рек:
О дерзкий мира нарушитель,
Ты меч против меня извлек!
Я правлю солнце, землю, море,
Кто может стать со мною в споре?

Ломоносов

Т о р ж е с т в е н н а г о:

Уже со многими народы
Гласит эфир, земля и воды,
И камни вопиют теперь!
К нам щедро Небо преклонилось
И счастье наше обновилось:
На трон взошла П е т р о в а Дщерь.

Ломоносов

И л и:

Тогда от радостной Полтавы
Победы росской звук гремел;
Тогда не мог П е т р о в о й славы
Вместить вселенныя предел;
Тогда Вандалы побежденны
Главы имели преклоненны,
Еще при пеленах Твоих;
Тогда предъявлено судьбою,
Что с трепетом перед Тобою
Падут полки потомков их.

Ломоносов

Р а д о с т н а г о:

Коликой славой днесь блистает
Сей град в прибытии Твоем!
Он всех веселий не вмещает
В пространном здании своем;
Но воздух наполняет плеском.
И нощи тму отъемлет блеском.
Ах, еслиб ныне Россов всех
К Тебе горяща мысль открылась;
То б мрачна ночь от сих утех
На вечный день переменилась!

Ломоносов

И л и:

Геройских подвигов хранитель
И проповедатель Парнасс,
Времен и рока победитель,
Возвыси ныне светлый глас;
Приближи к небесам вершины,
И для похвал Е к а т е р и н ы,
Как наша радость, расцветай,
Шуми ручьями с гласом лиры,
Бореи преврати в Зефиры,
Представь зимой в полнощи рай.

Ломоносов

С п о к о й н а г о:

Царей и царств земных отрада
Возлюбленная тишина!
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли, *и проч.*

Ломоносов

И л и:

В долине он стоит обширной,
Где вечная цветет весна:
Стада гуляют в паству жирной,
Всегдашня тамо тишина:
Ни слез, ни стона там не знают,
Друг друга жители лобзают;
Щит Марсов, шлем и копие
Лежат увитые цветами;
Возлегши мир на них локтями,
Стрежет оружие сие.

Херасков

И л и:

Сон сладостный не презирает
Ни хижин бедных поселян,
Ниже́ дубрав не убегает,

Ни низменных, ни тихих стран,
На коих по колосьям нивы
Под тенью облаков игривый
Перебирается Зефир,
Где царствует покой и мир.

Из Горация[4]

Т и х а г о:

Российско солнце на восходе
В сей обще вожделенный день
Прогнало в ревностном народе
И ночи и печали тень.
Воспомянув часы веселы,
Красуйтесь, счастливы пределы,
В сердцах усугубляйте жар!

Ломоносов

И л и:

Владеешь нами двадцать лет,
Иль лучше льешь на нас щедроты;
Монархиня! коль благ совет
Для Россов вышния доброты!

Ломоносов

И л и:

Так вскликнув, я повергся долу:
Заглохнул стон болотна дня,
Замолкло леса бушеванье,
Затихла тише тишина.
Лежал простертым, чуть дыхая,
В цветах на берегу ручья,
Над коим месяц серпозлатый
Блистал, бледнел, темнел,— исчез.

Из Козегартена[5]

С т р а с т н а г о:

Увижу ль с ним тебя,— и вмиг
Трепещет сердце, грудь теснится,
Немеет речь в устах моих
И молния по мне стремится;
По слуху шум, по взорам мрак,
По жилам хлад я ощущаю;
Дрожу, бледнею,— и как злак
Упадши, вяну,— умираю.

Из Сафы[6]

Или:

Жизнь во мне тобой хранится,
Казнь и благо дней моих;
Дух хоть с телом разлучится,
Буду жив без связи их.
Тень моя всегда с тобою
Неразлучно будет жить,
Окружать тебя собою,
Взгляд твой, вздох и мысль ловить.

Нелединский[7]

Или:

Небеса, цари, вселенна,
Все мне милая моя.
Лишь взглянула — я любовник;
Пожелала — я поэт.

Князь Горчаков[8]

Нежнаго:

Как мать стенаньем и слезами
Крушится о сыне своем,
Что он противными ветрами
Отгнан, живет в краю чужом,—
Она минуты все считает,
На брег по всякий час взирает,
И просит щедры Небеса.

Ломоносов

Или:

Не видя пламенной Беллоны,
В Едемских жили бы садах,
Имели бы свои законы,
Написанны в твоих очах.

Херасков

Или:

В беседе ли с тобой бываю,
Тебя одну в ней вижу я,
Шаги твои все замечаю;
Где взор твой, там душа моя,
И с кем ни молвила б ты слово,
Читая в милых мне очах,
Тебе ответствовать готово
Мое все сердце на устах.

Нелединский

Или:

Всяк в своих желаньях волен:
Лавры! вас я не ищу:
Я и мирточкой доволен,
Коль от милой получу.

Дмитриев

Приятнаго:

Млеком и медом напоенны,
Тучнеют влажны берега,
И ясным солнцем освещенны,
Смеются злачные луга.

Ломоносов

Или:

Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Меж бисерными облаками
Сияет злато и лазурь.

Ломоносов

Или:

Я слышу Нимф поющих гласы,
Носящих сладкие плоды;
Там в гумнах чистят тучны класы;
Шумят огромныя скирды;
Среди охотничей тревоги
Лесами раздаются роги,
В покое представляя брань.
Сие богине несравненной
В избыток принесут осенной
Земля, вода, лес, воздух в дань.

Ломоносов

Или:

Какие радостные плески,
Огней торжественные блески,
Курения от алтарей? —
Мольбы! — Се лира для царей!

Херасков

Умилительнаго:

Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью казнишь,

Без гнева злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь:
Как Нил смиренно протекает,
Брегов своих он не терзает,
Но пользой выше прочих рек,
Своею сладкою водою,
В лугах зеленых пролитою,
Златой дает Египту век.

Ломоносов

Или:

Иль мало смертны мы родились
И должны удвоять свой тлен?
Еще ль мы мало утомились
Житейских тягостью бремен?
Воззри на плач осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов твоих.
К тебе любовь и радость света,
В сей день зовет Елисавета:
Низвергни брань с концов земных.

Ломоносов

Или:

А Ты, который обладаешь
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злаго их навета!
Соделай, да владыки света
Внушат мою нелестну речь;
Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь подъемлют
Тобою им врученный меч!

Капнист

Унылаго:

Но ах, жестокая судьбина!
Безсмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ,
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком,
Внушив рыданий наших слух;

Верхи Парнасски возстенали,
И Музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

Ломоносов

Или:

Что так смущаешься, волнуешь,
Безсмертная душа моя?
Отколе пламенны желанья?
Отколь тоска и грусть твоя?
Се холмы синие мерцаньем,
Луг запахом спокойство льет;
Но ах! ничто не утоляет
Унынья томна твоего!

Из Козегартена[9]

Или:

Леса, влекущие к покою,
Чертог любви и тихих дней!
Куда вы с прежней красотою
Сокрылись от моих очей?
Вас та же зелень украшает;
Но мне того уж не являет,
Чем дух бывал прельщаем мой;
Везде меня тягчат печали,—
Везде, где прежде восхищали
Утехи, счастье и покой.

Капнист

Или:

Без друга и без милой
Брожу я по лугам;
Брожу с душой унылой
Один по берегам.
Там те же все встречаю
Кусточки и цветки:
Но ах! не облегчаю
Ничем моей тоски!

Дмитриев

Или:

Где найду я выраженья
Все, что чувствую, сказать?
Не достанет вображенья

Чувств души моей обнять.
Только два их понимаю:
Время на двое делю,
При тебе — все забываю,
Или без тебя — терплю.

Нелединский

П е ч а л ь н а г о:

Безгласна видя на одре
Защитника, отца, героя,
Рыдали Россы о П е т р е;
Везде наполнен воздух воя,
И сетовали все места;
Земля казалася пуста:
Взглянуть на небо — не сияет,
Взглянуть на реки — не текут,
И гор высокость оседает;
Натуры всей пресекся труд.

Ломоносов

И л и:

Россы! се Е л и с а в е т а,
Се она во гробе здесь,
И лучей лишенна света,
Предается тлену днесь;
Се конец Ея судьбине.
Плачьте, Россы! плачьте ныне
О Монархине своей.

Сумароков

И л и:

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милаго вокруг;
Но увы! прелестна Хлоя!..
Уж не встанет милый друг!

Дмитриев

У т е ш и т е л ь н а г о:

Сие, о, смертный! разсуждая,
Представь Зиждителеву власть;
Святую волю почитая,
Имей свою в терпеньи часть.
Он все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит,

В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Ломоносов

Или:

Теперь по всем градам российским,
По селам и степям азийским
Единогласно говорят:
Как Бог продлит чрез вечно время
Дражайшее Петрово племя:
Счастлива жизнь и наших чад;
Не будет страшной уж премены,
И от российских храбрых рук
Разрушатся противных стены
И сильных изнеможет лук.

Ломоносов

Или:

Не озлобляйся ты злодеев клеветою,
Бог зрит дела твои и Сам везде с тобою.

Херасков

Или:

Надежды должно нам лишаться;
Томить себя, стенать, терзаться,
Когда проходит все как прах,
Когда для нас и горесть люта
И час и каждая минута
К блаженству будущему шаг.

Капнист

Или:

Лиза, рай всех чувств моих!
Мы не знатны, ни велики;
Но в объятиях твоих
Меньше ль счастлив я владыки?

Дмитриев

Забавнаго:

Зевес быкам дал роги,
Копыта лошадям,
Проворны зайцам ноги,
Зубасты зевы львам,
Способность плавать рыбам,

Парение орлам,
Безстрашный дух мужчинам;
Но что ж он дал женам?
Чем все то заменить? —
Красой их наделяет:
Огонь и меч и щит
Красавица сражает.

Из Анакреона[10]

Или:

Други! время скоротечно,
И не видишь как летит;
Молодыми быть не вечно;
Старость вмиг нас посетит.
Что же делать? — так и быть!
В ожиданьи будем пить.

Дмитриев

Или:

Ребята, нам в поле
От солнца сгореть,
Дня жарка мне боле
Нет мочи терпеть.
Мы можем собраться
В другой раз сюда;
Купаться, купаться
Теперь череда!

Шишков[11]

Шутливаго:

Платов, Европе уж известно,
Что сил Донских ты страшный вождь.
В расплох, как бы колдун, всеместно
Ты с туч падешь, как снег, как дождь.
По черных воронов полету,
По дыму, гулу, мхам, звездам,
По рыску волчью, видя мету,
Подходишь к вражьим вдруг носам,
И зря на туск, на блеск червонца,
По солнцу, иль противу солнца
Свой учреждаешь ертаул[12]
И тайный ставишь караул.
В траве идешь — с травою равен;
В лесу — и равен лес с главой;

На конь вскокнешь — конь тих, не нравен,
Но вихрем мчится под тобой.
По камню ль черну змеем черным
Ползешь ты в ночь,— и следу нет;
Орлом ли в мгле паришь сгущенной,—
Стрелу сечешь ей в след пущенной,
И брося петли вокруг шей,
Фазанов удишь, как ершей.

Атаману и войску Донскому[13]

Смелый приступ, или громкое вступление, бывает от накопления мыслей, которыя, подобно воде, стеснившейся при плотине, или скале, вдруг прорываясь сквозь оныя, с шумом начинает свое стремление. Едва ли можно воспарять выше таковаго начала! Имеющий вкус тотчас остановится тут, где приметит себя упадающим. Но находятся однако оды, которыя начинаются тихо и отчасу выше восходят своим парением. Бывают и такия, которыя имеют ровное и прямое направление; а другия местами порывны и извивисты, каковы все г. Ломоносова, смотря по предметам, какие они описывают. Вот примеры громкаго, тихаго и вдруг возвышающагося вступления:

Громкаго:

Вонми, о Небо! что реку.
Земля! услышь мои глаголы:
Как дождь на нивы потеку
И как роса на злачны долы,
Прольюсь и в бездны преисподни
Петь имя, чудеса Господни.

Второзакония гл. 32[14]

Или:

Внемлите, все пределы света,
И ведайте, что может Бог!
Воскресла нам Елисавета:
Ликует Церковь и чертог!

Ломоносов

Тихаго:

Заря багряною рукою
От утренных спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.

Благословенное начало
Тебе, богиня, возсияло.
И наших искренность сердец
Пред троном Вышняго пылает,
Да счастием твоим венчает
Его средину и конец!

Ломоносов

Тихаго и вдруг возвышающагося:

Сквозь тучи вкруг лежащи черны,
Твой горний кроющи полет,
Носящи страх нам, скорби зельны,
Ты грянул наконец! — и свет
От молнии твоей горящей,
Сердца Альпийских гор потрясшей,
Струей вселенну пролетел;
Чрез неприступны переправы
На высоте ты новой славы
Явился, северный Орел!

Из оды На переход Альпийских гор[15]

Высокость, или выспренность лирическая, есть не что иное, как полет пылкаго, высокаго воображения, которое возносит поэта выше понятия обыкновенных людей и заставляет их сильными выражениями своими то живо чувствовать, чего они не знали и что им прежде на мысль не приходило. Но высокость бывает двоякаго рода: одна — *чувственная* и состоит в живом представлении веществ; другая — *умственная* и состоит в показании действия высокаго духа. Первая принадлежит к лире, а другая к драме. Посему-то иногда живое чувственное не может быть высоким умственным; ни самое высокое умное не может быть живым чувством. Словом, что́ живо, то не есть еще высоко; а что́ высоко, то не есть еще живо. Итак, по сему понятию лирическое высокое заключается в быстром парении мыслей, в безпрерывном представлении множества картин и чувств блестящих, громким, высокопарным, цветущим слогом выраженное, который приводит в восторг и удивление. Высокое же драматическое содержится в тихом и спокойном действии души великой, которая, быв выше других, и в слабостях человека, твердостию и мужеством его, а не блеском одним воображения и громом слов, показывает в нем высокое существо и заставляет разум почитать его, или благоговеть пред ним. Кратко, прямая высокость состоит в силе

духа, или в истине, обитающей в Боге. Одно справедливо изящное в том и другом случае есть только высоко. В оде, которая изображает, как песнь лирическая, превосходныя чувства, и тут же, как эпопея или драма, описывает действие великодушия, могут быть помещаемы и та и другая высокость, но только поэтом, вкус имеющим, чтобы не распространить действия и тем не охладить чувств. Вот примеры и той и другой высокости и вообще их обеих:

Чувственной:

Отверзлась дверь, не виден край,
В пространстве заблуждает око.

Ломоносов

Или:

Лице любови толь прекрасно,
В ночи горят коль звезды ясно
И проницают тихий понт;
Подобно сей царицы взгляды
Сквозь души и сердца идут.

Ломоносов

Или:

Люди с солнцем — людям ясно,
А со мною — все туман.

Московский Журнал[16]

Умственной:

Он тигров челюсти терзает,
Волнам и вихрям запрещает,
Велит луне и солнцу стать.

Ломоносов

Или:

Взглянув в Россию кротким оком,
И видя в мраке ту глубоком,
Со властью рек: да будет свет,—
И бысть!..

Ломоносов

Или (в нежном слоге):

О, души моей веселье,
Для кого мне жизнь мила!

Я последне ожерелье
За тебя бы отдала!

Московский Журнал

В о о б щ е ч у в с т в е н н о й и у м с т в е н н о й:

О вы, не дремлющия очи,
Стрегущия небесный град!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда, покоясь, смертны спят,
Взираете сквозь тень густую
На целу широту земную.
Но чаю, что вы в оный час,
Впротив естественному чину,
П е т р о в у зрели Дщерь едину,
Когда пошла избавить нас.

Ломоносов

И л и:

Умреть иль победить здесь должно:
Умрем! — клик вторит по горам[16]*.

Безпорядок лирический значит то, что восторженный разум не успевает чрезмерно быстротекущих мыслей расположить логически. Потому ода плана не терпит. Но безпорядок сей есть высокий безпорядок, или безпорядок правильный. Между периодов, или строф, находится тайная связь, как между видимых, прерывистых колен перуна неудобозримая нить горючей материи[17]. Лирик в пространном кругу своего светлаго воображения видит вдруг тысячи мест, от которых, чрез которыя и при которых достичь ему предмета, им преследуемаго; но их нарочно пропускает или, так сказать, совмещает в одну совокупность, чтоб скорее до него долететь. При всем том, если не предводит его разум, то хотя препровождать должен. Иначе сей мнимый безпорядок будет на самом деле безпорядок, в котором поэт, как изступленный, мечется от одной мысли к другой, кажется без всякой связи, но сколько тут ума и сколько красот!

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл,
В долине тишина глубокой.—
Внимая нечто, ключ молчит,
Который завсегда журчит

И с шумом вниз с холмов стремится;
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Ломоносов

Единство страсти, или одно главное чувство, в лирической песни, как в эпопее и драме единство действия, господствовать долженствует; ибо разсеяние за многими предметами отнимает силу и быстроту у лиры. А для того, посвятя ее радости, можно теряться в восхищениях и даже дерзать почти на сумасбродство, но отнюдь не переходить к печали. Начиная ненавистью, не надлежит оканчивать любовью. Иначе любовь не будет уже противницею ненависти, или останется тою же самою страстию, какою и была, но только под сокрытием. Сие противострастие видно в нижеследующей строфе:

Так ты, так ты таков то лют! —
Но, ах! средь самых тех минут,
Когда тебя я ненавижу,
Когда тобой я грусть терплю,
С тобой я твой порок люблю,
В тебе еще все прелесть вижу.

Пени[18]

Впрочем, единством называется и то, когда поэт предмета своего ни на миг не упускает из виду. Примеры сему: у Анакреона почти во всех одах; у Горация в книге I, в оде 10 *К Меркурию,* и между моими многия, из коих та ода и *Гимн Кротости* ниже сего помещаются[19]:

К Меркурию:

Красноречивый внук Атланта,
Меркурий! дикий нрав смягчивший грубых смертных
И образ давший их движенью тел красивый
По правилам Палестры, *и т. д.*

Гимн кротости:

Сиянье радужных небес,
Души чистейшее спокойство,
Блеск тихих вод, эдем очес,
О кротость! ангельское свойство!

Отлив от Бога самого!
Тебе, тобою восхищенный,
Настроиваю, вдохновенный,
Я струны сердца моего, *и т. д.*

Разнообразие бывает троякое: одно в картинах и чувствах, другое в слоге и украшениях, третие в механизме стихов, словоударении или рифме. В первом поэт, имеющий вкус, старается выставить разныя картины, одну после другой противоположныя, как то: ужасныя и приятныя, и проч. Во втором согласует слог свой с описанием предметов, или природы, понижая или возвышая оный, громкими или тихими выражениями. В третьем переменяет стопосложение, меры и падения созвучно действию описываемому, медленным или быстрым течением стиха. Все сие весьма поражает и удивляет слушателей. Но таковое разнообразие должно всегда усиливать единство, делать главный предмет привлекательнейшим, богатейшим, блистательнейшим тем самым, когда разные лучи его, как отражения солнечныя, видом или качеством своим подобные ему, от всех его окружающих картин, действий, звуков, побочных чувств и извитий обращаются на лицо единства, и в нем одном сливаясь, распространяют, украшают и усугубляют его великолепие. Но тут надобно великое искусство, чтоб все сии разнообразия постепенно сами по себе возвышались; картины становились блистательнее, чувства живее, звуки поразительнее, извития перепутанностию своею более любопытство возбуждали и наконец все бы они какою неожиданною нечаянностию, приводящею в восторг и удивление, с громом и блеском, или приятным чувством вдруг разрешались. Надобно однако, чтоб при всех тех разнообразиях не было ничего натянутаго, темнаго, замешаннаго, непостепеннаго, излишняго, или — как Пиндар говорит — такой несоразмерной нагрузки, которая отягощает воображение; но все бы было ясно, все дельно, все естественно и необходимо, так, чтобы, перешагнув реку, не говорить уже о переходе ручья. Впрочем, всякая другая неприличная разнообразность будет пестрый шутовской наряд, смех в благоразумном читателе произвести могущий. Образцы разнообразия относительно картин можно видеть в одах Пиндара и Горация. Ломоносов им наполнен. Прочие наши поэты, а особливо Петров, показывают его довольно. Касательно же других разнообразий, как то: возвышения

и понижения слога, перемены звуков от стопосложения, то не знающему чужеземных языков, а особливо греческаго и латинскаго, ни изъяснить, ни понять того не можно; но чтоб читающие только по-русски могли иметь о них некоторое понятие, смею предложить в моих сочинениях оды: *К любителю художеств, На взятие Варшавы, Персея и Андромеду.* Наконец разнообразие бывает и в плане. Иные при самом начале объявляют цель свою, другие скрывают ту до конца, третьи так утаевают, что и угадать трудно. Пример перваго: у Ломоносова в оде 19, *На новый 1764 год;* втораго: у меня в оде *Павлин;* третьяго: у Горация во II книге, в оде IV, *К Каллиопе,* которой перевод здесь следует и о коей поныне толкователи не согласны, с каким намерением она написана. Для показания же разнообразия в картинах, приведем в пример отрывки из *Пиндара, Ломоносова* и целую мою небольшую оду *На шествие Амфитриты.*

Из Горация:

К Каллиопе:

Сойди ко мне с небес, царица Каллиопа!
И громкою трубой, иль нежным звоном струн
От цитры Феба, иль когда предпочитаешь
Ты голос свой всему,— воспой безсмертну
песнь *и т. д.*

Из Пиндара:

Сидит на скипетре Зевеса
Орел, пернатых царь, и, вниз
Спустя высокопарны крылья,
Во сладостном забвеньи спит.
Приятна мгла, смежая вежды,
Главу его на перси гнет;
Бряцаньем тихим утомленный
Чуть зыблется хребет его *и т. д.*[20]

Из Ломоносова:

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен океан,
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны;

Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски[21] копием:
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоем.
Плутон в разселинах мятется,
Что Россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Который там натура скрыла;
От блеска дневнаго светила
Он мрачный отвращает взор.

Шествие по Волхову Российской Амфитриты:

Что сияет от заката
В полнощь полудневней свет?
Средь багряна, стекляна злата
Кто по Волхову плывет?
Полк тритонов трубит в трубы;
Рыб на дне струится бег;
Пляшут холмы, скачут дубы,
С плеском рук бежит вслед брег
И шумят струи жемчужны? *и т. д.*[22]

Краткость. Известно, что пламенное чувство изъясняется кратко, но сильно. Поелику высокая ода наполняется горячим, сильным чувством, то и разумеется, что ода должна быть кратка, или по крайней мере не слишком длинна; ибо предполагается, что возбуждена мгновенным чувством какого-либо предмета; а потому и не может то чувство долго продолжаться в равной силе. Если ж кому превосходное вдохновение, или дар, позволит распространяться, то надобно, чтобы он пламени своему умел придавать непрестанно новую пищу; чтобы все продолжение было так напитано душою, как цепь электрическою силою, которая при малейшем к ней прикосновении ока, или слуха, издавала бы от каждаго звена своего блеск и треск. Повторение одних и тех же мыслей, одетых только другими словами без чувств, не токмо бывает ненужно, но и неприятно. В том великая тайна, чтоб проницательную, быструю душу уметь занимать всегда новым любопыт-

ством. По сей-то причине все лучшие лирики предмет свой показывали только с той стороны, которая более поражает, и едва сделав впечатление, столь же стремительно оставляли, как за нее принимались. Впрочем, краткость не в том одном состоит, чтоб сочинение было недлинно, но в тесном совмещении мыслей, чтобы в немногом было сказано много и пустых слов не было. Вот примеры краткости в целом творении и в слоге возвышенном и простом.

В целом возвышенном:

Коль зрелище красно, приятно,
Где вкупе братия живет!
Благоуханье ароматно
Как на браду с главы течет, *и т. д.*

Псалом 132[23]

В целом простом:

Сабинскаго вина, простаго,
Немного из больших кувшинов
Днесь выпьем у меня, Мецен!
Что сам, на греческих вин гнезда
Налив, я засмолил в тот день *и т. д.*

Из Горация[24]

В слоге возвышенном:

Идет ли к трону — всем любима!
Зажглась война — непобедима!
Желаешь мира — мир цветет!

Херасков

Или:

Ты дхнешь — дубов столетний лес
Косматым корнем вверх ложится:
Гремишь — и каменный утес
. . . . .падет, крушится.

Бобров[25]

В слоге простом:

Простое сердца чувство
Для света ничего;
Там надобно искусство.
А я — не знал его.

Моск. Журн.

Правдоподобие во всяком сочинении, а более в оде или гимне нужно, потому что лира издревле посвящена на сохранение дел народа, или, лучше, на расширение славы его. Поелику же истина одна дает вымыслам вероятие, а вымыслы истину только украшают, то и надобно, чтоб лирическая песнь содержала в себе некоторую правду, или быль, а без того она не достигнет своего значения. Правдоподобие состоит в том, чтобы собраны были все приличия и принадлежности к воспеваемому предмету в пособие, дабы ему чрез них казаться более вероятным. Без сего не возбудит он внимания, не затвердится в памяти у современников и не перейдет чрез предание к потомству. Например: ежели лирик говорит, что *тот велел волнам,— и волны отступили*, то должно, чтобы *тот* был Бог, или по крайней мере человек, снабженный Божескою силою, дабы возмог творить такия чудеса; чтобы был Юпитер, когда двумя шагами претек вселенную; чтобы был Росс, обладатель полсвета, когда полсвета очертил блестящий его меч. Без сей осторожности всякое подобное кичливое изречение пред прямым знатоком будет не золото, а шумиха, могущая забавлять только детей. Вот примеры правдоподобия:

Но если гордость ослепленна
Дерзнет на нас воздвигнуть рог;
Тебе, в женах благословенна,
Против ея помощник Бог.
Он верх небес к себе преклонит
И тучи страшныя нагонит
Во сретенье врагам твоим.
Лишь только ополчишься к бою,—
Предыдет ужас пред тобою,
И следом воскурится дым.

Ломоносов

Или:

Сам Бог ведет, и кто противу?
Кто ход Его остановит?
Как океанских вод разливу
На встречу кто поставит щит?

Ломоносов

Или:

Колосс российский! свой смири прегордый вид,
И нильских здания высоких пирамид,

Престаньте более считаться чудесами!
Вы смертных бренными соделаны руками:
Нерукотворная здесь росская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Прешла во град Петров чрез невския пучины
И пала под стопы Великаго Петра.

Рубан[26]

Новость, или необыкновенность чувств и выражений, заключается в том, что когда поэт неслыханными прежде на его языке изречениями, подобиями, чувствами или картинами поражает и восхищает слушателей, излагая мысли свои в прямом или переносном смысле, так чтобы оне по сходству с употребительными, известными картинами, или самою природою, по тем или другим качествам, не взирая на свою новость, тотчас ясны становились и пленяли разум. Витийственныя сети сии не потому нравятся знатокам, что оне остро выдуманы; но что ласкают их самолюбию, когда настоящий оных разум скорее, чем простой народ, понимают. Например: они гордятся тем, что в стрелах Пиндара слышат поразительные звуки арфы, сердца их услаждающие; а в стрелах Гомера видят лучи Аполлона, или солнца, смертельную язву Грекам наносящие, чего другие не видят и не слышат. Вот примеры новых чувств и выражений:

Не медь ли в чреве Этны ржет
И с серою кипя клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?

Ломоносов

Или:

Целуйтесь громы с тишиною,
Упейся молния росою;
Стань ряд планет в счастливый знак.

Ломоносов

Или:

Я зрю пловущих Этн победоносный строй.
Их парусы — крыле; их мачты — лес дремучий!

Петров[27]

И л и:

Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце — в тереме солнце,
На небе месяц — в тереме месяц,
На небе звезды — в тереме звезды,
На небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.

Из Древн. русск. стихотворения[28]

И л и:

Он жажд твоих всех утоленье,
Он чуден именем Своим,
Любовь и свет — Его есть сущность;
Его *когда* — всегда есть с ним;
Его *где* — здесь и повсеместно;
Его подобие — есть ты;
Его отсвет — в тебе блистает.
Гордись, мой брат, величьем сим!

Из Козегартена[29]

Олицетворение и *оживление* суть главнейшия свойства поэзии. Она все существа моральныя и духовныя, не имеющия образа, а равно вещественныя, лишенныя видимых нами чувств, гласа и движения, олицетворяет и оживляет, дабы понятнее представить чрез то сотворяемый ею, так сказать, новый волшебный, очаровательный мир, и им удобнее удивляя и убеждая простой ум, привлечь его на свою сторону. Лирический поэт к возвышенью своего предмета не редко пользуется таковыми вымыслами. Вот примеры олицетворения и оживления:

О л и ц е т в о р е н и я:

Европа утомлена в брани,
Из пламени подняв главу,
К тебе свои простерла длани
Сквозь дым, курение и мглу.

Ломоносов

И л и:

Москва едина, на колена
Упав, перед тобой стоит,
Власы седые простирает,
Тебя, богиня, ожидает.

Ломоносов

Оживления:

Там холмы и древа взывают
И громким гласом возвышают
До самых звезд Елисавет.

Ломоносов

Или:

Встают верхи рифейски выше:
Течет Двина, Днепр, Волга тише,
Желая твой увидеть свет.

Ломоносов

Блестящия, живыя картины, то есть, с природою сходственные виды, которые мгновенно мягких или чувствительных людей поражают воображение и производят заочно в них фантазию (мечты), или фантастические чувства. Картины сии в лирической поэзии (не говоря о эпической) должны быть кратки, огненною кистью, или одною чертою величественно, ужасно, или приятно начертаны. Излишнее распространение у них отнимает цену. Здесь более всего идут иперболы (или увеличивания). Одного, или нескольких членов довольно, чтобы представить страшнаго великана, остальное дополнит воображение. Вот примеры величественных, ужасных и приятных картин:

Величественных:

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Сидит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает,
И вкруг довольства исчисляет,
Возлегши лактем на Кавказ.

Ломоносов

Или:

Уже из светлых врат сафирных
Направил коней ты эфирных,
Ржут, топчут твердь, спешат лететь.

Ломоносов

Или:

Втапоры вынимал Казарянин
Вот из налучья свой тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Хочет застрелить черна ворона —
А и тугой лук свой потягивает;
Калену стрелу поправливает;
И натянул свой тугой лук за ухо,
Калену стрелу — семи четвертей —
И завыли рога у туга лука,
Заскрыпели полосы булатныя.

Из Древн. русск. стихотворений

Ужасных:

Бежит в свой путь с весельем многим
По холмам грозный исполин,
Ступает по вершинам строгим,
Презрев глубоко дно долин,
Вьет воздух вихрем за собою;
Под сильною его пятою
Кремнистые бугры трещат
И следом дерева лежат.

Ломоносов

Или:

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж готфскими полками,
Бежит, ярясь, из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух,
Там тысячи валятся вдруг.

Ломоносов

Или:

Червь кровоглавый точит умерших;
В черепах желтых жабы гнездятся,
Змии в крапиве шипят.

Карамзин

Приятных:

Белейшей мрамора рукою
Любовь несет перед собою

Младых супругов светлый лик.
Сама смотря на них дивится,
И полк всех нежностей теснится,
И к оным тщательно приник.
Кругом ея умильны смехи
Взирающих пленяют грудь,
Приятности и все утехи
Цветами устилают путь.

Ломоносов

Или:

Зелену ризу по лугам
И по долинам расширяя,
Из уст зефирами дыхая,
С веселием вещает к нам.

Ломоносов

Или:

Как свод небес яснеет синей,
По нем звезд бездна разстлана;
Древа блестящ кудрявит иней
И светит полная луна;
Далече выстрел раздается,
И дым, как облак, к верху вьется.

Петров

Отступление, или *уклонение* от главнаго предмета делается с умыслом, чтобы сперва более возбудить внимание, по какой причине он оставлен, а потом, представя его с вящшим громом, или блеском, увеличить чье-либо мужество, добродетель, премудрость, невинность и пр., а тем привесть в восторг и удивление слушателей. Вот примеры отступления:

Позволь,— мне жар велит сердечный,
Монархиня, в сей светлый день,
Как в имени твоем Предвечный
Поставил нам покоя сень,
Безмолвно предвещая царство,
Чтоб миром свергла ты коварство,—
Позволь мне духа взор простерть
На брань и сродство милосердо,
Где кротости жилище твердо,
Жалка и сопостатов смерть.

О, коль мечтания противны
Объемлют совокупно ум!
Доброты вижу здесь предивны!
Там, пламень, звук и вопль и шум!
Здесь полдень милости и лето,
Щедротой общество нагрето;
Там смертну хлябь разинул ад!
Но Промысл мрак сей разгоняет,
И волны в мыслях укрощает,
Отверзся в славе Божий град.

Эфир, земля и преисподня
Зиждителя со страхом ждут!
Я вижу Отрока Господня,
Приемлюща небесный суд.
Всесильный властию Своею
Вещает свыше к Моисею:
— Я в ярости ожесточу
Египту сердце вознесенно;
Израиля неодоленно
Пресветлой силой ополчу.—

Сие ж явил Бог в наши лета,
Неистову воздвигнув рать,
Дабы тебе, Елисавета,
Венцы побед преславных дать.

Ломоносов

Или:

Се внемлю новой славы звуки!
Меня видения влекут:—
Младенцы, простирая руки,
Рождаются и так рекут...

Херасков

Или:

Не драгоценностей алканье,
Не слава, не хвала людей
И не предмет тобой избранный
Волнуют во груди твоей;
Но тот,— прочь от очес повязка!
Запона и от слуха прочь!

Из Козегартена[30]

Перескоком называется то, что́ показывает выпуск, или промежуток между понятиями, когда не видно между ими надлежащаго сопряжения. Дух наш сам по себе быстр; но когда еще разгорячен какою страстию, то стремительнее бывает. В жару мысли теснятся, летят и как всех их вдруг высказать не можно, то некоторыя из них не договариваются, или пропускаются; а важнейшия токмо как бы выпорхивают в таком порядке, в каком находились в кругу нашего воображения, оставляя прочия без примечания, кои могли бы служить им связью. От того-то мысли иногда кажутся оторванными, неполными; но как оне, хотя отдаленно, однако друг за другом следуют, то сие отдаление и кажется промежутком или выпуском, которое читатель, имеющий проницательный ум и могущий следовать за полетом пиита, легко сам своею догадкою дополнить может. Сие положение прекрасно изображает наша древняя русская прибаутка:

Он бьет коня по крутым бедрам.
Конь его поднимается
Выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Горы и долы между ног пускает,
Быстрыя реки хвостом покрывает.

Но приметить должно, что таковые перескоки пристойны только в чрезвычайно важных, стремительных ощущениях страстей. Вот примеры:

Аз рек (*во гневе ко врагам моим,*
Вы свидетели), и где они?

Бытия книга

И л и:

Сокровищ полны корабли,
Дерзают *(плыть)* в море за тобою.

Ломоносов

И л и:

К тебе всех мысль, к тебе всех труд
(обращены).

Ломоносов

Или:

Нечестием закон попран,
Пороком долг и суд изгнан;
Моря и острова в неволе:
И Ты, о Господи, доколе? *(терпишь).*

Петров

Оборот, или *обращение.* Когда поэт средь выспренняго своего полета, будто задумавшись, опомнивается вдруг и обращается к чему-либо занимательнейшему, дабы придать тем более блеска, важности и величества своему предмету. Или, неожиданно прервав свою материю, начинает другую, однако сходственную, или поддерживающую прежнее его содержание; или вызывает кого-нибудь себе в помощь, в свидетели и проч. Эта мастерская уловка, чтобы таковым образом владеть, или, лучше, на всем скаку уметь обращать пламеннаго Пегаса. Надобен тут сильный, искусный ездок, или, просто сказать, необыкновенный восторг. Чем круче и быстрее будет оборот, тем более заслужит удивления. Но при всем том, чтоб оборот был, как выше сказано, к чему-либо важнейшему, или превосходнейшему, а иначе исчезнет его блеск. По сему самому требуется в сем извитии большаго дарования. Кажется, принадлежит он в особенности Ломоносову. Он таковыми великолепными оборотами наполнен, и никто из наших пиитов с ним в таковых не сравняется. Вот примеры:

Мой образ чтят в тебе народы
И от Меня влиянный дух;
В безчисленны промчится роды
Доброт твоих не ложный слух.
Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сочту сердца кичливы,
Тобой Я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить;
Господствуй, утвержденна Мною,
Я буду завсегда с тобою.

Но что страны вечерни тмятся
И дождь кровавых каплей льют?
Что финских рек струи дымятся,
И долы с влагой пламень льют?
Там видя выше горизонта
Входяща готфска Фаэтонта

Против течения небес,
И вкруг себя горящий лес.

Ломоносов

Или:

Какая бодрая дремота
Открыла мысли ясный сон?
Еще горит во мне охота
Торжественный возвысить тон.
Мне вдруг ужасный гром блистает
И купно ясный день сияет!

Ломоносов

Или:

Но кая странна речь приходит
В мой полный трубных гласов слух?
К любезной кротости приводит
В сурову брань вперенный дух?
Вы, яры волны, укротитесь;
Вы, бури, в тихость превратитесь;
Внимай со страхом смертных ум;
Умолкни лютой брани шум;
Престаньте, смерть родящи звуки;
Почийте, копья, меч и луки!

Петров

Или (когда вызывает):

О вы, которых ожидает
Отечество из недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Ломоносов

Или:

О тень великая, спокойся!
Мы помним тьмы твоих заслуг;

Безмолвна в вечности устройся —
Твой труд меж нами жив вокруг.

Ломоносов

Или:

Возстань, Платон, и посмотри,
У нас Минерва на престоле.

Петров

Околичности, вмещения, или переходы к какой-либо другой материи, сходственной качеством своим воспеваемому предмету. Они употребляются в таком случае, когда изящность побочнаго содержания, вдруг встречая, увлекает поэта; или неплодовитость своего собственнаго побуждает его искать в другом месте обогащения ему. Околичностей, или вводов таковых эстетики полагают два рода: первый в текстах священнаго писания, или каких-либо премудрых изречениях людей великих (апоффегмах), или общих истинах (аксиомах); другой исторический, или басенный. Можно бы, кажется, прибавить астрономический, или астрологический, заимствуя оный из небесных знаков, или явлений, которыми поэт мнение свое подкрепляет. Последния приличествуют более лирику, потому что поэзия вящше украшается вымыслами. Околичностями более всех изобилует Пиндар. Вот примеры:

Премудрых изречений:

Цветут во славе Мною царства
И пишут правый суд цари.

Ломоносов

Или:

Отец духов не есть Бог мертвых;
Он Бог,— но Бог есть вечной жизни.

Бобров

Или:

Пришел, увидел, победил.

Исторический:

Супружню Ольга смерть отмщая,
Казнит искусством Искорест;
И тмы неверства избегая,
Спешит до просвещенных мест.

Ломоносов

И л и:

В своих увидишь в предках явны
Дела велики и преславны,
Что могут дух природе дать,
Уже младаго М и х а и л а
Была к тому довольна сила
Упадшую Москву поднять.

Ломоносов

И л и:

Се новый А л е к с а н д р родился
И берег невский возгордился,
Что российския Минервы внук
Умножит древней славы звук.

Херасков

Б а с е н н ы й:

Что дым и пепел отрыгая,
Мрачил вселенну Энцелад;
Ревет под Этною, рыдая,
И телом наполняет ад;
Зевесовым пронзен ударом,
В отчаяньи трясется яром,
Безсилен тяготу поднять.

Ломоносов

И л и:

Там Мемель, в виде Фаэтонта
Стремглав летя, Нимф прослезил,
В янтарнаго заливах понта
Мечтанье в правду превратил.

Ломоносов

А с т р о н о м и ч е с к и й
и л и а с т р о л о г и ч е с к и й:

Я деву в солнце зрю стоящу,
Рукою отрока держащу.

Ломоносов

И л и:

Там муж, звездами испещренный,
Свой светлый напрягает лук,
Дияна стрелы позлащенны
С ним мещет из прекрасных рук.

Се небо показует ясно,
Коль то с добротами согласно
Рожденныя в признаках сих:
От ней геройство с красотою
Повсюду миром и войною
Лучи пускают дней златых.

Ломоносов

И л и:

Что се! — средь дня в эфире блещет
Сложенный из созвездий крест,
И очи кроя, Турк трепещет.
Ты, Муза, чтуща книгу звезд,
Мне знамения рцы причину.—
Тезоименный Исполину,
Максентий коим побежден,
Защитник веры, славы Россов,
Гроза и ужас чалмоносцев,
Великий Константин рожден.

Петров

И л и:

На темный, вижу, шар подлунный
С равнин небесных горных мест
Овен младой, золоторунный
Незапно вшел и стал средь звезд.
Не кротости ль символ в нем зрится?[31]

Сомнения и *вопрошения*. Когда поэт, в упоении своего восторга, представляет себе, будто в чем сомневается и, делая себе вопросы, сам же на них отвечает, дабы тем усугубить красоту, или силу своего предмета, или страсти. Разрешения таковых сомнений чрезвычайно поражают слушателей. Вот примеры:

В о п р о ш е н и й:

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет.
Что бьет за страшный шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет.
В пещеру скрыл свирепство зверь;
Небесная отверзлась дверь;
Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицем;

Умытым кровию мечем
Гоня врагов, герой открылся.
Ломоносов

Или:

Но что за громы ударяют?
Се глас мой звучно повторяют
Земля и ветры и валы!
Ломоносов

Или:

Кто в громе радостные клики
И огнь от многих вод дает?
И кто ведет в перунах лики? —
Великая Елисавет!
Ломоносов

Сомнений:

Не сей ли при Донских струях
Разсыпал вредны Россам стены?
И Персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Ломоносов

Или:

Что ж се? — Дияне я прекрасной
Уже последую в лесах,
От коей хитростью напрасной
Укрыться хочет зверь в кустах!
Ломоносов

Противуположности весьма усиливают и украшают предметы, когда поэт кратко и резко умеет ввести их в пристойном месте. Вот примеры:

Там степи, кровью напоенны,
Взрастили лавры нам зелены.
Ломоносов

Или:

В войну кипит с землею кровь
И суша с морем негодует;
Владеет в мирны дни любовь
И вся натура торжествует.

Там заглушает мысли шум;
Здесь красит все довольства ум.
Ломоносов

Или:

Ты вне гроза, ты внутрь покров.
Полки сражая, вне воюешь;
Но внутрь без крови торжествуешь.
Ты буря там, здесь тишина.
Ломоносов

Или:

С Бореем вшел в союз Зефир.
Херасков

Или:

Я ласкалась, ты чуждался;
Утешала, ты скучал;
Я стенала, ты смеялся;
Я лобзала, ты терзал;
Я сердилась и рвалася,
Что в обман тебе далася,
И хотела цепь прервать;
Но лишь только что смягчалась,
Пуще я в тебя влюблялась
И гналась тебя искать.
Попов[32]

Заимословие, или речь заимообразно, так сказать, какому либо существу одушевленному, или неодушевленному поэтом данная, должна быть в лирическом творении весьма краткою; иначе длинный посторонний рассказ сообщает лире некоторую холодность и сухость, делая сочинение не только драматическим, но вялым, скучным и неприятным. Вот пример заимословия:

Благословенна вечно буди,
Вещает Ветхий деньми к ней,
И все твои с тобою люди,
Что вверил власти Я твоей.
Ломоносов

Или:

Исполнен я веселья ныне,
Что вновь дела мои растут:

Вещает Петр Екатерине:
Твои советы все цветут.—
Блаженны дщерью мы своею;
Рука Господня буди с нею.

Ломоносов

Или:

Тогда Божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки
К сему монарху, говоря:
Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшаго ума плоды.

Ломоносов

Или:

Сияющ звездными очами,
Стране Российской говорит:
Ликуй!.. дошли в пределы вечны
Твои желания сердечны,
И милующий Россов Бог
Младенца дал тебе в залог.

Херасков

*Иносказание**, инોречие (аллегория), или остроумное прикрытие прямаго смысла, когда поэт, не хотя назвать вещь по какой-либо известной ему причине прямым ея именем, называет в переносном или настоящем смысле другою вещию и чрез то придает возвышение или понижение своему предмету; или когда, скрывая подлинное свое о нем мнение, показывает принадлежности его, как-бы под рукою, истинныя его доброты, или пороки, лаская тонким образом чьему-либо самолюбию, или издеваясь над оным, из коих последний случай называется ирониею, или насмешкою. Вот примеры важной и насмешливой аллегории:

Важной:

Там вдруг облег дракон ужасный
Места святы, места прекрасны,
И к облакам сто глав вознес!

---

* В простонаречии — отверница.

Весь свет чудовища страшится,
Един лишь смело устремиться
Российский может Геркулес.

Ломоносов

Или:

Парящий слышу шум орлицы,
Где вышный дух твой, Фридерик!

Ломоносов

Насмешливой:

Орлы на тое не взирают,
Что львовы челюсти зияют.

Ломоносов

Или:

В те дни, как все везде в разгулье:
Политика и правосудье,
Ум, совесть и закон святой
И логика пиры пируют,
На карты ставят век златой,
Судьбами смертных пунктируют,
Вселенну в трантелево гнут;
Как полюсы, меридияны,
Науки, Музы, боги — пьяны
Все скачут, пляшут и поют[33].

Сравнения и уподобления суть иероглифы, или немой язык поэзии. Поелику она по подражательной своей способности ни что иное есть, как говорящая живопись: то и сравнивает два предмета чувственным образом между собою, или вдруг решительно их друг другу уподобляет, дабы чрез то, не говоря много, изобразить о них яснее свои понятия, или, лучше сказать, чтобы неизвестный или невидимый предмет представить чрез видимый въявь, или на лицо; и тому из них, которому поэт желает придать более совершенств, заняв их от другаго. В сих украшениях нужно: в первом быстрый и проницательный ум, чтоб скоро уметь схватить и верно сличить разность и сходство; а в другом живое, сильное воображение, чтоб спечатком, или списком заменить подлинник. Таковыя сравнения и уподобления чрезвычайно оживляют и украшают лиру. Вот примеры:

Сравнений:

Как лютый мраз весна прогнавши
Замерзлым жизнь дает водам;
Туманы, бури, снег поправши,
Являет ясны дни странам,
Вселенну паки воскрешает,
Натуру нам возобновляет,
Поля цветами красит вновь:
Так ныне милость и любовь,
И светлый дщери взор Петровой
Нас жизнью оживляет новой.

Ломоносов

Или:

Да возрастет ея держава,
Богатства, счастье и полки,
И купно дел геройских слава,
Как ток великия реки
Чем дале бег свой простирает,
Тем больше вод в себя вмещает
И множество градов поит.
Разлившись на поля восходит,
Обильный тук на них наводит
И жатвы щедро богатит.

Ломоносов

Или:

Прекрасно солнце на восходе
Приносит нову жизнь природе:
Аврора тако ваших дней,
Любовь и качества душевны
Сулят нам радости подневны
И век златой России всей.

Херасков

Или:

Увивается тут родная матушка:
Она плачет так, как река льется;
А родна сестра плачет, как ручей течет;
Молода жена плачет, как роса падет;
Красно солнышко взойдет, росу высушит.

Из русской песни

Уподоблений:

В луга усыпаны цветами
Царица трудолюбных пчел,
Блестящими шумя крылами,
Летит между прохладных сел;
Стекается, оставив розы
И сотом напоенны лозы,
Со тщанием отвсюду рой,
Свою царицу окружает!
И тесно вслед ея летает
Усердием вперенный строй.
Подобным жаром воспаленный,
Стекался здесь Российский род
И радостию восхищенный,
Теснясь, взирал на твой приход.

Ломоносов

Или:

Подобно граду он густому
Летяще воинство теснил,
Искал со стороны пролому
И рвался в сердце наших сил.

Ломоносов

Или:

Едемскому подобно саду,
Россия в наши дни цветет:
Всеобщую сердец отраду
Мой стих усердно воспоет.

Херасков

Усугубление, или *усилия*, могут быть употреблены с успехом, когда поэт, желая с одной стороны распространиться, а с другой, опасаясь быть растянутым, единообразным, или, так сказать, одноцветным, а по тому самому скучным, напрягает, или усиливает предыдущия свои мысли и чувства повторением какого-либо одного слова, усугубляя тем быстроту своего парения и дая себе тем способ к перемене и к накоплению другими картинами и чувствами своего содержания, главный предмет его обогащающими. Вот примеры:

Здесь Нимфы невской Ипокрены,
Видения ея лишенны,
Сердцами пойдут вслед за ней.

Сердцами пойдут, и устами
В восторге сладком возгласят.

Ломоносов

И л и:

Ея и бодрость и восход
Златой наукам век доставит
И от призрения избавит
Возлюбленный *Российский род.*
Российский род! коль ты ужасен
В полях против своих врагов,
Толь дом твой в недрах безопасен.
Ты вне гроза, ты внутрь покров.

Ломоносов

И л и:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, *зовет* твой стон,
Зовет,— и к гробу приближает...[34]

А там — израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший...
А там — вдова стоит в сенях...
А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный,
Безстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Котораго в бою рука
Избавила тебя от смерти;
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.
А там...[35]

Нравоучение. По той ли причине, что поэзия язык богов, голос истины, пролиявшей свет на человеков, что все почти древние вожди и законодатели, как-то: Божественный Моисей, языческие Орфей, Бахус, Озирид, Зороастр, Брамго, Солон, Оден, наконец, Магомет и многие другие были поэты и законы свои изрекали стихами, или по чему другому; но только известно, что во всех народах и во всех веках принято было за правило, которое и поныне между прямо просвещенными мужами сохраняется, что советуют они в словесности всякаго рода проповедывать благочестие, или науки нравов. Особливо на-

ходят более к тому способною лирическую поэзию, в разсуждении ея краткости и союза с музыкою, чем удобнее она затверживается в памяти и, забавляя, так-сказать, просвещает царства. Китайцы и некоторые другие народы начинают тем воспитание детей, что заставляют их затверживать наизусть стихотворные отрывки, или краткие наставительныя песни. Индейцы браминской секты до того довели сие употребление, что знатнаго поколения беременным женщинам напевают набожные, или нравоучительные стихи, уверяя, что яко бы души младенцев, в утробе еще сущих, напояются благочестием, посредством душ материнских. Подлинно ли это так, не утверждаю; но вижу и в сколиях (о коих ниже объяснится) древних Греков, что и при самых их забавах и веселых пиршествах наставления из виду выпускаемы не были. Первобытные славные лирики, до нас дошедшие, то свидетельствуют. Дикие даже, бедность и угнетение терпевшие скальды, не смотря на лица сильных, пели их народам и обладателям разительныя, но полезныя истины. Их иногда гнали, потому ли, что правды мир не терпит, или неприятен пророк в отечестве? — Эдуард I, король английский, даже истреблял их. Но, напротив того, добрые государи, отцы отечества, любившие доблесть и благочестие, их при себе содержали, уважали их песни, хвалились ими. Песнопевцы везде при них бывали, даже в походах и в самых сражениях. Они ободряли их самих и воинство к мужественным подвигам и к презрению смерти. Словом, древний вдохновенный северный скальд был изступленник веры, законов, вольности, славы, чести, любви к отечеству и верности своему государю. Держа в руках лиру и воспевая песни, метался он между ужасами и опасностями, как полоумный, проповедуя добродетель. Полуденный бард был то же. Псалтирь наполнена благочестием. Самый первый псальм не что иное, как нравоучение. Пророк вдохновенный (vates), или древний лирик был одно и то же. Он был герольд Неба, орган истины. Величие, блеск и слава сего мира проходят; но правда, гремящая во псалмопениях славословие Всевышнему, пребывает и пребудет вовеки! Посему-то, думаю я, более, а не по чему другому, дошли до нас оды Пиндара и Горация, что в первом блещут искры богопочтения и наставления царям, а во втором, при сладости жизни, правила любомудрия. В разсуждении чего нравоучение, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портит высо-

ких лирических песней, но даже их и украшает. Вот примеры.

Из Пиндара:

Так милостью богов единых
И в добродетелях своих
Все процветают человеки!
Блаженства лишь они дождят:
Чрез них премудрые — премудрость;
Красноречивы — сладость уст;
Могущие — их силу стяжут
И все дары текут от них, *и т. д.*[36]

Из Горация:

Кто хочет только, что лишь нужно,
Тот не заботится никак,
Что море взволновалось бурно,
Что огненный вращая зрак,
Медведица нисходит в бездны[37]

Из Ломоносова:

Услышьте, судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Бог благословит ваш дом.

Или:

О, коль монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть:
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.

Из Хераскова:

О смертные! не истребляйте
Своей надежды на Творца:
И гордостью не отравляйте
Во благоденствии сердца.

Хотя земные суть владыки
Пред смертными у нас велики,
Но Бог и над царями Царь.
Как хочет, всеми управляет,
Престолы рушит, возставляет,
Одним все движет перстом тварь.

Из Петрова:

Ты обществу своим примером показал,
Что истинный герой без зависти родится
И качеством своим во друге веселится.

Сладкогласие или *сладкозвучие*. Любителям изящных художеств известно, что поэзия и музыка есть разговор сердца; что ищут оне побед единственно над сердцами таким образом, когда нежныя струны их созвучностию своею в них отзываются. Греки, достигая до сего, так обработали и одоброгласили свой язык, что при слышании гимнов, препровождаемых лирою, почитали ухо свое душою и дополняли им недостаток их разума. У северных скальдов столь утончен был слух, что признавался отливом картин живущаго света, до чего ни древние, ни нынешние полуденные народы не достигли. Я под сим понимаю, что они были совершенные мастера звукоподражательнаго стихотворения. Знаток в том и другом искусстве тотчас приметит, согласна ли поэзия с музыкою в своих понятиях, в своих чувствах, в своих картинах и, наконец, в подражании природе. Например: свистит ли выговор стиха и тон музыки при изображении свистящаго или шипящаго змия, подобно ему; грохочет ли гром, журчит ли источник, бушует ли лес, смеется ли роща — при описании раздающагося гула перваго, тихобормочущаго течения втораго, мрачноунылаго завывания третьяго и веселых отголосков четвертой; словом: одета ли каждая мысль, каждое чувство, каждое слово им приличным тоном; поражается ли ими сердце; узнается ли в них действие или образ естества. В разсуждении чего, сколь нужно поэту пещися о чистом и гладкотекущем слоге, чтоб он легок был к выговору, удобен к положению на музыку и к изображению всех вышеписанных прелестей. Малая шероховатость, малая темнота досаждают вниманию и разсеивают мысли. Знаю я, сколь трудно до сего достигнуть, чтоб соединить плавность Хераскова с силою стихов Петрова. Но до чего не доможет-

ся истинный дар и неутомимое прилежание? — Вот примеры сладкогласия и звукоподражания (onomatopée).

С л а д к о г л а с и я:

Поля, леса густые,
Спокойствия удел,
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел!

Капнист*

З в у к о п о д р а ж а н и я:

И устремлялся гром на гром.

Ломоносов

И л и:

Со бомбой бомба, с громом гром,
Ядро жужжа сшибается с ядром.

Петров

И л и:

Стуча с крыльца ступень с ступени
И скатится в древесны тени.

Вкус есть судия и указатель приличия, любитель изящности, провозглашатель в разсуждении чувств красоты, а в разсуждении разума, истины. О нем, как о счастии (фортуне), как о сострастии (симпатии), как о высшем уме (гении), говорить много можно, а определить его с ясностию, для всех понятною, едва ли кто возьмется. Но без его печати, как без клейма досмотрщика, никакия искусственныя произведения безсмертия не достигают. Он ничего не терпит несвойственнаго природе: от раз-

* Подобнаго сладкогласия исполнены все сочинения Хераскова, Богдановича, Нелединскаго, Дмитриева, Карабанова и проч.; превосходнее же Ломоносова, в разсуждении его великолепия и громкаго слога. Но дабы яснее мысль мою сказать, в чем состоит *сладкогласие:* если в искусном наборе слов, к выговору удобнейших, слуху приятнейших и приличнейших описываемому предмету и обстоятельствам, то в вышеприведенном в примере четверостишии, изображающем тишину, осмелился я отменить резкую букву (Р), делающую некоторую громкость, поместя, вместо *предел,* — *удел.*

вратнаго бежит, от гнуснаго отвращается, но бывает иногда таким волшебником, который странным и диким существам придает неизъяснимую прелесть и ведет великана паутиною в свой плен. Иногда у современников в тумане, но в потомстве, просветляясь, заслуживает статуи и алтари. Гомер и Мильтон сие доказывают. Без него ни громогласная арфа, ни тихозвенящая свирель власти над сердцами не сыщут. Он знает всему меру, где тон возвысить, где понизить, где остановиться и где продолжать. На весах его лежит соображение всех обстоятельств, до человека касающихся, времени, обычаев, религии и проч. Он умеет распределять тени красок, звуков, понятий и из разногласия творить согласие. Он, как говорят некоторые эстетики, есть сосредоточенный свет и жар, то есть ум и чувство, между холодною геометриею и пылкою музыкою. Я оставляю сию высокую метафизику их учености, но говорю просто, что без вдохновения на струнах лиры нет жизни, а без вкуса — приятности. Словом, как в области прочих искусств, так и в лирическом стихотворстве, по приличию единственно обстоятельств, предметов и свойств их, когда они естественно, ясно и сладкозвучно выражены, вкус познаваем быть может. Приведем в примеры на нашем языке нечто в великолепном и нечто в простом слоге, а потом в переводе из Греческой Антологии, Анакреона, Горация, как образцов изящнаго вкуса, подражательно и у нас написанное:

В великолепном:

Щедрот источник, ангел мира,
Богиня радостных сердец,
На коей как заря порфира,
Как солнце тихих дней венец:
О, мыслей наших рай прекрасный,
Небес безмрачных образ ясный,
Где видим кроткую весну,
В лице, в устах, в очах и нраве!
Возможно ль при твоей державе
В Европе страшну зреть войну?

Ломоносов

В простом:

Ах! когда б я предузнала
Страсти бедственны плоды,

Я б с восторгом не встречала
Полуночныя звезды:
Не лила б от всех украдкой
Золотаго я кольца;
Не была б в надежде сладкой
Видеть милаго льстеца.
К отвращению удара
В горестной моей судьбе,
Я слила б из воска яра
Легки крылышки себе
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нежно, нежно бы взглянула
Хоть однажды на него!
А потом бы улетела
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы села
Среди площади какой;
Возрыдала б, воззопила:
Добры люди! как мне быть?
Я невернаго любила:
Научите — не любить.

Московск. Журнал

Или:

Как придти к ней смеет Скука? —
На часах у ней Любовь.

Н. Львов

В переводах
из греческой антологии:

Лиза голову чесала
Скромно гребнем золотым;
Взявши волос, привязала
К красотам меня своим *и т. д.*

Из Анакреона:

Опутав Леля Музы
В цветочном тенете,
Стеречь, повергши в узы,
Вручили красоте[38] *и т. д.*

Из Горация:

О ты, Бландузский ключ кипящий,
В блистанье спорящий с стеклом,
Струи целебныя точащий,
Достойный смешан быть с вином!
Ты будешь славен, ключ счастливый,
В числе естественных чудес,
Как воспою тенисты ивы,
Обросши тот пустой утес,
Отколь твои струи прозрачны,
Склонясь серебряной дугой,
Отважно скачут в долы злачны
И говорят между собой.

Бобров

Наконец, любители словесности не будут ли довольными, относительно вкуса, некоторыми из моих од, в духе сих лириков написанными, как-то: к *Соседу*, *Хариты* и проч.

За сим, когда показал и объяснил я принадлежности лирической поэзии, не подумал бы кто, что я советую их все вдруг помещать во всяком гимне или оде. Нет, это было бы то же, что, вместо посева, бросать кучею семена на одном месте, как сказала Коринна Пиндару. Но что надобно их при случае и пристойно употреблять, то необходимо. Они отнимают сухость и одноцветность; делают предмет разнообразным, обильным, сильным; в них познается богатство мыслей и превосходство таланта; они составляют изящество и существо прямой оды, ежели истекают только от истиннаго вдохновения. Напротив, без вышняго сего дара не красотами они бывают, а раскрашенными, неоживленными призраками. Всякий набор пустых, гремучих слов, скропанный по школьным одним правилам, или нанизанность надутых неодушевленных подобий, всякий, говорю, длинный разсказ, холодное поучение, газетныя подробности, неточная оболочка речениями мыслей, принужденное, безстрастное восклицание, нагроможденная высокость, или тяжело ползущее парение, никому непонятное глубокомыслие, или лучше сказать, безсмыслица и слух раздирающая музыка, стыдят и унижают лиру. Звуки ея тогда как стрелы тупыя от стен отскакивают и как стук в свинцовый тимпан до сердца не доходят. Поистине, вдохновение есть один источник всех вышеписанных лирических принадлежностей, душа всех ея красот и достоинств; все, все и самое сладкогла-

сие от него происходит,— даже вкус, хотя дает ему дружеские свои советы и он от него принимает их, но не прежде, как тогда уже, когда успокоится; а во время пылкаго его парения едва только издали смеет приближаться к нему и надзирать за ним. Если поэт за первым без всякаго разсуждения быстро последует, а за вторым не торопясь, с благоразумием, и за справою уже сего последняго, а не прежде, выдает в свет свои сочинения: то без всякаго сомнения рано или поздно получает плески[39]; чувствуй, и будут чувствовать; проливай слезы, и будут плакать. От восклицания токмо сердца раздаются громы. Вдохновение, вдохновение, повторю, а не что иное, наполняет душу лирика огнем небесным. Он напрягает все ея силы, окрыляет, возносит и исторгает, так-сказать, ея бытие из пелен плоти или из всех земных пределов, дабы лучше выразить и выяснить изступленное ея положение. От вдохновения происходят бурные порывы, пламенные восторги, высокия Божественныя мысли, выспренния парения, многосодержащия изречения, таинственныя предвещания, живыя лицеподобия, отважные переносы и прочия риторския украшения, о коих было уже говорено. От него, или приличнее здесь сказать, от Духа Божия, под струнами венценоснаго иудейскаго лирика и царя скакали холмы, двигалась земля, преклонялось небо пред лицом Вседержителя; солнце престолом, а луна подножием ног Его становились. От него, смею сказать, но лишь по подражанию токмо святым пророкам, Орфей водил леса и реки за собою; Гомер, помаванием Юпитеровой главы, колебал вселенную. Не знав истиннаго Бога, языческие поэты не могли воспарять до такой высокости, чтобы славословить Невидимаго, Непостижимаго; ибо их понятия более были телесныя, нежели духовныя, и разделялись на многия божества. Но о сем буду говорить ниже, а теперь довольно о гимнах и одах, которых множество примеров можно видеть в псалтире. Из языческих всех ближе подходит к ним, по очищенным мыслям от идолопоклонства и по высокому своему содержанию, гимн греческаго стоическаго философа *Клеанта*, напечатанный в моих сочинениях[40]. В христианской Церкви, не говоря о новых, славнейшие в древности гимны суть: *Тебе Бога хвалим, Свете тихий Святыя славы*[41]. Впрочем, для примера помещаю здесь один переведенный гимн из Гомера и приступаю к объяснению других низших степеней древних лирических песней.

Гомеров гимн Минерве:

Пою великую, безсмертную Афину,
Голубоокую, божественную деву,
Богиню мудрости, богиню грозных сил,
Необоримую защитницу градов,
Эгидоносную, всемощну Тритогену,
Которую родил сам Дий многосоветный,
Покрытую златой, сияющей броней.
Оцепенение объяло всех богов,
Когда из Зевсовой главы она священной
Исторглась, копием великим потрясая:
Во основаниях вострепетал Олимп
Под крепостью ея; земля из недр своих
Стон тяжкий издала, весь понт поколебался,
Смятен до черных бездн, на брег побегли воды.
Гиппорионов сын средь дня остановил
Бег пышущих коней, доколь с рамен своих
Оружье совлекла божественная дева.
Возрадовался Дий рождением Афины.
О Громовержцева эгидоносна дщерь!
Приветствую тебя. Услышь ты голос мой
И впредь ко мне склоняй твой слух благоприятный,
Когда я воспою тебе хвалебны песни.

Перевод Гнедича

Пеан заимствовал содержание свое наипаче от мифологии, и особливо относился к похвалам, молитвам и победным песням Аполлона. Были они воспеваемы в честь и других богов, а равно и человеков; но все пропали. Полагают, что более сочинял их Пиндар. Они суть песни, выражающия кроткия чувства, влиянныя единственно религиею. В них нет ни высоких замыслов, ни парения, ни извитий, ни глубокомыслия, происходящаго от разсудка. Они просты. Предметы их одни благодетельныя влияния веры, истекающия от души чистой, спокойной, исполненной благочестия. Достоинство их: усердие, ясность и плавность. Впрочем, могут пеаны быть и другаго содержания, в которых любовь к отечеству, воинские подвиги и всякия гражданския добродетели воспеваются и ободряются. Для примера от древности нам пеанов не осталось; но один похожий на них, помещенный у Гагедорна между сколиями, прилагаю:

О ты, что у реки Тритона
Узревшая впервые свет,
Афин владычица, Паллада!
Храни сей град, граждан его
От бед, крамол и ранней смерти,
И ты, отец сея богини!

Коль днесь победой увенчанный
Хочу тебя, о мать! воспеть
Плутона и Цереры песнью.
Благословенна будь и ты,
О дщерь великаго Зевеса,
Богиня мрака, Прозерпина!
И обе сей блюдите град.

В Делосе некогда Латона
Двух чад произвела на свет:
Еленегонную Диану
И златовласа, светла Фива.

О ты, Аркадьи покровитель,
Хорег! и сам плясавец, бог
Хохочущих, гонец бегущих
Вслед Нимф и обретатель их
В сокрытьи от тебя,— являйся,
О Пан! средь наших здесь ты песней
И бодр всегда будь, светл лицом.

Врагов своих мы победили,
И по желанью торжество
На́м ныне даровали боги.
Так, так, Афины, боги вам
Отечество днесь Пандрозены
Приобрели в бесценный дар.

Дифирамб, песнь, посвященная Бахусу. Она есть высокое парение искусства, происшедшаго в Греции от празднеств, в честь Бахусу учрежденных, подавших повод к сочинению оных. Дифирамб занимает место между одою и гимном. Дифирамб содержит в себе пламенныя чувства, в которыя входит поэт упоением вина или удивлением первоначальному насадителю винограда. В дифирамбах господствует во всем пространстве лирический безпорядок, смелыя картины, новость изречений. Чтоб сочи-

нять дифирамбы, надобно иметь чрезмерно живое чувство, необузданное воображение, или род изступления, для того что выражения его должны возбуждать к неистовым движениям и круговым пляскам. В дифирамбе позволяется, для живейшаго представления предметов, присовокуплять несколько слов к одному какому-либо часто хором повторяемому слову, дабы чрез то сила чувств отчасу более возрастала и продолжалась до того, пока шумом внимание не оглушится и не воспламенится воображение. Наипаче свойство дифирамба состоит в том, чтоб картины, которыя, кажется, никакого сношения между собою не имеют, толпами теснились, но не следовали друг за другом. Чтоб сочинитель, делая непрестанно скачки, хотя бы и знал связь своих мыслей, но никак бы того не обнаруживал. Будучи разрешен от всех правил искусства, употреблял бы разныя меры и роды стихов, но только бы удобныя для музыки. Имея средством всю свободу, обладая истинным пиитическим духом и богатством мыслей, умел бы все сие так скрывать, чтоб подражатели его, не имея подобнаго огня и таковаго, как он, буйнаго восторга, думая быть глубокомысленными и таинственными, высокопарною надутостию своею показывали бы только на обыкновенных чувствах обыкновенныя краски. Вот в чем изящество дифирамбов. И для того мелкие в Греции писатели, желая в сем роде отличиться, начинали их пышными картинами, заимствованными от небесных знаков и воздушных явлений: но славным комиком Аристофаном были осмеяны. Он в одной из своих комедий представил человека, сшедшаго с небес; его спрашивают, что там видел? — Ответствует: сочинителей дифирамбов, которые бегают меж облаков и ветров, хватая туманы и пары, дабы сделать из них великолепныя вступления; а на другом месте сравнивал он их с воздушными пузырями, едва до земли доткнувшимися и исчезающими. Отсюда-то у поэтов принято было в общее обыкновение, что хотевший воспевать Аполлона приводил себя в спокойное положение; но он же самый, приступая к славословию Бахуса, возъярялся, обращаясь во все стороны; когда же и тем воображение его не одушевлялось, то возбуждал его чрезмерным употреблением вина. Воспламененный молнией напитков, выступаю я на ристалище, говорит Архилох.— Не знаю я дифирамбов, сочиненных нашими знаменитыми лириками; но в некоторых народных, так называемых цыганских песнях, где припевается:

жги, говори! вижу им подобие. Эстетики находят две сходственныя с дифирамбами оды у Горация в книге второй XIX, в третьей XXV, из коих первую в переводе прилагаю:

Вакха вдали, верь мне потомство, я видел:
Меж диких он скал седящий, петь учил песни
Нимф, ставших вокруг, внимавших его, и вверх
Заостренных ушьми козлоногих Сатиров, *и т. д.*[42]

Сколия. Греки, не упоминая здесь о их эподах, приомах, номах, просодиях, пеанах, дифирамбах, партениях, гимнопедиях, эндиминициях, гипорхемах, артических и других песнях, имели многия на разные случаи*; но певали более и чаще всех в дружеских своих пиршествах за столом, а некоторыя, говорят, и в мистериях с разными обрядами, изобретенныя Терпандром при карнейских праздниках во время XXXVI олимпиады, введенныя же в Афины Афинеем, так названныя Аристотелем *сколии,* или застольныя песни. Сии сколии разделялись на мифологическия, историческия и на общественныя, из коих мифологическия были почти то же, что пеаны, да и самые пеаны певались за столом между прочими сколиями. Обычай был у Греков, возседши за трапезу, прежде всего единогласно возглашать похвалы богам. Потом пели на разные случаи с разными обрядами, по приличию содержания, сказанные сколии,— иные с миртовыми, иные с лавровыми ветвями, а иные с кубком вина, держа их в руках и передавая из рук в руки по соседству, или наискось друг другу, поя поочередно. Когда же усовершенствовалась музыка и начали в беседах употреблять арфу, то неискусные в песнопении, по пришедшей к ним очереди, должны были просить петь за себя славных певцов, давая им за то подарки. И так было у Греков в разсуждении пения застольных песен три обряда: первый, петь единогласно богов; второй, по очереди с ветвями; третий, чрез певца с препровождением арфы. Сей последний, будучи

* *Эпод,* или хор, следующий в Оде после антистрофы. У Горация вся пятая книга составлена из эподов. *Приом:* предпение, или прелюдия. *Ном:* настоящая песнь. *Просодия:* созвучное повторение. *Пеан:* песнь Аполлону. *Дифирамб:* песнь Бахусу. *Партения:* песнь, одною девою восповаемая, изобретенная Партением. *Гимнопедия:* песнь, во время играния мячом и битвы на мечах поющаяся. *Эндиминиция:* песнь спать идущаго. *Гипорхема:* песнь плясовая. *Артическая песнь,* поющаяся возвышенным голосом.

хорошо превосходным певцом исполняем, сильно трогал души пирующих, когда прославлялись добродетели и подвиги народа, предков и их самих. Но было также у Греков безчисленное множество народных, или площадных песен. У всякаго состояния людей свои, как-то: у воинов, пастухов, земледельцев, молотильщиков, мельников, водоносов и прочих разнаго состояния жителей; а равно и на всякие случаи: свадебныя, погребательныя, забавныя, издевочныя и другия. Для примера несколько древних сколий здесь прилагаю[43]. От них, мне кажется, произошли застольныя и масонския песни.

На богатство:

Ты, богатство, смертных горе!
Ни земля твоих, ни море
Тронов не должны сносить.
Удалися в мрачны бездны!
Адския тебя железны
Двери должны заключить.

На дружбу:

Схватывай змию рукою —
Храбрым страха нет сердцам.
С хитростью коварство злою
Чуждо истинным друзьям.

Или:

Прошу тебя, стрегись, мой друг:
Под каждым мшистым камнем тайно
Здесь ползают змии вокруг,
И часто, где необычайно
Бывает тихо и темно,
Там кроется лишь зло одно.

Или:

Когда б нам можно умудряться
И знать, кто подлинно каков,
В грудях душами раскрываться,
Читать сердца на место слов;
То без ошибки б избирали
Мы истинных себе друзей.

На здравие:

О здравие! изящный дар,
Ты мило смертным и желанно.

Правдиво председишь ты всем,
И красота с тобой пусть сядет;
Но третье место я даю
Богатству, честностью стяжанну;
Четвертое ж — кому отдать?
Известно,— дам его я счастью:
Быть младу у младой подруги.

Гармодиону:

Ты должен мирт ветвями
Украшен быть, мой меч,
Как и Гармодиона,
И Аристогена был,
Что им тиран низвержен
И равенство законов
Отечеству дано.
Нет! ты еще никак не умер,
Дражайший наш Гармодион;
Но жив на островах блаженных,
Где быстроногий Ахиллес
И сын прехрабрый где Фетиды
Ликует светло Диомид,—
И ты, как говорят, днесь там.

Вот четыре главныя, в глубокой древности бывшия и нам известныя лирическия произведения, которыя с приличностию уподобить можно: первую, оду, или гимн — быстрой реке, все с собою увлекающей, выходящей иногда из берегов своих, иногда между лесов и гор чрез пороги с шумом скачущей и разными кривизнами стремящейся, иногда прямым направлением тихо между полей и рощ по долинам и лугам лиющейся, иногда принимающей в себя побочные источники, иногда уединенно, глубоко одною стезею текущей, по которой плаватель видит мгновенно пред собою мелькающие разные виды, то в ужас, то в уныние, то в радость, то в восторг его приводящие. Второй, пеан — тихопрозрачному потоку, сквозь который чистыя воды и в самой глубине самомалейшие цветные камни и песок видны. Третий, дифирамб — ужасному, яростному водопаду, который в бурном, бешеном стремлении своем ломает скалы и деревья, мещет вкруг себя бугры пены, брызги, как дым, столпом высоко подымает и на далекое разстояние заставляет внимать страшные грохочущие гулы, так что у путника, вбли-

зи стоящаго, голова кружится, а вдали обнимает его трепет. Четвертое, сколии — небольшому источнику без всяких кривизн, прямою чертою к одному предмету своему текущему, не принимающему в себя никаких побочных ручьев; иногда мрачностию и тихостию, а иногда веселостию своею мимоходящих слух и взор занимающему.

Но перейдем теперь от древней лирической поэзии к новейшей.

В Риме мало было изящных лириков. Квинтилиян* говорит, что Гораций из них один достоин чтения; но он и сам, по скромности может-быть своей, признает** себя не более, как только слабым отголоском древних Греков. Если ж пройти мимоходом современно и после него живших, не столько знаменитых: Цезия-Басса, Стация и Катулла***, то можно сказать, что по смерти сего любимца Августова лира умолкла. По нашествии на Италию варварских полчищ, гласа ея долгое время вовсе слышно не было. Она, казалось, возвратилась паки на Геликон и несколько веков не восхищала смертных. На севере только у скальдов раздавались ея звуки. Но когда из сей суровой страны света наводнили запад дикие народы, от коих древний Рим пал, то науки и художества ушли на восток и на полдень, в Азию и Африку к Арабам и Сарацынам, которым особливо покровительствовали калифы. Наконец, в IX столетии, хотя несколько поддерживал просвещение Карл Великий, собрав песни Цельтов и заведя при дворе своем училища: но и после его, с нашествием Норманнов, покрылась Европа сугубым мраком невежества. Если где и проблескивали слабыя искры словесности, то не иной, как варварской, составленной из грубых наречий победителей, влиянием своим испортивших язык побежденных Римлян. Стихотворство тогда, без вдохновения и вкуса, ежели его можно таковым назвать, было суровое соткание слов силлабическою просодиею, которое при вторжении Готов *рунным* называлось. Если справедливо недавнее открытие одного славенорунного стихотворнаго свитка I века и нескольких проиэречений столетия новгородских жрецов, то и они принадлежат к сему роду мрачных времен стихосложения. Я представляю при сем для любопытных отрывки оных; но за подлинность их не могу

* Глава X, книга 1.

** Ода II, книга 4.

*** Лирики, при Августе, Нероне и Домициане жившие.

ручаться, хотя, кажется, буквы и слог удостоверяют о их глубокой древности[44]. Пусть знатоки о сем разсудят*.

Гмъ послухси Бояна
Умочи Боянъ сповъ удычъ
А ком плъ блгъ тому
Суди Велеси не убъгти
Слвы Словенси не умлети
Мчи Бояни на языци оста
Памети Злгоръ Волхви глоти
Одину памяти Скифу гамъ
Злтымъ пески тризны сыпи.

П е р е в о д:

Не умолчи, Боян, снова воспой;
О ком пел, благо тому.
Суда Велесова не убежать:
Славы Славянов не умалить.
Мечи Бояновы на языке остались;
Память Злогора Волхвы поглотили.
Одину вспоминание, Скифу песнь.
Златым песком тризны посыплем.

И з р е ч е н и я
и л и о т в е т ы н о в г о р о д с к и х ж р е ц о в:

Угли.
Жрцу говоръ Еролку.
Пакоща свада
Дюжу убой
Тяжа нагата
Тощь перелой.

П е р е в о д:

По злобе свара
Сильному смерть:
Тяжба с богатством
Худ передел[45].

В продолжение тех средних веков западные ученые, кои едва ли не были одни только духовные, писали важныя сочинения на вульгарном, или простонародном

* Подлинники на паргамене находятся в числе собрания древностей у г-на Селакадзева.

языке (lingua volgare), придерживаясь, до VII столетия, древняго римскаго, а после латинскаго со смесью иноплеменных слов. Но светские, ежели где и упражнялись в письменах, что в провинциальных только наречиях: басском, галиканском, провансальском, португальском, лимоническом, или смешанном с испанским, италиянским и французским, который вообще именовался lingua rustica Romana, или римское деревенское наречие. Правда, в IV столетии, как говорит Бровн, по изгнании на западе бардов, а на востоке по истреблении Феодосием Великим идольских жертвенников, сочиняли еще в монастырях монахи*, по древним образцам, оды и трагедии, но единственно для препровождения времени чтением их в кельях, а не для пения в храмах, или игры на феатрах; и с тех уже темных и неблагоприятных для художеств и наук времен общественная светская поэзия от музыки отделилась. Древнее достоинство их пало потому, что не токмо в народных собраниях, но и нигде почти в обществах оне вовсе не употреблялись. Тогда ничего уже изящнаго не являлось. Важность, чистота, сладкозвучие и приятность древних языков греческаго и латинскаго исчезли.

Однакож с другой стороны возник новый род песнословной поэзии в христианской Церкви. Первыя христианския тайныя общества отправляли сначала свое богослужение в подземельях и на гробах мучеников еврейским псалмопением в подражание тому, что и сам основатель священной веры, Христос Спаситель, последнюю свою вечерю с учениками своими окончил пением**. Просвещеннейшие Христиане сочиняли потом и приносили в свои собрания для пения собственныя свои *оды и имны* в честь Христу и мученикам. О сем свидетельствует апостол Павел*** и сам увещевает верных воспевать псалмы, имны и оды духовныя в своих собраниях****. Плиний в письме своем к Траяну о Христианах упоминает также

* Бровн: «О разделении музыки с поэзиею»[46].

** Матфея главы XXVII стих 30: *Воспевше изыдоша в гору Елеонску.*

*** Апостол Павел в I послании к Коринфянам, гл. XIV, ст. 26, говорит: *Что убо есть, братие, егда сходитеся, кийждо вас псалом имать?*

**** В послании к Ефесеем, гл. V, ст. 19: *Глаголюще себе во псалмех и пениих* (на греческом имнах) *и песнех* (на греч. одах) *духовных.* К Колоссаем, гл. III, ст. 16: *Во псалмех* (имнах) *и песнех* (одах) *духовных.* Слово *песнь* и в Апокалипсисе, гл. V, ст. 9 и гл. XIV, ст. 3, на греческом именуется *одою*; и в гл. XV, ст. 3, песнь Моисея названа также *одою Моисеевою.*

о *песнях*, у них воспеваемых Христу, яко Богу*. Игнатий Богоносец во II веке изобрел новый род переличнаго по клиросам пения, именуемаго *антифонами*. Амвросий Медиоланский** в IV столетии, на место витиеватаго, или фигурнаго, заимствованнаго от греческаго языческаго и еврейскаго*** песнопения, ввел столповое, или степенное пение по примеру первых апостольских времен, в кои оно было еще просто, без всякаго искусства и украшения. В стихотворениях первых Христиан не видно ни отдельных одинаких строф, ни падения слогов греческой и римской поэзии, ни сочетания созвучных рифм средних и новых веков стихотворства; не истекали они из восторгов какой-либо страсти, или витийства поэта, ожидавшаго себе от кого-либо награждения, или ограниченной земной, тленной, человеческой славы; но главное их содержание и свойство было духовное, пламенное воспарение чистой, живой веры, основанной на надежде воскресения и чаяния небесных наград, или венцов безсмертия за мученическия страдания, или подвиги благочестия. В V веке Пруденций и Нил писали уже мерными стихами. В VII и VIII появились многие знаменитые церковные песнописцы и в Восточной Церкви, между которыми знаменитее всех Иоанн Дамаскин[47], коего Ирмологий и Октоих, или Осмигласник, ежедневно поются и в нашей Славено-Российской Церкви с душевным умилением. Но в напевах сих песней видно уже возвратившееся подражание витиеватым греческим осми тонам, известным под названиями Дорическаго, Фригическаго, Лидийскаго, Ионийскаго, Иолийскаго и других. Некоторыя из оных писаны на греческом стихами, по большей части ямба-

* Плиний в письмах, книга X, письмо 97.

** Бровн, в сочинении своем: о разделении поэзии и музыки, в XII отделении говорит: «Во II столетии употребляема еще была в христианских церковных песнях музыка язычников с некоторым только ограничением их своевольства и непристойностей; но как и та сладострастными женскими голосами своими приводила слушателей в соблазн, то в константинопольской Церкви Константином Великим, а в Александрии епископом Афанасием сделано о ней новое учреждение. Августин намерен был совсем изгнать ее из западного христианскаго богослужения, но Амвросий Медиоланский ввел особаго рода голосовую чрезвычайной важности».

*** Древняя еврейская торжественная инструментальная музыка описана в 1-й книге Паралипоменон, гл. 13 и 15, и во 2-й кн. Царств, гл. 6. У Давида было учреждено в храме 288 певцов, которые между собою очередовались чрез каждый час в сутки по 24 человека для безпрестаннаго песнопения.

ми и равномерными строфами. Хотя сего в славенском переводе и не приметно, однакож разстановки напева делают для нас несколько ощутительным и мерность подлинника. Другия из сих песней сочинены и в подлиннике прозою, но почти равномерным числом слогов в каждом гласе, или напеве, дабы по распеве перваго предлежащаго стиха петь и нижеследующие. В славенских наших переводах сие несколько затруднительно по несоответствию числа слогов с подлинником; и потому-то в нашей Церкви, например в канонах, только ирмос поется, а прочие под ним лежащие стихи, назначенные также для пения, читаются. С таковым новым христианским стихотворением родились новые роды и названия песней, которыя неизвестны были древним, как например: Октóи̂х, Триодь, Ирмос, Канон, Антифон, Стихира, Тропарь, Кондак, Икос, Акафист и другие*. Песнописцы церковные на изобретение сих родов и на название оных вышесказанными именами имели такое же право, какое новейшие италиянские и французские стихотворцы на Кантаты, Сонеты, Стансы, Ронды, Романсы, Баллады и другие, которые также неизвестны были в древней поэзии. Впрочем, напрасно некоторые иностранные новейшие словесники винят первых Христиан в упадке сей последней. Упадок ея должно приписать переворотам государств и изменению языков от варварских нашествий, а не Христианам. Первые Отцы Церкви не пренебрегали чтением и древних языческих стихотворцев. Видны и в святом Апостоле Павле Арат и Епименид**, на коих он ссылался. Ориген, Климент Александрийский, Минуций Феликс, Василий Великий и многие Отцы часто приводили во свидетельство Омира, Гезиода и прочих стихотворцев. В христианских монастырях переписывали всех древних греческих и римских писателей и тем сохранили их от потери. Правда, что Христиане первых веков не имели поэм, подобных Омировой и Виргилиевой, и од, равных

---

* Они значат на нашем языке: *октоих,* осмигласник; *триодь,* трипеснец; *ирмос,* связь, или звено цепи, на коем висят другие звенья; *антифон,* перекличка двух клиросов; *стихира,* длинносложный стих; *тропарь,* оборот напева; *кондак,* перечень похвал; *икос,* исключительное славословие добродетелей; *акафист,* песнопение, в продолжение котораго сидеть возбраняется; *трисагион-имнос,* трисвятая песнь (Святый Боже); *еофинос-имнос,* утренняя песнь (Слава в вышних Богу); *есперинос-имнос,* вечерняя песнь (Свете тихий) и так далее.

** В Деяниях Апостольских и в послании к Титу[48].

Пиндаровым и Горациевым; но образцы оных чрез благочестивых песнописцев остались не недосязаемы и для наших времен. Что же касается до высоких и величественных изображений Божества и духовных отвлеченных ощущений, то ни Орфеевы, ни Пиндаровы, ни Горациевы имны не могут сравняться с христианскими; и потому их краткость, животворную выразительность, высокость мыслей нельзя не признать образцами лирическими. Например:

«Его же воинства небесная славят, и трепещут Херувимы и Серафимы, всякое дыхание и тварь, пойте, благословите и превозносите во вся веки!»

Или:

«Тебе, на водах повесившаго всю землю неодержимо, тварь видевши на лобнем висима, ужасом многим содрогашеся: несть свят паче Тебе, Господи, взывающи!»[49]

Какая в первом ирмосе, в начальных словах, таинственная и заманчивая загадка, возбуждающая внимание слушателя, а в последних разрешение величественною картиною богопочитания всей твари!

Во втором: какой поэт мог толь кратко и сильно совместить выразительность неизмеримых противоположностей всемогущества и ничтожества, поношения и благоговения?

Но исчислять подобныя красоты в церковных наших песнях было бы безконечное покушение. Довольно, что мы ими восхищаемся с X века, то есть со времен великой княгини Ольги, или паче с крещения всей России внуком ея, великим князем Владимиром.

Но обратимся к светской поэзии. Она, так как и прочия науки, с X уже столетия по Рождестве Христове начала возрождаться в Европе. Ежели и не признать за справедливое вышепомянутое руническое стихотворение и за ничтожное счесть народныя песни о богатырских подвигах времен Владимировых, что́ можно видеть в IV части моих сочинений, то достигшая до нас и одна в целости древняя песнь о походе Игореве, в которой виден дух Оссиянов и выражения, подобныя в известных Гаральдовой* и Скандинавской, показывающая сколок более северных скальдов, нежели западных бардов, едва ли не оспо-

* Напечатана в Шведской Истории Маллета; по-русски переведена г-м тайным советником Львовым[50].

ривала бы предварение наше в словесности у всей Европы, ежели бы только не остановило ход ея бедственное нашествие с востока на Россию кипчатских орд в XII веке, то есть в то самое время, когда в Париже учрежден университет. С тех только пор на западе занялась истинная заря просвещения. Науки и художества с разных стран света начали собираться в прежнее их жилище, Италию. Крестовые рыцари, бывшие в Палестине, при возвращении их восвояси, принесли с собою поэзию, заимствованную от восточных Арабов, владевших Испаниею; оттуда же перешла она в Италию, Францию, Германию* и другия сосмежныя им области. Трубадуры**, прованские стихотворцы, распространили оную. Стихи свои писали они на вышепомянутом провансальском, или романском языке, воспевая в них свои рыцарские романические подвиги, волокитства и всякую общежительную смесь. Главные характеры содержания их песен были набожность, храбрость и любовь. Для усмотрения сего прилагаю песнь XIII столетия, сочинения трубадура Готье де Коанси***[51].

Хотя Ротрюенж, молодая пастушка,
Сонеты сочиняет и пишет песенки;
Я буду воспевать святую Богоматерь,
Во чреве коея сын Божий воплотился.
Мне кажется, Ее когда я именую,
То с имени ея в уста мне каплет мед;
А для того не буду имен петь недостойных
Впредь женщин я других, а также и девиц;
Грешно бы было то и неугодно Богу****.

---

* Во время поколения швабских государей перешли в Немецкую землю песни трубадуров. Гердер в 87 отдел. книги: «О подкреплении просвещения», стр. 109.

** Названия трубадуров производят одни от *тромба*, италиянскаго слова; другие от русскаго *труба*, потому что якобы при Генрихе I великая княжна Анна Ярославовна, вступив с сим королем в брак, принесла с собою во Францию киевския увеселения и песни с рифмами, наигрываемыя на сем инструменте, и что будто с тех только пор появились во Франции трубадуры и рифмы. Г. Дубровский доказывает то привезенным им рисунком, яко бы того времени, находящимся в Императорской библиотеке, на коем изображен трубадур, сопровождаемый игрою на трубах.

*** Взята из библиотеки г. Дубровскаго.

**** Последний стих очень темен, то переведен наугад, по связи смысла.

Трубадуры первые зачали употреблять рифмы, хотя некоторые в том и несогласны*. В их время стихотворство получило в Италии название веселой науки (gaya sciencia) от вопросов и ответов любовнаго, или приятнаго содержания. Князья, графы и всякаго состояния знаменитые люди за честь себе поставляли в сей науке упражняться. Благородныя женщины принимали участие не токмо в слушании и чтении стихов, но в разсужениях об оных и даже в самом их сочинении. Решительно сказать, что в сие время поэзия трубадуров, в отношении разнообразия мыслей и изъяснения страстей, сделалась душою наилучших обществ, как в обхождении, разговорах, так и в переписке. В течение XII столетия, при дворе барцеллонском, аквитанский граф Пойтон ознаменовал себя главою трубадуров. В 1324 году, в Тулузе учредились так называемые *Цветочныя Игры*, на которых отличившиеся стихотворцы вознаграждались золотою фиялкою, или розою, или ноготками. Первое награждение фиялки получил кастельнодарский гражданин Арнольд Видаль за поэму в честь Пресвятой Девы. Покровительница сих игр была графиня Клеменция Изаура, отказавшая в пользу сего общества знатное имение и великолепный дом. С сего времени разлился свет новейшей поэзии, появившейся сначала от Арабских, Испанских и Сицилийских границ и час от часу потом более распространявшейся и процветавшей. В исходе того же столетия в Италии возстали славные поэты: Дант, Петрарк и Бокаций. Они, подражая древним, образовали свои лирические произведения по их примерам и могут безпрекословно назваться возродителями древней и отцами новой поэзии в так ими названных: Канцонах, Сонетах, Балладах, Стансах, Мадригалах и других песнях, известных в Европе.

* Одни говорят, что Греки и Римляне в лучшия времена их поэзии избегали сколько можно рифм, стараясь только об одном безостановочном стопопадении. Другие, напротив, приводят в доказательство Анакреона и Овидия, что и у них как будто бы ненарочно прибранныя встречаются рифмы. Сие-де можно видеть у перваго, в издании Львова на стр. 6, 12, 58, 98, 108 и проч.— У втораго в книгах Печалей, например, элег. 31, кн. II, стих 4, 6, 8, 12, 18, 20, 28, 42, 44, 60 и далее. Впрочем, иные ищут начала рифм у Арабов, другие на севере, как выше сказано. Гердер же в книге своей «О подкреплении просвещения» в VII части, на стран. 74 говорит, что рифма не что иное есть, как игра слов, которая видна издревле у всех народов: у Евреев, Арабов, Немцев и прочих.— Трубадуры не могли последовать внутреннему составу высокой поэзии Мавров; они последовали духу своего времени, языку и образцам вышесказанной простонародной поэзии монахов, которые писали на испорченном латинском с рифмами.

Хотя сии славные поэты, в отношении вкуса, благородства, высокости мыслей и прочих украшений, с успехом подражали древним; но, будучи может-быть увлечены господствовавшими тогда примерами трубадуров, или потому, что при краткости слов и множестве букв согласных, в италиянском языке употребляемых, легче было им писать с рифмами, нежели без рифм, подобно как импровизаторам их, не думая тотчас находить рифмы,— не могли они решительно последовать тоническому стопосложению Греков и Римлян, а писали более с рифмами силлабическою просодиею, однакоже и под иго рифмы не вовсе подверглись, ибо есть у них стихи и без оных. Подобно сему и у нас приняли рифму от Немцев и Французов Ломоносов и Сумароков. Хотя и прокладывал несколько путь к древнему тоническому стихосложению г. Тредиаковский, но ему не удалось превозмочь их и никто ему в том до нынешнего времени не последовал[52], не смотря на то, что народныя наши песни подражательны древним греческим, как ниже о том усмотрится, и что славяно-российский язык, по свидетельству самих иностранных эстетиков*, не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейские: италиянский, французский и испанский, кольми паче немецкий, хотя некоторые из новейших их писателей и в сладкозвучии нарочитые успехи показали. Гердер** сравнивает древнюю и новую поэзию таким образом: первая, говорит он, подобна шуму большаго леса, который, бушеванием наитончайших своих леторослей, сам собою вдохновен и священ. Вторая: волшебному Гесперийскому саду, в котором искусством все дерева поют и каждая ветвь звонит колокольчиком. Я прилагаю, для сравнения той и другой, небольшой отрывок стихов, мною сочиненных. Знатоки разсудят, которая из них способнее для нашего языка.

Новой:

Отлив от творческаго духа,
Спечаток с мудрости лучей,
Ума согласье, ока, слуха,
Эмпирной сладости ручей,
Поэзия, глагол небесный!

---

* Гердер в книге «О подкреплении просвещения», в VII части, стран. 115.

** У него же в VII части «О подкреплении просвещения», стран. 111.

Коль плоти бы органы тесны
Могли издать твой полный строй,—
Я б создал новый мир тобой.

Древней:

Духа отлив, иль спечатленье,
Творческой мудрости, света,
Ока, ума, слуха согласье,
Сладости райской источник,
Неба глагол, о стихотворство!
Если бы плоти тесный орган
Полный твой строй мог излиять,—
Новый бы мир создал тобой.

Кажется мне, если я не ошибаюсь, оне обе хороши, всякая в своем роде, по различным вкусам; но думаю, что в последней больше свободы, больше излияния жара, когда гармония, на рифмах не запинаясь, течет безпрерывно, подобно быстрой реке, струя за струею. Но надобно к сему более природнаго дара, нежели искусства[53]. Наконец, приступим к объяснению всех вышеупомянутых новейших лирических песней[54].

———

Почтенные посетители благоволили слышать разсуждения мои в 1-й и 6-й книжке Чтения в Беседе любителей русскаго слова о древней и средних веков лирической поэзии. По порядку теперь должно бы говорить о новейшей, то есть о *Кантате, Оратории, Сонете, Мадригале, Триолете, Рондо, Серенаде, Опере, Балладе, Стансе, Романсе* и *простой Песне*, в чем они различествуют между собою и что в них сочинители наблюдать должны; но как это более относится к классическому наставлению учеников и навело бы может-быть скуку: то, предоставя себе такое разсуждение напечатать вообще в особой книжке, здесь скажется только об *Опере*, а паче героической, каковых природных еще почти у нас нет, и также о самом последнем степени лиры, т. е. о *простой Песне*, в чем оная разнится с Одою; ибо о сих обоих родах нигде и ничего не случалось мне читать на отечественном языке.

ОБ ОПЕРЕ

Опера не есть изобретение одной Италии, как многие думают; но она в некоторых отношениях есть не что иное, как подражание древней греческой трагедии. Там также разговоры препровождались музыкою, как и в ней речитативы, только известными тонами*; равно лирические стихи пелись хорами, но тоже уставными. С другой стороны, известно, что в новейшия времена у разных народов к увеселению государей и знатных особ изобретены и введены в нее новыя перемены, которыя соединены и смешаны с разнотонною музыкою, различными представлениями, чего прежде не было. Долгое время Опера была забавою только дворов, и то единственно при торжественных случаях; но как в ней большая часть есть лирическая, или лучше, прямая важная Опера, по образцам Метастазия, должна быть вся писана краткими лирическими стихами, или, по крайней мере, скандированною прозою, чтоб удобно было ее сопровождать музыкою; а потому и скажем нечто об ней.

Немецкие эстетики** италиянскую Оперу и хвалят и хулят. Они говорят: «В сем чрезвычайном зрелище господствует удивительная смесь великаго и малаго, прекраснаго и нелепаго.— В лучших-де операх видишь и слышишь такия вещи, которыя или по ничтожности, или по несообразности своей, подумаешь, для того только припутаны, дабы подурачить зрителей, попужать детей и легкомысленную чернь. Между тем посреди сих безделиц, мелочей и даже обидных для хорошаго вкуса представлений, встречаешь такия действия, которыя глубоко проницают сердце, наполняют душу восхищением, нежнейшим состраданием, сладостным удовольствием, или ужасом и содроганием. В одной сцене негодуешь на дурачество, в другой, позабывая себя, берешь участие в действующих и не веришь, каким образом случилось, что те же, которые удивляли великодушием, благородною осанкою, вежливым обхождением, вдруг, как шуты или сумасброды, смешною надутостию, уродливым кривляньем и всякими непристойностями морят со смеху детей и народ, досаж-

* У Греков были уставные, или узаконенные тоны, как выше явствует: фригический и прочие.

** Зюльцер в словаре «О словесных чувствах» под словом *Опера*.

дая благомыслящим, которые для того иногда от них отвращаются. Кроме сих противуположностей, несоответственностей и несвязностей в игре их, благоразумию и хорошему вкусу противных, усматриваются неудобства и почти невозможности иметь совершенную Оперу по самым ея правилам. В ней требуется разнообразности, чудесности, безпрестанных перемен и самой чрезъестественности в отношении природы. Для сего необходимы не токмо все художества, но и многия науки: Поэзия, Зодчество, Музыка, Живопись, Перспектива, Механика, Химия, Оптика, Гимнастика и самая Философия для познания и изъяснения всех страстей и тайных изгибов сердца человеческаго, какими средствами удобнее его растрогать и привести в желаемое положение. Сего же без превосходных дарований виртуозов сделать не можно. Таланты редки, а ежели и найдутся, то наивеличайшая в том состоит трудность, чтоб по самолюбию, по самонравию и по неисчисленным их прихотям привести их к искреннему единодушию, дабы все действовали согласно и к единой цели. Всякий из них своим искусством хочет отличаться, не смотря на то, хотя бы на счет другаго, а иногда и на свой собственный, лишь бы, например, поэту исполинским воображением, певцу чрезмерною вытяжкою голоса, музыканту непонятными прыжками перстов, при громком рукоплескании заставить выпучить глаза и протянуть уши такого же вкуса людей, каковы они сами. От того-то бывает, что они в таковых случаях уподобляются тем канатным прыгунам, которые руки свои принуждают ходить, а ноги вкладывать в ножны шпагу, думая, что это чрезвычайно хорошо. От таковых-то усилий и несообразностей с прямым вкусом выходит в италиянских операх нелепица. Вместо приятнаго зрелища — игрище, вместо восхитительной гармонии — козлогласие. Наконец, гг. немецкие эстетики говорят, что великолепное сие представление со всем превосходством его изобретения, наилучшим из всех представлений быть долженствующее, вымышлено больше по легкомыслию, нежели благоразумию, потому что оно, с одной стороны, совершенным почти быть не может, а с другой, в странных его и шутовских явлениях унижает самыя превосходныя дарования и делает изящныя художества презрительными. Самые Италиянцы признаются, что наивеликолепнейшая опера нередко бывает скучною, даже и несносною, оттого что уклонилась от природы и не удерживает в себе даже и те-

ни вероятия. Если же и доставляет некоторое удовольствие, то только минутное, для того что, увеселяя зрение и слух, не питает души. Здравомыслие редко в операх проскакивает. В разсуждении чего, по великим на нее издержкам, по безчисленным в ней трудам и по многообразным сцеплениям вещей, она подобно той многосложной машине, которая безпрестанно портится. Это, по изречению Августа*, есть *та рыба, которая не стóит золотой уды,* или *игра свечи.*— Еслли ж что и имеет в себе хорошаго, могущаго принесть некоторую пользу, то единственно то, что подала случай соединить поэзию с музыкою, как водилось то у древних».— По всем таковым причинам, гг. эстетики желают ея исправления, дабы возвысить к той благородной цели, какова была греческая трагедия, от которой она происходит.

Я не вовсе намерен соглашаться с таковым строгим судом, ниже́ смею защищать Оперу. Любимец муз, имеющий доступ к государю, уважение от своих подчиненных и благорасположение к себе публики, которому бы поручено было в управление сие важное зрелище, и посредственностию онаго может заслужить благодарность. Тонких знатоков мало, вкусы различны, и миг удовольствия — шаг к блаженству. А сего уж и много, когда доставится случай некоторым и несколько часов провести с приятностию. Какое же другое зрелище к сему способнее, как Опера? — Она, мне кажется, перечень, или сокращение всего зримаго мира. Скажу более: она есть живое царство поэзии; образчик (идеал), или тень того удовольствия, которое ни оку не видится, ни уху не слышится, ни на сердце не восходит, по крайней мере простолюдиму. В ней представляются сражения, победы, торжества, великолепныя здания, хижины, пещеры, бури, молнии, громы, волнующиися моря, кораблекрушения, бездны, пламень изрыгающия. Или в противоположность тому: приятныя рощи, долины, журчащие источники, цветущие луга, класы, зефиром колеблемые, зари, радуги, дожди, луна, в нощи блистающая, сияющее полуденное солнце; в ней снисходят на землю облака, сидят на них боги, летают гении, являются привидения, чудовища, звери, рыкают львы, ходят деревья, возвышаются и исчезают холмы, поют птицы, раздается эхо. Словом, видишь пред собою волшеб-

---

* Светоний, римский историк, в жизни сего императора при случае разсуждения о войне.

ный, очаровательный мир, в котором взор объемлется блеском, слух гармониею, ум непонятностию, и всю сию чудесность видишь искусством сотворенну, а притом в уменьшительном виде, и человек познает тут все свое величие и владычество над вселенной. Подлинно, после великолепной оперы находишься в некоем сладком упоении, как бы после приятнаго сна, забываешь всякую неприятность в жизни. Чего же желать? — Касательно же моральной ея цели, то что препятствует возвести ее на ту же степень достоинства и уважения, в коем была греческая Трагедия? — Известно, что в Афинах театр был политическое учреждение. Им Греция поддерживала долгое время великодушныя чувствования своего народа, превосходство ея над варварами доказывающия. Много говорено и писано, что слава есть страсть душ благородных; что ничем другим героев рождать и сердцами их располагать не можно, как ею одною. Великий Суворов разведывал, что́ о нем говорят ямщики на подставах, крестьяне на сходках. От граждан они получают известие о городских потехах, если в них сами не случатся. Ничем так не поражается ум народа и не направляется к одной мете правительства своего, как таковыми приманчивыми зрелищами. Вот тонкость политики ареопага и истинное поприще Оперы. Нигде не можно лучше и пристойнее воспевать высокия сильныя оды, препровожденныя арфою, в безсмертную память героев отечества и в славу добрых государей, как в опере на театре. Екатерина Великая знала это совершенно. Мы видели и слышали, какое действие имело героическое музыкальное представление, сочиненное ею в военное время под названием *Олег*, в котором одна строфа из 16-й оды г. Ломоносова была воспеваема:

Необходимая судьба
Во все народы положила,
Дабы военная труба
Унылых к бодрости будила.

Один стих в таком представлении может произвести следствия, подобныя известному слову, сказанному Александром Великим* Кассандру.

---

* Плутарх в жизни Александра Великого говорит Кассандру: *«Ты со временем почувствуешь, ежели угнетен народ»*. Сей выго-

Но оставим политику; сообщим нужныя замечания для желающих сочинять оперы.

По принятому издревле обыкновению, ради своей чудесности, Опера — разумеется трагическая — почерпает свое содержание из языческой мифологии, древней и средней истории. Лица ея — боги, герои, рыцари, богатыри, феи, волшебники и волшебницы.

У нас из славянскаго баснословия, сказок и песен древних и народных, писанных и собранных господами Поповым, Чулковым, Ключаревым и прочими в так названных книгах: Досугах, Славянских сказках и песенниках, много заимствовать можно чудесных происшествий. Сочинитель опер и трагик могут одно и то же содержание обработывать, представляя знаменитыя действия, запутанныя противоборствующимися страстями, которыя оканчиваются какими-либо поразительными развязками торжественных или плачевных приключений. Сочинитель оперы отличается тем только от трагика, что смело уклоняется от естественнаго пути и даже совсем его выпускает из виду; ослепляет зрителей частыми переменами, разнообразием, великолепием и чудесностию приводит в удивление, не смотря на то естественно или неестественно, вероятно или невероятно. В трагическом роде предпочитает всем другим высокое трогательное, и изъясняется сильным чувством, а не словами одними; в плане и в действиях избегает умничества, держится простоты, в ходе не спешит чрез меру, зная, что противно то свойству пения, еще того более бережется от продолжительной и трудной развязки, почитая, что это дело ума, и нужно в Трагедии, а не в Опере, где надобно более чувства, в продолжение котораго, что говорит, что делает, то и выражает языком кратким, чистым. Песни, или самыя оды для хоров, когда бы пристойность и случай позволили петь их, должны быть ненадуты, просты, сильны, живым наполнены чувствованием. Самой первой степени поэт, ежели он в слоге своем нечист, тяжел, единообразен, единозвучен, не умеет изгибаться по страстям и облекать их в сердечныя чувствования,— к сочинению оперы не годится. Не позаимствуют от него ни выразительности, ни приятности лицедей и уставщик музыки. Сочинитель опер не-

---

вор во всю жизнь пребывал в его памяти, так что он по его смерти, увидя в первый раз статую сего монарха, вострепетал от ужаса.

пременно должен знать их дарования и применяться к ним, или они к нему, дабы во всех частях оперы соблюдена была гармония. Комический оперист, применяясь к сему, заимствует содержания свои из романов, из общежития, шутит благородно, более мыслями, нежели словами, избегая площадных, а паче перековеркивания их по выговору иностранцев. Италиянцы обильны и теми и другими, а Французы более комическими операми, особливо маленькими, называемыми у них оперетками. У нас важных опер, сколько я знаю, только две, сочиненныя Сумароковым: *Цефал и Прокрис, Пирам и Тизбе.* Есть переведенныя из Метастазия и других иностранных: но оне играны на тех языках, а не на русском. Находится несколько забавных, сочинения гг. двух Княжниных, Хераскова, князя Горчакова, князя Шаховскаго, Попова и прочих; но всем предпочитается г. Аблесимова Мельник, по естественному его плану, завязке и языку простому. Выше видно, что покойная императрица удостоивала сей род поэзии своим занятием. Она любила русский народ и желала приучить его и на театре к собственной его идиоме*.

О ПЕСНЕ

Песня родилась вместе с человеком прежде нежели лепетал, издавал он глас. О сем уже сказано в самом начале сего лирическаго разсуждения. Российския старинныя песни разделяются на три статьи: на протяжныя, плясовыя и средния. О характере, мелодии и сходстве их с древними и греческими видно в предисловии покойнаго тайнаго советника и кавалера Львова, при книге, изданной им в 1790 году о народном русском пении[55], где всякаго содержания песни, собранныя старанием его, положены на ноты придворным капельмейстером Прачем**.—

* Черта характера, нрава, или обыкновения частнаго человека, или целаго народа.

** Некто Матвей Гутри, заимствуя от Львова, написал и напечатал на французском языке разсуждение о русских песнях, сказав, что взял оное от Прача; а как Прач совсем не знал русскаго языка и не мог разуметь ни характера, ни красот тех песен, а клал только слова на ноты по объявлению Львова, то из сего только то может нам служить к замечанию, как гг. иностранцы и в самых безделицах затмевают везде способности и славу Русских.

Здесь скажем нечто о их стихотворении; оно просто, ближе к природе, нежели к искусству; отличается, большею частию в началах песен, едва ли не от всех иностранных, отрицательными сравнениями и сокращенными прилагательными именами, как то *не ясен сокол по поднебесью, черн ворон,* вместо черный, что придает ему некоторую особенную загадку, важность и силу; не во всех есть связь; большая часть без рифм; разнаго рода и мер стихов; а не так, как ныне пишутся с рифмами, одними почти трехстопными ямбами и хореями. Вот их спечаток, или подобие древним: цыганския, по быстроте слога и по приговорке какой-нибудь одной речи, точно суть дифирамбы; подблюдныя по гаданиям, или клиноды; святочныя, по игре*, как наша: *жив, жив курилко,* и так далее. Нельзя сказать, чтоб в них и поэзии не было, хотя не во всех. Находятся такия, в которых видно не только живое воображение дикой природы, точное означение времени, трогательныя, нежныя чувства, но и философическое познание сердца человеческаго. Такова есть песня в сказанной книге под № 3. Находятся такия, кои веселую фантазию в веселых видах изъявляют, например под № 15. Есть показывающия естественное верное подобие, как под № 34. Наконец не недостает и таких, в которых показывается сравнениями нежнейшая в своем роде высокость мыслей, проницающая душу; также и таких, которыя мрачными картинами и мужеством во вкусе Оссияна возбуждают к героизму. Первая из сих двух последних под № 29. Скажем вкратце ея содержание: любовник просит позволения у прежней своей любовницы жениться, уверяя ее, что он ее будет любить по прежнему. Она ему ответствует:

Ах, не греть солнцу жарче летняго,
Не любить другу больше прежняго.

Вторую прилагаю подлинником:

Уж как пал туман на сине море,
А злодей-тоска в ретиво сердце;
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выдти кручине из сердца вон.

---

* Игра древняя греческая, учрежденная в память похищения Прозерпины Плутоном, где с зажженными лучинами или головнями бегали и искали похищенной.

Не звезда блестит далече в чистом поле.
Курится огонечек малешенек:
У огонечка разостлан шелковой ковер,
На коврике лежит удал добрый молодец,
Прижимает белым платом рану смертную,
Унимает молодецкую кровь горячую.
Подле молодца стоит тут его добрый конь,
И он бьет своим копытом в мать сыру землю,
Будто слово хочет вымолвить хозяину:
Ты вставай, вставай, удалой добрый молодец!
Ты садися на меня на своего слугу,
Отвезу я добра молодца в свою сторону,
К отцу, к матери родимой, к роду-племени,
К милым детушкам, к молодой жене.—
Как вздохнет удалой добрый молодец;
Подымалась у удалаго его крепка грудь;
Опускались у молодца белы руки,
Растворилась его рана смертная,
Пролилась ручьем кипячим кровь горячая.
Тут промолвил добрый молодец своему коню:
Ох, ты, конь мой, конь, лошадь верная!
Ты товарищ моей участи,
Добрый пайщик службы царския!
Ты скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене;
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела.

Сочин. неизвестнаго[56]

Словом: в русских древних народных песнях много любопытнаго разнообразия в картинах и в слоге, свойственных нашей поэзии. Можно о сем читать с великою основательностию писанное Шишковым в разговорах о словесности[57], напечатанных в прошлом 1811 году[58]*. Но относительно древних песней, изданных г. Ключаревым, о коих выше при описании Романса[58]** упомянуто, то в них нет почти поэзии, ни разнообразия в картинах, ни в стопосложении, кроме весьма немногих[59]. Оне одноцветны и однотонны. В них только господствует гигантеск, или богатырское хвастовство, как в хлебосольстве, так и в сражениях, без всякаго вкуса. Выпивают одним духом по ушату вина, побивают тысячи бусурманов трупом одного схваченнаго за ноги, и тому подобная нелепица, варварство

и грубое неуважение женскому полу изъявляющая. А как разсказы таковых побед почти все оканчиваются над Татарами, то и должно заключить из сего, что по освобождении уже от ига их оне сочинены каким-нибудь одним человеком, а не многими, чем и доказывается не вкус целаго народа. Примечания ж в них только то достойно, что видны при некоторых случаях повторения, как в Гомеровых песнях, того же самаго и теми же точными словами, что уже выше было сказано. Но теперь станем говорить о нынешних песнях; оне заимствованы от Европейцев. Ежели не взять появления их со времени Тредьяковскаго, когда он перевел несколько французских и небольшую поэму, называемую: *Езда в остров любви,* также сочинил несколько своих песен, будучи еще в Гамбурге 1730 года, какова например:

Весна катит,
Зиму валит,
Поют птички
Со синички,
Хвостом машут и лисички:

то и нельзя, кажется, происхождение новых наших песен отнести далее времени Петра Великаго, когда сблизил он нас с Европою. Царствование императрицы Елисаветы век был песен. Она сама благоволила снисходить на сию забаву. Для показания тогдашняго вкуса прилагаю ниже сего песню, сколько по преданию известно, сочиненную собственною ея особою. Таковыя вообще песни, разумеется изящныя, или лучшаго разбора людей, по разсуждению эстетиков, не что иное, как мгновенный взгляд на природу приятную, нежную, веселую, игривую, в которой наслаждается человек блаженством жизни; или вопреки тому, в несчастных случаях сокрушается горестию, унынием, тоскою, печалию и далее. Предлог песни, выражение и ход ея приличен ея содержанию. Он легок, естествен, прост. В песни господствует полное, живое чувство, как и в оде; но только гораздо тише, не с таким возвышением и распространением. Песня назначена природою для пения: то и должна она быть сладкозвучною, способною к музыке и к повторению каким-либо инструментом. В песне ни радостное, ни горестное, ни забавное, ни издевочное ощущение не преступает правил благопристойности и границ общежития. Знатоки говорят, что меж-

ду песнею и одою трудно положить черту различия. Но если оно и существует, то основывается ни на чем другом, как на постепенности. Для разбора же подобных степеней в сочинениях надобен весьма проницательный ум и крайне тонкое чувство, чтоб определить их решительную разность. В оде и песне столь много общаго, что та и другая имеют право на присвоение себе обоюднаго названия; однакоже не неможно указать и между ими некоторых оттенок, как по внутреннему, так и по внешнему их расположению. По внутреннему: песня держится всегда одного прямаго направления, а ода извивчиво удаляется к околичным и побочным идеям. Песня изъясняет одну какую-либо страсть, а ода перелетает и к другим. Песня имеет слог простой, тонкий, тихий, сладкий, легкий, чистый; а ода смелый, громкий, возвышенный, цветущий, блестящий и не столько иногда обработанный. Песня долгое время иногда удерживает одно ощущение, дабы продолжением онаго более напечатлеться в памяти, а ода разнообразием своим приводит ум в восторг и скоро забывается. Песня сколько возможно удаляет от себя картины и витийство, а ода, напротив того, украшается ими. Песня чувство, а ода жар. По внешнему составу: песня имеет сходные с первым, одинакие и ровные куплеты; а ода иногда разномерныя и неравнострочныя строфы. Песня во всяком куплете содержит полный смысл и окончательные периоды; а в оде нередко летит мысль не токмо в соседственныя, но и в последующия строфы. Песни у нас пишутся по большой части хореями, или другими метрами, но только трех-стопными, или двух-стопными стихами, удобными полагаться на музыку; а оды для чтения, наиболее четырех-стопными ямбами, громогласные звуки издающими, по крайней мере так почти всегда писали гг. Ломоносов и Сумароков, последуя Немцам и Французам. Песня имеет один напев, или мелодию, в разсуждении единообразнаго ея куплетов расположения и меры стихов, которые легко могут затверживаться наизусть и вновь возрождаться в памяти свои голосом; а ода, по неравным своим строфам и разносильным выражениям, в разсуждении разных своих предметов, разною гармониею препровождаться долженствует и не легко затверживается в памяти. Песня должна украшаться неискусственною простотою, гладкотекущими стихами и богатыми рифмами; а ода довольствуется одним механическим движением и просодиею, небрежа слишком о звонких рифмах,

или вовсе пишется без оных; но печется только о богатстве, высокости мысли и яркой выразительности. В песне царствует приятность, а в оде парение. Песня никакой шероховатости, никакой погрешности не терпит; а в оде иногда, как в солнце, небольшия пятна извиняются. Песня вообще убегает важных, славянских слов, смелых оборотов и всяких лирических украшений, довольствуется одною только ясностию и искусственною простотою; а ода без славянскаго языка, извитий и глубокомыслия почти обойтиться не может. Наконец, в песне все должно быть естественно, легко, кратко, трогательно, страстно, игриво и ясно, без всякаго умничества и натяжек. Превосходный лирик должен иногда уступить, в сочинении песни, ветряной, веселонравной даме. Французы в сем роде поэзии признаются во всей Европе лучшими искусниками. Особливо их любовныя, забавныя, застольныя песни, по вкусу приятности своей, едва ли не достигли совершенства. Множество и у нас подобных, иныя, может быть, и не хуже, что́ можно видеть во всех наших песенниках, где находятся песни на всякие случаи. Лучшие песней сочинители у нас почитаются: гг. Нелединский, Дмитриев, Попов, Богданович, Капнист, Карамзин, князь Горчаков и другие, которых имена предоставляю себе показать, а особливо отличных лириков, в номенклатуре. В заключение вот та пасторальная песня, которая относится преданием к помянутой высочайшей сочинительнице:

Чистый источник: всех цветов красивей,
Всех приятней мне лугов
Ты и рощ всех, ах! и меня счастливей,
Гор, долинок и кустов;
Но не тем, что лишь струйки тихо льются
По сыпучему песку
И что птичек в слух песни раздаются
По зеленому леску.
Нет, не тем; но прекрасно умывала
Нимфа что лицо тобой,
С брегу белыя ноги опускала
И ток украшала твой.
Тут и алыя розы устыдились,
Зря ланиты и уста,
И лилеи к ней на грудь преклонились,
Что белей их красота.

О, коль счастливы желтыя песчинки,
Тронуты ея стопой!
О, коль приятны легкия травинки,
Смятыя ея красой!
Тише ж ныне, тише протекайте,
Чисты струйки по песку
И следов с моих глаз вы не смывайте,
Смойте лишь мою тоску.

Из неизданного

*

ветлое быстрое течение реки представляет нам нашу юность, волнующееся море мужество, а тихое спокойное озеро старость[1].

*

Самое лучшее предзнаменование есть защищать свое отечество.

*

Истинное назначение человека есть общее, мудрецу и невежде.

*

ОБ ИСТОРИИ

История есть наука деяний. История Естественная содержит действии вещества. История Гражданская деянии человеческия.

Отдаленныя времена покрыты тьмою, а описывать дела веку своему — подвергаться опасности.

История повествует просто и без пышностей события с засвидетельствованием доверенности их, отвергая двусмысленность.

Записи не иное что суть как припасы историческия. Лучшие источники письмы.

Летопись означает число и порядок времен.

Поденныя записи хранилище безделиц.

Некоторой особенной род истории суть Анекдоты. В них собираются любопытныя и достойныя примечания дела, дабы их разобрать философически и политически. В них

может вдаваться Автор в глубокия размышления, кои означат даровании его.

История природы есть книга Дел Божественных.

*

О СТРАСТЯХ

Есть как бы две души в человеке, одна — порядку божественнаго, и познание которой принадлежит более к религии, нежели философии; другая вещественная и чувствительная, которую имеем мы общую со скотами, и которую можно почитать как бы орудием души невидимой. Тело служит ей домом, а сердце или мозг главным престолом.

Страсти содержат союз, находящийся между душой и телом. Однакоже изображают их как бы семенами бури, кои влекут опустошение и безпорядок в сердце, мучащие разум и свободу.

Насильственныя страсти суть как бы тигры, раздирающие нас; все чудовища изображаются попеременно на лице человека, разъярившегося мщением или гневом.

Самыя блистательныя страсти имеют постыдный оборот.

Насильственная страсть не позволяет ни малейшаго размышления разуму, и не может внимать советам дружбы, столько-то она имеет ужаса встречаться сама с собою.

Господствующая страсть подобна повилице, которая прилепляется к самым добродетелям и заглушает их, объемля их.

Отличныя деяния и заслуги самыя отменныя происходят от тайной страсти, которая бы их учинила подлыми, ежели бы они осмелились снять с себя личину.

Ежели страсти суть болезни в нравоучении, то оне могут послужить средствами в порядке физическом.

Надежда есть самое полезное из всех пристрастий души: поелику она содержит здоровие чрез спокойствие воображения.

Надежда есть род радости, подобная золоту в листах, развертывается и распространяется на все мгновения жизни.

Удивление, происходящее от созерцания природы, есть спокойное побуждение, растрогивающее умы и содержащее чувства в благоприятной деятельности.

Мужественный человек делает неподвижным труса, так, как собака останавливает птицу.

Не в сочинении нравственном и философском надлежит учиться страстям, но наипаче у Стихотворцев и в истории. Оне там развертываются с цветами и изображениями поразительнейшими, нежели разбирательства методическия или по способу.

Государь, держа в руке кормило правления, не более способен к возвышению власти своей на остатках противоположных мятежей, сколько деятельно самолюбие к удовлетворению себя на щет каждой страсти.

*

О ПРЕВРАТНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДЕЛ

Вселенная вращается безпрестанно, никогда не останавливаясь, и в вечных переменах ея время уносит и возвращает великия позорища, кои находятся в круге периодических приключений. Новость часто бывает не иное что, как забвение прошедшаго.

Один человек не может ни чего над целою вселенною, и вещи кои хотят похитить у любопытства с величайшим старанием, суть те, кои убегают наиболее тьмы забвения<...>[2].

*

О ЛИХВЕ

<...>Не слушайте *Махиавеля!* Он бы вам сказал, что мнение честности может быть средством к достижению; но что самая честность есть препятство; что не можно удовлетвориться в людях иначе как наведши на них ужас.

Да погибнет тысяча друзей, лишь бы только один враг умер.

<...>Его политика не иное что как Злоба, приведенная в Систему[3].

<...>Но помните что пути самые краткие суть опасны и исполнены стремнин; что великое щастие есть бич ужасный в руках неправосудия; что добрые нравы суть награда честнаго человека.

Щастие имеет своеправие женщинам свойственное, кои не предаются от гордости самым страстным любовникам.

Наконец что говорит философия! Прилепитесь к добродетелям<...>.

*

О ПРИРОДНОМ РАСПОЛОЖЕНИИ И О НАВЫКЕ

<...>Хорошие законы могут исправить заблуждения в душе щастливо рожденной и невоспитанной; но они не могут добродетелию осеменить худаго сердца<...>.

*

О СУПРУЖЕСТВЕ И ХОЛОСТОМ СОСТОЯНИИ

Жена и дети суть поручители, коих человек дает благосостоянию.

Деловой человек есть хуждший сборщик,— нежели Супруга самая роскошная[4].

Генералы Римские разгорячали многократно мужество воинов, смешивая с именем Отечества воспоминание супруг и детей. Сии нежныя обязательства действительно суть училище человечества в место того, что холостой с величайшим числом пособий к деланию добра, имеет меньше сея чувствительности внутренней, которая делает нас благотворительными.

Непорочность супружеская вдыхает некоторой род величавости женщинам; она простирается даже до надменности, ежели они имеют довольно красоты для сообщения ревности.— Женщины суть обладательницы наши в младости, подруги наши в зре(ло)м возрасте и наши питательницы в старости.— И так имеем во всяком возрасте причины жениться.

*

О РОДИТЕЛЯХ И ДЕТЯХ

<...>Странно, что те, кои не имеют потомства, работают более над потомством.— Большая часть общенародных памятников возставлена была от граждан, кои, умирая без детей, хотели однакож увековечить имя свое и воспоминание их.— Так сказать сочетавшись с Отечеством, они хотели его одарить собственными своими имуществами, так как бы Отечество, которое имело все их усердие в течение жизни их, долженствовало наследовать благосостояние их по смерти их<...>[5].

Примечания

Настоящий сборник является первой книгой избранной прозы Державина, выходящей после векового перерыва на его родине: прозаические произведения знаменитого поэта и государственного деятеля не переиздавались (за редкими исключениями) уже 101 год после выхода в свет последнего и наиболее полного собрания его сочинений, подготовленного академиком Яковом Карловичем Гротом (1812—1893) и напечатанного Академией наук в двух вариантах — девятитомном с иллюстрациями и биографией (в 1864—1883 гг.) и семитомном упрощенном (1868—1878 гг.). Поистине подвижнический труд, предпринятый Гротом для осуществления этого издания, был для своего времени образцом полноты и научной обоснованности. За прошедшие с тех пор годы выявлены и отчасти опубликованы новые, ранее неизвестные державинские тексты, однако ни одного собрания его творений, за исключением однотомников избранных стихов, в XX в. так и не появилось.

Помещенные в сборнике лучшие образцы державинских воспоминаний, заметок, рассуждений о Русском государстве и литературе представляют облик эпохи и самого их автора с исключительной, присущей ему богатырской мощью изображения. Для того, чтобы живое слово поэта в наименьшей степени искажалось при передаче его в современной орфографии, текст печатается с минимумом исправлений — в основном так, как он был подготовлен и выпущен Гротом, с устранением немногочисленных опечаток и внесением мест, выпущенных в свое время цензурой. Я. К. Грот был, как известно, не только выдающимся литературоведом и создателем нового в России типа издания — академического, первенцем которого стали как раз «Сочинения Державина»; среди его заслуг перед отечественной филологической наукой в числе прочих находится и установление норм русского правописания («по Гроту», ру-

ководство которого выдержало более двадцати изданий, писали с небольшими изменениями вплоть до орфографической реформы 1918 г.). Поэтому ему, как никому другому, должно было быть очевидно, какую единственную в своем роде ценность представляет собой подлинный, зачастую даже неотредактированный державинский слог, как свидетельство целой эпохи развития русского языка,— перелома, пережитого им во второй половине XVIII — начале XIX в. Указывая на «неправильности» речи в публикуемых «Записках» Державина, Я. К. Грот одновременно подчеркивал, что «как скоро рассказ его, под влиянием самого предмета, оживляется, то у него бессознательно срываются с пера целые страницы более стройной речи, запечатленной оригинальною простотой и характером чисто русского языка, близкого к народному». Упорядочивая в пределах необходимого державинский синтаксис и орфографию, Я. К. Грот сумел остановить свои усилия в этом направлении, не пересекая той черты, за которой осторожная, внимательная помощь в деле общения между автором и читателем перерастает в насилие над ним. (В частности, он сохранил отклонения в правописании, отражавшие особенности устной речи.) Поскольку настоящее издание не является академическим в том смысле, который имеет это понятие, в его современном истолковании, составитель руководствовался в основном теми же установками, что и Я. К. Грот, заменив лишь вышедшие из употребления буквы старого русского алфавита общепринятыми их эквивалентами.

В примечаниях также, по необходимости, наряду с иными источниками использованы обширные, представляющие собой целую энциклопедию гротовские комментарии. Даты даются по старому стилю. Справки об общеизвестных исторических лицах, мифологических персонажах, а также тех событиях и людях, о которых сам Державин сообщает в ходе рассказа удовлетворительные сведения, опускаются.

«РАЗСУЖДЕНИЕ О ДОСТОИНСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО ЧЕЛОВЕКА»

Данное «Разсуждение» представляет собою начало речи, задуманной Державиным в 1812 г. для возглавлявшейся им совместно с адмиралом А. С. Шишковым (соответственно в звании председателей второго и первого разрядов) «Беседы любителей русского слова», собрания которой происходили в 1811—1816 гг. в петербургском доме поэта у Измайловского моста. Желание написать такую речь, как указано в самом начале наброска, было вызвано прочтенным в «Беседе» и вслед за тем опубликованным в 5-й книге ее «Чтения» в 1812 г. «Рассуждением о любви к отечеству» А. С. Шишкова. К сожалению, речь эта так и не была окончена и сохранилась в трех подготовительных редакциях, отрывки из которых приводятся здесь по изданию Грота (Сочинения

Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е акад. изд., т. 7. Спб., 1878 с. 635—640). Третий и последний отрывок, заканчивающийся указанием на некую «неоспоримую истину», которую «надобно знать прежде» всего, но, обрываясь на половине предложения, ее так и не сообщающий, служит как бы предварением к набросанным в тот же 1812 г. «Запискам», помещаемым сразу вслед за «Разсуждением о достоинстве государственнаго человека».

[1] *Внушать* — здесь: в старинном значении «внимать».

[2] *Крин* — здесь: в значении «кринка», то есть горшок, сосуд.

«ЗАПИСКИ ИЗ ИЗВЕСТНЫХ ВСЕМ ПРОИЗШЕСТВИЕВ И ПОДЛИННЫХ ДЕЛ, ЗАКЛЮЧАЮЩИЯ В СЕБЕ ЖИЗНЬ ГАВРИЛЫ РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА»

Начало своей автобиографии Державин положил в 1805 г., когда по «вызову» Евгения Болховитинова написал для составлявшегося последним словаря писателя очерк своей жизни и ряд пояснительных заметок о стихотворениях (под названием «Ключ к сочинениям Державина» они были довольно неисправно изданы дважды в журналах в 1821 г. и отдельной книжкой в 1822 г.; первая автобиография, озаглавленная «Нечто о Державине», полностью опубликована лишь недавно — см.: Кононко Е. Н. Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР.— Русская литература, 1972, № 3, с. 81—85. В 1809 и 1810 гг. Державин диктовал своей племяннице Елизавете Николаевне Львовой на Званке более обширные «Объяснения» на свои сочинения (избранные отрывки из них см. ниже). В связи с тем, что «Объяснения» касались в основном творческой деятельности поэта, он предпринимает вслед за ними составление «Записок...», охватывающих поле его государственного служения. Как следует из последней заключающей их фразы, они были окончены в 1812 г.; создавались же на протяжении всего этого года и, возможно, отчасти в 1811 и 1813 гг. «Записки» сохранились лишь в черновой рукописи, которая, за исключением немногих страниц, писана рукой самого Державина; она содержит многочисленные поправки, но так окончательно и не была отредактирована автором. В 1859 г. рукопись была передана наследовавшей ее Е. К. Бороздиной в Императорскую публичную библиотеку (в настоящее время ГПБ им. Салтыкова-Щедрина), где хранится и поныне в фонде Державина. Впервые она опубликована в журнале «Русская беседа» в 1859 г. П. И. Бартеневым, снабдившим «Записки» своими примечаниями; в 1860 г. оттиски того же набора вышли отдельной книгой. При переиздании в «Сочинениях Державина» Я. К. Грот вновь сверил текст с рукописью. В настоящем однотомнике «Записки» печатаются по 6-му тому «Сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота» (Спб., 1876,

с. 401—790) с некоторыми изменениями. Во-первых, впервые восстановлены три пропуска, сделанных цензурой — они воспроизводятся по рукописи и каждый раз особо оговорены в примечаниях. Во-вторых, ограниченный объем книги вызвал необходимость сделать сокращения, обозначенные отточием в скобках <...>; всего пропущено 11 отрывков (около 4 печатных листов), содержащих последовательно: журнал, веденный во время пугачевской кампании, дела Якобия, Сутерланда, Логинова, дело о хищениях в заемном банке, гр. Чернышова, гр. Самойлова, ген. Зорича, Свищова, Донских казаков, лёзненской еврейки, Д. О. Лопухина, дело о годовых отчетах казначейству, дела Еврейского комитета, панцирной шляхты и Голубцова.

Внесенные Гротом для облегчения понимания конъектуры на месте пропущенных слов обозначены курсивом в скобках.

[1] Точнее, Державин родился не в самой Казани, а в одной из казанских деревень, принадлежавших его матери: Сокуры или Кармачи. Отец его, армейский подполковник Роман Николаевич (ум. в 1754 г.), и мать Фекла Андреевна (ум. в 1784 г.) были похоронены возле церкви села Егорьева, в приходе которой состояли эти две деревни вместе с образовавшейся впоследствии третьей, называвшейся Державино.

[2] Комета 1744 г. принадлежала к числу наиболее замечательных в XVIII в.; она отличалась длинным хвостом с шестью загнутыми лучами и произвела сильное впечатление в народе. К этим строкам «Записок» Державин сделал особое примечание: «Два сии происшествия совершенная были правда, и может быть Провидением предсказано чрез них было, первым: трудный путь его жизни, что перешел, так сказать, чрез огонь и воду; вторым: что напишет оду *Бог*, которая от всех похваляется».

[3] Обучение по знаменитой «Псалтири» было весьма успешным: к началу царствования Петра I благодаря ему бо́льшая часть мужского населения России знала начатки грамоты. Вскоре после петровских реформ уровень грамотности резко упал; уже Сумароков, резко возражая хулителям русской словесности — «...коль мысль сия дика,/Что не имеем мы богатства языка»,— приводил в качестве одного из оснований своего мнения следующее: «Имеем сверх того духовных много книг: /Кто винен в том, что ты псалтири не постиг?»

[4] *Кортома* — откуп, наем, аренда.

[5] Ошибка Державина: следует либо исправить «12-й» год на «14-й», либо «1757» на «1755» (что не лишено основания, так как в предыдущем предложении после слов «а для того» следовало зачеркнутое «на другой год после смерти мужа» (то есть в 1755 г.— *П. П.*) ездила с ним в Москву).

[6] Вместо *«Иван Васильевич»* следует читать «Василий Васильевич» Темный; а также согласно Бархатной книге (изд. 1787 г.) вместо *«Золотой орды»* — «Большая орда» и вместо *«Кеглевых»* — «Теглевы».

[7] Ныне на месте остатков Великих Булгар расположен Булгарский

государственный историко-архитектурный заповедник, ведется реставрация; однако большой минарет, который еще застал Державин, рухнул в 1841 г.

[8] *Чемесов Евграф Петрович* (ок. 1737—1765) — академик, автор 14 великолепно исполненных портретных гравюр; был, как и сам Державин, казанским уроженцем.

[9] Ропша лежит не «к Выборгской стороне», а на юго-запад от Петербурга; название ее произошло от финнизированного русского «Храпша» (по имени собственному «Храп»). Непосредственными поводами к свержению Петра III послужили его самые неудачные начинания: покушение переменить обрядность православной церкви на протестантский лад и приказ о выступлении гвардии в датский поход, никак не связанный с коренными задачами внешней политики России.

[10] Имеется в виду построенный впоследствии, в 1776—1786 гг., архитектором М. Ф. Казаковым Петровский путевой дворец (ныне Ленинградский пр., 40, памятник архитектуры).

[11] Распорядителем был сам *Федор Григорьевич Волков* (1729—1763) — основатель первого русского профессионального постоянного публичного театра; разъезжая во время этого маскарада верхом, он простудился и вскоре умер.

[12] Как явствует из собственных примечаний Державина к оде Петру Великому (см. ниже в «Объяснениях»), он и в дальнейшем, в пору своего возвышения, «убедительно был привлекаем» в масонские секты, однако снова, уже сознательно, следуя примеру Екатерины II, «никогда не был в оных».

[13] *Майков Василий Иванович* (1728—1778) — известный русский поэт екатерининской эпохи, впоследствии (с 1770-х гг.) масон, автор масонских «духовных од».

[14] *Притины* (воен.) — места, где ставятся часовые.

[15] *Мирович* Василий Яковлевич — 24-летний подпоручик Смоленского полка, предпринял попытку освободить из Шлиссельбургской крепости своего ровесника, заключенного императора Ивана VI Антоновича, который при этом неудавшемся предприятии был убит. Сам Мирович казнен 15 сентября 1764 г.

[16] О валдайских бесчинствах рассказывает и Радищев в главе «Валдаи» «Путешествия из Петербурга в Москву», присовокупляя, правда, при этом вымышленную романтическую легенду. Память об этих лихих нравах сохранилась теперь только в языке в виде известного присловья о «валдайских девках».

[17] Примечание Державина: «В сие время, т. е. в 1768 *(читай: 1767.— П.П.)* г., открыта в Москве Государыней депутатская законодательная коммиссия, в которую собраны были со всей империи разные народы для подачи своих голосов. Императрица возвратилась в Петербург, и коммис-

сия за нею в сию резиденцию взята. Державин, быв сержантом, был в ней сочинителем, но не долго, ибо мать, в короткое время, по нуждам своим, вызвала его в отпуск. В короткое после того время, помнится, в начале 1769 года, открылась Турецкая война, и депутаты распущены; коммиссия же, в небольшом числе письмоводцев, осталась в ведомстве генерал-прокурора». Материалами комиссии Екатерина II воспользовалась при составлении своих позднейших законов и указов.

[18] *Алгвазил* (исп. alguacil) — страж, полицейский, охранник.

[19] Крестьянин *Ерофеич* прославился своим лечением, к которому прибегал даже не веривший в медицину Потемкин. Он передал свое имя знаменитой когда-то на всю Россию водочной настойке, основанной, согласно известной поваренной книге Елены Молоховец, на смешении водки с фунтом английской мяты, анисом и померанцевыми орешками.

[20] Это случилось как раз в то время, когда наследнику великому князю Павлу Петровичу исполнилось 19 лет; было отпраздновано его совершеннолетие, и, следовательно, он имел полную возможность принять правление в свои руки. С этих пор, по образному выражению Грота, «императрица Екатерина могла опираться исключительно на славу своего царствования...».

[21] По собственному показанию Пугачева, ему было тогда 32 года.

[22] Примечание Державина: «Сказывают, при первом свидании, как представлен он был сему главному военачальнику в сем же городе, привезенный с Яику в клетке генералом Суворовым, то когда граф надменно спросил: как он смел поднять оружие против его?— «Что делать, ваше сиятельство, когда уж воевал против Государыни!» — Граф не вытерпел и вырвал у него несколько волос из бороды».

[23] *Стратажема* (фр. stratagème) — военная хитрость.

[24] Лишнее «не» заключено в скобки вслед за Я. Гротом. Тот же прием последовательно повторяется в дальнейшем ниже.

[25] Приказание возвратиться в полк Державин получил не в июне, а еще в конце марта; казнь Пугачева происходила 10 января, а «торжество Турецкого мира» — 10 июля 1775 г.

[26] *Щербатов Михаил Михайлович* (1733—1790) — известный историк и писатель, автор 7-томной «Истории Российской», сочинения «О повреждении нравов в России», первой русской утопии «Путешествие в землю Офирскую...» и других произведений.

[27] Подмосковная деревня Черная Грязь куплена Екатериной II в 1775 г. и переименована в село Царицыно, в котором Баженов и Казаков возводили (так и не завершенный) знаменитый дворцовый комплекс (ныне поселок Ленино, Воздушная ул., 1—2).

[28] *Храповицкий Александр Васильевич* (1749—1801) — сенатор, статс-секретарь Екатерины II и сотрудник в ее литературных и исторических занятиях, писатель, поэт, драматург и переводчик. Наиболее известен «Памятными записками», которые вел при Екатерине II

с 1782 по 1793 г. Обменивался стихотворными посланиями с Державиным.

[29] Местоимение «я» — недосмотр автора. При собственноручной выправке текста, переписанного писарем, Державин везде заменял первое лицо — третьим. Подобная же несогласованность повторяется еще несколько раз ниже.

[29*] *Ковалинский* (Коваленский) Михаил Иванович (1757—1807) — впоследствии правитель Рязанского наместничества, а в начале XIX в. куратор Московского университета; ученик и составитель «Жития» Григория Сковороды. Об этой встрече его с Державиным автор современного жизнеописания Сковороды Ю. М. Лощиц пишет: «Коваленский, как глава канцелярии, всячески помогал симпатичному просителю в его предприятии, и, хотя звания Державину так и не дали, они друг друга запомнили, и впоследствии Коваленский стал вхож в дом знаменитого поэта... Благодаря этому знакомству Державин первым из русских литераторов-профессионалов заинтересовался личностью и философскими трудами Сковороды: в самом конце XVIII века для его библиотеки была заказана писарская копия с биографии философа, сочиненной Коваленским».

[30] *Коллежский советник* — по Табели о рангах гражданский чин 6-го класса; имевший его мог занимать средние руководящие должности — начальника отделения, делопроизводителя в гражданских учреждениях.

[31] *Вяземский* Александр Алексеевич (1727—1796) был пятым генерал-прокурором со времени учреждения этой должности. Генерал-прокурор являлся высшим правительственным чиновником, наблюдавшим за законностью деятельности государственного аппарата и главой Сената (впоследствии эту должность занимал и сам Державин). Вяземский находился на своем посту с 1764 г. в течение 29 лет и в пору возвышения фактически руководил финансами, юстицией и внутренними делами империи; был также председателем Комиссии по составлению нового Уложения и Комиссии по учреждению о губерниях.

[32] *Урусова Екатерина Сергеевна* (этот княжеский род татарского происхождения дал, кроме нее, еще трех женщин-писательниц) так и осталась незамужней, однако вступила с Державиным в духовное родство, сделавшись его кумой. Впоследствии она переписывалась со своим знаменитым кумом, а в 1811 г. стала почетным членом возглавлявшейся им «Беседы любителей русского слова», в «Чтении» которой печатались ее стихи.

[33] Отцом первой жены Державина Екатерины Яковлевны (1760—1794) был бывший камердинер Петра III Яков Бенедикт Бастидон, по происхождению португалец, а мать ее, состоявшая за Бастидоном вторым браком, как указывает сам автор «Записок» выше, служила

кормилицей великого князя Павла Петровича, впоследствии императора Павла I.

[34] *Статский советник* — гражданский чин 5-го класса; имевшие его лица занимали должности вице-директора департамента и вице-губернатора.

[35] Здесь в рукописи описка: вместо суммы оброка еще раз по ошибке было повторено «на душу» (мы эти слова опускаем), так что сумма осталась неизвестной.

[36] Этими «пространными примечаниями» являются «Объяснения на сочинения Державина...», публикуемые в извлечениях в настоящем издании ниже; см. там же, в частности, более подробно об оде «Фелица».

[37] *Действительный статский советник* — гражданский чин 4-го класса; получавшие его занимали высокие должности — губернатора, директора департамента и т. п. Не имевшим потомственного дворянства он давал на него право.

[38] См. примеч. 36 выше. Российская Академия существовала в Петербурге с 1783 по 1841 г. и занималась, в отличие от основанной там же в 1724 г. Петром I императорской Академии наук, изучением русского языка и словесности. В 1841 г. она была присоединена к последней в качестве ее 2-го отделения (впоследствии — отделение русского языка и словесности).

[39] После появления «Учреждения для управления губернии» 1775 г., которым вся империя вместо 20 обширных была вновь поделена на 50 менее крупных губерний, новосоздаваемые административные единицы открывались постепенно. Ранее Олонец с уездом принадлежал последовательно к Новгородской и Санкт-Петербургской губерниям.

[40] *Тутолмин Тимофей Иванович* (1740—1809) состоял олонецким и архангельским генерал-губернатором с 1784 по 1789 г.; впоследствии управлял попеременно присоединенными польскими губерниями и, наконец, с 1806 по 1809 г. был московским главнокомандующим. Генерал-губернатор являлся высшим лицом местной администрации, обладая военной и гражданской властью в генерал-губернаторстве, объединявшем несколько губерний (в данном случае олонецкую и архангельскую, губернатором первой из которых и был назначен Державин).

[41] Ниже́ — даже ни, отнюдь не, и не.

[42] «Открыть» город Кемь означало провести церемонию преобразования его из селения с объявлением официального наименования «городом» и открытием установленных учреждений.

[43] «Речь при открытии больницы в Петрозаводске» 1785 г. перепечатана Гротом в 7-м томе «Сочинений Державина».

[44] Это «Торжество восшествия на престол Императрицы Екатерины, отправленное в Тамбове губернатором Державиным в его доме, 28 июня 1786 г.» переиздано затем в 4-м томе «Сочинений Державина» Гротом. Генерал-фельдмаршал граф Иван Васильевич *Гудович* (1741—1821)

пробыл в должности рязанского и тамбовского наместника с 1785 по 1789 г., затем отличился в персидскую войну; с 1809 по 1812 г. был главнокомандующим в Москве, сменив на этой должности предыдущего недоброхота Державина Тутолмина. Отношения поэта-губернатора с ним, как и прежде с Тутолминым в Петрозаводске, вскоре из приятельских превратились во враждебные. Несколькими страницами ниже Державин награждает его весьма нелестными прозвищами; в подтверждение их Грот приводит отзыв гр. Ф. В. Ростопчина, чрезвычайно выразительный при всей своей краткости: Гудович «столько же мстителен, сколько груб, глуп, горд и бешен».

[45] Благодарная память о заботах Державина по распространению просвещения сохраняется в «тамошнем краю» до сих пор: свидетельством тому служит, например, выпущенный Центрально-Черноземным издательством в 1980 г. сборник его стихотворений и прозы, в котором впервые в XX в. перепечатан отрывок из «Записок» с описанием тамбовского периода деятельности поэта.

[46] Будучи наместником двух губерний, рязанской и тамбовской, Гудович имел постоянное местопребывание в Рязани.

[47] Здесь ошибка в счете: по предположению Грота, вместо «120,000» следует читать «240,000 рублей».

[48] *«Страшной неделей»* Державин именует здесь Страстную, предшествующую христианской Пасхе. Хотя первое определение происходит от «страха», а второе — от «страдания», не исключено, что этимология обоих исходных слов общая.

[49] *Нечаянно* — здесь: неожиданно (то есть так, что не ожидали, «не чаяли»).

[50] *Безбородко* Александр Андреевич (1747—1799), граф, впоследствии светлейший князь, с 1783 г. фактический руководитель русской внешней политики. При Павле I (которому, как считается, он оказал при вступлении его на престол важную услугу в отношении завещания о престолонаследии, передававшего трон вместо сына императрицы внуку Александру) Безбородко с 1797 г. стал канцлером. О столкновениях с ним еще не раз будет идти речь на страницах «Записок».

[51] Правительствующий *Сенат* (сенатором впоследствии сделался и сам Державин) был учрежден Петром I как высший орган по делам законодательства и государственного управления. С начала XIX в.— высший судебный орган, осуществлявший надзор за деятельностью государственных учреждений и чиновников. Одни из его департаментов находились в Петербурге, другие — в Москве.

[52] Несколькими строками выше *Царское Село* названо еще старым своим именем «Сарское», установившимся в XVII в. По предположению исследователя местной топонимики проф. А. И. Попова, оно произошло от финского «saari» — «остров». Второй раз Державин также написал

вначале по привычке «Сарское», но затем переправил на «Царское» — новое имя утвердилось с первых десятилетий XIX века.

[53] *Зубов Платон Александрович* (1767—1822) — светлейший князь, русский государственный деятель конца XVIII — начала XIX в.; впоследствии был генерал-губернатором Новороссии. «Случай» Платона Зубова, как выражается о его близости к императрице Державин, начался в июле 1789 г., когда ему было 22 года, и продолжался по самую кончину Екатерины. В 1801 г. Платон вместе с братьями Николаем и Валерианом стал одним из главных деятелей заговора, приведшего к убийству Павла I и воцарению Александра Павловича.

[54] Тут неточность: это произошло в 1789, а не в 1788 г.

[55] Статс-секретарь в XVIII в.— личный секретарь и докладчик императрицы (императора).

[56] Проект речи Сената на шведский мир 1790 г., заготовленный Державиным, был напечатан лишь много лет спустя после его смерти Гротом в 7-м томе «Сочинений Державина».

[57] Имеется в виду В. С. Попов, главный секретарь Потемкина.

[58] То, что эти слова Державину Зубов сказал «сквозь зубов», возможно, представляет собой лукавый каламбур; ср. несколькими строками ниже выраженное Потемкиным по отношению к тому же П. Зубову намерение «зубы дергать».

[59] Суворов был в близких сношениях с Зубовыми, служившими ему надежной защитой при дворе: дочь его, известная Наташа «Суворочка» (1775—1844), была замужем за старшим братом фаворита Николаем Зубовым.

[60] *Граф* Дмитрий *Моценигo* был поверенным *в делах России* во Флоренции, а не наоборот, как можно заключить по неточному указанию в тексте.

[61] *Княгиня Дашкова* Екатерина Романовна (1744—1810), уже упоминавшаяся выше в «Записках» как одна из главных участниц заговора, приведшего на престол Екатерину II, впоследствии продолжительное время жила за границей, где общалась с английскими и французскими просветителями; в 1783—1796 гг.— директор Петербургской Академии наук и президент Российской Академии. Отношения ее с Державиным были сложными и окончательно оборвались в 1793 г., когда (об этом идет речь далее в «Записках») Державин не пожелал выслушивать ее брань в адрес Екатерины II.

[62] *Совет* при высочайшем дворе, в котором краткое время при Павле I и затем при Александре I был и сам Державин, представлял собой высший совещательный орган Российской империи. Учрежден в 1769 г. и состоял из виднейших государственных деятелей, назначавшихся самодержцами; в нем обсуждались военные, внутри- и внешнеполитические вопросы, проекты реформ учреждений и др. В 1801 г.

преобразован в Непременный Совет, а в 1810 г. заменен Государственным Советом, просуществовавшим до 1917 г.

[63] *Трощинский* Дмитрий Прокофьевич (1754—1829) был статс-секретарем после ухода с этой должности Державина; при Павле I пожалован в сенаторы, при Александре I, в возведении которого на престол принял живейшее участие, был последовательно главой почтового, удельного ведомства и, наконец, с 1814 по 1817 г. министром юстиции. По биографии Н. В. Гоголя известен как покровитель его родителей; сам Гоголь в детстве нередко жил в его малороссийском имении Кибинцы. По преданию, в 1813 г. в соседнем с Кибинцами имении Капнистов Обуховке Державин встретил четырехлетнего «Никошу».

[64] *Шешковский* Степан Иванович (1727—1793) был весьма известным в свой век сыскных дел мастером. Выдвинулся еще при Елизавете Петровне в Тайной канцелярии; когда же по упразднении ее Петром III Екатерина II вынуждена была завести взамен Тайную экспедицию при I департаменте Сената, Шешковский нашел в ней лучшее приложение своих сил и широко развернулся в особенности в 1780-е годы — говорили, что даже великосветские дамы за сплетни «пробовали кнут из его рук» (пытка была запрещена, но кнут оставался).

[65] Рассказ Державина как главного действующего лица в этой истории представляется наиболее достоверным. Однако у современников и тем более у потомков она, постепенно обрастая вымышленными подробностями, превратилась в красочный исторический анекдот — жанр, зачастую посредством сгущения красок достигающий глубинной художественной правды, пренебрегая фактической достоверностью. Вот как то же происшествие представлено, например, в пересказе М. А. Дмитриева: «Державин был правдив и нетерпелив. Императрица поручила ему рассмотреть счета одного банкира, который имел дело с Кабинетом и был близок к упадку. Прочитывая Государыне его счеты, он дошел до одного места, где сказано было, что одно высокое лицо, не очень любимое Государыней (имеется в виду наследник вел. князь Павел.— *П. П.*), должно ему такую-то сумму. «Вот как мотает»,— заметила Императрица: «и на что ему такая сумма!» — Державин возразил, что кн. Потемкин занимал еще больше, и указал в счетах, какие именно суммы.— «Продолжайте», сказала Государыня. Дошло до другой статьи: опять заем того же лица. «Вот опять!» сказала Императрица с досадой: «мудрено ли после того сделаться банкрутом!» — «Кн. Зубов занял больше», сказал Державин и указал на сумму. Екатерина вышла из терпения и позвонила. Входит камердинер.— «Нет ли кого там в секретарской комнате?» — «Василий Степанович Попов, Ваше Величество».— «Позови его сюда».— Попов вошел. «Сядьте тут, Василий Степанович, да посидите во время доклада: этот господин, мне кажется, меня прибить хочет».

[66] Имеется в виду Д. А. Зубов, брат последнего фаворита Екатерины II.

[67] *Кулибин* Иван Петрович (1735—1818) — нижегородский купеческий сын, обладавший гениальными способностями к механике. Получил благодаря своим изобретениям (об одном из них см. подробнее ниже в «Объяснениях» к оде «Афинейскому витязю» — упомянутый там «зеркальный фонарь», сделанный Кулибиным в 1779 г., явился прототипом прожектора) место механика при Академии наук, снискал громкую славу устройством механических моделей, оптического фейерверка и проч.

[68] *Генерал-рекетмейстер* — начальник существовавшей в 1722 — 1810 гг. Рекетмейстерской конторы, принимавшей жалобы на деятельность коллегий; генерал-рекетмейстер докладывал прошения императору. *«Подьячим»* (служащий в приказах и местных учреждениях XVI — XVIII вв.) он назван здесь в бранном смысле, какой впоследствии получило столь же невинное по происхождению слово «секретарь»,— в конце «Записок» в «гонении 11-м» превращение это происходит прямо на глазах; ср. также в «Шинели» Н. В. Гоголя: «Секретари того... ненадежный народ...»

[69] Ссылка относится к выпущенному в настоящем издании месту: ложно донесший на Якобия Парфентьев был за «смуту и клеветы» лишен чинов и «велено ему, не въезжая ни в которую из столиц, жить в уездных городах» (при этом Державин добавляет, что Парфентьев помилован «по милосердию, или паче по прозорливости, откуда и от кого проистекла сия смута» — так как главным виновником ее был кн. А. А. Вяземский).

[70] *Архаров* Иван Петрович (1744—1815) был позднее, в 1796 г., по восшествии на престол Павла I назначен московским военным губернатором. Солдаты его гарнизонного полка получили нелестную кличку «архаровцы», сохранившуюся в московском обиходе по сию пору, хотя первые носители ее давным-давно позабыты. Брат И. Архарова Николай (1742—1815) был с 1771 г. московским обер-полицмейстером, а с 1782 по 1784 г.— гражданским губернатором.

[71] *Крест св. Владимира 2-й степени* был в тогдашней иерархии русских наградных седьмым по счету, находясь выше Анны I степени и ниже ордена Белого Орла. Орден св. Владимира учрежден в день коронации Екатерины II в 1782 г. в честь 20-летия ее царствования; царица объявила себя его «гроссмейстером» (об этом упоминается в оде Державина «Видение Мурзы»). Рисунок ордена исполнил друг и будущий родственник поэта Н. А. Львов (см.: Мамышев В. Н. Владимирские кавалеры. Спб., 1872).

[72] Первая часть «основания *правила*» (до запятой) — свободный пересказ Послания ап. Павла к Евреям 5,4; вторая — Еванг. от Иоанна 10, 1—16.

[73] Происшествие это так рассказано в письме секретаря гр. А. К. Разумовского И. И. Шувалову 20 августа 1767 г.: «Прошлаго воскресенья была во дворце благодарственная Ея Величеству церемония от депутатов, в которой, сказывают, просили депутаты принять титул Премудрой, Великой, Матери отечества; на что ответ был достойный сей монархини следующий: Премудрость одному Богу; Великая,— о том разсуждать потомкам; Мать же отечества,— то я вас люблю и любима быть желаю» (см. в 3-м томе «Сочинений Державина» в издании Грота в примечании к написанному самим Державиным по этому поводу стихотворению «На поднесение депутатами Ея Величеству титла Екатерины Великой»; ср. также ниже в «Объяснениях» примеч. 132 к оде «Изображение Фелицы»).

[74] *Случайна* — здесь: в значении «в случае» при дворе, в фаворе.

[75] *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837) — русский поэт и государственный деятель: обер-прокурор Сената, министр юстиции, близкий «клеврет» Державина, советовавшегося с ним в отношении исправления своих произведений. Его записки «Взгляд на мою жизнь», изданные посмертно в 1866 г., содержат важные сведения о Державине.

[76] *Штивер* — бывшая тогда в употреблении в Голландии монета, достоинством равная $^1/_{20}$ гульдена.

[77] Ср. письмо поэта к И. И. Дмитриеву от 24 июля 1794 г.: «Ну, мой друг Иван Иванович, радость твоя о выздоровлении Катерины Яковлевны была напрасна. Я лишился ея 15-го числа сего месяца. Погружен в совершенную горесть и отчаяние. Не знаю, что с собою делать. Не стало любезной моей Пленирыǃ Оплачьте, музы, мою милую, прекрасную, добродетельную Плениру, которая для меня только жила на свете, которая все мне в нем составляла. Теперь для меня сей свет совершенная пустыня... и вас, друзей моих, нет к утешению моему! Простите и будьте счастливы. Верный ваш друг Гавриил Державин». Е. Я. Державина погребена на старейшем Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры в Петербурге. На ее надгробии была помещена написанная Державиным эпитафия:

Где добродетель? где краса?
Кто мне следы ее приметит?
Увы! здесь дверь на небеса...
Сокрылась в ней — да Солнце встретит!

(см.: Чехов А. Памятник Пленпры.— Исторический вестник, 1892, № 6, с. 758—765).

[78] Вторая супруга Державина Дарья Алексеевна была дочерью обер-прокурора Сената, статского советника Алексея Афанасьевича Дьякова (1721—1791) и Авдотьи Петровны, урожденной княжны Мышецкой. Она родилась в 1767 г. и, таким образом, когда 52-летний поэт

ровно шесть месяцев спустя после смерти первой своей жены венчался с ней, ей шел 27-й год. Одна из ее сестер, Александра, была замужем за Василием Васильевичем Капнистом (1758—1823) — известным поэтом, драматургом и сатириком, впоследствии в царствование Александра I обратившимся к романтической лирической поэзии. Другая сестра, Марья, была супругой Николая Александровича Львова (1751—1803), обладателя множества призваний: поэт, переводчик, архитектор, график, музыкант, ботаник, собиратель русских народных песен (ниже в «Разсуждении о лирической поэзии» Державин приводит отрывки из выпущенного Львовым двухтомного «Собрания русских народных песен с их голосами»). Н. А. Львов был членом Российской Академии с самого ее основания и почетным членом Академии художеств; исследовал летописи, из которых две нашел вновь. Наибольшей известностью он пользовался как архитектор: выстроил здание Почтамта в Петербурге, Борисоглебский собор в одноименном монастыре в Торжке, ряд усадеб в родном Новоторжском уезде (Знаменское-Раёк и др.), прекрасную, сохранившуюся доныне усадьбу Введенское под Москвой близ Звенигорода. Львов изобрел оригинальный способ строить дома из земли — «земляное битое строение»; в Гатчине из этого нового материала он создал стоящее до сих пор здание «Приората» Мальтийского ордена — в связи с чем Державин написал двустишие к его портрету:

Хоть взят он из земли и в землю он пойдет,
Но в зданьях земляных он вечно проживет.

Львов помогал Державину править его стихотворения. После смерти друга и его жены осиротевшие дочери Львова воспитывались в доме Державина,— «Из их праха возникают Се три розы, сплетшись в куст»,— писал об этом сам поэт в стихотворении «Поминки». Старшая дочь Львова Елизавета записывала «Объяснения» Державина на его сочинения (см. ниже), а младшая Параша осталась с ним до самого дня кончины, ухаживая за больным. На смерть Н. А. Львова Державин написал известное стихотворение «Память другу».

Третья сестра Дарьи Алексеевны, Екатерина, вышла замуж за графа Якова Федоровича Стенбока (ему посвящено послание Державина «Графу Стейнбоку», написанное в 1806 г.). Наконец, четвертая сестра супруги поэта, Анна, вышла замуж за Березина, ее дочь была женой родственника и биографа Н. А. Львова Федора Петровича Львова, внук Алексей Федорович Львов — виртуоз-скрипач. Сама Дарья Алексеевна пережила мужа на 26 лет; она скончалась на Званке в 1842 г. и была погребена рядом с могилой супруга в Хутынском монастыре (см.: Хрущев И. П. Милена (Дарья Державина).— Русский вестник, 1903, № 2, с. 549—580).

[79] Главный дом Державина в Петербурге (второй сдавался внаем)

стоял у Измайловского моста на набережной реки Фонтанки (ныне № 118). После приобретения его поэтом он был перестроен Н. А. Львовым. Согласно завещанию Дарьи Алексеевны дом был продан наследниками (за 150 000 рублей) и деньги употреблены на устройство в званском имении училища для бедных девиц духовного звания. Здание купила римско-католическая коллегия, надстроившая его третьим этажом. Дом сохранился до наших дней, однако, к сожалению, возбужденное после революции ходатайство о превращении его в музей так и не возымело действия. Между тем тут находятся подлинный камин и памятная доска в бывшем державинском кабинете на втором этаже, который можно распознать снаружи по полуциркульному венецианскому окну, а также, возможно, и другие принадлежавшие Державиным вещи: поэт жил здесь постоянно многие годы за исключением летних месяцев, проводившихся обычно на Званке. В настоящее время внутри перегорожены комнаты для коммунальных квартир; со стороны Фонтанки на правом крыле, на уровне второго этажа, висит мемориальная доска, но она почти незаметна для проходящих.

[80] Точнее, в 1787 г.

[81] Эта рукописная книга стихотворений Державина, снабженных рисунками Оленина, выполненными тушью, сепией и акварелью (особые объяснения на рисунки помещены в конце ее), находится ныне в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Автор рисунков Алексей Николаевич Оленин (1763—1843) — ученик Н. А. Львова, археолог, палеограф, художник, впоследствии, с 1811 г., стал директором Императорской публичной библиотеки — той самой, где хранится теперь иллюстрированная им книга; с 1817 г. он занял и пост президента Академии художеств. Оригинальные рисунки Оленина никогда не были полностью воспроизведены. Для издания Грота с них были сняты ксилографии петербургскими мастерами Гогенфельденом, Даугелем и Брауном. Эти копии вызвали положительный отклик даже такого знатока, как Ф. Буслаев (он посвятил им обширную статью во второй части книги «Мои досуги»); но на деле они в немалой степени огрубляли исходные изображения. Однако именно их в дальнейшем в основном использовали для иллюстраций к произведениям Державина.

[82] Имеются в виду Зубовы.

[83] Лишнее «как» заключено в скобки вслед за Я. Гротом.

[84] *Кутайцов (Кутайсов)* Иван Павлович (1759—1834) — граф, камердинер и фаворит Павла I. По рождению турок, взят в плен мальчиком в г. Кутаисе, от которого и получил фамильное прозвище. Павел, будучи еще великим князем, принял его под свое покровительство, велел воспитать на свой счет и обучить бритью. После прихода к власти он сделал Кутайсова обер-шталмейстером (шталмейстер — придворный чин III класса, носивший его считался заведующим царскими конюшнями).

[85] *Куракин Александр Борисович* (1752—1818), прозывавшийся за

свое богатство «бриллиантовым князем», воспитывался вместе с Павлом I и долгое время пользовался его исключительным расположением; в 1796—1802 гг. был вице-канцлером, президентом Коллегии иностранных дел. В 1808—1812 гг.— посол во Франции, своевременно предупредил о готовящемся походе Наполеона на Россию.

[86] Граф Иван Андреевич *Остерман* (1725—1811) — второй сын известного деятеля первой половины XVIII в. Андрея Ивановича Остермана, был при Екатерине II послом в Швеции, затем вице-канцлером. При Павле I — государственный канцлер.

[87] Слово «царя» было выпущено в издании Грота цензурой; впервые печатается по рукописи в настоящей книге.

[88] *Репнин Николай Васильевич* (1734—1801) выдвинулся при Екатерине II после того, как, воспользовавшись недовольством диссидентов в Польше, сумел заставить ее заключить в 1768 г. выгодный для России договор («диссидентами» с XVI в. назывались польские протестанты, боровшиеся против господствующей католической религии). Он также заключил мирные договоры с Турцией в 1774 и 1791 гг.; с 1796 г. стал генерал-фельдмаршалом. Репнин являлся активным и влиятельным масоном (см. замечание об этом ниже в «Объяснениях» Державина на оду «Памятник герою»).

[89] Это «Мнение» впервые полностью напечатано Гротом в 7-м томе «Сочинений Державина», вышедших под его редакцией.

[90] *Орден Иоанна Иерусалимского* был введен в России после принятия Павлом I на себя в 1798 г. титула Великого Магистра Мальтийского ордена Иоанна Иерусалимского; упразднен Александром I в 1817 г. (см.: Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов. Спб., 1891). *Действительный тайный советник* — гражданский чин 2-го класса, соответствовавший в армии полному генералу; выше него на гражданской службе был только чин канцлера.

[91] Подлинное имя его было Иосиф Заранек. Он не служил губернским предводителем, а был статским советником в отставке, являясь главным руководителем возбуждения против Державина дворян, владевших имениями в Белоруссии.

[92] *Щечиться* — «поживляться, добывать понемногу таская, воровски, и выманивая хитростью, лестью» (Толковый словарь Вл. Даля).

[93] Часть фразы от «ибо» до «выслуживаются» печатается впервые по рукописи.

[94] *Званка,* сельцо Новгородского уезда на левом берегу Волхова в 5 верстах от будущей станции Волховской Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги, в 70 верстах от Новгорода и 120 от Петербурга, была приобретена второй женой Державина вскоре после замужества у своей матери А. П. Дьяковой и называлась им самим «женино имение». Здесь Державин стал проводить каждое лето после

1795 г. По смерти Дарьи Алексеевны имение было завещано для создания в нем женского монастыря и училища для бедных девочек духовного звания. После долгих хлопот в 1869 г. был наконец учрежден Званский Знаменский женский монастырь. Однако усадебный дом, никем не населенный после смерти вдовы Державина, уже к середине XIX в. пришел в ветхость (см. последнее свидетельство о нем: В. С<тоюнин>. Званка.— Библиотека для чтения, 1850, № 11, отд. I, с. 29—52) и был разобран, как это и предсказывал поэт в стихотворении «Евгению, Жизнь Званская». О дальнейшей судьбе Званки в XIX в. см.: Круглов А. В. Женский Афон, очерки исторического уголка. 2-е изд. М., 1899. Окончательно Званка была разрушена в Великую Отечественную войну вместе с соседним имением Аракчеева — известным Грузином. Экскурсия «группы московских интеллигентов» в недавнее время на то место, где была Званка, описана Вл. Солоухиным (Посещение Званки.— Москва, 1975, № 7, с. 187—198).

[95] Отрывок из стихотворения Державина «К самому себе».

[96] В оригинале оды вместо «врагов» стоит — «рабов».

[97] Это была книга «Сочинения Державина, ч. I». Данного издания Державин не продолжил, будучи недоволен порядком расположения стихотворений и множеством опечаток. Взамен того он в 1808 г. выпустил четыре части нового собрания «Сочинений Державина»; в 1816 г. вышла пятая часть, но издание не было закончено, прервавшись со смертью поэта.

[98] Людовик XVIII жил не в самой Риге, а под нею, в Митаве (ныне г. Елгава).

[99] Часть фразы от «и наказать» до «погибели» печатается впервые по рукописи.

[100] «Комитет общественной безопасности» (или «Негласный комитет») при Александре I существовал в 1801—1803 гг.; он состоял из его сподвижников П. А. Строганова, А. Е. Чарторыйского, В. П. Кочубея и Н. Н. Новосильцева и подготавливал проекты реформ — учреждения министерств, перестройки Сената и проч. Граф Павел Александрович Строганов (1772—1817) получил воспитание во Франции, с 1802 г. был товарищем (заместителем) министра внутренних дел, составлял журнал заседаний Негласного комитета. В доме его отца воспитывался будущий граф Николай Николаевич Новосильцев (1761—1838), внебрачный сын сестры А. С. Строганова, другой член Негласного комитета и автор неудавшегося проекта конституции 1820 г. С 1813 по 1831 г. он фактически управлял Польшей, с 1832 г. по самую кончину состоял председателем Государственного совета и комитета министров, был также президентом Академии наук. Третий член Негласного комитета — граф, впоследствии князь Виктор Павлович Кочубей (1768—1834), в 1802—1807 и 1819—1823 гг. состоял министром внутренних дел, а с 1827-го — председателем Государственного совета и комитета министров. Наконец,

четвертый член Негласного комитета, князь Адам Ежи (Адамович) Чарторыйский (1770—1861), воевал против России в 1794 г., затем сделался другом молодости Александра I, с приходом к власти которого вскоре сменил графа А. Р. Воронцова на посту министра иностранных дел (1804—1806 гг.). А. Чарторыйский был главой польского правительства во время восстания против России в 1830—1831 гг., а затем сделался руководителем эмиграции и даже был объявлен в 1834 г. мишурным «королем де факто». Негодуя против ведения ими государственных дел, Державин написал басню «Жмурки», в которой так иносказательно описывал сложившееся в первые годы правления Александра I правительство: «И стал ему чрез то в его чертогах мрак. /Друзья-ребяточки вокруг его обстали...» Мораль басни гласила: «Не надо допускать класть на себя повязку/И вслед друзей своих будто слепцу ходить/.../ А инак — голову сломить».

[101] В возражениях графа Северина Осиповича Потоцкого (1762—1829), члена интимного кружка Александра I, Державин справедливо усмотрел угрозу безопасности и военному могуществу России, особенно опасную в связи с предвидевшимся им столкновением с Наполеоном, которого, как «мессию», Потоцкий действительно в 1810 г. самолично отправился встречать в Польшу.

[102] Еще один друг детства Александра I, князь Александр Николаевич Голицын (1773—1844), в 1803 г. был сделан обер-прокурором Синода, после чего впервые в жизни взялся прочесть Новый завет и вскоре из вольтерьянца превратился в мистика-пиетиста (он позволил себе «распространиться» в этом отношении настолько, что благословлял, как епископ, подводившихся под его руки детей). С 1812 г.— председатель Библейского общества, руководившегося масонами, в 1817—1824 гг.— министр объединенного его усилиями министерства просвещения и духовных дел; уволен по настоянию известного ревнителя старины юрьевского архимандрита Фотия, но до 1843 г. пребывал в комитете министров, оставшись главой почтового департамента. «Неумелое» ведение им порученного Державиным дела, вполне возможно, учитывая масонскую дисциплину, было сознательным.

[103] Неразобранное слово. Грот предложил чтение: «в Совет».

[104] *Сперанский* Михаил Михайлович (1772—1839), впоследствии граф. С 1807 г. стал статс-секретарем, а с 1808 г.— ближайшим советником Александра I. Автор плана либеральных преобразований (некоторое ограничение самодержавия и крепостничества, расширение прав «среднего» сословия, учреждение выборной Государственной думы и местных дум, выборность судебных органов и т. д.), масон. В 1812—1816 гг.— в ссылке, в 1819—1821 гг.— генерал-губернатор Сибири. В 1826 г. требовал четвертования для декабристов (в отличие, например, от другого члена Верховного суда над ними, А. С. Шишкова, добивавшегося смягчения их участи); выступил также сторонником аракчеев-

ских «военных поселений». Возглавил 2-е отделение собственной его императорского величества канцелярии и занимался составлением Свода законов Российской империи (1832 г.).

[105] Анахронизм: Тайная канцелярия (точнее, экспедиция) была упразднена в 1801 г. Действительный статский советник Иван Павлович Лавров в 1812 г. числился «Министерства полиции в исполнительном Департаменте Директором».

[106] В вопросе освобождения крестьян Державин показал себя сторонником постепенных консервативных мероприятий. Сходной точки зрения придерживались и такие его известные просвещенные современники, как княгиня Е. Р. Дашкова, И. В. Лопухин, Н. С. Мордвинов, Н. М. Карамзин, гр. Ф. В. Ростопчин, В. Н. Каразин и др. Что касается указа о вольных хлебопашцах от 20 февраля 1803 г., то результаты его, как и предсказал Державин, оказались незначительными: всего в царствование Александра I по нему было освобождено 47 153 владельческих крестьян мужского пола.

[107] Этот «анекдот» не сохранился.

[108] Примечательно, что Державин создавал «Записки» о своей жизни в поворотный для России 1812 год. В дальнейшем он к ним уже не возвращался (за исключением небольших поправок, которые, как предполагается, он мог внести в 1813 г.).

«ОБЪЯСНЕНИЯ НА СОЧИНЕНИЯ ДЕРЖАВИНА...»

«Объяснения» касаются литературной стороны деятельности Державина и тем существенно дополняют «Записки», составляя вместе с ними как бы объемное изображение его биографии. Кроме того, необходимость в них вызывалась тем, что, как писал сам поэт Мерзлякову: «все примечатели и разбиратели моей поэзии, без особых замечаниев, оставленных мною на случай смерти моей, будут судить невпопад». Первый краткий комментарий был сделан Державиным еще в 1805 г. для Евгения Болховитинова (совместно с первым опытом жизнеописания); впервые полностью опубликован недавно (см.: Кононко Е. Н. Примечания на сочинения Державина.— В сб.: Вопросы русской литературы, 1973, вып. 2, с. 107—117; 1974, вып. 1, с. 81—94; 1975, вып. 1, с. 110—125). Летом 1809 и 1810 гг., находясь в своей Званке, он принялся диктовать двадцатилетней племяннице Елисавете Николаевне Львовой (а отчасти и ее брату Александру) новые примечания на только что вышедшие в 4 частях «Сочинения Державина» (изд. в 1808 г., Спб.). При этом в «Объяснениях» при каждом стихотворении проставлялся тот номер, который имело оно в книгах этого собрания, а затем сквозная нумерация обозначала строки каждой части, которые Державин счел нужным снабдить пояснениями. Впервые полностью опубликованы

Гротом. «Объяснения» печатаются в настоящей книге по 3-му тому «Сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, 2-е академическое издание» (Спб., 1870, с. 474—610) в извлечениях, представляющих наиболее значительные и занимательные происшествия, сопровождавшие создание державинских стихов и их появление в свет,— с сохранением обозначения по изд. 1808 г. и проставленной автором нумерации.

[1] Имеется в виду ода «Властителям и судиям», историю которой подробнее см. выше в «Записках». «Якобы» — «якобинство»: возможно, игра слов.

[2] Ср. это описание с помещенным выше в «Записках» (с. 90); сходство и отличие их отражает суть того, чем едины и чем разнятся между собой «Записки» и «Объяснения».

[3] Слово «того» представляет собой конъектуру Грота.

[4] Точное указание года — конъектура, внесенная Гротом.

[5] *Генерал-аудитор* — глава высшего ревизионного суда при военном министерстве.

[6] Суворов познакомился с Державиным во время пугачевского восстания; с тех пор по самую кончину фельдмаршала их отношения оставались неизменно благоприятными. В связи со смертью Суворова Грот приводит историю о том, как была сочинена его надгробная надпись: «За несколько дней до кончины Державин посетил больного друга, который в разговоре между прочим спросил: «Какую же ты мне напишешь эпитафию?» — По-моему, много слов не нужно, отвечал Державин, довольно сказать: Здесь лежит Суворов.— «Помилуй бог, как хорошо!» произнес герой с живостью, хотя слабым уже голосом, пожимая руку поэта». На гробнице Суворова в Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры действительно была сделана эта простая и величественная надпись; впоследствии ее распространили, но в 1852 г. восстановили в прежнем виде. Плита сохранилась доныне в том же храме, с 1939 г. преобразованном в Музей городской скульптуры.

[7] Граф *Хвостов* Дмитрий Иванович (1757—1835) — поэт и писатель, в 1799—1802 гг. обер-прокурор Святейшего Синода. Архаические по духу произведения Хвостова с легкой руки Пушкина сделались синонимом эпигонства, однако, как это иногда происходит, в критическом задоре современники, на наш взгляд, слишком категорично отвергали пусть небольшое, но все-таки подлинное дарование поэта.

[8] Non (или Nec) plus ultra (лат.) — и не далее, далее нельзя (афоризм связан с легендой о Геркулесовых столпах).

[9] *Озеров* Владислав Александрович (1769—1816) — русский драматург, творчество которого соединяет в себе черты классицизма и сентиментализма. В начале XIX в. пользовался блистательной, но короткой славой; в конце жизни сошел с ума.

[10] Точнее — в «Вестнике Европы». Упоминавшийся уже не раз

Евгений Болховитинов, которому посвящено это стихотворение (1767—1837; мирское имя — Евфимий Алексеевич) — известный русский историк, археограф, библиограф, образованнейший ученый своего времени. Собрал и опубликовал огромное количество архивных материалов; работы его сохраняют научную ценность до наших дней. Автор обширных словарей русских духовных и светских писателей. С 1822 г.— митрополит Киевский; в Киеве под его руководством проведены раскопки, в ходе которых открыты фундаменты Золотых ворот и Десятинной церкви. Надгробие его в притворе киевского Софийского собора сохранилось доныне. С 1804 по 1808 г. служил епископом старорусским, викарием Новгородской епархии, нередко посещал Званку, живя между нею и Новгородом в Хутынском монастыре, где его также неоднократно навещал Державин. Однажды поэт, восхищенный прекрасным видом на Хутыни, сказал своему другу: «Здесь так хорошо, что я хотел бы навсегда тут остаться!» Желание его было исполнено: в 1816 г. Державина погребли в Хутынской обители. 20 января 1959 г. в связи с аварийным состоянием пострадавшего в войну Преображенского собора, в северном приделе которого во имя «небесного покровителя» Державина архангела Гавриила был похоронен поэт, гробы Державина и его жены были вскрыты под руководством архитектора Р. Ф. Шафрановского и затем перенесены в Новгородский кремль, где памятник был частично реконструирован и открыт летом того же года. Не так давно академик Д. С. Лихачев, в предвидении окончания реставрации Хутынской обители, возбудил вопрос о возвращении праха Державина на его исконное место, где до настоящего времени лежат засыпанные щебнем подлинные надгробные плиты Гавриила Романовича и Дарьи Алексеевны.

[11] Точное происхождение топонима «Волхов» (в древности — «Волхово») не установлено: проф. А. И. Попов не исключает прямых славянских корней его; этимологический словарь Фасмера показывает финские варианты. Использованная Державиным легенда, таким образом, имеет равные с ними, если не преимущественные, благодаря своему поэтическому воплощению, права вероятия.

[12] Как рассказывает сам Державин в объяснениях к стихотворению «Г. Озерову на приписание «Эдипа» (см. выше), в последние годы жизни он обратился к сочинению драматических произведений (впрочем, еще до 1806 г., когда Державин вызвался соревноваться с Озеровым, он написал несколько драматизированных «прологов» и предпринял создание двух опер — «Добрыня» и «Батмендий», вторая из которых осталась неоконченной). Впервые опыты в этой области были объединены поэтом в 4-й части его «Сочинений», вышедшей вместе с первыми тремя в 1808 г.— в ней собрано 6 театрализованных действ и три пьесы: «Добрыня», «Пожарский» и детская «Кутерьма от Кондратьев». Долгое время драматические произведения Державина безоговорочно исключались из числа его творческих достижений; в последнее время эта точка зрения

пересматривается. В вышедшей в 1981 г. работе Ю. Ф. Стенника «Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма» трагедиям Озерова и Державина посвящена отдельная, заключительная глава; в ней отмечается, что в державинских произведениях происходит «перерастание трагедии классицизма в историческую драму», они содержат в себе «предвосхищение принципов художественного историзма». Небезынтересно также, что в поздних пьесах Державина, не вошедших в издание 1808 г. (они напечатаны в 4-м томе его «Сочинений» Гротом), явственно читаются отклики на современные политические события — призывом вспомнить славу предков Державин стремился воздействовать на общество для сплочения его духа на предстоящую борьбу с Наполеоном. Драматические произведения Державина заслуживают дальнейшего изучения и переиздания.

«РАЗСУЖДЕНИЕ О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ИЛИ ОБ ОДЕ»

Эта литературоведческая работа Державина была впервые напечатана в «Чтении в Беседе любителей русского слова»: первая часть в кн. 2 в 1811 г. и кн. 6 в 1812 г.; отрывок из второй части, посвященный опере и песне,— в кн. 14 за 1815 г. Значительная часть второй половины работы до сих пор остается неизданной. Она находится в 5-м томе бумаг Державина в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина и согласно описанию (см.: Лит. наследство, т. 9—10. М., 1933, с. 386—387) содержит в себе: рассуждение о кантате, мадригале, сонете, триолете, рондо, серенаде, оратории (следующий за этим отрывок об опере издан в 1815 г.), романсе, балладе, стансе (затем идет напечатанная в 1815 г. главка о песне); новый раздел посвящен иной классификации лирической поэзии, основанной не на жанровом, а на тематическом признаке (например, во французской литературе — деление оды на духовную, героическую, философскую и общежительную) с объяснением терминологии и примерами из самих од. Далее следует разделение од еще по новым основаниям (которые Державин, впрочем, не поддерживает): генетлиаческие — на день рождения, эпиталамические — на брачное сочетание и т. д. Две зачеркнутых страницы посвящены возможной систематизации од по именам знаменитых творцов: пиндарические, оссианские и проч. Затем помещен исторический обзор форм композиции и стиха лирики с приложением метрических схем, от древнееврейской и древнегреческой поэзии до современной Державину германской, а также индийской, арабской, персидской, грузинской, скандинавской и даже китайской. Наконец, исследование завершает краткий очерк русской метрики. Вся эта ненапечатанная часть «Разсуждения» несомненно должна быть издана[1]; однако ограниченные рамки настоящего сборника позволили поместить в нем лишь уже опубликованную половину «Разсуждения». Она печатается по 7-му тому «Сочи-

[1] Совсем недавно новые отрывки из рукописи были опубликованы Г. Н. Иониным в кн.: «Державин Г. Р. Стихотворения». Л., 1981, с. 235—236; 242—251.

ний Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота» (Спб., 1878, с. 530—618), с исправлением незначительных опечаток, введенным Гротом сокращением цитат по сравнению с текстом «Чтения», а также выпуском двух графических иллюстраций — поддельного «славенорусского» текста и старофранцузского нотного. Античные авторы и мифологические и исторические персонажи в отличие от отечественных не комментируются.

[1] Абзац, заключенный в скобки, был напечатан в «Чтении в Беседе любителей русского слова» как подстрочное примечание; для лучшего понимания Смирдин и за ним Грот, которому мы в данном издании следуем, перенесли его в начало статьи. Сло́ва обте в греческом языке не существует; «ода» на самом деле происходит от ᾠδς, «песнь», на что указал Державину еще Евгений Болховитинов, своими примечаниями и письмами во многом способствовавший работе Державина над «Разсуждением» (однако лишь часть — примерно половину — его замечаний Державин успел использовать при первом издании своего труда). В дальнейшем, учитывая, что «Разсуждение» представляет собой не современное руководство, а исторический памятник поэтики, ошибочные или неточные толкования, как правило, не оговариваются.

[2] Первая строфа державинского перевода «Первой песни Пи́ндара пифической». Пристрастие Державина к этому древнегреческому поэту, поэтическую мощь которого сравнивали с его собственной, снискало ему устойчивый эпитет «Росского Пиндара».

[3] Цитата неточна.

[4] 5-я строфа оды «О удовольствии» в переводе Державина.

[5] *Л. Т. Козегартен* (1758—1818) — немецкий поэт, стихотворения которого перелагал Державин; здесь он цитирует 4-ю строфу его «Тоски души» в собственном переводе.

[6] Фрагмент перевода, выполненного самим Державиным.

[7] *Нелединский-Мелецкий* Юрий Александрович (1752—1829) — поэт и писатель-сентименталист, создатель песен, получивших распространение в народе («Выйду я на реченьку» и др.), о чем далее упоминает и сам Державин.

[8] *Князь Горчаков* Дмитрий Петрович 1758—1824) — поэт, драматург, член Российской Академии и «Беседы любителей русского слова», автор сатир, имя которого в свое время даже связывали с «Гавриилиадой».

[9] Строфа 1-я «Тоски души» в пер. Державина.

[10] Начало подражания Державина анакреонтическому стихотворению «К женщинам».

[11] Не раз уже упоминавшийся выше в примечаниях адмирал Александр Семенович *Шишков* (1754—1841) — поэт, писатель и переводчик, знаменитый деятель 1812 г. Был статс-секретарем Александра I; в 1824—1828 гг.— министр просвещения, с 1813 по 1841 г.— президент Россий-

ской Академии, один из «возглавителей» «Беседы любителей русского слова», автор известного трактата «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка».

[12] *Ертаул* — «отводной караул, из часового состоящий, который как завидит неприятеля вдали, то вертится на лошади по солнцу или против солнца, давая чрез то знать, далеко ли или близко неприятель, во многом ли, или малом числе» («Объяснения на сочинения Державина»).

[13] Стихотворение принадлежит самому Державину.

[14] Выполненное Державиным переложение «Второй песни Моисеевой», близкое к переложению того же отрывка книги «Второзаконие», сделанному В. К. Тредиаковским.

[15] Начало оды Державина «На переход Альпийских гор».

[16] *«Московский журнал»* издавался ежемесячно в 1791—1792 гг. Н. М. Карамзиным; хотя он выступал с позиций сентиментализма, в нем печатались и несходные с ним по духу произведения, в том числе и стихотворения Державина — например, ода «Видение Мурзы». Переиздан в 1801—1803 гг.

[16*] Из оды Державина «На переход Альпийских гор».

[17] *Перун* — здесь: молния. Фраза представляет собой образец могучего «космического» уподобления, свойственного стилю Державина.

[18] Отрывок из 5-й строфы стихотворения Державина «Пени».

[19] Перевод оды Горация «К Меркурию» выполнен Державиным нарочно для «Разсуждения»; в «Чтении в Беседе любителей русского слова» был напечатан полностью. В настоящем сборнике, следуя изданию Грота, он — вместе со следующими двумя примерами, державинским «Гимном кротости» и его переводом оды Горация «К Каллиопе» (также сделанным для «Разсуждения»),— дается в сокращении.

[20] Вторая строфа «Первой песни Пиндара пифической» в переводе Державина; в «Беседе» приводилась также 3-я строфа, которая здесь, как и в издании Грота, опускается.

[21] *Рифейскими горами* называли иногда античные географы Урал.

[22] Это стихотворение Державина было напечатано в «Беседе» полностью, здесь вслед за изданием Грота дается в сокращении.

[23] Отрывок из сделанного Державиным перевода под заглавием «Братское согласие».

[24] Отрывок из послания Горация «К Меценату», переведенный Державиным для «Разсуждения».

[25] *Бобров* Семен Сергеевич (конец 1760-х — 1810) — поэт, писавший торжественные дидактические и религиозные стихотворения, насыщенные церковнославянскими оборотами и сложными уподоблениями.

[26] *Рубан* Василий Григорьевич (1742—1795) — поэт, писатель, переводчик и издатель. К этому стихотворению Евгений Болховитинов

сделал существенную поправку: вместо *«Колосс российский»* следует писать «Родосский».

[27] *Петров* Василий Петрович (1736—1799) — поэт. С 1768 г. был переводчиком при кабинете Екатерины II и ее личным чтецом; за его «высокую поэзию» императрица считала Петрова достойным звания «второго Ломоносова». *Крыле* (криле) — забытое ныне двойственное число от «крыло»; употреблялось еще Е. А. Боратынским, но современниками воспринималось как «славянщизна».

[28] *«Древние русские стихотворения»* (ныне более известные как «Сборник Кирши Данилова», последнее издание — М., 1977, в серии «Литературные памятники») впервые напечатаны в 1804 г. по рукописи, принадлежавшей почт-директору Ф. П. Ключареву, под редакцией А. Ф. Якубовича.

[29] 11-я строфа «Тоски души» в переводе Державина.

[30] 6-я строфа того же стихотворения.

[31] Из 5-й строфы оды Державина «На восшествие на престол Императора Александра I».

[32] *Попов* Михаил Иванович (1742—1790) — поэт, писатель и собиратель народных песен; издал «Описание древнего славенского языческого баснословия», в котором представил искусственную систему славянской мифологии.

[33] 7-я строфа оды Державина «На счастие». *«Пунктируют», «трантелево»* — карточные термины.

[34] Начало оды Державина «На смерть князя Мещерского».

[35] Отрывок из оды Державина «Вельможа».

[36] 11-я строфа «Первой песни Пиндара пифической» в переводе Державина.

[37] 6-я строфа оды Горация «О удовольствии» в переводе Державина.

[38] Начало подражания Державина анакреонтическому стихотворению «Пленник»,— следуя изд. Грота, данная цитата вместе с предыдущей («Из греческой антологии» — пьеса «Оковы») сокращены.

[39] *Плески* — рукоплескания.

[40] «Гимн богу» в пер. Державина.

[41] *«Свете тихий»* — древнейшее, известное с IV в. песнопение, ежедневно поющееся на вечерне уже более 1600 лет; *«Тебе Бога хвалим»* — гимн, сочиненный также в IV в. Амвросием Медиоланским в честь победы над арианством, поется в православной церкви во время новогодней и благодарственной служб.

[42] Перевод Державина оды Горация «К Бахусу».

[43] Переложены Державиным в основном по немецкому их переводу.

[44] В «Чтении» и издании Грота сначала приводились поддельные «докириллические» надписи в прорисях, которые здесь не воспроизводятся.

[45] Опасения поэта оправдались: эти «славенорунные» тексты были

подделками «древностелюбивого проказника» (по выражению Евгения Болховитинова) или, по современному определению, «романтического мистификатора», отставного поручика грузинского происхождения Александра Ивановича Сулакадзева (1772—1830). В 1810 г. Державин вместе с А. С. Шишковым, Н. С. Мордвиновым, И. И. Дмитриевым и А. Н. Олениным посетил его квартиру, где ознакомился с собранием подлинных и мнимых древних рукописей — в том числе вместе с «Бояновым гимном» и «Изречениями новгородских жрецов», также и с подлогом «Лоб Адамль X в. смерда Внездилища о холмах новгородских, тризнах Злогора...», который поэтически отразил в своих стихотворениях «Новгородский волхв Злогор» и др. Подстрочный перевод «гимна» и «изречений» сделан, вероятно, самим их сочинителем. Попытку истолкования мотивов собирательства Сулакадзевым рукописей (от изобретенных им «Удотрепетника» или славянских «рун» I в. до настоящих «Таинств розового креста» и прочих масонских книг) см. в статье И. П. Смирнова «О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников (место мистификации в истории культуры)» (Труды отдела древнерусской литературы, т. XXXIV, с. 200—220),—впрочем, благодаря чрезвычайной насыщенности структуралистской терминологией, зачастую также напоминающей одну из сулакадзевских «мистических глоссолалий». Эпизод с переводом Державиным этих двух подложных «древностей» до сих пор обсуждается в научных публикациях; не затихают споры и вокруг прочих подделок Сулакадзева — как, например, пресловутая «Влесова книга», которая, по мнению академика Б. А. Рыбакова и многих других ученых (см.: Вопросы истории, 1977, № 6, с. 205), также принадлежит этому «археологическому романтику».

[46] Книгой англиканского священника доктора Джона Брауна «Исследование о происхождении, связи и могуществе поэзии и музыки», изданной в Лондоне в 1763 г., Державин, вероятнее всего, пользовался по немецкому переводу, вышедшему в 1769 г. в Лейпциге.

[47] *Дамаскин Иоанн* (вторая пол. VII в.— ок. 753 г.) — знаменитый византийский философ, полемист, гимнограф и феолог, за свой великий поэтический дар, проявленный в канонах и других песнопениях, прозванный современниками «Златоструйным».

[48] Эти два примера указаны Державину Евгением Болховитиновым. В «Деяниях» (17,28) повествуется, что апостол Павел в речи, произнесенной им в афинском Ареопаге, привел полустишие древнегреческого поэта III в. до н. э. Арата — «Сего бо и род есмы» (то есть «мы Его и род»), повторенное затем стоическим поэтом Клеанфом в его «Гимне Всевышнему Богу»; гимн этот Державин перевел и цитировал уже выше в «Разсуждении». В послании к Титу (1, 12), поставленному первым предстоятелем основанной им самим критской общины, апостол Павел говорит: «Рече же некто от них свой им пророк: Критяне присно лживи, злии зверие, утробы праздныя». Этот старинный гекзаметр, в современном пе-

реводе звучащий так: «Лживость отличие Критян, скотский нрав, ненасытное чрево»,— молва считала столь справедливым, что приписывала его всеми почитаемому критскому мудрецу VI в. до н. э. Епимениду. (Поскольку же автором его считался критский уроженец, полагают, что отсюда происходит и известная логическая загадка о том, правда или ложь содержится в утверждении: «Все критяне лжецы»,— сказал критянин».)

[49] Первая цитата — ирмос 8-й песни Великого покаянного канона Андрея Критского (в настоящем издании опущены лишь ненужные точка с запятой после «трепещут»); вторая — ирмос 3-й песни канона утрени Великой субботы,— выбор их показывает основательное знание поэтом церковнославянской поэтической культуры.

[50] Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго, приписываемая этому конунгу и скальду, впоследствии королю Норвегии (1015—1066), женатому на дочери Ярослава Мудрого Елизавете, была издана в переводе и с предисловием Н. А. Львова в 1793 г. Она переводилась также Н. М. Карамзиным, К. Н. Батюшковым; легла в основу баллады А. К. Толстого «Песня о Гаральде и Ярославне».

[51] В «Чтении» перед переводом воспроизводились ноты с подтекстовкой на языке оригинала, которые Грот даже заменил перепечаткой подлинной старофранцузской рукописи; в настоящем издании они опущены.

[52] В своих замечаниях на «Разсуждение» Евгений Болховитинов справедливо писал Державину, что Тредиаковский первым отважился писать «мерными хореическими стихами» и, таким образом, он «есть первый творец Российской оды» — «хотя в неочищенном еще вкусе и языке». Державин и сам прозорливо не разделял сложившегося к его времени и долго державшегося впоследствии пренебрежительного отношения к одному из лучших русских поэтов XVIII в. (ср. выше перекличку с ним, по всей видимости, сознательную, в переводе «Второй песни Моисеевой», а также ниже цитату из написанной Тредиаковским «Песенки, которую я сочинил еще будучи в московских школах на мой выезд в чужие краи» 1725 г., крайне отрицательно трактовавшейся уже, например, Ломоносовым).

[53] Утверждение Державина о близком родстве между духом древнегреческого и русского языка звучит необыкновенно современно: ср., например, статью С. С. Аверинцева «Славянское слово и традиции эллинизма» (Вопросы литературы, 1976, № 11, с. 152—162), где на материале тысячелетней русской литературы прослеживается то, как происходила «встреча русской песенной стихии и эллинистического красноречия — чтобы слиться с ним в неразделимое целое».

[54] Здесь заканчивается первая половина «Разсуждения», опубликованная во 2-й и 6-й книгах «Чтения» в 1811—1812 гг. Далее следуют два отрывка, выборочно напечатанные из до сих пор не изданной полностью

второй части в 14-й книге «Чтения» за 1815 г. (подробнее см. в начале примечаний к «Разсуждению»).

[55] «Собрание русских народных песен с их голосами, на музыку положил Иван Прач» в двух томах, составленное Н. А. Львовым (Спб., 1790 г.).

[56] Песня была впервые опубликована в «Московском журнале» (IV часть за 1791 г.), в письме Н. А. Львова, который приписывает сочинение ее своему деду Петру Семеновичу Львову.

[57] «*Разговоры о словесности* между двумя лицами Аз и Буки: а) Разговор I. О правописании, б) Разговор II. О русском стихотворении» А. С. Шишкова впервые опубликованы в 1811 г.; вместе с «прибавлением против возражений» см. в ч. III «Собрания сочинений и переводов А. С. Шишкова...» (Спб., 1824 г.) В них обосновывалась необходимость изучения народной поэзии для правильного развития русской литературы.

[58*] и [58**] — Две неточные отсылки: «прошлым» 1811 г. назван, вероятно, потому, что вторую часть «Разсуждения» Державин написал в 1812 г. (между тем как данный отрывок напечатан в 1815-м), а описание романса хотя и было составлено автором, но не опубликовано им и сохранилось лишь в рукописи.

[59] См. выше примеч. 28.

ИЗ НЕИЗДАННОГО

Среди сорока томов державинского архива, хранящегося в рукописном отделе ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (помимо того, значительное число рукописей находится в архиве Пушкинского Дома и др. хранилищах), тома 2, 4 и 5 содержат неопубликованные оригинальные и переводные прозаические произведения, оставшиеся не изданными даже в «Сочинениях Державина», выпущенных под редакцией Грота. Главнейшие из них, кроме уже упоминавшейся второй части «Разсуждения о лирической поэзии», вошедшей в 5-й том державинских бумаг, это помещенные во 2-й и 4-й тома восемь прозаических отрывков: «О поэзии и надежде», «О стихотворцах», «О государях философах», «О дружбе», «Благодарность», «Шутка», «Разговор короля с философом», «Не должно докучать»,— а также сохранившиеся во 2-м томе бумаг два связанных между собою текста: собрание высказываний «Мысли мои» (л. 139—152) и философское произведение (л. 170—211), которое автор не озаглавил, а составитель наиболее подробного на сегодняшний день комментария к нему В. А. Западов (Неизвестный Державин.— В сб.: Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, т. XVII, вып. I. М., 1958, с. 49—54) предлагает именовать «Трактатом» или «Рассуждением о науках, политике и морали». Возможно, отказ Грота напечатать их был вызван подозрением в том, что они носят переводной характер. Однако как описывавший державинский архив при поступлении его от Грота в Императорскую пуб-

личную библиотеку академик И. А. Бычков («Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 г.».Спб., 1895, с. 11), так и изучавший его в недавнем прошлом В. А. Западов считали их аутентичными произведениями поэта. Тем не менее Грот оказался прав: в 1980 г. В. А. Западов, исправляя свою ошибку, пишет (см.: Проблемы изучения русской литературы, вып. 4. Л., 1980, с. 100, 124), что поначалу принятый им за оригинальный державинский текст «трактат» представляет собой «сокращение» философских произведений Френсиса Бэкона (1561—1626). При всем том, сокращение это — воспользуемся определением В. А. Западова — «прелюбопытнейшее»: при сопоставлении с исходным текстом выясняется, что рассуждения политика поэт преломлял по-своему, превращая их в иное произведение, во многом уже свое собственное,— читатель может сравнить, например, помещенные в настоящем издании отрывки «О лихве», «О родителях и детях», «О супружестве и холостом состоянии», с соответствующими местами бэконовских «О достоинстве и приумножении наук» и «Опытов или наставлений нравственных и политических» по последнему изданию их на русском языке: Френсис Бэкон. Сочинения в 2-х т. М., 1977—1978 (последовательно: т. I — с. 469—471; т. 2 — с. 365—368). Примечательно, что в переложении Бэкона Державин снова перекликается с В. К. Тредиаковским,— как удалось установить, в их распоряжении была одна и та же антология бэконовских произведений: Analyse de la philosophie de Bacon [par Alex Deleyre] avec sa vie traduite de l'anglois [de David Mallet, par Pouillot] t. 1-3, Amsterdam et Paris, 1755; Leyde, 1756. Перевод Тредиаковского озаглавлен так: «Житие канцлера Франциска Бакона. Перевел с французского на российский Василий Тредиаковский, профессор и член Санктпетербургския Императорския Академии Наук» (М., 1760); «Сокращение философии канцлера Франциска Бакона, том первый, переведено с французского Василием Тредиаковским в Санктпетербурге» (1760). Эта книга была прислана в числе других в 1786 г. Н. И. Новиковым Державину в Тамбов («Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», 2-е академическое издание, Спб., 1876, с. 654). К самой личности Бэкона Державин отнесся далеко не положительно: в стихотворении «На новый 1798 год» он его поставил в ряд с Мазепой — «Баконов и Мазеп видали, /Которые хулу сплетали/ На благодетелей своих»,— прибавив в «Объяснениях», что «Бакон, канцлер Великобритании, писал смертный приговор о казни графа Эссекса, своего благодетеля». Однако в своей работе над «трактатом» он, как показывает сличение с «Сокращением» Тредиаковского (ср. последовательно отрывки в нашем сборнике — с его с. 56—62, 94—100, 108—114, 150—152, 177—180, 186—191), не воспользовался им, делая ее вполне самостоятельно. Настоящая небольшая подборка имеет главной целью пробудить внимание к несомненно необычному и важному произведению, получившемуся в итоге встречи идей русского государ-

ственного деятеля-поэта XVIII — нач. XIX в. и английского канцлера-философа XVI — нач. XVII в. «Трактат» требует подробного изучения и комментированного издания; но уже сейчас можно утверждать, что в нем Державин — как он это сделал подобным же образом с «Начальными правилами словесности» аббата Шарля Баттё (1713—1780) при написании «Разсуждения о лирической поэзии» (см. подробнее: Машкин Анат. Эстетическая теория Баттё и лирика Державина.— Вестник образования и воспитания. Казань, 1916, № 5—6, с. 382—401),— основываясь на чужих, показавшихся ему в чем-то сродными по духу мыслях, как на черновом подстрочнике, создал своеобразное новое сочинение, нечто вроде сокращенного очерка собственного мировоззрения и наставления молодым поколениям соотечественников.

Написаны «Мысли мои» и «трактат» около того же 1812 г., что и большинство произведений, включенных в настоящий сборник (водяной знак на бумаге «1811»); они представляют собой частично рукопись самого Державина, набросанную быстрым, местами труднопонятным почерком, частично отрывки, переписанные четким почерком писца с собственноручной правкой автора. За исключением извлечений, напечатанных в указанной выше статье В. А. Западова в 1958 г. (в данном издании они не повторены; см. там же и оглавление всего «трактата»), «Мысли мои» и «трактат» до сих пор не были опубликованы и печатаются впервые по рукописи в небольших, наиболее характерных для круга тем позднего Державина извлечениях. Пользуясь случаем, мы присоединяемся к высказанному В. А. Западовым более четверти века назад, но все еще не исполненному пожеланию выпустить в свет особый дополнительный 10-й том к «Сочинениям Державина» под редакцией Я. К. Грота, в который были бы включены выявленные за прошедшее столетие новые тексты поэта.

[1-2] Оба отрывка сходны по мыслям со знаменитым «Последним стихотворением» Державина, сочиненным им за три дня до смерти и оставшимся записанным на аспидной (грифельной) доске на его столе в ночь кончины:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,—
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!.. (6 июля 1816 г.)

[3] Данная фраза перенесена сюда из другой главки «трактата» («О природном расположении и о навыке») по связи смысла. В последние годы Державин интересовался Никколо Макиавелли (1469—1527), известным итальянским политическим мыслителем эпохи Возрождения.

Изучение Макиавелли, к которому поэт относился резко отрицательно, вероятно, было связано с работой над «трактатом», рассматривавшим с совершенно иной точки зрения сходные вопросы. Ср. написанное в 1802 г. на Званке стихотворение «Махиавель»: «Царей наместник иль учитель /Великих иль постыдных дел!/ Душ слабых, мелких обольститель, /Поди от нас, Махиавель!/ Не надо нам твоих замашек, /Обманов тонких, хитростей <...>».

[4] Смысл фразы в том, что чиновный взяточник тащит гораздо больше, чем расточительнейшая из женщин. Ср. в тяжелом, но по-своему выразительном не менее державинского переложении Тредиаковского: «Приказный человек и в делах обращающийся, весьма хищнейшую имеет руку с ящиком, нежели супруга самая расточительная».

[5] Данный отрывок Державин, вполне возможно, относил и к своей судьбе — он умер бездетным. Ср. сочиненную им эпитафию «На гробы рода Державиных в селе Егорьеве»:

О, праотцев моих и родших прах священный!
Я не принес на гроб вам злата и сребра
И не размножил ваш собою род почтенный;
Винюсь: я жил, сколь мог, для общаго добра.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово и дело Державина. *П. Паламарчук* 3

Разсуждение о достоинстве государственнаго человека 15

Записки... 23

Объяснения на сочинения Державина... 247

Разсуждение о лирической поэзии или об оде 273

Из неизданного 357

Примечания 363

Державин Г. Р.

Д36 Избранная проза/Сост., вступ. статья и примеч. П. Г. Паламарчука.— М.: Сов. Россия, 1984.— 400 с., 1 л. портр.

В сборнике избранной прозы Гавриила Романовича Державина (1743—1816), впервые предлагаемом советскому читателю, центральное место занимают знаменитые «Записки» — развернутая автобиография поэта, написанная страстно и ярко. В книгу вошли публицистический монолог «Рассуждение о достоинстве государственного человека» (более чем кто-либо из его современников, Державин имел право рассуждать на эту тему), а также пояснения к его собственным сочинениям, пространное «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» — свод взглядов маститого поэта на творчество предшественников и собратий по перу и теоретических размышлений об отдельных сторонах поэтического искусства, и, наконец, отдельные заслуживающие внимания высказывания, мысли, афоризмы Державина.

Д $\frac{4702010100-353}{М-105(03)84}$ 84—84

Р1

Гавриил Романович Державин
ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

Редактор Т. М. Мугуев
Художественный редактор Г. В. Шотина
Технические редакторы Н. П. Карасик и В. Д. Коннова
Корректор М. Е. Козлова

ИБ № 3394
Сдано в набор 13.04.84. Подп. в печать 23.10.84. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2, на вкл.— мелов. Гарнитура обыкн. новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,11 (в т. ч. вкл.— 0,11.) Усл. кр.-отт. 21,32. Уч.-изд. л. 22,95 (в т. ч. вкл.— 0,05). Тираж 300 000 экз. (1-й завод в обложке 1—250 000 экз.) Зак. 1162. Цена 1 р. 80 к. в обложке (1-й завод). Цена 1р90 к. в переплете (2-й завод). Изд. инд. ЛХ-393.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»